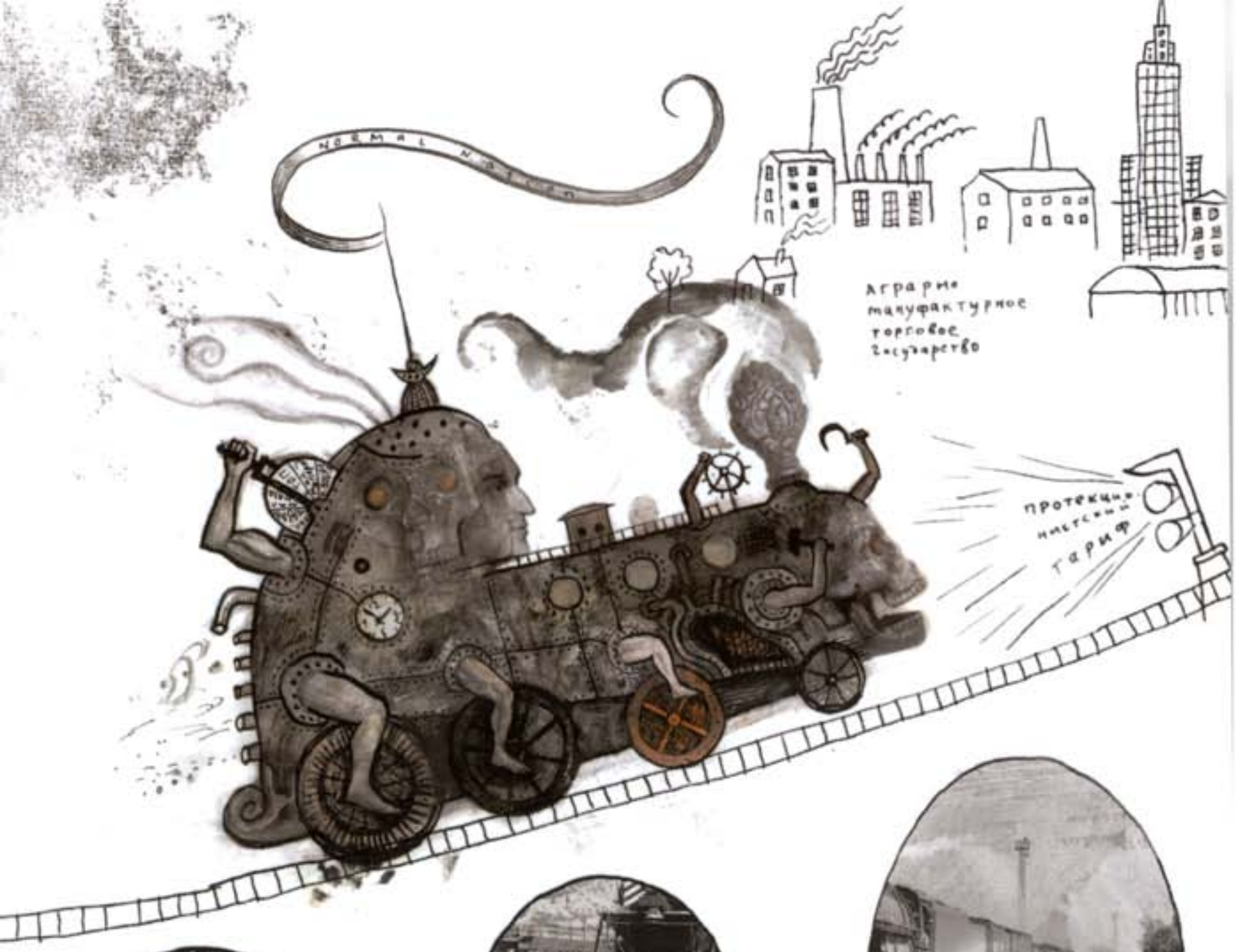


Д.И.Менделеев
Толковый тариф,
или Исследование о развитии промышленности России и в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года

Фридрих Лист
Национальная система политической экономии

Граф С.Ю.Витте
По поводу национализма
Национальная экономия и Фридрих Лист

европа

Фридрих Лист

Национальная система политической экономии

Граф С. Ю. Витте

По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист

Д. И. Менделеев

Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года

Москва
Издательство «Европа»
2005

УДК 330.1
ББК 65.011.3
Л 63

Составление и предисловие В. А. Фадеева

Фридрих Лист «Национальная система политической экономии»
Граф С. Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист».
Д. И. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года».

При подготовке данного сборника мы использовали следующие издания:

1) «Национальная система политической экономии». Сочинение д-ра Фридриха Листа, перевод с немецкого под редакцией К.В. Трубникова. С.-Петербург, 1891 г., Издание А.Э. Мартенс.
2) Граф С.Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». 2-е издание. С.–Петербург, 1912.
3) Д. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». С.-Петербург, 1892.

ISBN 5-9739-0008-8

© Издательство «Европа», 2005
© ЗАО «Журнал Эксперт», 2005
© В. А. Фадеев, составление, предисловие, 2005

ТЕОРИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Работы трех авторов — немецкого экономиста XIX века Фридриха Листа, русского химика Дмитрия Менделеева (а то, что он был еще и первоклассным экономистом, к сожалению, до сих пор знают немногие) и выдающегося политического деятеля графа Витте — помещены под одну обложку, это требует объяснений.

К сожалению, экономическая наука, по крайней мере в ее популярной части, той, что преподают на базовых курсах вузов, была выхолощена за последние пятьдесят лет до примитивной «экономикс», предмета, имеющего весьма косвенное отношение к реальным хозяйственным процессам. Одной из фигур, практически вытесненной из научного пространства торжествующим упрощенчеством и догматизмом, является Фридрих Лист — экономист, несомненно, первого ряда.

Лист разрабатывал проблему, чрезвычайно актуальную сейчас для нас — как страны, а не индивиды или отдельные компании достигают экономического благополучия. Лист вел дискуссию в первую очередь вокруг свободы торговли. Фритредеры, так в те времена назывались экономисты-либералы, а они абсолютно доминировали в общественно-научном дискурсе, как впрочем и сейчас, выступали, естественно, за полное снятие ограничений в международной торговле, поскольку по логике классической школы (Смит, Рикардо, Сэй) только так может быть обеспечено быстрое развитие хозяйствующих субъектов.

Лист указывает, что это было бы так, если бы не было наций, стран. Следует согласиться с «космополитической экономией», так он называет классическую школу, что хозяйственное развитие в целом ускоряется в свободной рыночной системе. Но возникает вопрос: все ли народы получают при этом поровну? Нет — отвечал Лист и доказывал это целым рядом убедительных примеров. Наоборот, страны достигают экономического могущества и процветания на основе вовсе не доктрины фритредерства (либерализма), а скорее на основе доктрины протекционизма. Самые убедительные примеры Листа — история развития США и Англии (а за прошедшие сто шестьдесят

лет примеров стало несчетно). Эти страны проводили жесткую протекционистскую политику с целью развития внутреннего производства и национального рынка. И им это удалось. Но когда их экономическая мощь превысила мощь стран-партнеров, им стала выгодна открытая политика. Так происходит всегда — сильные страны начинают требовать открытости, снижения всех барьеров, что позволяет им выдаивать дополнительную стоимость из слабых стран. Этот тезис настолько очевиден и даже банален, как сейчас, так и в XIX веке, настолько легко доказуем, и теоретически и на примерах, что англичанам даже пришлось выдумать и продвинуть в широкие общественные слои специальную теорию, «научно» обосновавшую полезность для всех (именно для всех) стран свободной торговли. Исполнителем заказа был Рикардо.

Однако, как писал Фернан Бродель, в экономической игре карты всегда крапленые. Нам следует помнить об этом тезисе великого французского историка.

Фридрих Лист говорит в своей книге о главной задаче нации — развитии производительных сил. Барьеры на пути дешевых товаров, поставляемых более развитыми в экономическом отношении странами, — лишь первый пункт, лишь минимально необходимое условие для проведения экономической политики нации, призванной всеми возможными способами укреплять производительные силы страны, а значит, ее экономическую и политическую мощь и благосостояние ее граждан. Нация должна проводить самостоятельную, суверенную экономическую политику, как бы мало ни было у нее для этого возможностей, какой бы слабой она сама себе ни казалась. Только упорное проведение такой политики ведет страну к достижению экономической мощи, к обретению хозяйственного суверенитета, к занятию такого положения в мировой хозяйственной системе, которое позволяет, с одной стороны, играть на равных с сильнейшими державами, с другой стороны, диктовать свои, а значит более выгодные для себя, условия, странам менее сильным. (И тогда, конечно, вытаскивать на свет фритредерство).

Дмитрий Менделеев — последователь Листа. При разработке таможенного кодекса (фактически по заказу Витте) он опирался на листову концепцию развития производительных сил. Мало кто знает, что мы до сих пор пожинаем плоды той политики. Известно, что Менделеев жестко выступал против фритредерства, он добился высокого таможенного барьера на импорт американского керосина — США в те времена доминировали на этом чрезвычайно емком рынке. Менделеев ратовал за развитие бакинского нефтяного месторождения и нефтеперерабатывающей промышленности. В результате усилий властей и бизнеса, российского и иностранного (инвестиции Нобеля и Ротшильда), отечественный керосин не только чрезвычайно снизился в цене на внутреннем рынке, но и вытеснил американский керосин из Европы. Созданные тогда традиции и обретенные навыки позволили уже в советское

время существенно развить нефтяную промышленность. Как много она значит для нас сейчас, понятно всем. Спасибо Дмитрию Ивановичу.

Наконец, граф Витте — политический лидер конца позапрошлого века, организовавший потрясающий экономический подъем. Только один пример: поставленный при Витте рекорд строительства железных дорог за один год не был превзойден даже в период индустриализации в советское время. Витте не только читал Листа, он написал целую брошюру, пропагандирующую идеи немецкого экономиста. Основная идея текста Витте такова: доктрина Листа — одна из основ политики Бисмарка, которая объединила немецкое государство и создала мощную в экономическом и политическом отношении Германию.

Витте, естественно, тоже выступал за введение таможенных барьеров и вводил их. Но не следует думать, что только в этом и заключались его решения и только это и приводит к экономическому росту. Тонкости и сложности ясны не только сейчас, их понимали, между прочим, лучше нас, судя по результатам политики, и свыше ста лет назад. Если говорить коротко и грубо, доктрина Витте такова: импорт капитала предпочтительнее импорта товаров, импорт товаров производственного назначения предпочтительнее импорта потребительских товаров. Отсюда — сильная финансовая система, способная обслуживать капиталы, конвертируемый рубль, импорт технологий, развитие образования, создание мощной инфраструктуры — транспорта, энергетики, в том числе при непосредственном участии государства.

Сегодня Россия, это ядро расстроенной империи, все никак не найдет главную линию своего экономического развития, что становится для нас критичным. Россия входит в «большую восьмерку», но по причинам политическим и особенно военным — мы пока остаемся мощной ядерной державой. Однако когда обсуждаются важнейшие экономические и финансовые вопросы, «восьмерка» вдруг превращается в «семерку» — нас туда не зовут, с нами просто не о чем разговаривать. Вопросы решают главы стран, от которых действительно многое зависит, которые действительно могут решать эти вопросы. А значит, только эти страны обладают реальным хозяйственным суверенитетом, то есть правом решать. Остальные страны подстраивают свою политику под решения сильнейших.

К сожалению, набор идей, циркулирующий в общественной и даже научной среде, куда как беднее, чем сотню лет назад. Марксистско-ленинская политэкономия и «экономикс» высушили наши мозги так, что мы умудряемся путаться даже в тех вопросах, на которые уже давно получены ответы.

Прочтите труды этих трех выдающихся людей — Листа, Менделеева и Витте. Возможно, вы сделаете это с пользой.

Валерий Фадеев, главный редактор журнала «Эксперт»

БИОГРАФИЯ ФРИДРИХА ЛИСТА

Фридрих Лист родился в 1789 году в Рейтлингене, вольном городе Швабии, образование получил в Тюбингене. В молодых летах он получил видное место в центральной администрации Виртенберга и оказал чрезвычайно ревностное содействие главе кабинета министру Вагенгейму, пользовавшемуся особенным расположением короля Виртенбергского.

С целью приготовить для своей страны более просвещенных деятелей министр Вагенгейм основал в 1817 году в Тюбингене факультет политических наук и предложил в нем кафедру своему молодому сотруднику Листу. Одновременно Лист основал было журнал «Друг швабского народа». Но министр скоро потерял свое место, и Лист прекратил издание своего журнала. Рейтлинген выбрал Листа своим представителем, но выбор этот был кассирован под тем предлогом, что Листу не было тогда тридцати лет.

В 1819 году Лист стал во главе немецкого торгового союза, которым он был избран в консультанты; он сопровождал в том же году депутатов союза, отправившихся представиться немецким дворам и министерскому конгрессу в Вене. Виртенбергская администрация по этому случаю обвинила его в том, что, состоя на виртенбергской государственной службе, он не имел права принять без законного разрешения должности за границей. Чтобы покончить разом со всеми подобными придирками и посвятить себя всецело великой национальной миссии, Лист решился отказаться от кафедры, что и сделал, обратившись с замечательным письмом к Виртенбергскому королю.

Шесть недель спустя после выхода Листа в отставку его родной город Рейтлинген во второй раз избрал его своим представителем в Виртенбергскую палату депутатов.

В первые же дни своей парламентской жизни он внес в палату предложение об отмене внутренних таможен и о торговом союзе германских государств. Несколько дней спустя он потребовал учреждения комиссии для облегчения страны от тяжести повинностей и изыскания способов справедливого распределения налогов; наконец, третьим предложением он потребовал от палат ежегодного бюджета.

Одновременно он вел агитацию для организации парламентской оппозиции, министерство же со своей стороны на основании конституции требует удаления его из парламента. Удаление это, несмотря на энергическую и прекрасную речь Листа, принимается большинством членов парламента. Независимо сего суд приговаривает Листа к десятимесячному тюремному заключению. Тогда он бежит во Францию. Через два года, рассчитывая на монаршую милость, он возвращается в Виртенберг. Здесь его арестуют, но через несколько месяцев выпускают с тем, чтобы он немедленно выехал из пределов отечества.

Он уезжает в Швейцарию, а в 1825 году — в Америку. В Америке Лист напечатал на английском языке ряд экономических статей, произведших значительную сенсацию. В этих статьях уже содержится зерно, развившееся в «национальную систему». Там случайно Лист открывает значительную залежь каменного угля. Он немедленно образует компанию для ее эксплуатации. Предприятие это пошло хорошо и в будущем обещает значительные барыши. Для удобного сбыта угля по проекту Листа строится железная дорога, соединяющая эти копи с каналом. Лист делается состоятельным человеком. Но он думает только о своей родине, хотя он и имел все основания оставаться в Америке, в которой он приобрел состояние и пользовался почетом, но ему хотелось снова видеть Европу.

Несколько месяцев спустя после французской июльской революции он получил от президента Джексона поручение, касающееся сношений между Соединенными Штатами и Францией, вместе с тем федеральное правительство назначило его на место консула Соединенных Штатов в Гамбурге, которое должно было проложить ему путь к почетному возвращению на родину.

В Париж он прибыл в конце 1830 года новым человеком на обновленной почве. Дух инициативы, пыл новатора, не покидавший его никогда, он проявил и во Франции. Он беседовал о своих планах с современными политическими деятелями; в особенности же он обращал внимание находившихся в то время в Париже бельгийцев Рожье и Жандебьена на выгоды соединения железною дорогою Антверпенского порта с Рейном; в «Revue encyclopedique» он писал об «экономических, коммерческих и политических реформах во Франции», обращая при этом преимущественное внимание на железные дороги.

Лист почти тотчас же отказался по собственному почину от места консула в Гамбурге, содержание которого, как он узнал, было крайне необходимо для лица, занимавшего это место до того времени, да к тому же это назначение в скором времени подало повод к протесту со стороны Гамбурга, вызванному, как он полагал, виртенбергским правительством, и назначение его не было ратификовано Американским сенатом. В конце октября 1831 года Лист возвратился в Соединенные Штаты, но лишь с тем, чтобы покончить там со своими делами. В следующем году, владея капиталом, обеспечивавшим ему не-

зависимость, и получив назначение консулом в Лейпциг — на пост бездоходный, но избавлявший его от преследований в качестве американского гражданина, он снова со всем своим семейством отправляется в старую Европу, несмотря на все ее вины по отношению к нему, и больше уже не покидал ее.

Едва лишь высадившись в Германии, он тотчас же принялся за осуществление проектов, заставивших его перебраться через Атлантический океан. Еще во время недавнего пребывания в Париже он задумал план издания маленькой энциклопедии политических наук, которая должна была распространить здравые понятия об этой отрасли знания; теперь он с жаром принялся за исполнение этого плана, обеспечив себе содействие двух наилучших политических писателей Германии, Роттека и Велькера, и вступил в сношение с одним книгопродавцом. В это издание — «Государственный лексикон» — он вложил как свои деньги, так и свой талант и труд и всякого рода хлопоты, послужившие для него источником огорчений; не осуществив всех его надежд, оно тем не менее увенчалось успехом.

С не меньшей энергией он преследовал свою любимую идею о создании германской сети железных дорог; в Гамбурге эта мысль была отвергнута как химерическая; в Лейпциге вначале она нашла не лучший прием, но мало-помалу она приобрела там почву, а изданная Листом блестящая брошюра о «Саксонской системе железных дорог как основе немецкой системы, и в частности о проложении линии из Лейпцига в Дрезден», в которой мастерски указаны были все линии, впоследствии построенные в Германии, произвела чрезвычайную сенсацию. Саксонское правительство и палаты, лейпцигские городские власти выразили благодарность автору; к нему обратились представители торговли в этом городе; под его руководством образовалось общество для постройки железной дороги из Лейпцига в Дрезден; состоя членом комитета, он дал сильный толчок предприятию, но сам имел от него лишь неприятности.

В 1837 году Лист получил известие, что промышленный кризис в Америке его окончательно разорил. Для наведения справок по этому делу он отправился в Париж. Здесь он был отлично принят и по представлению бельгийского короля представлен Луи-Филиппу. Лист был очарован беседою с этим государем, рассуждал с ним о Германии, Северной Америке, о немецких земледельцах в Пенсильвании и говорил с ним то по-французски, то по-немецки, то по-английски, смотря по тому, о какой из трех стран шла речь в их беседе.

В это время Парижская академия наук назначила конкурс на мемуар по вопросу о международной торговле. Он принял участие в этом конкурсе, и его мемуар, поданный по этому вопросу и получивший премию, снова обратил его мысли к национальной экономии. Вернувшись в Германию, он начал преимущественно заниматься «Национальной системой политической экономии», которая и появилась в 1841 году. Появление этого сочинения произвело фурор. Иенский университет присудил ему диплом доктора прав. Имя

Листа начало греметь во всей Германии, и, как обыкновенно бывает, одни расточали похвалы, а другие — порицания. Наконец он достиг своей цели: вследствие аудиенции, которую ему предоставил король Виртенбергский, суд уничтожил свой приговор. Тогда он еще с большею силою возвращается к идее об уничтожении внутренних таможен и образовании германского таможенного союза. С 1843 года он начал издавать «Газету таможенного союза», которая имела сильное влияние на объединение экономической жизни Германии. Объединение это, конечно, было всего опаснее для Англии. Там следили за каждым словом, сказанным Листом в его газете. Английский министр-резидент доносил в Лондон, что Лист является самым опасным человеком для интересов Англии. Лист должен был беспрерывно бороться со своими иностранными противниками и отечественными фритредерами.

Предисловие к его «Национальной системе» отличается резкостью и страстностью, но лишь оттого (как объяснял автор впоследствии в письме к одному другу), что оно было написано под впечатлением известия о начатых с Англией переговорах о заключении торгового договора на разорительных для Германии основаниях. «Не будь этого, — прибавляет он, — зачем я бы стал превозносить до небес, как я сделал это, молодого Марвица?»

Оставшись с весьма скудными средствами, потеряв все свое состояние и расстроив свое здоровье под влиянием постоянного умственного труда, он ищет успокоения в путешествиях. Последнее свое путешествие он совершил в Лондон в 1846 году. Во время этого пребывания в Лондоне, продолжавшегося около трех месяцев, Лист, поощренный прусским посланником Бунзеном, составил записку о выгодах и условиях союза между Англией и Германией. В Лондоне жаловался он на упадок духа и усталость от повседневных трудов и постоянных хлопот; жизнь и климат Англии были ему вредны, он почти постоянно чувствовал себя нездоровым. В ноябре 1846 года болезнь усилилась. Чтобы найти облегчение своим страданиям, он отправился в Мюнхен, затем в Меран, где он полагал, что мягкий климат принесет ему пользу. Но 30 ноября 1846 года он скончался в Кувстейне, в гостинице, на 57-м году жизни.

Как только распространилась весть о его смерти, во всех концах Германии начали воздавать ему честь, которую далеко не так единодушно ему воздавали при жизни. Тогда только его соотечественники поняли, какую они понесли потерю!

Лист был человек гениального ума, со значительной научной эрудицией, приобретенной преимущественно посредством самообразования.

В 1850 году ему был воздвигнут памятник в Рейтлингене. Промышленное общество в Праге постановило воздвигнуть надгробный памятник в маленьком австрийском городке, в котором угасла его яркая звезда.

Профессор Гейдельбергского университета Гейсер собрал наиболее важные из сочинений Листа и издал собрание его сочинений в 1850 году в Штудгартде.

*Георгий Гловели**

ЛИСТ, ВИТТЕ И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ» В РОССИИ

Фридрих Лист вошел в историю экономической мысли как теоретик «промышленного воспитания нации», он был первый, кто систематически использовал сравнительно-исторический метод доказательств. За доктриной Листа, его «национальной системой политической экономии», стоял богатый практический опыт, вынесенный из довольно бурной и драматической жизни. Уроженец южногерманского городка Рейтлингена, к 28 годам он дослужился до чина счетного советника в Штутгарте, столице Вюртембергского королевства (с 1815 года — одного из 38 государств «лоскутного» Германского союза), а затем получил профессорскую должность в знаменитом Тюбингенском университете (где за двести лет до этого преподавали великий астроном Иоганн Кеплер и изобретатель первой в мире счетно-вычислительной машины Вильгельм Шиккард). Но вскоре Лист окунулся в общественно-политическую деятельность. Страстный оратор, даровитый публицист, энергичный организатор, он основал Торгово-промышленный союз и провозгласил задачу борьбы за экономическое и политическое единство Германии, раздробленной по воле тогдашних вершителей европейской политики. Темпераментными требованиями демократических реформ в своих статьях и в вюртембергском парламенте Лист навлек на себя судебное преследование, арест, эмиграцию. В дальнейшем изрядно поколесил по свету — от заокеанской Пенсильвании до Словакии, входившей тогда в состав Австрийской империи.

В Соединенных Штатах, где он прожил семь лет (1825–1832), Лист раньше других экономистов осознал громадную будущность железных дорог и проявил себя как предприниматель. В Германию он вернулся уже дипломатом и экспертом по железнодорожному строительству. Ему было мало основанного в 1833 году Таможенного союза — первого реального шага к германскому экономическому единству, и он пытался осуществить проект всегерманской железнодорожной сети, но не нашел должной под-

**Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической методологии и истории Государственного университета — Высшей школы экономики.*

держки. Новая эмиграция — на этот раз во Францию (1837–1840) — стала этапом систематизации собственной экономической доктрины, впитавшей и германский патриотический пафос, и влияние экономического опыта молодой североамериканской республики, и уроки французских традиций государственного вмешательства в экономику. Впрочем, положительные примеры в подтверждение своей ключевой идеи воспитательного протекционизма Лист находил и в экономической истории Англии, и даже в экономической политике России, а отрицательные примеры брал из опыта широкого круга европейских стран.

Лист очертил свою «Национальную систему политической экономии» (трактат впервые вышел в Аугсбурге в 1841 году) рядом противопоставлений классической английской политэкономической школе, которая к тому времени в сочинениях эпигонов — не только британских, но и французских, и германоязычных — приняла характер «либерального оптимизма», универсализации принципа laissez faire. Полемический запал Лист направил на А. Смита и Ж. Б. Сэя, хотя в не меньшей степени оппонировал и концепциям Д. Рикардо. «Политэкономии меновых ценностей» и космополитизму Смита и Сэя, принципу сравнительных преимуществ Рикардо Лист противопоставил учение о национальной ассоциации производительных сил и взаимовыгодности свободной торговли лишь между нациями, стоящими на равной высоте экономической культуры. Если страна на более низкой ступени, то необходима школа воспитательного протекционизма для перехода через развитие производительных сил к более высокому состоянию.

Категорию «производительные силы» Лист заимствовал у французского статистика Шарля Дюпена, чье сочинение («Производительные и торговые силы Франции», 1827 год) было, между прочим, известно А. С. Пушкину и под именем «философических таблиц» упоминается в «Евгении Онегине». Но Лист наполнил статистическое понятие глубоким институциональным содержанием, хотя и не дал его исчерпывающего определения.

Лист назвал свой подход «национальной экономией», но более правомерно было бы говорить о геополитической экономии. Если, по Сэю, «административные границы государств, которые все в глазах политика, для политической экономии являются лишь преходящими явлениями», то, по Листу, полностью задействовать свои производительные силы может лишь национальное государство с «округленными границами», обладающее устьями своих рек и выходами из своих морей. Коммерческое и промышленное преуспеяние Англии, первой среди наций достигшей «торгово-мануфактурно-земледельческого состояния», многим обязано ее островному положению. В качестве убедительного противоположного примера — страны, утратившей власть над устьями своих рек и в то же время вовлеченной в свободную торговлю с более передовыми нациями, — Лист приводит шляхетскую Польшу, Речь Посполитую. Она из-за

господства иностранцев на приморском рынке утратила сначала экономическую, а затем и политическую целостность и в итоге была надолго вычеркнута из ряда национальных государств. Обширная страна с богатой культурной традицией осталась чисто земледельческой нацией, уподобившись однорукому человеку. Мнение Адама Смита, что Соединенные Штаты Америки «подобно Польше» предназначены для земледелия, Лист справедливо приводит как пример политэкономической близорукости. Однако в пылу полемики с «космополитической экономией» Лист забывает, что Смит все же отдавал приоритет внутреннему рынку перед внешней торговлей, и в этом отношении позиции двух экономистов сходны. Лист углубил постановку вопроса о внутреннем рынке учением об ассоциации национальных производительных сил, и в этой же связи сделал поправку к учению о земельной ренте. Классическая схема дифференциальной ренты Д. Рикардо, выделяя два главных рентообразующих фактора — различия в плодородии и местоположении, — уделяла основное внимание фактору естественного плодородия. Лист, напротив, считал местоположение решающим фактором: рента и ценность земли везде увеличиваются пропорционально близости земельной собственности к городу, населенности последнего и развитию в нем фабрично-заводской промышленности — т. е. емкости внутреннего рынка.

Требования историзма применительно к торговой политике Лист дополнил этическим моментом, порицая абсолютизацию экономического индивидуализма. Идеологи неограниченной свободы торговли и в XIX, и в XX веке подчас договаривались до оправдания «опиумных войн», первая из которых (1840–1842) была развязана Англией против Китая как раз в годы создания «Национальной системы». Формула laissez faire в данном случае прикрывала свободу наркоторговли, и у Листа был веский повод заметить, что «купец может достигать своих целей наперекор производительным силам и доводить до изнурения целые нации, ввозя опиум и водку».

Но Лист ушел из жизни, когда популярность лозунгов фритредерства стремительно набирала силу. Хотя в 1850 году в Штутгарте вышло собрание сочинений Листа, а в родном Рейтлингене ему был воздвигнут памятник, идеи «Национальной системы политической экономии» поначалу не были приняты даже исторической школой германских экономистов. Ее родоначальник Б. Гильдебранд (1812–1878) резко критически отзывался о Листе в трактате «Политическая экономия настоящего и будущего» (1848). Однако будущее как раз несло Листу волну посмертного признания. Сбылась его мечта о политическом единстве Германии, о ликвидации немецкого разнобоя денежных систем, мер и весов, о развитии национальной ассоциации производительных сил с опорой на железнодорожное строительство. Объединенная Германия повернула к таможенному протекционизму, стремительно наращивала про-

мышленную мощь и к началу XX века оттеснила фритредерскую Англию с позиций индустриального лидера Европы и главного экономического партнера России. О «железном канцлере» Бисмарке стали говорить как о политике, претворившем в жизнь идеи Листа, а об основательном знакомстве с «Национальной системой политической экономии» — как о необходимости для всякого влиятельного государственного деятеля.

В особенности так считал С. Ю. Витте, выпустивший, будучи директором департамента железнодорожных дел Министерства финансов, свою книгу в 1889 году — единственную о системе Листа в русской экономической литературе. Двумя годами позже и ровно через полвека после выхода в свет «Национальной системы политической экономии» появился ее русский перевод (1891). Тогда же достигла высшей точки протекционистская тенденция в экономической политике Российской империи: таможенный тариф 1891 года высокими ввозными пошлинами по сути блокировал импорт большей части промтоваров. В 1892 году Витте занял пост министра финансов, а великий естествоиспытатель Д. И. Менделеев, принявший деятельное участие в разработке «запретительного» нового тарифа, опубликовал объемистый трактат «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее таможенным тарифом». И мировое светило естествознания, и взошедшее светило российской бюрократии были убеждены в необходимости перевода отсталой аграрной страны на «торгово-мануфактурно-земледельческую» стадию при активном вмешательстве государства в процессы «национальной ассоциации производительных сил». Так что российский вариант национальной экономии связан прежде всего с именами Витте и Менделеева.

Если в 1860-е годы — время торжества британского фритредерства по всей Европе (включая Россию, которой либеральный таможенный тариф 1857 года был навязан как побежденной стороне в Крымской войне) — Д. И. Менделеев в своем видении перспектив превращения страны в индустриальную державу не нашел поддержки у тогдашнего российского министра финансов убежденного фритредера М. Х. Рейтерна (организатора, между прочим, продажи Аляски американцам), то четверть века спустя взгляды крупнейшего знатока естественных производительных сил России совпали со стратегическим курсом С. Ю. Витте, превратившего Министерство финансов в «государство в государстве» для реализации своей программы, во многом вдохновленной идеями Ф. Листа. Менделеев активно занялся практическим приложением химических и других естественно-научных знаний к потребностям отечественного производства сразу же после организации Русского технического общества (1866) и превратился в своего рода универсального эксперта, консультировавшего как российское правительство, так и частных предпринимателей (В. А. Кокорева, П. К. Ушкова и др.) по обширно-

му кругу технологических и народно-хозяйственных проблем. Побывав почти на всех всемирных выставках с 1867 по 1900 год, ставших во второй половине XIX века витринами и стимуляторами промышленного прогресса, и радея об освоении богатых ресурсоносных окраин Российской империи, Менделеев так сформулировал свое экономическое кредо: «...протекционизм как проявление государственности, составляющей эволюционную форму общей жизни человечества, непременно будет жить и владеть умами людей, понимающих великое значение самобытного внутреннего экономического, а через него и всякого иного развития отдельных стран».

Если Менделеев апеллировал к национальной экономии с теоретических высот профессора химии, то Витте — с вершин служебной карьеры инженера-путейца. Министр финансов рассматривал железные дороги как «первостепенное орудие государственности» и на них сделал ставку при решительном проведении системы мер «воспитательного» (Лист), или «рационального» (Менделеев), протекционизма, подкрепленного знаменитой денежной реформой 1895–1898 годов.

В согласии с германским экономистом русские приверженцы национальной экономии рассматривали протекционизм не как абсолютный принцип, а как временную «школу развития производительной силы нации», уместную для держав с «округленными границами», значительным населением и с богатыми ресурсными возможностями — промышленно отсталых, но овладевших выходами из своих морей. Как подчеркивал Витте в составленном им в 1900–1902 годах «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве», Россия с ее громадной территориальной протяженностью долгое время была почти исключительно континентальным государством с неблагоприятным положением относительно морей, к которым она приближалась с каждой новой войной со времени Петра I, однако между побережьями этих морей и историческим центром страны остались огромные пространства слабозаселенных территорий; к тому же в России весьма отдалены друг от друга главные месторождения угля и железа (добавим: в противоположность исключительно благоприятным в этом отношении условиям Англии, США, Германии, Бельгии). Тем более очевидным стало особое значение для России железных дорог. Среди них за годы министерства Витте на первое в стране место по объему грузооборота вышла Екатерининская, сооруженная для соединения Донецкого угольного бассейна (его роль была ярко обрисована Менделеевым в брошюре 1888 года «Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца») с железорудным Криворожьем. Была завершена Среднеазиатская железная дорога для обеспечения подвоза сырья к хлопчатобумажным фабрикам Центрального промышленного района, исконный «ситцевый капитализм» которого тянул за собой

внутренний рынок. Наконец, под непосредственным контролем Витте шло строительство крупнейшей в мире Транссибирской магистрали и примыкавшей к ней КВЖД. Замыслы русского почитателя Листа шли еще дальше: сооружение линии Омск — Ташкент и затем продление среднеазиатских магистралей до южной границы Российской империи — Кушки (ныне Туркменистан) — и далее через Афганистан вплоть до приграничья Британской Индии (Пешавар, ныне территория Пакистана). Витте рассчитывал, что железнодорожный транзит Петербург — Оренбург—Пешавар мог послужить фактором сближения России и Англии (столкнувшихся интересами в «индо-персидском коридоре») перед лицом общей угрозы со стороны германской военно-промышленной экспансии (знаменитый железнодорожный проект «трех Б»: Берлин — «Бизантиум» (Стамбул-Константинополь) — Багдад). А в целом дальний прицел «системы Витте» с ее опорой на «воспитательный протекционизм» и поощрение железнодорожного строительства заключался в содействии хозяйственной колонизации Сибири, Средней Азии, Приамурья и в обеспечении русской промышленности, крепнущей при помощи инвестиций с Запада, рынков сбыта на Востоке.

В свою очередь Менделеев, столь же убежденный, как Лист и Витте, в приоритетном значении системы путей сообщения для национальной ассоциации производительных сил и с сожалением отмечавший, что в Атлантический океан «мы с грехом пополам летом попадаем... к берегам Великобритании, очевидно, нам ныне не особенно дружелюбной», разрабатывал проекты Северного морского пути по Ледовитому океану и поднятия уровня Азовского моря запрудою Керченского пролива, чтобы дать возможность «глубоко сидящим морским торговым кораблям входить (без перегрузки) в глубь нашего богатого юго-востока».

К началу XX века благодаря «системе Витте» Россия пережила бурный промышленный подъем, обеспеченный привлеченными капиталами, и уже Нижегородская Всероссийская выставка 1896 года продемонстрировала успехи в развитии железнодорожного строительства, угледобычи, нефтяного дела, дав Менделееву повод с удовлетворением заметить, что страна переходит от «великого преобладания» земледелия к более рациональной структуре хозяйства. А в 1900 году, в период интервенции великих держав в Китай, Менделеев в записке Министерству финансов «Попытка понять события в Китае» высказывал уверенность в том, что и Китай «сперва при помощи железных дорог и пароходов, потом при помощи фабрик и заводов будет вовлечен во всемирное течение неизбежного капиталистического прогресса».

П. Б. Струве в своих нашумевших «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России» (1894) приветствовал «свист локомотива» и расценивал учение Листа о национальных производительных

силах как «песнь торжествующего капиталистического производства», идеологию движения «к вершинам товарного хозяйства». В одном из разделов своей книги Струве приходил к идеям, высказанным Листом в дополняющем «Национальную систему» сочинении «Земельная система, мельчайшие держания и эмиграция» (1842). Лист детально рассмотрел аграрный вопрос в свете широкого сравнительно-исторического анализа как различных регионов Германии, так и различных стран от США до России и выделил три типа земельных отношений в Европе, в позднейшей историко-экономической литературе характеризуемые как «юнкерский», «парцеллярный» и «лендлордизм»: первый — крупнопоместное сельское хозяйство на старой феодальной основе в странах к востоку от Эльбы; второй — отсталые мельчайшие держания в странах к западу от Эльбы и третий — английское крупнокапиталистическое сельское хозяйство, расширенное до масштабов фабрики. По мнению Листа, второй тип, характерный для Франции, не только не обеспечивал развития внутреннего рынка, но и готовил основу для бонапартистского режима, тогда как третий, порождая в Англии огромную массу пролетариев и пауперов, грозил социальным взрывом. Лист очертил путь «золотой середины» между этими двумя типами: освобожденная от феодальных и общинных стеснений земельная система коммерчески ориентированных владений, при которой средние и мелкие единоличные держания являются правилом, а крупные и мельчайшие — исключениями, что наилучшим образом соответствовало бы представительной политической системе и принципам национальной экономии.

П. Б. Струве, зафиксировав «распадение» русского крестьянства и выделение из него «представителей новой силы, капитала во всех его формах», оценил этот процесс как закономерный и прогрессивный и пропагандировал для России экономическую политику, направленную на отслаивание крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянства, идущего навстречу потребностям национальной промышленности во внутреннем рынке. А вот С. Ю. Витте в фискальных интересах долгое время поддерживал русскую крестьянскую общину с ее круговой порукой, и лишь в 1902 году, по итогам Особого совещания о нуждах сельского хозяйства, пришел к выводу о необходимости формирования полноправного крестьянина-собственника, который стал бы опорой и экономического, и гражданского порядка. Практическое осуществление такого курса выпало уже на долю П. А. Столыпина, которого завистливый Витте возненавидел.

Второе издание книги графа Витте с измененным заглавием — «По поводу национализма» — вышло в 1912 году, когда правота «национальной экономии» Ф. Листа подтвердилась тем, что США и Германия, которые придерживались политики протекционизма, опередили

фритредерскую Британию. Однако промышленный рывок Германского рейха был тесно связан с имперским милитаризмом, выигрывавшим от раскручивания винта охранительных таможенных пошлин и казенных заказов и подтолкнувшим в конце концов мир к мировой войне.

Эпоха после нее стала временем дезинтеграции мировой экономики и торжества протекционизма, национализма и милитаризма. В пору Великой депрессии 1929–1933 годов принципами свободы торговли поступилась даже Британия, благодаря чему ее экономическое развитие в 1930-х годах оказалось более успешным, чем в 1920-х. Но после второй мировой войны вышедшие из нее явно сильнейшими США задали тон возрождению фритредерства, проводя посредством Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) линию на всемерное снижение тарифов в международной торговле. Пошлины на ввоз готовых изделий в западных странах к концу 1980-х годов сократились в среднем вчетверо по сравнению с началом 1930-х, объем мирового товарного экспорта возрос за то же время более чем в десять раз, а подушевой ВВП в США и Канаде — втрое, в среднем по Западной Европе — в 3,5 раза.

Говорить о протекционизме стало считаться дурным тоном, что распространилось в последнем десятилетии XX века и на Россию, вышедшую из затянувшегося почти на три четверти века социалистического эксперимента и озадаченную, помимо всего прочего, вопросом о вступлении в сменившую ГАТТ Всемирную торговую организацию. Однако известный бельгийский экономист-компаративист П. Бэрош (1930–1999) в своем взвешенном исследовании зависимости экономического роста от внешнеторговой политики — монография «Мифы и парадоксы экономической истории» (в английском переводе — «Экономическая теория и всемирная история», 1993 год) — по сути, повторил старые выводы Листа, Менделеева и Витте: нет смысла возводить в абсолют ни фритредерство, ни протекционизм. То и другое может быть хорошо либо плохо в зависимости от условий времени и места и от состояния уровня промышленного развития страны относительно других стран. Темпы экономического роста развитых стран Запада в 1950-е–1960-е годы были замечательно высоки, но в отсталых странах третьего мира индустриализация была заторможена наплывом промышленного импорта, а быстрее всего в тот период прогрессировала Япония (рост подушевого ВВП с 1950-го по 1990 год в 9,25 раза), проводившая политику утонченного «воспитательного протекционизма». Та самая Япония, неудачная война с которой обескуражила Россию сто лет назад, но позволила Витте проявить дипломатическое искусство и получить графский титул за заключение Портсмутского мира в 1905 году.

В основе японского «экономического чуда» лежала политика созданного в 1949 году министерства внешней торговли и промышленности (МВТП): под государственное покровительство были взяты «молодые» отрасли

промышленности (infant industries); его лишались «зрелые» отрасли, достигшие конкурентоспособности на мировых рынках; в иной форме получали поддержку отрасли, «заходящие» вследствие структурных перестроек и подлежащие сокращению в объемах производства.

Промышленная политика в духе МВТП также не универсальна и не бесспорна (1990-е годы для Японии стали десятилетием застоя), и стоит, по-видимому, прислушаться к выводу П. Бэроша о 1920-х годах, в пределах которых исчерпывает себя политика стимулирования внутреннего промышленного производства ограничениями во внешней торговле. Но это все же предпочтительнее отсутствия промышленного роста при свободе от торговых ограничений.

И протекционизм Витте, и насильственное разрушение общины Столыпиным вызывали и вызывают полярные оценки, и здесь не место вдаваться в неутихающие споры вокруг этих реформ, как и в подробный разбор экономических взглядов так и не избранного в Академию наук Менделеева или пробывшего академиком несколько месяцев (!) 1917 года Струве. Памятуя о кредо самой национальной экономии — обязательный учет своеобразия места и времени, — хотелось бы сказать вот о чем.

Лист, Менделеев, Витте обосновывали преобразование структуры национальной экономики в направлении индустриализации. Перед Россией XXI века снова во весь рост стоит задача структурных преобразований — на этот раз в направлении постиндустриализации. Постиндустриализм взрывает исторические традиции и национально-государственные границы (отсюда тезисы рубежа 1980 — 1990-х годов о «конце истории» и «конце географии»), но не устраняет геополитических и геоэкономических противоречий в мирохозяйственном развитии. Поэтому, с одной стороны, концепцию национальной экономии с ее критикой «космополитизма» классической школы можно рассматривать как урок необходимой в современных условиях геополитической экономии, особенно актуальной для «евразийского неудобья» России.

С другой стороны, нелишне вспомнить, что основоположник концепции постиндустриального общества Даниел Белл наряду с выделением трех глобальных стадий экономического развития ввел также понятие «трех инфраструктур». Первая — транспорт для передвижения людей и товаров. Вторая — средства доставки энергии: нефте- и газопроводы, линии электропередачи. Третьей инфраструктурой стали телекоммуникации. С резким увеличением числа компьютеров и информационных терминалов проблема соединения воедино различных средств и путей передачи информации в обществе выходит на первое место в экономической и социальной политике, и в техническом смысле главная проблема постиндустриального общества — создание «третьей инфраструктуры».

Фридрих Лист в XIX веке обозначил и поныне сохраняющую актуальность проблему социального инфраструктурного капитала для первой инфраструктуры; Витте решал эту проблему на практике, расширяя российскую сеть железных дорог как казенным строительством, так и соглашениями с акционерными обществами о сохранении в их собственности принадлежащих им дорог при условии постройки новых линий, протяженностью многократно превосходящих длину линий, которыми эти общества первоначально владели. В XX веке Россия в рамках плановой экономики решала в основном проблему второй инфраструктуры, растратив при этом миллионные человеческие ресурсы из-за варварских отклонений в гулаговские сооружения первой инфраструктуры. Проблема сегодняшнего времени — роль государства в стимулировании третьей инфраструктуры, которая не возникнет самотеком (нобелевский лауреат физик А. М. Прохоров в своих предсмертных статьях о волоконно-оптической связи подчеркивал, что западные компании прокладывают через Россию линии с пропускной способностью на порядок меньше, чем за рубежом) и без которой Россия потеряется в сетях глобализации.

Фридрих Лист

Национальная система политической экономии

ВВЕДЕНИЕ

Ни в одной части политической экономии не господствует такого разногласия между теоретиками и практиками, как относительно международной торговли и торговой политики. Вместе с тем в области этой науки не существует другого вопроса, который бы имел столь важное значение как по отношению к благосостоянию и цивилизации страны, так и по отношению к ее самостоятельности, могуществу и устойчивости. Бедные, слабые и дикие страны сделались державами, преисполненными богатства и могущества, главным образом вследствие их мудрой торговой политики, другие, наоборот, вследствие противоположной причины, с высоты своего национального величия опустились на степень незначительности; можно указать даже на такие примеры, когда нации теряли свою самостоятельность и даже переставали политически существовать главным образом потому, что их торговая система не способствовала развитию и укреплению их национальности.

В настоящее время более чем когда либо из всех других вопросов, относящихся к политической экономии, указанный выше вопрос приобрел преобладающий интерес. Ибо чем быстрее развивается дух промышленной изобретательности и усовершенствований, дух социального и политического развития, тем больше будет расстояние между неподвижно остановившимися и идущими вперед нациями и тем опаснее будет оставаться назади. Когда-то целые столетия необходимы были для того, чтобы забрать в свои руки монополию самой значительной в прежнее время отрасли мануфактурной промышленности — шерстяной, позднее достаточно было десятилетий для монополизации несравненно важнейшей мануфактуры — хлопчатобумажной, а в наше время период нескольких лет был достаточен для того, чтобы сосредоточить льняную промышленность всего европейского континента в руках англичан.

Никогда еще не видал свет такого мануфактурного и торгового верховенства, которое, обладая необыкновенными силами нашего времени, следовало бы столь выдержанной системе и с такой энергией стремилось бы забрать в свои руки все отрасли мануфактурной промышленности, всякую обширную торговлю, мореходство, все значительные колонии, всякое господство на море и подчинить себе в промышленном и торговом отношении все прочие нации, как то сделано с индусами.

Испуганная результатами этой политики, малого того, принужденная теми волнениями, какие были ею вызваны в новейшее время, одна континентальная страна, мало еще подготовленная вследствие культурных условий к мануфактурной промышленности, а именно Россия, решилась искать спасения в так осуждаемой теорией протекционной системе, и что же является результа-

том этого? Благосостояние нации[1].

С другой стороны, возвеличившаяся благодаря таможенной системе Северная Америка, подкупленная обещаниями теории, решается открыть свои гавани английским мануфактурным товарам, — какие же плоды принесла там свободная конкуренция? Волнения и разорение.

Опыты такого рода невольно вызывали сомнение в том, действительно ли теория так непогрешима, как она заявляет, действительно ли практика настолько бессмысленна, как то утверждает теория, — они возбудили опасения, чтобы наша национальность в конце концов не подверглась опасности погибнуть вследствие какой-нибудь теоретической ошибки, подобно пациенту, который, следуя данному ему рецепту, умирает вследствие вкравшейся в него описки, — они возбудили, наконец, подозрение, не для того ли, собственно, эта теория воздвигнута так широко и так высоко, чтобы, наподобие известного греческого коня, скрыть оружие и людей и тем принудить нас своими собственными руками разрушить защищающие нас стены.

По крайней мере, выяснено ли сколько-нибудь то обстоятельство, что с тех пор, как в течение более полустолетия великий вопрос торговой политики служит предметом исследования для проницательнейших умов как в печати, так и в законодательных учреждениях, пропасть, отделяющая теорию и практику со времени Кенэ и Смита, не только не замкнулась, а, напротив, год от года все более и более раздвигается? Что же это за наука, в самом деле, если она не освещает того пути, по которому должна следовать практика? И разумно ли предполагать, что понимание одних настолько бесконечно велико, что для них всюду верно выясняется сущность вещей, а понимание других, напротив, настолько бесконечно мало, что они, не в состоянии будучи понять открытых и разъясненных первыми истин, в течение ряда поколений продолжают принимать очевидные ошибки за истины?

Не следует ли скорее предположить, что практики, может быть, вообще слишком пристрастные к тому, что существует на самом деле, не вооружались бы так долго и так решительно против теории, если бы сама теория не стояла в противоречии с сущностью вещей?

В действительности мы надеемся показать, что в противоречии между теорией и практикой виноваты столько же теоретики, сколько и практики.

Политическая экономия в отношении к международной торговле должна основывать свое учение на опыте, соображать предлагаемые ею меры с потребностями настоящего времени и с своеобразным положением каждой отдельной нации, не упуская в то же время из вида требований будущего и всего человечества. Она опирается, следовательно, на философию, политику и историю.

В интересах будущего и всего человечества философия требует: все большего и большего сближения между собою различных наций, избежания насколько возможно войны, укрепления и развития международного права, перехода того, что мы теперь называем народным правом, в государственно-федераль-

ное право, свободы в сношениях между собою народов — как в области умственной, так и в материальной, наконец, объединения всех наций под верховенством закона — одним словом, всемирного союза.

В интересах каждой отдельной нации, в частности, политика, напротив, требует: гарантии для ее самостоятельности и долговременности существования, особенных мер к поощрению ее успехов в культуре, благосостоянии и могуществе и к улучшению ее социального строя, чтобы она являлась политическим организмом, полно и гармонически развитым во всех частях, совершенным в самом себе и политически независимым.

История, со своей стороны, говорит решительно в пользу требований будущего, так как она в то же время учит, что всегда материальное и интеллектуальное благополучие возрастало пропорционально расширению политической ассоциации и торговых связей. С другой стороны, она оправдывает также и требования политики и национальности, показывая, как погибали те нации, которые не охраняли в течение долгого времени интересы собственной культуры и могущества; как, с одной стороны, для каждого народа на первых ступенях его развития была выгодна полная свобода торговых сношений с опередившими его нациями, но как, с другой стороны, каждая страна, которая уже совершила известный путь, могла идти далее только посредством известных ограничений в ее международных торговых сношениях и таким образом, возвышаясь, стать в уровень с другими опередившими ее нациями. История, таким образом, указывает средства к согласованию взаимных требований философии и политики.

Но практика и теория в их современном состоянии являются окончательно односторонними, одна — подчиняясь частным требованиям национальности, другая — защищая требования исключительно космополитические.

Практика, или, другими словами, так называемая меркантильная система, впадает в большую ошибку, настаивая на абсолютной и всеобщей полезности и необходимости ограничений, потому что эти ограничения в известных странах и в известные периоды их развития оказались полезными и необходимыми. Она не видит того, что ограничение является лишь средством, свобода же — целью. Имея в виду только нацию и никак не человечество, только настоящее и никак не будущее, она преследует исключительно политические и национальные интересы, ей недостает философского взгляда — космополитической тенденции.

Господствующая теория, напротив, в том виде, как она представлялась Кенэ и как была затем обработана Адамом Смитом, имеет в виду исключительно космополитические требования будущего, и даже самого отдаленного будущего. Универсальный союз и абсолютная свобода международной торговли — космополитические идеи, которые, может быть, только через целые столетия в состоянии будут получить реальное применение, — эти идеи она принимает за применимые в настоящее время. Не понимая требований на-

стоящего и природы национальности, она игнорирует даже самое существование наций, а вместе с тем и принцип воспитания нации для самостоятельности. Исключительно космополитическая, теория эта признает лишь все человечество, благосостояние лишь всего рода человеческого и ни в каком случае не нацию или национальное благосостояние; она чурается политики, а опыт и практику объявляет пошлой рутиной. Наблюдая историю, лишь насколько она соответствует ее односторонней тенденции, она игнорирует или извращает ее уроки в том случае, когда они оказываются в противоречии с ее системой, она видит себя поставленною в необходимость отвергнуть результаты английского навигационного акта, Метуэнского договора и английской торговой политики вообще и поддерживать положение, противоречащее всякой правде, что Англия достигла богатства и могущества не благодаря своей торговой политике, а несмотря на нее.

Поняв, таким образом, односторонность той и другой системы, мы можем не удивляться больше тому, что практика, несмотря на свои крупные ошибки, не желала и не могла позволить теории произвести в ней реформу; нам ясно будет также и то, почему теория не желала ничего знать ни об истории или опыте, ни о политике или национальности. Если, однако, несмотря на то, эта беспочвенная теория проповедуется на всех переулках и со всех крыш, и притом особенно усердно в тех странах, национальной самобытности которых благодаря этой теории грозила наибольшая опасность, то объяснения этому можно искать лишь в исключительной склонности эпохи к филантропическим экспериментам и к разрешению философских проблем.

Но в жизни наций, так же как и в жизни индивидуумов, против иллюзий идеологии есть два могущественных средства: опыт и необходимость. Если мы не ошибаемся, все нации, которые в новейшее время думали найти свое спасение в свободных сношениях со страной, завоевавшей мануфактурное и торговое верховенство, скоро должны будут подвергнуться важным испытаниям.

Совершенно невозможная вещь, чтобы Северо-Американские Соединенные Штаты, упорно сохраняя свою настоящую торговую политику, могли достигнуть должного порядка в их народном хозяйстве. Им, безусловно, необходимо возвратиться к их прежнему таможенному тарифу. Пусть рабовладельческие штаты противодействуют этому, пусть господствующие партии поддерживают их, сила вещей превозможет над политикой партий. Мы опасаемся, что рано или поздно пушкам придется разрешать вопрос, который был гордиевым узлом для законодательства, что Америка заплатит Англии остаток по счету свинцом и порохом, что фактическая запретительная система войны уврачует недостатки американского таможенного законодательства, что завоевание Канады положит навсегда конец возвещенной Гускиссоном обширной контрабандной системы Англии.

Мы можем ошибаться! Но если наши предсказания исполнятся, виновницей этой войны мы должны будем признать теорию свободы торговли. Стран-

ная ирония судьбы: теория, опирающаяся на великую идею вечного мира, должна возжечь войну между двумя державами, которые, по словам теоретиков, созданы для производства торговли друг с другом — это почти так же странно, как и результаты филантропической отмены торговли рабами, вследствие чего теперь тысячи негров потоплены в морской глубине[2].

Франция в течение последних пятидесяти лет (или, собственно, последних двадцати пяти лет, так как едва ли можно принимать в расчет время революции и войны) произвела огромный опыт в применении системы ограничений со всеми ее ошибками, недостатками и преувеличениями. Результаты этого опыта всякому непредубежденному должны бросаться в глаза. Если теория не признает их, то, конечно, чтобы не нарушить последовательности в системе. Если она в состоянии уже была выставить сомнительное положение и уверить в нем свет, что Англия достигла богатства и могущества не благодаря своей торговой политике, а несмотря на нее, то как могла она затрудниться установить положение, которое гораздо легче выразить, а именно, что Франция без покровительства своей внутренней промышленности была несравненно богаче и цветущее, чем в настоящее время? Достаточно, чтобы проницательные практики оспорили такое положение, и оно будет принято лицами, слывущими учеными и умными, за чистую монету, и конечно, в настоящее время во Франции довольно обще ожидание благословенного времени свободы торговли с Англией. Трудно, конечно, также утверждать, — и мы поговорим об этом обстоятельнее в другом месте, — чтобы большее развитие взаимных торговых сношений между обеими нациями послужило в некоторых отношениях к пользе той или другой. Со стороны, однако, Англии очевидно заметно стремление к обмену не только сырых материалов, как, например, железа, но главным образом и большого количества мануфактурных изделий всеобщего потребления на французские предметы сельского хозяйства и роскоши. Насколько французское правительство и законодательство склонно разделять эти взгляды или насколько оно их разделит, в настоящее время невозможно еще предвидеть[3]. Но если действительно Англии дано будет удовлетворение в желаемом ею объеме, то мир будет иметь еще один пример за или против великого вопроса: насколько при современных мировых отношениях было бы возможно и полезно вступить в свободную конкуренцию на собственных внутренних рынках двум великим мануфактурным странам, из которых одна решительно превосходит другую относительно издержек производства и объема своего внешнего рынка для сбыта мануфактурных изделий, и к каким результатам приведет такая конкуренция? В Германии указанные вопросы только что приобрели значение практически национальных лишь вследствие таможенного союза. Если во Франции вино является для Англии лакомым куском для заключения торгового договора, то в Германии тем же является хлеб и лес. Здесь, между прочим, все только одни гипотезы, так как в настоящее время невозможно еще знать,

образумятся ли изобличенные во лжи тории настолько, чтобы разрешить правительству даровать на облегчение ввоза немецкого хлеба и леса концессии, которые бы превозмогли над интересами таможенного союза, ибо в Германии так далеко зашли уже в торговой политике, что нашли бы смешным, если не дерзким, предположение, что вместо платы можно удовлетвориться иллюзиями и надеждами, как будто бы это было настоящее золото и серебро. Предположим, что парламент разрешит подобные концессии, в таком случае важнейшие вопросы торговой политики немедленно должны быть отданы на суд общественного мнения. Новейший отчет д-ра Беринга дает нам уже возможность предвкусить, какова будет тактика Англии в таком случае. Англия, конечно, не признает эти концессии эквивалентом тех преимущественных выгод, которыми она владеет на немецком мануфактурном рынке, — ни залогом того, что они воспрепятствуют Германии выучиться самой прясть бумагу для удовлетворения внутреннего потребления и выписывать необходимое для того сырье непосредственно из экваториальных стран, оплачивая его предметами своего собственного мануфактурного производства, — ни средством к уравнению все еще существующего огромного несоответствия между взаимным ввозом и вывозом обеих стран; — нет! — Англия будет смотреть на право снабжать Германию бумажною пряжею как на jus quaesitum (т. е. право, которым она может пользоваться) и для своих концессий потребует нового эквивалента, который выразится самое меньшее принесением в жертву немецкой бумажной и шерстяной промышленности и т. д.; эти концессии она предложит Германии как блюдо чечевицы и будет торговаться за отказ от своего старшинства. Если д-р Беринг не обманулся насчет своего пребывания в Германии, если он — что мы сильно подозреваем — не принял вполне серьезно берлинскую любезность, то в таких странах, где создается политика немецкого торгового союза, значительно еще придерживаются пути космополитической теории, т. е. до сих пор не делают различия между вывозом мануфактурных товаров и вывозом продуктов сельского хозяйства; полагают, что служат национальным целям, стараясь расширить последний на счет первого; до сих пор еще принцип промышленного воспитания нации не признают основным принципом таможенного союза; не задумываются принести в жертву иностранной конкуренции те отрасли промышленности, которые вследствие многолетнего покровительства развились настолько, что внутренняя конкуренция сильно уже понизила цены и тем подрезала в корне немецкий дух предприимчивости, так как каждая фабрика, погибшая вследствие понижения таможенных пошлин или правительственных распоряжений, производит впечатление повешенного трупа, который на всякое живое существо того же рода производит вдаль и вширь ужас. Мы, как можно было заметить, далеки от того, чтобы эти уверения считать вполне основательными, но то, что они были и могли быть опубликованы, не особенно хорошо, так как этим самым уже был нанесен чувствительный удар уверенности в устойчивости та-

моженного тарифа, а следовательно, и духу промышленной предприимчивости Германии. Указанный отчет дает возможность нам предугадать, в какой форме немецкому мануфактурному производству должен быть преподнесен смертоносный яд, хотя причина разорения и не выражается особенно ясно и тем вернее поражает самый первый источник жизни. Пошлины по весу следует лишь заменить взиманием пошлин с цены (ad valorum) товаров, чтобы открыть двери английской контрабандной торговле и таможенному укрывательству, и это особенно по отношению к предметам всеобщего потребления, представляющим наименьшую специальную ценность и наибольшую общую массу — следовательно, относительно тех предметов, которые являются основой мануфактурной промышленности.

Ясно, какую практическую важность имеет именно в настоящее время великий вопрос о свободе торговли между одним и другим государством и насколько необходимо наконец раз и навсегда основательно и беспристрастно исследовать, насколько действительно повинны теория и практика в допущенных в этом отношении ошибках, на тот конец, чтобы разрешить задачу о примирении той и другой стороны или, по меньшей мере, выдвинуть задачу этого примирения самым серьезным образом.

Поистине не излишняя скромность, а действительная неуверенность в своих силах заставляет автора утверждать, что только после многолетней борьбы с самим собой, только после того, как сотни раз он приходил в сомнение относительно правильности своих взглядов, и после того, как сотни раз находил их снова верными, только после того, как противоположные взгляды столько же раз признавались им доказанными и столько же раз опровергнутыми, осмелился он взяться за разрешение такой задачи. Он чувствует себя свободным от бесполезных стараний оспаривать старые авторитеты и создавать новую теорию. Будь автор англичанином, едва ли бы он подверг сомнению основной принцип теории Адама Смита. Состояние родной страны — вот та причина, которая более двадцати лет тому назад возбудила в нем первые сомнения в непогрешимости теории; состояние родной страны — вот что могло заставить его с тех пор в массе анонимных статей, а затем и под своим именем в больших сочинениях выражать свои противоречащие господствующей теории взгляды. И теперь еще главным образом интересы Германии дали ему смелость выступить с настоящим сочинением, хотя он и не может отрицать, что при этом имело значение и личное соображение, а именно раз признанная им необходимость показать в крупном произведении, что он вполне компетентен высказывать свое мнение по вопросам политической экономии.

Автор, в прямую противоположность теории, прежде всего будет обращаться к истории, на которой и заложит свои основные положения; развив их, он подвергнет критике предшествовавшие системы и ввиду чисто практических стремлений установит новый фазис торговой политики.

Для большей ясности автор позволяет себе предложить здесь очерк главнейших результатов своих исследований и размышлений.

Ассоциация индивидуальных сил для преследования общей цели является могущественнейшим средством для обеспечения счастья каждого человека. Одинокий и отделенный от себя, он слаб и беспомощен. Чем больше число тех, с которыми он находится в сообществе, тем совершеннее ассоциация, тем значительнее и совершеннее результат, заключающийся в интеллектуальном и материальном его благополучии.

Высочайшей — своевременно осуществившейся — ассоциацией индивидуумов под знаменем закона является государство или нация; самой высокой, которую только можно себе представить, будет объединенное человечество. Подобно тому как отдельный человек в государстве или нации может достигать своих индивидуальных целей несравненно легче, нежели в одиночестве, точно так же все нации несравненно легче достигали бы своих целей, если бы они были соединены правом, вечным миром и свободой сношений.

Сама природа постепенно ведет нации к этой совершеннейшей ассоциации, побуждая их вследствие различия климатов, почвы и производительности к обмену, а по причине переполнения народонаселения, избытка капиталов и дарований — к эмиграции и к основанию колоний.

Международная торговля, возбуждая созданием новых потребностей деятельность и энергию и перенося новые идеи, открытия и силы от одной нации к другой, является одним из могущественнейших орудий цивилизации и народного благосостояния.

Но пока единение народностей посредством международной торговли еще очень несовершенно, так как оно прерывается или, по крайней мере, ослабляется войнами или эгоистическими мерами отдельных наций.

Вследствие войны нация может быть лишена самостоятельности, собственности, свободы, независимости, своего государственного устройства и законодательства, национальной самобытности и главным образом той степени культуры и благосостояния, которой она уже достигла; она может подпасть под чужеземное владычество. Эгоистическими мерами чужеземцы могут задержать экономическое совершенствование нации или же отодвинуть его назад.

Сохранение, развитие и совершенствование национальных особенностей является в настоящее время главным предметом стремлений отдельных народностей и должно быть таким. В этом нет ничего неправильного и эгоистичного; напротив, это стремление разумно и находится в полном согласии с интересами всего человечества, ибо оно естественно ведет под покровительством законодательства к мировому объединению, которое может быть полезно человечеству только в том случае, если многие нации достигнут одинаковой степени культуры и могущества и если это мировое объединение осуществится на почве федеративного устройства.

Мировое объединение, имеющее источником преобладание политической силы и преобладание богатства одной нации, следовательно, ведущее к подчиненности и зависимости другой национальности, — имело бы, напротив, следствием гибель всякой национальной самобытности и всякого соревнования между народами; такое объединение противоречило бы как интересам, так и стремлениям тех наций, которые чувствуют себя призванными к независимости и к достижению высокой степени богатства и политического могущества; оно было бы в таком случае повторением того, что раз уже существовало, — повторением попытки римлян совершить посредством мануфактур и торговли то, что было уже осуществлено посредством холодного оружия, — но что снова не менее прежнего привело бы к варварству.

Цивилизация, политическое усовершенствование и могущество наций находятся в зависимости главным образом от их экономического положения и наоборот. Чем больше развивается и совершенствуется народное хозяйство нации, чем она цивилизованнее и могущественнее, тем больше возвышается ее цивилизация и могущество, тем сильнее может развиваться экономическое образование.

В национально-экономическом поступательном движении нации нужно различать следующие главные стадии развития: состояние дикости, состояние пастушеское, земледельческое, земледельческо-мануфактурное, наконец, земледельческо-мануфактурное и коммерческое.

Очевидно, нация, обладающая обширнейшей территорией, снабженная разнообразными естественными источниками богатства и со значительным народонаселением, которая соединяет земледелие, мануфактурную промышленность, мореходство, внутреннюю и внешнюю торговлю, — такая нация будет несравненно цивилизованнее, политически развитее и могущественнее, чем народ только земледельческий. Но мануфактуры служат основами внутренней и внешней торговли, мореходства и усовершенствованного земледелия, а следовательно, цивилизации и политического могущества; и нация, которой удалось бы монополизировать мануфактурную силу всего земного шара и задержать прочие нации в экономическом развитии настолько, что они оказались бы способными лишь к производству земледельческих продуктов и сырых материалов и ограничились бы лишь необходимыми местными промыслами, должна необходимо достигнуть мирового господства.

Каждая нация, для которой самостоятельность и самосохранение имеет какую либо цену, обязана поэтому сколько возможно скорее подняться с низшей ступени культуры на высшую, насколько возможно скорее создать в пределах своей территории земледелие, мануфактурную промышленность, мореходство и торговлю.

Переход народа из состояния дикости в пастушеское и из пастушеского в земледельческое и первые успехи в земледелии совершаются лучше всего че-

рез свободу торговли с более цивилизованными, т. е. мануфактурными и торговыми, нациями.

Переход земледельческих народов в класс земледельческо-мануфактурно-торговых наций может совершиться под влиянием свободного обмена не иначе как в предположении, что у всех наций, призванных к развитию мануфактурной жизни, в одно и то же время совершался одинаковый процесс развития, и в таком только случае, если бы нации не полагали друг другу различных препятствий на пути их экономического преуспеяния и если бы они не мешали их поступательному движению войнами и таможенными ограничениями.

Но так как отдельные нации вследствие особенных благоприятных условий опередили другие нации в мануфактурной промышленности, торговле и мореходстве, так как ранее других они усмотрели в этом важнейшее средство к приобретению и укреплению политического перевеса над другими нациями, то они приняли такие меры, которые были направлены к тому (а это замечается и теперь еще), чтобы захватить в свои руки мануфактурную и торговую монополию и задержать поступательное движение менее развитых наций. Все эти меры в совокупности (запрещение ввоза, ввозные пошлины, ограничение мореплавания, отпускные пошлины и т. д.) называются таможенной системой.

Нации, менее других развитые вследствие более ранних успехов других наций и вследствие чужеземных таможенных систем и войн, принуждены в самих себе отыскивать средства для осуществления перехода из земледельческого состояния в мануфактурное и, насколько это для них доступно, для ограничения, посредством собственной таможенной системы, торговли с нациями, опередившими их и стремящимися к мануфактурной монополии.

Таможенная система поэтому не есть, как утверждали, изобретение спекулятивных голов, а естественно вызвана стремлением народов к самосохранению и к обеспечению своего благосостояния и преуспеяния или к установлению преобладания их над другими нациями.

Это стремление, однако, только в таком случае законно и разумно, когда оно не препятствует, а способствует экономическому развитию самой нации, в которой замечается такое стремление, и когда оно не находится в противоречии с важнейшей общечеловеческой целью создания мировой конфедерации.

Подобно тому как человеческое общество может быть рассматриваемо с двух различных точек зрения, а именно с космополитической, обнимающей весь род человеческий, и политической, принимающей в расчет лишь частные национальные интересы и национальные положения, точно так же и всякая экономия, как частная, так и общественная, должна быть рассматриваема с двух точек зрения, а именно: или по отношению к индивидуальным, социальным и материальным силам, при помощи которых создаются богатства, или же по отношению к материальным имуществам, имеющим меновую ценность.

Есть поэтому экономия космополитическая и политическая, теория имуществ, имеющих меновую ценность, и теория производительных сил — учения, различные по существу, но которые должны развиваться самостоятельно.

Производительные силы народов зависят не только от труда, сбережений, нравственности и способностей людей или от обладания естественными сокровищами и материальными капиталами, но также от социальных, политических и гражданских учреждений и законов, а главным образом от обеспеченности их бытия, самостоятельности и их национальной мощи. Как бы ни были отдельные люди прилежны, бережливы, искусны, предприимчивы, разумны и нравственны, однако без национального единства, без национального разделения труда и без национальной кооперации производительных сил нация никогда не в состоянии будет достигнуть высокой степени благосостояния и могущества или обеспечить себе прочное обладание своими интеллектуальными, социальными и материальными богатствами.

Принцип разделения труда вполне не был понят до сих пор. Производительность находится в зависимости не только от разделения различных операций какого-либо предприятия между несколькими лицами, она еще более зависит от моральной и материальной ассоциации нескольких лиц для достижения какой-либо общей цели.

Этот принцип применим не только к отдельной фабрике или к сельскому хозяйству, но он применим и ко всей земледельческой, промышленной и торговой деятельности нации.

Разделение труда и кооперация производительных сил в национальном объеме являются тогда, когда в стране умственная производительность находится в правильном соотношении с производительностью материальной, когда в стране сельское хозяйство, мануфактурная промышленность и торговля равномерно и гармонично развиты.

В стране чисто земледельческой, если даже она поддерживает свободные отношения с мануфактурными и торговыми нациями, значительная часть производительных сил и естественных вспомогательных средств лежит праздно и бесполезно. Ее интеллектуальное и политическое развитие и ее оборонительные средства ограничены. Она не в состоянии развить ни значительного мореходства, ни широкой торговли. Все ее благосостояние, насколько оно является результатом международных сношений, может быть чужеземными мерами или войной прервано, расстроено, уничтожено.

Мануфактурная промышленность, напротив, благоприятствует наукам, искусствам и политическому совершенствованию, увеличивает народное благосостояние, народонаселение, государственные доходы и государственное могущество, доставляет нации средства к расширению торговых сношений со всеми частями света и к основанию колоний, развивает мореходство и военный флот. Только благодаря международной промышленности земледелие страны в состоянии подняться до высокой степени развития.

Земледелие и мануфактурная промышленность одной и той же страны под одной и той же политической властью живут в вечном мире; ни война, ни торговые меры других стран не в состоянии смутить их развития; а следовательно, они и для нации обеспечивают беспрерывное поступательное движение в развитии благосостояния, цивилизации и могущества.

Сельское хозяйство и фабрично-заводская промышленность по природе своей подчинены особенным условиям, но эти условия различны.

К развитию фабрично-заводской промышленности по отношению к естественным источникам богатств предназначены по преимуществу страны пояса умеренного, так как умеренный климат образует поясы, требующие умственного и физического напряжения.

Если страны жаркого пояса мало благоприятны для развития фабрик и заводов, то, с другой стороны, им принадлежит естественная монополия относительно драгоценных — столь необходимых для стран умеренного пояса — продуктов земледелия. В обмене мануфактурных продуктов умеренного пояса на продукты земледельческие жаркого пояса (колониальные товары) и заключается главным образом космополитическое разделение труда и кооперация производственных сил, или великая международная торговля.

Для страны жаркого пояса было бы крайне вредной попыткой, если бы она пожелала развить у себя самостоятельное мануфактурное производство. Не предназначенная к такой роли природой, она сделает гораздо больше успехов в обогащении себя и в своей культуре, если будет выменивать мануфактурные продукты умеренного пояса на продукты земледельческие своего пояса.

Правда, таким образом страны жаркого пояса приходят в зависимость от стран пояса умеренного. Но эта зависимость будет безвредною или даже исчезнет, если несколько стран умеренного пояса управляются в отношении мануфактур, торговли, мореходства и политического могущества, — если, следовательно, несколько мануфактурных стран не только из-за интереса, но и силой будут препятствовать каждой из этих наций злоупотреблять своим превосходством по отношению к слабейшим странам жаркого пояса. Такое преобладание будет опасно и вредно лишь в таком случае, когда вся мануфактурная промышленность, вся великая торговля, мореплавание и морское могущество сделаются монополией одной какой-либо нации.

Напротив, нации, которые владеют в умеренном поясе большой территорией, снабженной разнообразными естественными источниками богатства, не воспользовались бы одним из богатейших источников благосостояния, цивилизации и могущества, если бы они не употребили усилий к осуществлению в национальных размерах принципа разделения труда и кооперации производительных сил, раз только у них достаточно потребных для этого экономических, моральных и социальных средств.

Под экономическими условиями мы разумеем достаточно развитое земледелие, которое не может уже значительно развиться посредством вывоза его про-

дуктов. Под моральными средствами мы понимаем высокое образование отдельных лиц. Под социальными средствами мы разумеем учреждения и законы, обеспечивающие гражданам личную и имущественную неприкосновенность, свободное применение своих умственных и физических сил, — установления, которые регулируют и облегчают сношения, равно как в то же время упразднение таких, которые гибельно отражаются на промышленности, свободе, умственном и нравственном развитии, каково, например, феодальное устройство.

В собственных интересах такая нация должна стремиться к тому, чтобы прежде всего снабдить свои рынки собственными фабрично-заводскими изделиями и затем все более и более входить в непосредственные сношения со странами жаркого пояса, доставляя им мануфактурные изделия на своих собственных кораблях и получая в обмен продукты того пояса.

В сравнении с этим обменом между мануфактурными странами умеренного пояса и странами земледельческими пояса жаркого вся остальная международная торговля имеет уже второстепенное значение, за исключением лишь немногих статей, как, например, вино.

Производство сырых и зерновых продуктов для большей части стран умеренного пояса может иметь большое значение лишь по отношению к внутренней торговле. Посредством вывоза хлеба, вина, льна, конопли, шерсти и т. д. необразованная и бедная страна при возникновении цивилизации может, конечно, поднять значительно свое земледелие, но никогда еще великая нация таким образом не могла достичь богатства, цивилизации и могущества.

Можно принять за правило, что нация тем богаче и могущественнее, чем более ее отпуск мануфактурных произведений, чем более ввоз сырых продуктов и чем более потребляет она продуктов жаркого пояса.

Продукты жаркого пояса для мануфактурных стран пояса умеренного служат не только материалом производства или предметом потребления, но главным образом являются также и средством, возбуждающим земледельческую и мануфактурную производительность. Всегда поэтому можно заметить, что в тех странах, которые потребляют наибольшее количество продуктов жаркого пояса, производится и потребляется пропорционально и наибольшее количество продуктов собственного мануфактурного и сельскохозяйственного производства.

В национально-экономическом развитии страны посредством международной торговли можно различить четыре периода: первый — когда внутреннее земледелие развивается под влиянием ввоза чужеземных мануфактурных изделий и под влиянием вывоза туземных сельскохозяйственных и сырых продуктов; во втором периоде внутренняя фабрично-заводская промышленность развивается вместе с ввозом чужеземных мануфактурных изделий; в третьем периоде фабрики и заводы страны снабжают главным образом внутренний рынок; в четвертом периоде вывозится большое количество туземных мануфактурных изделий, а ввозится большое количество чужеземных сырых материалов и продуктов земледелия.

Таможенная система как средство, способствующее экономическому развитию нации при помощи регулирования иностранной торговли, должна постоянно иметь в виду принцип промышленного воспитания нации.

Желать поднятия земледелия посредством таможенных пошлин — задача бессмысленная, так как внутреннее земледелие может быть экономически поднято лишь туземной же фабрично-заводской промышленностью и так как запрещение ввоза чужеземных сырых материалов и продуктов земледелия задержит развитие мануфактурной промышленности страны.

Национально-экономическое воспитание нации, которая находится еще на низкой ступени развития и культуры или недостаточно населена пропорционально объему и плодородности территории, лучше всего совершается посредством свободы торговли со странами высоко цивилизованными, очень богатыми и промышленными. В такой стране всякое ограничение торговли с целью насаждения собственного мануфактурного производства преждевременно и оказывает невыгодное влияние не только на благосостояние всего человечества, но и на развитие самой нации. Только тогда, когда интеллектуальное, политическое и экономическое воспитание нации под влиянием свободы торговли сделает успехи настолько значительные, что ввоз чужеземных мануфактурных изделий и недостаток необходимого сбыта для своих продуктов будут и задерживать, и мешать ее дальнейшему развитию, — тогда только меры таможенного покровительства будут полезны.

Страна, территория которой недостаточно обширна и не заключает в себе разнообразных естественных источников богатств, которая не обладает устьями своих рек или недостаточно округлена, совершенно не может пользоваться таможенной системой или, по крайней мере, не может пользоваться ею с полным успехом. Такая страна прежде всего должна восполнить подобные недостатки или посредством завоеваний, или посредством торговых трактатов.

Мануфактурная промышленность обнимает так много отделов наук и искусств, предполагает так много опыта, практики и навыка, что промышленное развитие нации может совершаться лишь постепенно. Всякое преувеличение и преждевременность в применении принципа протекционизма наказывает нацию уменьшением ее благосостояния.

Ничего не может быть вреднее и хуже внезапного и полного ограждения страны запретительными пошлинами. Однако и они могут иметь место в том случае, когда нация, разобщенная с другими странами вследствие продолжительной войны, будет лишена возможности ввоза мануфактурных произведений иных стран и принуждена будет удовлетворять сама себя.

В таком случае постепенный переход от системы запретительной к системе протекционной должен совершиться при помощи гораздо ранее установленных и постепенно ослабляющихся таможенных мер. Напротив, страна, которая пожелала бы перейти из состояния, выражающегося в отсутствии таможенного покровительства, к протекционизму, должна отправляться от самых

слабых таможенных пошлин, которые возвышаются постепенно и в заранее определенной последовательности.

Установленные таким способом таможенные пошлины должны выдерживаться государственной властью ненарушимо. Она должна остерегаться преждевременно уменьшать их, а напротив, может их усиливать, если они окажутся недостаточными.

Слишком возвышенные ввозные пошлины, которые совершенно исключают иностранную конкуренцию, вредны для той самой страны, которая их вводит, так как вследствие этого исчезает у заводчиков и фабрикантов стремление к соревнованию с другими странами и появляется равнодушие.

Если при значительных и постепенно усиливающихся таможенных пошлинах внутренние фабрики и заводы не преуспевают, то это служит доказательством, что нация еще не обладает достаточными вспомогательными средствами для того, чтобы насадить собственную мануфактурную промышленность.

Таможенные пошлины, раз примененные к одной отрасли промышленности, никогда не должны быть уменьшаемы настолько, чтобы ее существованию угрожала опасность со стороны иностранной конкуренции. Поддержание того, что уже существует, защита корней и ствола национальной промышленности должны быть несокрушимым принципом.

Иностранная конкуренция должна поэтому быть допускаема лишь к участию в увеличении ежегодного потребления. Таможенные пошлины должны возвышаться, как только иностранная конкуренция захватит большую часть или даже весь ежегодный прирост.

Такая нация, как английская, мануфактурная промышленность которой далеко опередила промышленность других стран, поддерживает и расширяет свое мануфактурное и торговое верховенство лучше всего при помощи наивозможно свободной торговли. Для нее принцип космополитический и политический — одно и то же.

Этим и объясняется пристрастие наиболее просвещенных экономистов и государственных людей Англии к абсолютной свободе торговли и отвращение дальновидных экономистов и государственных людей других стран от применения этого принципа при современных мировых отношениях.

Уже четверть столетия действует английская запретительная и покровительственная система против самой Англии и в выгодах рядом с нею возвышающихся наций.

Вреднее всего отражается на английских интересах стеснение ввоза чужеземных сырых материалов и пищевых продуктов.

Торговые союзы и торговые трактаты являются действительнейшим средством к облегчению сношений между различными нациями.

Но торговые трактаты законны и действительны только при условии обоюдных выгод. Вредными незаконными торговыми договорами должны быть

признаны такие, посредством которых мануфактурная промышленность, стоящая уже на пути к развитию, приносится в жертву тому, чтобы достичь концессий на вывоз продуктов земледельческих, каков Метуэнский договор, или, выражаясь одним словом, львиный.

Такой львиный договор был заключен между Англией и Францией в 1786 году. Все предложения, которые делались Франции и другим странам со стороны Англии, были того же свойства.

Если таможенные пошлины на известное время возвышают цены на туземные мануфактурные товары, то они зато обеспечивают на будущее время уменьшение цены в силу внутренней конкуренции; ибо промышленность, достигшая полного развития, может понижать цены на свои изделия на столько, во сколько обойдется провоз вывозимых сырых продуктов и съестных припасов и ввоз фабричных изделий, считая расходы на фрахт и торговую прибыль.

Потеря, причиненная нации таможенными пошлинами, заключается, во всяком случае, в ценности, зато нация выигрывает силы, при посредстве которых она становится навсегда способной производить неисчислимое количество ценностей. Эта потеря в ценности должна быть рассматриваема, однако, лишь как стоимость промышленного воспитания нации.

Таможенные пошлины на мануфактурные изделия не падают бременем на земледелие охраняемой страны. Вследствие развития туземной мануфактурной промышленности особенно увеличивается богатство страны, население, а потому и спрос на сельскохозяйственные продукты, что возвышает ренту и продажную цену земельной собственности, между тем как с течением времени ценность фабрично-заводских изделий, необходимых для земледельцев, уменьшается. Эти выгоды в десять раз превосходят прежние потери, которые причиняло земледельцам предшествовавшее увеличение стоимости мануфактурных товаров.

Таким образом, вследствие протекционной системы выигрывает как внешняя, так и внутренняя торговля, ибо только у наций, которые снабжают мануфактурными изделиями свой собственный рынок, потребляют свои собственные сельскохозяйственные продукты и обменивают лишь избыток своих собственных мануфактурных изделий на чужеземные пищевые продукты и сырье, только у таких наций внешняя и внутренняя торговля представляет выгоды. У стран же чисто земледельческих и та и другая незначительны, и внешняя торговля таких стран обыкновенно находится в руках находящихся с ними в сношении стран мануфактурных и торговых.

Целесообразная протекционная система не предоставляет монополии туземным фабрикантам и заводчикам, а дает только гарантии от потерь для тех, которые жертвуют своими капиталами и посвящают свои способности и труды для новых, еще неизвестных отраслей промышленности.

Она не предоставляет монополии потому, что на смену иностранной является внутренняя конкуренция, и потому, что она дает возможность всякому

гражданину страны свободно воспользоваться премиями, предоставляемыми для всех и каждого.

Она обеспечивает только монополию лицам, принадлежащим к своей нации, против лиц, принадлежащих чужим нациям, которые пользуются у себя подобной монополией.

Но такая монополия полезна, так как она не только будит в странах бездействующие и лежащие непроизводительно силы, но привлекает еще в свою страну и чужие производительные силы, равно как материальные, так и умственные капиталы (предпринимателей, техников, рабочих).

Напротив, отсутствие собственной мануфактурной промышленности в стране со старой культурой, производительные силы которой не могут более значительно развиваться вследствие вывоза сырья и земледельческих продуктов и вследствие ввоза чужеземных мануфактурных изделий, наносит ей бесчисленный и великий вред.

Земледелие таких стран по необходимости уродуется, так как при росте народонаселения, которое при развитии собственной разнообразной мануфактурной промышленности найдет себе средства к существованию на заводах и фабриках и заявит спрос на продукты сельского хозяйства, а следовательно, доставит выгоды земледелию и поддержит его, все обращается только к земледелию, а отсюда раздробление земельных участков и мелкое сельское хозяйство, которые наносят вред могуществу цивилизации страны, а равно и ее богатствам.

Земледельческий народ, состоящий из мелких хлебопашцев, не в состоянии ни доставлять большого количества продуктов для внутренней торговли, ни предъявлять значительного спроса на фабрично-заводские произведения; каждый здесь ограничен по большей части как в своей собственной производительности, так и в своем потреблении. При таких отношениях в стране никогда не может развиться совершенно система путей сообщения и нация не в состоянии извлекать связанных с такой системой громадных выгод.

Национальная слабость материальная, умственная и политическая является необходимым следствием этого. Такие результаты могут быть особенно опасными в том случае, когда соседние народности следуют другому пути, когда они идут во всех отношениях вперед, тогда когда мы идем назад; если там надежды на лучшее будущее возбуждают в гражданах бодрость, силы и дух предприимчивости, то здесь, напротив, ум и бодрость при взгляде на ничего не обещающее будущее все более и более замирают.

История представляет даже примеры гибели целых наций, которые не умели в благоприятное время разрешить великую задачу обеспечения умственной, экономической и политической самостоятельности посредством создания собственных фабрик и заводов и прочного промышленного и торгового положения[4].

Книга первая

ИСТОРИЯ

ГЛАВА I. ИТАЛЬЯНЦЫ

Во время возрождения цивилизации в Европе ни одна страна не находилась в столь особенно благоприятном коммерческом и промышленном положении, как Италия. Варвары не в состоянии были до основания разрушить древнеримскую культуру. Благодатное небо и плодородная почва, даже при безыскусственных способах земледелия, обеспечивали богатые средства для пропитания густого населения. Наиболее необходимые искусства и промыслы настолько же мало поддались разрушению, как и римский муниципалитет. Богатое береговое рыболовство повсюду служило школой для воспитания мореходов, и мореплавание вдоль растянутого морского побережья с избытком вознаграждало недостаток внутренних путей сообщения. Близость Греческого королевства, Малой Азии и Египта, с которыми соединяло Италию море, обеспечивала стране решительные успехи в восточной торговле, которая прежде, хотя и в небольших размерах, велась с северными странами через Россию. Вследствие этих сношений в Италию необходимо должны были перейти те самые науки, искусства и отрасли мануфактурной промышленности, которые были спасены Грецией, как наследие античной цивилизации.

После освобождения итальянских городов Оттоном Великим здесь должна была также подтвердиться истина, для которой история представляет так много доказательств, а именно, что свобода и промышленность идут рука об руку, хотя нередко одна из них прежде вызывается к жизни. Если где-либо зарождается торговля или промышленность, это уже показывает, что недалека и свобода; поднимет ли где свобода свое знамя — это служит уже верным признаком того, что рано или поздно промышленность откроет туда путь. Ибо ничего нет естественнее того, что человек, овладев материальным и умственным богатством, стремится обеспечить его за своим потомством, или что он, обеспечив себе свободу, направляет все свои силы к тому, чтобы улучшить свое физическое и интеллектуальное состояние.

В первый раз со времени гибели свободных государств древности итальянские города предстали перед взором мира в виде свободной и богатой общины. Города и страны постепенно возвышаются и в этом стремлении полу-

чают сильную поддержку в крестовых походах. Перевозка крестоносцев и снабжение их провиантом не только способствуют развитию мореплавания этих городов, но дают повод и случай к возникновению обильных последствиями торговых сношений с Востоком, к введению новых отраслей промышленности, новых приемов в акклиматизации новых растений, к знакомству с новыми удовольствиями жизни. С другой стороны, гнетущее феодальное устройство в разнообразных отношениях слабеет, благоприятствуя, таким образом, развитию свободного земледелия и городов.

Рядом с Венецией и Ганзой выделяется особенно Флоренция по своей мануфактурной промышленности и по своей торговле деньгами. Уже в XII и XIII веках ее шелковое и шерстяное производство стоит на высокой степени процветания; корпорации, занимающиеся этими производствами, принимают участие в государственном управлении, под их влиянием создается республика. Одна шерстяная промышленность имеет 200 фабрик; ежегодно вырабатывается 80 тыс. кусков сукна, материал для которого получается из Испании.

Сверх того из Испании, Франции, Бельгии и Германии ежегодно ввозится на 300 тыс. гульденов невыделанного сукна (rohe Tuch), которое после отделки его вывозится затем в Левант. Флоренция является банком всей Италии; здесь насчитывается до 80 банкирских контор[5].

Ежегодный доход государства простирался до 300 тыс. золотых гульденов (15 млн франков), следовательно, был гораздо больше доходов современного Неаполитанского королевства и Аррагонии и больше доходов Великобритании и Ирландии времен королевы Елизаветы[6].

Таким образом, мы видим, что уже в XII и XIII столетиях Италия располагает всеми элементами национально-экономического благосостояния и в коммерческом и в промышленном отношении стоит далеко впереди всех других наций. Ее земледелие и фабрики служат для прочих стран примером и предметом соревнования. Ее дороги и каналы — совершеннейшие в Европе. Ей обязан цивилизованный мир банками, компасом, усовершенствованием постройки кораблей, векселями и множеством торговых порядков и узаконений, равно как большим количеством установлений городских и государственных. Ее флоты, торговый и военный, — без сравнения, значительнейшие в южных морях. В ее руках всемирная торговля: ибо, за исключением незначительных еще сношений с северными морями, вся торговля сосредоточена в морях Средиземном и Черном. Она снабжает все страны предметами мануфактурного производства, предметами роскоши и продуктами жаркого пояса, сама же от них получает сырые материалы. Ей недостает только одного, чтобы быть тем, чем является в настоящее время Англия, и, не имея этого одного, она теряет все: ей недостает национального единства и вытекающего отсюда могущества.

Итальянские города и магнаты не считали себя членами одного организма, но воевали между собой, разграбляли друг друга как независимые силы

и государства. Рядом с этой внешней войной каждая община была раздираема взаимной внутренней борьбой демократии, аристократии и единодержавия. Эту гибельную борьбу поддерживали и усиливали чужеземные силы и нашествия, а также туземная духовная иерархия с ее отлучением от церкви, что делило отдельные города еще на два враждебных лагеря.

Как Италия подкапывалась сама под себя, показывает история ее морского могущества. Прежде всего (с VIII по XI век) выдается своим величием и могуществом Амальфи[7]. Его корабли покрывают моря, и все обращающиеся в Италии и в Леванте деньги — амальфийские. Амальфи устанавливает самые разнообразные законы о мореплавании, и во всех средиземных гаванях действует амальфийское право. В XII веке это морское могущество сламывается Пизой; но сама Пиза падает под ударами Генуи, а эта последняя в свою очередь после столетней войны должна преклониться перед Венецией.

Гибель Венеции также является непосредственным результатом этой узкой политики. Союзу итальянских морских сил нетрудно было бы не только поддержать преобладающее влияние Италии в Греции, в архипелаге, в Малой Азии и Египте, но даже расширить его и укрепить, противопоставить преграду успехам турок и их пиратам и даже оспорить у португальцев путь к мысу Доброй Надежды. Но при современном положении дела Венеция не только была предоставлена своим собственным силам, но она оказалась парализованной стараниями других итальянских государств и соседних европейских держав.

Хорошо организованный союз итальянских государств без труда мог бы оградить самостоятельность Италии против великих монархий. Опыт организации такого союза был сделан в 1526 году, но лишь в момент опасности и вследствие лишь временной настоятельной нужды. Равнодушие и измена его членов и вождей обусловили Миланское иго и гибель Тосканской республики. С этого времени начинается упадок промышленности и торговли Италии[8].

До этого времени и после Венеция выказывала стремление стать отдельной нацией. Пока она имела дело лишь с раздробленными национальностями или с угасающей Грецией, ей было нетрудно поддерживать свое мануфактурное и торговое верховенство в прибрежных странах Средиземного и Черного морей. Но как только выступили на политическую арену цельные и полные жизни нации, оказалось, что Венеция была лишь городом и что венецианская аристократия не больше, как городская аристократия. Хотя ею было завоевано много островов и обширных провинций, но этими провинциями всегда управляли как завоеванными, и, таким образом, по свидетельству всех историков, каждое завоевание лишь ослабляло ее, вместо того чтобы усиливать.

В то же самое время постепенно вымирал в республике тот дух, которому она обязана была своим величием. Могущество и благосостояние Венеции — плод патриотической и мужественной аристократии, происшедшей от энергической и свободолюбивой демократии, — сохранялись и возраста-

ли до тех пор, пока свобода поддерживала энергию демократии, руководимой патриотизмом, мудростью и геройским духом аристократии; но чем более аристократия вырождалась в деспотическую олигархию, убивавшую всякую свободу и энергию в народе, тем более исчезали корни могущества и благосостояния, хотя ветви и листва их зеленели еще некоторое время[9].

«Нация, впавшая в рабство, — говорит Монтескье, — стремится более сохранять приобретенное, нежели работать для того, чтобы приобретать; свободная же, напротив, стремится более приобретать, чем сохранять»[10]. К этому наблюдению, совершенно справедливому, он мог бы добавить: «и так как стремятся лишь сохранять, но не приобретать, то идут по пути к разорению»; ибо каждая нация, не идущая вперед, опускается все ниже и ниже и должна наконец потонуть. Далекие от стремления расширять свою торговлю и делать новые открытия, венецианцы ни разу не пытались извлечь пользы из чужих открытий. Что они могли бы быть отстранены от торговли с Ост-Индией через открытие нового торгового пути, это им ни разу не приходило на мысль прежде, чем этот путь не был открыт. Они не хотели верить в то, что было видно всему миру. И когда они начали ощущать убыточные последствия совершившегося переворота, тогда они старались поддержать значение старого пути, вместо того чтобы воспользоваться выгодами нового, — они прибегали к низким интригам для сохранения и приобретения того, чего можно было добиться лишь умением искусно воспользоваться вновь создавшимися отношениями, предприимчивостью и мужеством. И когда они утратили то, чем владели, и когда сокровища Восточной и Западной Индии потекли вместо их гаваней к Кадиксу и Лиссабону, они, как глупцы или расточители, схватились за алхимию, в которой хотели найти спасение[11].

Во времена развития и расцвета республики занесение в золотую книгу считалось наградой за особенные труды в торговле или промышленности, или за государственные или военные заслуги. Такая почесть оказывалась даже чужеземцам; таковы, например, были знатнейшие из фабрикантов шелка, переселившиеся из Флоренции[12]. Но эта книга была закрыта, когда начал устанавливаться взгляд на почетные места и на государственные доходы как на фамильное наследственное имущество патрициев. Позднее, когда почувствовалась необходимость освежить обедневшую и выродившуюся аристократию, эта книга была снова открыта. Но теперь не заслуги государству, как в прежние времена, а богатство, древняя благородная родовитость сочтены были главной заслугой, дававшей право на почетную запись. Между тем значение золотой книги так упало, что она оставалась напрасно открытой в течение целого столетия.

Если вопросить историю о причинах упадка этой республики и ее торговли, то ответ будет таков: они лежат прежде всего в безумии, расслаблении и малодушии выродившейся аристократии и в апатии народа, погруженного в

рабство. Торговля и мануфактуры Венеции должны были погибнуть, если бы даже не был открыт путь через мыс Доброй Надежды.

Этот упадок, как и вообще упадок всех прочих итальянских республик, зависит от недостатка национального единства, от чужеземного влияния, от господства туземного духовенства и от возникновения в Европе великих, сильных и объединенных национальностей.

Если в частности рассмотрим венецианскую торговую политику, то с первого взгляда придем к убеждению, что торговая политика новейших торговых и мануфактурных государств представляет не что иное, как копию венецианской в увеличенном, т. е. национальном, масштабе: ограничение мореплавания и ввозные пошлины в интересах туземных мореходцев и внутренних фабрик против чужеземных и рано установившийся обычай ввозить чужеземные сырые материалы по преимуществу и вывозить мануфактурные товары[13].

В новейшее время для подтверждения принципа свободы торговли старались доказать, что причины падения Венеции нужно искать в ограничениях. Но в этом мнении только малая доля правды, а больше ошибочного. Если мы без предубеждения будем исследовать историю Венеции, то найдем, что здесь, как позднее и в великих государствах, свобода и ограничения международных сношений в различное время были или благоприятны, или вредны для могущества и благосостояния нации. Неограниченная свобода торговли была полезна республике в первое время ее развития. Каким образом иначе могла бы она из рыбачьей деревни быстро возвыситься на степень торговой державы? Полезны ей были также и ограничения, когда она достигла уже известной степени могущества и богатства, ибо посредством этих ограничений завоевала она себе мануфактурное и торговое верховенство. Но после того, как ее мануфактурное и торговое могущество сделалось преобладающим, ограничения оказались для нее гибельными; ибо это поставило преграду к соревнованию с другими нациями и явилась беспечность. Таким образом, не введение ограничений, а сохранение их после того, как исчезли причины, их вызвавшие, было вредно для венецианцев.

Затем этот аргумент страдает большим недостатком потому, что упускается из вида возникновение великих национальностей под управлением наследственных династий. Венеция (хотя и обладательница провинций, однако не что иное, как итальянский город) при быстром развитии своего мануфактурного и торгового могущества должна была бороться с другими итальянскими городами, и исключительность ее торговой политики могла иметь значение лишь до тех пор, пока против нее не выступали цельные, объединенные в своих силах нации. Но как скоро это совершилось, Венеция могла поддержать свое верховенство в том только случае, если бы ей удалось стать во главе объединенной Италии и привлечь к своей торговой политике всю итальянскую нацию. Иначе никакая торговая политика, как бы ни была она

остроумна, не в состоянии была поддержать торговое преобладание отдельного города среди объединенных наций.

Из примера Венеции, на основании которого в такое время, как наше, хотят извлечь доказательство против торговой политики ограничений, нельзя вывести другого заключения, как только то, что один город, или маленькое государство, среди великих держав не может вводить или поддерживать с успехом эту систему и что государство, достигшее мануфактурного и торгового верховенства при помощи ограничений, раз оно достигло своей цели, возвращается снова с успехом к принципу свободы торговли.

В этом случае, как и во всех спорах о свободе международной торговли, мы встречаемся с употреблением слова «свобода», которое дает повод к смешению понятий, бывшему уже причиной великих заблуждений. О свободе торговли рассуждают как о религиозной или гражданской свободе. Друзья и подвижники свободы вообще считают себя обязанными защищать свободу во всех ее формах, таким образом, и свобода торговли приобрела популярность, причем не обращается внимания на различие, существующее между свободой внутренней торговли и свободой торговли внешней, между тем как та и другая по своей сущности и по результатам совершенно различны. Так, ограничения внутренней торговли только в редких случаях совпадают с индивидуальной свободой граждан, между тем как во внешней торговле высочайшая степень индивидуальной свободы может существовать рядом с очень значительными ограничениями. Возможно даже, что следствием высочайшей степени свободы внешней торговли будет национальное порабощение, как это мы покажем позднее на примере Польши. В этом смысле говорит уже Монтескье: «В странах свободы негоциант встречает бесчисленные стеснения, и нигде он не бывает менее стеснен законами, как в странах порабощенных»[14].

ГЛАВА II. ГАНЗЕЙЦЫ

Достигнув господства в Италии, гений промышленности, торговли и свободы, перешагнув Альпы, прошел Германию и воздвиг себе новый трон на берегах Северного моря.

Уже Генрих I, отец освободителя итальянских муниципалитетов, заботился об основании новых и о расширении старых городов, которые основались уже отчасти в местах прежних римских колоний и императорских домен.

Подобно последующим королям Франции и Англии, он и его преемники видели в городах надежный противовес аристократии, богатый источник государственных доходов и новое средство для защиты страны. Вследствие торговых сношений с итальянцами и своих свободных установлений эти го-

рода скоро достигли высокой степени благосостояния и цивилизации. Развитие общественной жизни вызвало успехи в искусствах и промышленности и стремление выдвинуться богатством и предприятиями, в то же время материальное богатство имело своим последствием стремление к образованию и улучшению политического положения.

Сильные юношеской свободой и цветущей промышленностью, но тесним мые разбойниками с суши и с моря, северонемецкие города скоро почувствовали необходимость в тесном объединении для своей защиты и обеспечения. С этой целью Гамбург и Любек в 1241 году заключили союз, который еще в течение того же столетия соединил все сколько-нибудь значительные города, в числе восьмидесяти пяти, на берегах Северного и Балтийского морей, Одера и Эльбы, Везера и Рейна. Эта конфедерация получила название Ганза — слово нижненемецкое и обозначает союз.

Скоро почувствовав, какими успехами может быть обязана частная промышленность объединению сил, Ганза не замедлила создать и развить торговую политику, приведшую к такому благосостоянию, которое до сих пор не имело себе примера. Убедившись, что тот, кто желает создать и упрочить обширную морскую торговлю, должен владеть средствами для ее защиты, ганзейцы создали могущественный военный флот; поняв, что морское могущество страны усиливается или ослабляется в зависимости от ее торгового мореходства и развития рыбного промысла, они издали закон, на основании которого ганзейские богатства должны были перевозиться лишь на ганзейских кораблях, и позаботились о широком развитии рыбных морских промыслов. Английский навигационный акт создан по образцу ганзейского, для которого в свою очередь служил образцом венецианский[15].

Англия в этом случае следовала примеру тех, кому до нее принадлежало морское верховенство. Даже во время Долгого парламента предложение об издании навигационного акта было не менее как новостью. Адам Смит при обсуждении этой меры[16], по-видимому, не знал или хотел умолчать о том, то еще за несколько веков было уже сделано несколько попыток ввести подобного рода ограничения. Предложенные парламентом 1461 года, они были отвергнуты Генрихом VI; предложенные Иаковом I, они снова затем были отвергнуты парламентом 1622 года[17]; но еще задолго до этих двух предложений (1381) они были на самом деле введены Ричардом II, но скоро снова были оставлены без последствий и забыты. Очевидно, страна тогда не была еще готова к принятию такой меры. Навигационные акты, как вообще протекционные таможенные меры, настолько естественны для наций, которые предчувствуют свое будущее торговое и промышленное величие, что не успели Соединенные Штаты Северной Америки отстоять свою независимость, как по предложению Мадисона ввели уже у себя ограничения в мореплавании и даже, как увидим из одной последующей главы, гораздо с большим успехом, нежели Англия за полтора века перед тем.

Северные князья, побуждаемые выгодами, которые им обещала торговля с ганзейцами, давая случай не только сбывать избыток продуктов своей страны и обменивать их на фабрикаты несравненно высшего достоинства, нежели те, которые давала собственная страна, но и пополнять свое казначейство посредством ввозных и отпускных пошлин[18] и приучить к трудолюбию своих подданных, преданных праздности, пьянству и раздорам, — князья эти считали за счастье для себя, что ганзейцы основали у них конторы, и потому они поощряли их привилегиями и оказывали покровительство всякого рода. Прежде всего заявили себя с этой стороны английские короли.

«Английская торговля», говорит Гум, «была прежде вся в руках чужеземцев, и преимущественно Эстерлингов[19], которым Генрих III дал корпоративное устройство, предоставил им привилегии и освободил от ограничения и ввозных пошлин, которым были подчинены другие иностранные купцы. Англичане в то время были так неопытны в торговле, что со времени Эдуарда II ганзейцы, известные под именем «штальгофских купцов», захватили в свои руки монополию всей отпускной торговли королевства. А так как они при этом пользовались только своими собственными кораблями, то и английское мореходство находилось в самом жалком положении[20].

Затем некоторые из немецких купцов именно из Кельна, которые задолго перед тем установили торговые связи с англичанами, основали в 1250 году по предложению короля в столице Лондоне под названием Штальгоф (steel-yard) знаменитую контору, которая оказывала большое влияние на развитие английской культуры и промышленности и которая затем скоро возбудила такую страшную национальную зависть и в течение 375 лет, протекших со времени возникновения и до ее уничтожения, была причиной столь частых и сильных споров.

Англия в то время для ганзейцев была тем же, чем впоследствии Польша для голландцев или Германия для англичан; она доставляла им шерсть, олово, кожи, масло и другие продукты горных промыслов и земледелия, получая от них мануфактурные товары. Сырые материалы, которые ганзейцы покупали в Англии и в других северных государствах, перевозились ими в контору, основанную ими в Брюгге (1252), и здесь обменивались на бельгийские сукно и мануфактурные товары и на идущие из Италии восточные продукты и фабрикаты, которые затем снова следовали во все страны, расположенные по берегам Северного моря.

Третья контора, основанная в 1272 году в России, в Новгороде, выменивала меха, лен, коноплю и другие сырые материалы на мануфактурные товары.

Для четвертой конторы, учрежденной в 1278 году в Бергене, в Норвегии, предметами занятий служили рыбная ловля и торговля ворванью и рыбой[21].

Опыт всех стран и времен показывает, что народы, находящиеся в положении варварства, извлекают неисчислимые выгоды из неограниченной свободы торговли, вследствие которой они, отпуская продукты скотоводства,

звероловных, лесных и земледельческих промыслов, вообще сырые материалы всякого рода, получают взамен их более совершенную одежду, домашнюю утварь, машины, сельскохозяйственные орудия и главное средство обмена — благородные металлы, — вначале все это их привлекает. Этот опыт показывает также, что чем более народы делают успехов в промышленности и культуре, тем более уменьшается их благосклонное отношение к торговле подобного рода, и что наконец они доходят до того, что считают такую торговлю вредной и видят в ней препятствие своим дальнейшим успехам. То же самое случилось и с торговлей англичан с ганзейцами. Едва успело истечь столетие со времени учреждения конторы в Штальгофе, как Эдуард III пришел к мысли, что нация могла бы обратиться к чему-либо более полезному и выгодному для нее, чем вывоз необработанной шерсти и ввоз сукна. Он начал привлекать в свою страну разными льготами суконных мастеров из Фландрии, и после того как значительное число их начало свои действия в стране, он запретил одеваться в чужеземное сукно[22].

Рядом с мудрыми мерами этого короля нужно отметить бессмысленное поведение других правительств, как это нередко случается в истории промышленности. В то время как прежние правительства Фландрии и Брабанта делали все возможное для того, чтобы привести промышленность своей страны в цветущее состояние, позднейшие сделали все, чтобы возбудить недовольство негоциантов и промышленников и толкнуть их на путь эмиграции[23].

В 1413 году шерстяная промышленность сделала в Англии уже настолько значительные успехи, что Гум мог сказать об этом периоде следующее: «Сильная зависть к иностранным купцам господствовала в это время — и масса препятствий полагалась на пути иностранной торговли; так, например, они обязаны были все деньги, вырученные ими за ввезенные продукты, употребить на покупку товаров туземного производства»[24].

Во время Эдуарда IV эта зависть достигла такой степени, что ввоз чужеземного сукна, так же как и ввоз других предметов, был совершенно воспрещен.

Хотя король впоследствии и принужден был ганзейцами к восстановлению их прежних привилегий, однако, по-видимому, английское шерстяное фабричное производство вследствие этого сделало значительные успехи; ибо Гум о времени Генриха VII, который царствовал полстолетия спустя после Генриха IV, делает следующее замечание:

«Успехи в промышленности и искусствах гораздо действительнее строгих законов ограничивают привычку дворянства держать большое число прислуги. Вместо того чтобы соперничать друг с другом числом и храбростью своих слуг, дворянство теперь стремится к другого рода соревнованию, которое более отвечает духу цивилизованной эпохи; теперь каждый старается отличиться перед другим богатством дома, изяществом экипажей, роскошью обстановки. Так как народ теперь не мог уже предаваться праздности на службе у начальников и господ, то он принужден был изучать различные ремесла, чтобы

быть полезным себе и государству. С другой стороны, были изданы законы, препятствовавшие вывозу благородных металлов как в монете, так и в слитках. Чтобы однако эти законы не оказались недействительными, иностранным купцам вновь вменено было в обязанность на всю сумму, вырученную за привезенные товары, покупать туземных»[25].

При Генрихе VIII уже в Лондоне вследствие постоянного пребывания большого числа иностранных фабрикантов все съестные припасы значительно возвысились в цене — верный признак больших выгод, которыми пользовалось туземное сельское хозяйство вследствие развития внутренней мануфактурной промышленности.

Король, не понимая истинных причин и последствий подобного явления, дал веру английским промышленникам, которые жаловались на иностранных, еще далеко превосходивших их деловитостью, прилежанием и бережливостью, и издал постановление об изгнании пятнадцати тысяч бельгийских фабрикантов, «так как благодаря им возвысились в цене все жизненные припасы и можно опасаться в стране голода».

Чтобы уничтожить вред до корня, были тотчас же изданы законы, ограничивающие роскошь, уставы о ношении платья, таксы на жизненные припасы и на поденную плату. Такая политика, естественно, получила полное одобрение со стороны ганзейцев, которые с той же готовностью, какую оказывали они всем прежним благоволившим к ним королям Англии и какую в наши дни англичане оказывали португальским королям, предоставили в распоряжение Генриха VIII свои военные корабли. В течение всего этого царствования торговля ганзейцев с Англией велась еще очень оживленно. В их руках еще были корабли и деньги, и они с таким же искусством, как в наши дни англичане, сумели обеспечить себе влияние на те народы и правительства, которые не понимали своих национальных интересов. Только их доказательства имели совсем другое основание, нежели у современных торговых монополистов. Ганзейцы основывали на трактатах свое право снабжать чужие страны фабричными изделиями и принадлежащем им с незапамятных времен праве собственности, между тем как современные нам англичане желают основать свое право на теории, которую создал один из их таможенных чиновников. Они желают во имя мнимой науки приобрести то, чего ганзейцы требовали во имя трактатов и права.

Во время правления Эдуарда VI тайный совет нашел предлог для отнятия привилегий у купцов Штальгофа: «Ганзейцы делали сильные возражения против этого нововведения. Однако тайный совет настоял на своем решении, и благодетельные для нации результаты не замедлили обнаружиться. Английские купцы, как туземцы, вследствие их отношений пользовались решительными выгодами пред иностранцами при закупке сукна, шерсти и других товаров — выгодами, которые до сих пор не казались им достаточными для того, чтобы вступить в конкуренцию с такой богатой компанией. Но с того времени, как все иностранные купцы были подчинены одинаковым ограничениям, англичане

почувствовали в себе достаточно энергии для торговых предприятий, и дух предприимчивости тотчас возбудился во всем королевстве»[26].

После того как ганзейцы в течение нескольких лет были совершенно вытеснены с рынка, на котором они неограниченно господствовали в течение трех столетий, подобно тому, как в наше время англичане господствуют на рынках Америки и Германии, по предложению германского императора все их старые привилегии были снова восстановлены королевой Марией[27].

Но радость их на этот раз была непродолжительна. «Стремясь не только сохранить эти привилегии, но и расширить их, они в начале царствования королевы Елизаветы выразили сильные сетования на то отношение к ним, какое существовало во время Эдуарда и Марии. Королева благоразумно ответила им, что она не в силах ничего изменить, но охотно желала бы предоставить им те самые привилегии и льготы, которыми они уже пользуются. Этот ответ их однако ничуть не удовлетворил. Через несколько времени торговля им была снова воспрещена к великой выгоде английских купцов, которые ждали лишь случая показать, что они в состоянии сделать; они взяли в свои руки всю отпускную торговлю, и их усилия увенчались полным успехом; они разделились на два класса — живущих в стране и путешествующих купцов; первые занимались торговлей дома, вторые пытали счастья в чужих городах и странах, торгуя сукном и другими английскими товарами. Этот успех возбудил такую зависть в ганзейцах, что они не пренебрегали никакими средствами для того, чтобы в других странах подорвать доверие к английским купцам. Они добились императорского эдикта, которым воспрещалась английским купцам всякая торговля внутри германской империи. Королева прибегла к репрессиям против указанного эдикта и приказала задержать шестьдесят ганзейских кораблей, на которых они вместе с испанцами вели контрабандную торговлю. Сначала однако она имела в виду лишь склонить ганзейцев к миролюбивому соглашению. Но, получив известие, что в Любеке собрано ганзейское собрание для обсуждения мер, которыми могла бы быть стеснена торговля англичан, она приказала эти корабли с их грузом конфисковать; только два их них были освобождены и посланы в Любек с сообщением, что королева питает глубокое презрение к Ганзе, ее договорам и мерам»[28].

Так обошлась Елизавета с теми купцами, которые ссужали ее отца и столь многих королей Англии своими кораблями для их сражений, за которыми ухаживали все монархи Европы, которые в течение нескольких веков относились к королям Дании и Швеции, как к своим вассалам, возводя их на трон и низлагая по своему желанию, колонизировали все страны по юго-восточному берегу Балтийского моря, насадили там цивилизацию и освободили все моря от пиратов, которые еще незадолго перед тем с мечом в руках принудили одного из королей Англии признать их привилегии, которым не однажды английские короли отдавали в залог под займы свою корону и ко-

торые однажды свое бесчеловечие и дерзость по отношению к Англии довели до того, что умертвили сто английских рыбаков, осмелившихся приблизиться к их рыбным промыслам. Хотя ганзейцы имели достаточно еще сил, чтобы отомстить английской королеве, но прежнее мужество, замечательный дух предприимчивости, сила, воспитанная свободой и общей деятельностью, уже исчезли. Они все более и более слабели, пока наконец их союз не был разрушен формально в 1630 году, после чего они начали выпрашивать при всех дворах Европы привилегий для ввозной торговли, но должны были удалиться отовсюду с позором.

Различные внешние причины, помимо внутренних, о которых мы будем говорить позднее, вызвали их падение. Дания и Швеция, желая отомстить за ту зависимость, в которой так долго держал их Ганзейский союз, создавали всевозможные препятствия торговле ганзейцев. Русские цари предоставили привилегии одной английской компании. Орден рыцарей, их вековых союзников и как бы воспитанников, отпал от них и разорвал связь с ними. Голландцы и англичане вытеснили их со всех рынков и заняли их место при всех дворах. Наконец, и открытие пути через мыс Доброй Надежды в Индию оказало невыгодное влияние на них.

Они, во дни могущества и счастья почти не обращавшие внимания на их связь с немецкой империей, теперь, в бедственное время, обратились к немецкому рейхстагу с предложением такого рода: ежегодный отпуск сукна из Англии достигает 200 тыс. кусков, из которых значительная часть идет в Германию, поэтому единственным средством возвратить им в Англии прежние привилегии является воспрещение ввоза в Германию английского сукна. По уверению Андерсона, решение рейхстага должно было последовать действительно в этом смысле или даже состоялось; но тот же писатель уверяет, что Гильпен, бывший английским посланником при германском рейхстаге, сумел помешать приведению в исполнение этого постановления.

Сто пятьдесят лет спустя после формального распада Ганзейского союза в ганзейских городах исчезла даже самая память об их прежнем величии. Юстус Мозер в одном из своих сочинений уверяет, что, когда он, приезжая в ганзейские города, рассказывал тамошним купцам о могуществе и величии их предков, то ему почти не верили. Гамбург — в былое время гроза пиратов всех морей и славный во всем христианском мире по тем заслугам, которые он оказал при преследовании морских разбойников, — пал так низко, что принужден был ежегодной данью выкупать безопасность для себя и своих кораблей. Ибо, когда морской скипетр перешел в руки голландцев, другая политика была принята по отношению к морскому разбойничеству. Во времена морского господства ганзейцев на пиратов смотрели как на врагов и преследовали их всюду. Голландцы, напротив, видели в берберийских пиратах полезных союзников, благодаря которым, к их выгоде, торговля других стран и во время мира была затруднена. Приводя по одно-

му поводу замечание Де-Витта, касающееся этой политики, Андерсон, со своей стороны, делает следующее лаконичное замечание: «Ffas est et ab holte doceri»[29] — совет, который, несмотря на его лаконизм, так хорошо был понят и усвоен его соотечественниками, что англичане, к стыду христианской эпохи, до последнего времени терпели постыднейший промысел морского разбоя на северном африканском берегу, пока французы не оказали услуги цивилизации, истребив его окончательно.

Торговля ганзейских городов не была национальной; она не была основана на равновесии и совершенном развитии внутренних производительных сил и не имела опоры в достаточно развившемся политическом могуществе. Основание, соединявшее отдельных членов конфедерации в одно целое, было слишком слабо, стремление к частным преимуществам и частным выгодам (или, как выразился бы швейцарец или американец, дух кантона, дух отдельного государства) было господствующим и не давало места союзному патриотизму, который один только и мог дать перевес общему интересу конфедерации над частными интересами отдельных городов. Этим объясняется зависть и нередко даже измена; так Кельн пользовался для своих личных выгод враждебным отношением Англии к союзу; так Гамбург старался извлечь выгоды из спора Дании и Любека.

Ганзейские города основывали свою торговлю не на производстве и потреблении, не на земледелии и промышленности той страны, которая была отечеством купцов. Они не заботились поддерживать земледелие в своем отечестве, между тем земледелие чужих стран вследствие их торговли значительно возвысилось; они находили более удобным покупать фабричные произведения в Бельгии, нежели основывать фабрики в своей собственной стране; они оказали влияние на развитие земледелия в Польше, овцеводства в Англии, железного производства в Швеции и фабрик в Бельгии. Они целые века делали то, что теоретики нашего времени советуют делать нациям: они покупали товары там, где их можно было купить дешевле всего. Но когда страны, в которых они покупали, и те, в которых они продавали, закрыли для них свои рынки, оказалось, что их собственное земледелие и собственная фабрично-заводская промышленность не сделали настолько значительных успехов, чтобы их огромные капиталы могли найти здесь применение; эти капиталы перешли в Голландию и Англию и увеличили промышленность, богатство и могущество их врагов. Разительное доказательство того, что частная промышленность, предоставленная самой себе, не всегда обеспечивает стране благосостояние и могущество.

Преследуя исключительно материальные цели, ганзейские города совершенно пренебрегли своими политическими интересами. Во время своего могущества они, казалось, вовсе не имели связи с немецким государством. Этим недальновидным, самолюбивым и надменным гражданам льстило то, что за ними ухаживают князья, короли и императоры и что они разыгрыва-

ют роль господ на море. А как легко было бы им во время их морского могущества вместе с нижненемецкими городскими союзами образовать сильную нижнюю палату, создать противовес немецкой аристократии, достигнуть национального объединения при посредстве императорской власти, объединить под одним национальным знаменем все берега от Дюнкиркена до Риги и этим способом добиться и поддержать верховенство германской нации в промышленности, торговле и морском могуществе. Напротив, аристократия делала все, чтобы довести до конца их унижение. Внутренние города малопомалу подпали совершенно под власть князей, а у городов приморских слабела их взаимная связь.

Всех этих ошибок избежала Англия. Там мореходство и внешняя торговля находили прочную опору в земледелии и промышленности страны; там развивались внутренние сношения в правильном соответствии с внешними и индивидуальная свобода не наносила ущерба национальному единству и национальному могуществу; там в солидарности и в единении счастливо уживались интересы короны, аристократии и народа.

Если принять во внимание эти исторические явления, то неужели возможно будет утверждать, что англичане в состоянии были так широко развить свою фабрично-заводскую промышленность или овладеть безмерно широкой торговлей и приобрести такое преобладание в морском могуществе помимо той политики, которую они преследовали? Нет, убеждение, что англичане достигли современного торгового могущества не посредством своей торговой политики, а помимо ее, кажется нам одним из величайших заблуждений нашего столетия. Если бы англичане весь порядок вещей предоставляли самому себе, последовали бы принципу laissez passez, как рекомендует господствующая школа, купцы Штальгофа до сих пор действовали бы в Лондоне, бельгийцы до сих пор занимались бы производством сукна для Англии; Англия до сих пор была бы пастбищем для ганзейских овец, как Португалия вследствие хитрости лукавого дипломата сделалась английским виноградником и оставалась такой до последнего времени. Более чем вероятно, что Англия без своей торговой политики никогда бы не достигла той степени гражданской свободы, какой она пользуется в настоящее время, так как эта свобода — дочь промышленности и богатства.

После таких исторических соображений нельзя не удивляться, что Адам Смит не дал себе труда проследить промышленную и коммерческую борьбу Ганзы с Англией с начала ее возникновения до конца. Некоторые, однако, места его книги достаточно доказывают, что причины упадка Ганзы и следствия его не были ему известны.

«Купец, — говорит он, — в своих интересах не связан ни с какою страною в отдельности. Для него почти безразлично, откуда ведет он свое торговое предприятие; ничтожной причины к неудовольствию достаточно для того, чтобы он перешел из одной страны в другую и перевел с собою свои

капиталы, а вместе с ними и ту отрасль промышленности, которой его капиталы дают жизнь. Никакая часть этих капиталов не может считаться принадлежностью какой-либо отдельной страны до тех пор, пока они не будут, так сказать, приращены к земле в виде сооружений и т. д. От огромных богатств, которыми должны были владеть ганзейские города, не осталось и следов, кроме кое-каких сведений в туманных хрониках XIII и XIV столетий; теперь невозможно даже указать на те места, где некоторые из них находились, или сказать, каким городам принадлежат те латинские имена, которые приписываются им хрониками»[30].

Как странно, что Адам Смит при столь ясном освещении второстепенных причин упадка Ганзы не почувствовал необходимости исследовать главные причины его. Ему не было для этого никакой надобности в исследовании того, где находились исчезнувшие ганзейские города и какие ганзейские города разумеются туманными хрониками под их латинскими названиями. Ему не было никакой нужды даже пересматривать эти хроники. Его собственные соотечественники — Андерсон, Макферсон, Кинг и Гум — могли дать ему по этому предмету совершенно удовлетворительные разъяснения.

Каким образом и почему этот глубокий и пытливый ум мог воздержаться от столь интересного и обильного результатами исследования? Мы не видим другой причины, кроме той, что такое исследование привело бы его к выводам, которые едва ли могли бы подтвердить его принцип абсолютной свободы торговли. Без сомнения, самые факты привели бы его к заключению, что после того, как свобода торговли с ганзейцами извлекла английское земледелие из его варварского состояния, покровительственная торговая политика доставила английской нации промышленное владычество за счет ганзейцев, бельгийцев и голландцев и что отсюда при посредстве протекционной системы для мореходства развилось их торговое владычество.

Этих-то факторов, по-видимому, Адам Смит не желал ни знать, ни замечать. Они принадлежали, конечно, к категории тех назойливых фактов, по поводу которых Ж. Б. Сэй сознается, что «они приводят его к мятежу против собственной системы».

ГЛАВА III. НИДЕРЛАНДЦЫ

По духу и нравам, по происхождению и языку жителей, так же как по политической связи и географическому положению, Голландия, Фландрия и Брабант принадлежали к немецкому государству. Частые посещения и близость резиденции Карла Великого могли оказывать на культуру этих стран несравненно большее влияние, нежели на отдаленные страны Германии. Затем, самые естественные условия Фландрии и Брабанта бы-

ли благоприятны для развития там земледелия и промышленности, точно так же, как в Голландии, они благоприятствовали развитию скотоводства и торговли. Нигде в Германии внутренние сношения не облегчались таким широким развитием морского и речного судоходства, как в этих прибрежных странах. Благодетельное влияние путей сообщения на усовершенствование сельского хозяйства и на расширение городов уже необходимо должно было своевременно вызвать заботы об удалении препятствий для этих путей и о разработке каналов.

Расцвету Фландрии особенно содействовало то, что ее графы лучше всех других князей Германии понимали значение общественной безопасности, дорог, фабрик и цветущих городов. Сама природа страны способствовала тому, что их любимым занятием сделалось искоренение дворянства, занимавшегося грабежом, и истребление диких животных. Оживленные сношения между городами и страной, возникновение скотоводства, в особенности же разведение льна и конопли, были естественным последствием этого. А где оказываются в изобилии сырые материалы и обеспечены собственность и сношения, там скоро находятся руки и способность к их обработке. Между тем графам Фландрии не пришлось долго ждать случая, который привел к ним ткачей шерсти; история сообщает, что они привлекли их из-за границы.

Вследствие торговых сношений ганзейцев с голландцами Фландрия благодаря своим шерстяным фабрикам скоро возвысилась до центрального положения северной всемирной торговли, подобно тому, как Венеция благодаря своей промышленности и мореходству заняла центральное положение во всемирной торговле Юга. Мореходство и взаимные торговые сношения Ганзы и Голландии вместе с фабриками Фландрии образовали одно целое, создали одну национальную промышленность. О таможенных ограничениях однако здесь еще не может быть и речи — тем более что Фландрия не встречала еще никакого соперничества в ее мануфактурном верховенстве. Графы Фландрии, не читая Адама Смита, отлично понимали, что при таких условиях фабрично-заводская промышленность может развиваться лучше всего при свободе торговли. Совершенно в духе современной теории граф Роберт III дал ответ английскому королю, который потребовал удаления шотландцев с фландрского рынка: Фландрия всегда считала свою страну свободным рынком для всех наций, и ее интересы не позволяют ей отступить от этого правила.

После того как Фландрия в течение нескольких столетий была первой мануфактурной страной, а Брюгге — первым рынком Северной Европы, фабрики и торговля перешли в соседний Брабант, так как графы не сумели дать тех концессий, которых первые, достигнув процветания, постоянно требовали. Первым торговым рынком был тогда Антверпен, первым мануфактурным городом в Северной Европе был Левен (Löwen). Вследствие этого пере-

ворота и сельское хозяйство в Брабанте достигло цветущего состояния. Успехам последнего содействовала в особенности рано состоявшаяся замена натуральной повинности денежным налогом, а главным образом — ограничение феодальной системы.

Между тем голландцы, выдвигаясь все более и более соединенными силами как соперники Ганзы, закладывали фундамент для своего будущего морского господства. Неблагоприятные и благоприятные естественные условия служили одинаково к благополучию этого народца. Вечная борьба с морем необходимо должна была развить в нем дух предприимчивости, трудолюбие, стремление к экономии, а завоеванная невыразимыми усилиями и требующая ревностной защиты почва должна была казаться ему таким имуществом, для которого не может быть достаточной жертвы. Вследствие естественных условий принужденные ограничиться мореплаванием, рыболовством, производством мясных продуктов, масла и сыра, голландцы должны были заботиться о восполнении недостатка в хлебе, строительных материалах, топливе и материи для одежд посредством ввоза и обмена на отпускаемые ими молочные и мясные продукты.

В этом лежит главная причина того, что впоследствии голландцы мало-помалу взяли верх над ганзейцами в торговле с северо-восточными государствами. Голландцы нуждались в гораздо большем количестве земледельческих и лесных продуктов, нежели ганзейцы, потребности которых в этом отношении удовлетворялись большей частью соседними странами. Не менее затем благоприятна была для них близость бельгийских фабрик и Рейна с его обширным, богатым виноградниками бассейном и с его речным судоходством, достигающим швейцарских гор.

Необходимо принять за общее правило, что торговля и благосостояние приморского края обуславливаются большей или меньшей значительностью их водных бассейнов, с которыми они имеют водное сообщение[31]. Достаточно бросить взгляд на карту Италии, чтобы понять, что естественная причина преимущественного развития торговли Венеции сравнительно с торговлей Генуи и Пизы лежит именно в обширности и плодородии долины реки По. Корни голландской торговли углубляются также в бассейне Рейна и связанных с ним рек; и насколько этот бассейн богаче и плодороднее в сравнении с бассейнами Везера и Эльбы, настолько больше должна была торговля голландцев превзойти торговлю ганзейских городов.

К указанным выгодным условиям нужно еще присоединить одну счастливую случайность, а именно открытие Петром Бекелем способа соления сельдей. Способы ловли сельдей и бекелевание (соление, названное так по имени изобретателя) долго оставались секретом голландцев, которые умели придавать своему продукту такие качества, которых недоставало продуктам других рыболовов, а это повсюду обеспечивало им преимущественный сбыт и лучшие цены[32]. Андерсон уверяет, что несколько столетий спустя после введения в Голландии этого способа английские и шотландские рыболовы, не-

смотря на значительные вывозные пошлины и несравненно низшие цены, не могли найти покупателей на заграничных рынках, на которых были голландские сельди. Если принять в соображение, какое значение имело потребление рыбы во всех странах до возникновения реформации, то будет понятно, что в то время, когда ганзейское мореходство начало клониться к упадку, голландцы ежегодно строили до 2000 новых судов.

Со времени соединения бельгийских и батавийских провинций под бургундским владычеством они стали пользоваться благотворными последствиями национального единства — обстоятельство, которое при обсуждении счастливой конкуренции голландцев в морской торговле с северонемецкими городами не должно быть оставлено без внимания. Во время правления Карла V соединенные Нидерланды образовали комплекцию власти и сил, которая их повелителю должна была обеспечить мировое господство на суше и на море лучше, нежели золотые прииски всего света, все благоволения и все буллы папы, если бы только он знал сущность этих сил и сумел ими управлять и пользоваться.

Если бы Карл V отстранил от себя корону, как отбрасывают камень, который грозит увлечь в бездну, насколько судьба Нидерландов и Германии была бы иная! Повелитель соединенных Нидерландов, немецкий император и глава реформации Карл обладал всеми умственными и материальными средствами для создания могущественнейшего промышленного и коммерческого государства, обширнейшего морского и континентального владычества, какое когда-либо существовало, — морского владычества, которое соединило бы все суда от Дюнкиркена до Риги под одним флагом.

Достаточно было тогда одной идеи, одной воли для того, чтобы возвысить Германию на степень богатейшего и важнейшего государства на земле, распространить ее мануфактурное и торговое господство на весь мир и, может быть, обеспечить ей это положение на целые столетия.

Карл V и его мрачный сын направились по другому пути; встав во главе фанатиков, они желали переделать Нидерланды на испанский лад. Последствия известны. Северные провинции, защищавшиеся элементом, которому они рабски преклонялись, лишили их независимости; в южных же провинциях промышленность, искусство и торговля, если только не успевали спасаться бегством, гибли от руки палача. Амстердам занял место Антверпена и сделался центром всемирной торговли. Города Голландии, привлекшие к себе значительное число шерстяных ткачей из Брабанта вследствие происшедших там волнений, не имели теперь достаточно места для помещения всех бельгийских беглецов, большая часть которых поэтому должна была переселиться в Англию и Саксонию. Борьба за свободу в Голландии родила тот дух морского геройства, для которого, казалось, не существовало препятствий и опасностей, между тем как, с другой стороны, фанатизм расслаблял всю нервную систему Испании. Голландия обогащалась в Испании каперством, особенно захватывая в виде добычи ее корабли, нагруженные серебром. При

этом она вела огромную контрабандную торговлю с полуостровом и с Бельгией. После соединения Португалии с Испанией она овладела лучшими португальскими колониями в Ост-Индии и завоевала часть Бразилии. До первой половины XVII столетия, как видим, голландцы настолько стоят выше англичан по фабрикам и колониям, по торговле и мореходству, насколько в настоящее время англичане превосходят в этом отношении французов.

Но революция в Англии вызвала сильные перемены. Дух свободы проник в Голландию. Как во всех аристократиях купцов, раз дело шло о спасении жизни и имущества, раз материальные выгоды были перед глазами — здесь способны были на великие дела; соображений государственных не существовало. Того не понимали, что приобретенное владычество может быть прочным лишь в том случае, если оно опирается на широкую идею национальности и поддерживается сильным национальным воодушевлением. С другой стороны, в тех государствах, которые благодаря монархической форме правления развили свое национальное самосознание, но в торговле и промышленности стояли еще на низкой ступени, пробуждалось чувство стыда из-за того, что такой ничтожный уголок земли разыгрывает роль господина в промышленности и торговле, в рыбных промыслах и мореплавании. Рядом с этим чувством выдвигалась в Англии энергия вновь народившейся республики. Навигационный акт был перчаткой, которую бросило грядущее владычество Англии в лицо действительному владычеству Голландии, и когда дело дошло до борьбы, оказалось, что значение Англии как нации далеко выше Голландии. В исходе борьбы сомнений быть не могло.

Пример Англии нашел подражание во Франции. Кольбер рассчитал, что всю транспортную работу на море выполняют приблизительно 20 тыс. судов, из которых на долю одних голландцев приходится 16 тыс., что, без всякого сравнения, для столь незначительной нации было слишком много. Вследствие восшествия Бурбонов на испанский престол Франция распространила свои торговые сношения и на Испанию, к явной невыгоде голландцев. То же самое было и с Левантом. При этом покровительство во Франции внутренним фабрикам, собственному мореходству и рыбным промыслам причинило неисчислимый ущерб торговле и промышленности голландцев.

Благодаря Англии Голландия должна была прекратить большую часть своих сношений с северными государствами, контрабандную торговлю с Испанией и ее колониями, значительную часть своей торговли с Восточной и Западной Индией и лишилась большей части своих рыбных промыслов. Самый чувствительный удар нанесен был ей в 1703 году Метуэнским договором. Вследствие этого последовало окончательное расстройство ее торговли с Португалией и ее колониями и с Восточной Индией.

Когда Голландия начинала упускать из своих рук столь значительную часть внешней торговли, здесь случилось то же самое, что случилось прежде с ганзейскими городами и с Венецией: та часть материальных и умственных капиталов, которые теперь не находили применения в стране, перешла или посредством

эмиграции, или в форме займов в те страны, которые были преемниками голландского владычества.

Если бы Голландия, соединившись с Бельгией, с Рейнским бассейном и Северной Германией, образовала одну национальную территорию, трудно было бы для Англии и Франции нанести посредством войны и торговой политики ее морскому могуществу, ее внешней торговле и внутренней промышленности тот удар, который был ей нанесен. Такая нация могла бы торговой системе тех государств противопоставить свою собственную торговую систему. Если бы вследствие возникновения фабрик в тех государствах немецкая промышленность понесла ущерб, то естественные богатства страны и иноземная колонизация с избытком возместили бы эти убытки. Но Голландия пала, потому что население, обитавшее на узкой приморской полосе земли, заселенной небольшим числом немецких рыболовов, моряков, купцов и пастухов, стремилось из себя самого создать национальное государство, и часть континента, с которым Голландия составляла одно географическое целое, принималась голландцами в соображение как страна чужеземная, с которой они так и обращались.

Таким образом, пример Голландии, так же, как и Бельгии, ганзейских городов и итальянских республик, ясно показывает, что частные промышленники не в состоянии непосредственно поддержать торговлю, промышленность и богатство целых государств и стран в том случае, когда общественные условия не благоприятствуют этому, и что отдельные лица большей частью своих производительных сил обязаны политической организации управления и силе нации. После присоединения к Франции ее фабрично-заводская промышленность снова достигла своего древнего исполинского развития. Голландия сама по себе рядом с великими державами никогда не была бы в состоянии развить и поддержать собственную самостоятельную торговую систему. Но после соединения с Бельгией, когда установился всеобщий мир, как только развились ее естественные средства, увеличилось народонаселение и расширилась территория настолько, что она могла стать в ряд с великими нациями и в самой себе найти огромное количество разнообразных производительных сил, — и в Голландии, как видим, устанавливается протекционная система, под влиянием которой замечается значительный подъем в земледелии, фабрично-заводской промышленности и торговле. Это соединение по причинам, рассмотрение которых не входит в задачу нашего труда, снова распалось, а вместе с тем подорвана была для Голландии и протекционная система, которая до сих пор еще однако же прочно держится в Бельгии.

В настоящее время Голландия живет своими колониями и своей международной торговлей с Германией. Но первая война может лишить Голландию ее владений, и чем более германский таможенный союз будет направляться к обеспечению собственных интересов и к лучшему управлению своими силами, тем более она будет сознавать необходимость присоединить к себе Голландию.

ГЛАВА IV. АНГЛИЧАНЕ

При изложении истории ганзейских городов мы видели, как в Англии земледелие и овцеводство развилось благодаря внешней торговле, как позднее вследствие переселения в Англию иностранных фабрикантов, подвергавшихся преследованию на своей родине, и благодаря поощрительным мерам правительства шерстяное фабричное производство страны достигло цветущего состояния, как вследствие этих успехов в промышленности, а также мудрой и энергичной политики королевы Елизаветы внешняя торговля страны, которая до сих пор почти исключительно велась иностранцами, перешла в руки туземных купцов.

Прибавив еще несколько замечаний относительно возникновения английской промышленности, мы продолжим изложение развития английской национальной экономии с того момента, на котором мы остановились во второй главе.

Начала промышленного и коммерческого величия Англии нужно искать преимущественно в овцеводстве и шерстяном производстве. Когда ганзейцы явились в Англию, земледелие и овцеводство здесь не были значительны. Зимнего корма для скота не было; вследствие недостатка в корме приходилось большую часть скота осенью убивать. Поэтому чувствовался недостаток в стадах и в удобрении. Подобно тому, как во всех девственных странах, как прежде в Германии, а теперь в пустынях Америки, главной мясной пищей было свиное мясо — по причинам вполне понятным. Свиньи требуют самого незначительного ухода, сами себе разыскивают корм, находя его в изобилии в лесах и на возделанных полях; кроме того, достаточно сохранить на зиму ничтожное число маток для того, чтобы на будущий год иметь значительные стада.

Но с появлением иностранных купцов свиноводство начало уменьшаться, увеличилось овцеводство и вообще начало быстро улучшаться земледелие и разведение рогатого скота.

Гум в своей «Истории Англии»[33] сообщает очень интересные данные относительно сельского хозяйства в Англии в начале XIV столетия. В 63 имениях лорда Спенсера в 1327 году было 28 тыс. овец, 1000 быков, 1200 коров, 560 лошадей и 2000 свиней, следовательно, на одно имение приходилось приблизительно 450 овец, 35 голов рогатого скота, 9 лошадей и 32 свиньи. Из этого можно видеть, в каком выгодном отношении стояло уже в то время в Англии число овец в сравнении с числом скота других пород. Большие выгоды, которые извлекались аристократией из овцеводства, возбуждали в ней интерес к промышленности и к улучшению сельского хозяйства уже в то время, когда аристократия большей части стран континента не знала лучшего употребления своих имуществ, как на содержание в поместьях огромного количества диких зверей; когда она не знала более славного занятия, как вредить городам и их торговле всякого рода враждебными действиями.

Теперь же, как в последнее время в Венгрии, овцеводство настолько развилось, что в некоторых имениях насчитывалось от 10 тыс. до 24 тыс. овец. При таких обстоятельствах, вследствие принятых королевой Елизаветой мер, шерстяная промышленность, которая сделала уже значительные успехи при ее предшественниках, необходимо должна была быстро достигнуть цветущего состояния[34].

В петиции ганзейцев, на которую мы указывали выше и в которой они ходатайствовали перед германским рейхстагом о принятии реторсионных мер, вывоз сукна из Англии определен в 200 тыс. кусков, а во время уже правления Иакова I ценность всего вывозимого из Англии сукна достигла невероятной суммы в 2 млн фунтов стерлингов, между тем как стоимость всего вывезенного из Англии сукна в 1354 году равнялась только 277 тыс. фунтов, стоимость же прочих вывезенных товаров — всего 16 400 фунтам. До царствования только что названного короля большая часть сукна вывозилась в невыделанном виде в Бельгию, где оно получало окончательную выработку и отделку, но благодаря охранительным и поощрительным мерам Иакова I и Карла I английская отделка сукна достигла такого совершенства, что теперь ввоз тонкого сукна почти прекратился и впредь вывозилось лишь сукно обработанное и отделанное.

Чтобы оценить важность этих результатов английской торговой политики, необходимо заметить, что прежде, чем достигло таких огромных размеров развитие льняного, хлопчатобумажного, шелкового и железного производства, наибольшую часть меновых средств доставляло производство сукна как для торговли со всеми европейскими государствами, так и в сношениях с Левантом, с Восточной и Западной Индией. О значении этого производства можно судить по тому, что уже со времени Иакова I шерстяные изделия составляли девять десятых всего отпуска Англии[35].

Такая мануфактурная промышленность обеспечила Англии возможность вытеснить ганзейцев с рынков России, Швеции, Норвегии и Дании и привлечь к себе лучшую долю выгод в торговле с Левантом и обеими Индиями. Она поставила на прочное основание развитие каменноугольного производства, что в свою очередь обеспечило широкий каботаж и рыбную ловлю; а то и другое послужило основанием морского могущества и дало возможность обнародовать навигационный акт и положить тем начало английскому морскому господству. От него, как от общего ствола, раскинулись ветви всех других производств, и он, таким образом, является фундаментом, на котором зиждется промышленное, торговое и морское величие Англии.

Между тем и другие отрасли английской промышленности не остались в пренебрежении. Уже при королеве Елизавете был воспрещен ввоз металлических и кожевенных изделий и массы других предметов фабрично-заводской промышленности[36], с другой стороны, оказывалось покровительство эмиграции немецких горнопромышленников, железозаводчиков; прежде

корабли покупались у ганзейцев или же их заказывали строить в гаванях Балтийского моря; Елизавета посредством охранительных и поощрительных мер создала собственное кораблестроение. Необходимые для этого лесные материалы получались из северо-восточных государств, а это опять чрезвычайно расширило вывоз английских произведений в эти страны. Изучив сельдяной промысел у голландцев, китоловный — у жителей Бискайской бухты, Англия способствовала развитию его посредством премий. Особенно заботился о развитии кораблестроения и рыбных промыслов Иаков I. Хотя настойчивые увещевания есть рыбу, с которыми этот король постоянно обращался к своим подданным, и могут показаться нам смешными, однако необходимо отдать ему справедливость в том, что он совершенно верно понял, на чем должно покоиться будущее величие Англии. Безмерно повысились в Англии промышленная опытность и фабрично-заводской капитал вследствие переселения протестантских фабрикантов, изгнанных Филиппом II и Людовиком XIV из Бельгии и Франции. Им обязана Англия выделкой тонких шерстяных материй, своими успехами в производстве шляп, бумаги, часов, стеклянных, льняных и шелковых изделий, равно как и частью своих заводов для металлургических производств; все эти отрасли промышленности она сумела быстро поднять посредством запрещения ввоза или высоких таможенных пошлин[37].

Этот остров заимствовал у всех стран континента их специальные искусства и насаждал их у себя под охраной своей таможенной системы. Венеция должна была уступить ему между другими отраслями производства предметы роскоши и свое искусство в обработке хрусталя и даже Персия — в тканье ковров.

Раз овладев какой-либо отраслью промышленности, Англия в течение столетий окружала ее своим попечением и лелеяла ее, как молодое деревце, которое требует опоры и забот. Тот, кому неизвестно, что при трудолюбии, прилежании и бережливости можно всякую отрасль промышленности сделать выгодной и что в стране, сделавшей уже успехи в земледелии и в культуре вообще, новые фабрики при соответственном покровительстве, как бы несовершенны и дороги ни были в начале их произведения, скоро вследствие навыка и опыта достигают того положения, на котором они могут во всех отношениях сравняться со старыми иностранными фабриками; тот, кто не знает, что успех какой-либо отдельной ветви фабричного производства обуславливается успехом многих других, и кто не знает, до какой степени в состоянии страна развить свои производительные силы, когда она с постоянством заботится о том, чтобы каждое поколение двигало дело промышленности вперед, начиная с того, до чего довело его предыдущее поколение, тот пусть изучает историю английской промышленности прежде, нежели решиться на построение системы и на преподание советов политическим и государственным деятелям, в руках которых находится благосостояние или бедствие народа.

Английским государственным людям времен Георга I, положившим основание величию страны, давно все это было известно. «Несомненно, — говорили этому королю министры при открытии парламента в 1721 году, — несомненно, ничто не содействует так сильно возвышению общественного благосостояния, как отпуск своих мануфактурных изделий и привоз иноземных сырых продуктов»[38].

Положение это сделалось руководящим принципом для торговой политики Англии на целые столетия, каковым прежде оно было для Венеции. Таким же этот принцип остается и теперь, как во времена царствования Елизаветы. Плоды такой политики находятся перед взорами всего света.

Позднее доктринеры доходили до утверждения, что Англия не благодаря торговой политике сделалась государством богатым и могущественным, а вопреки ей. Можно было бы с таким же правом утверждать, что деревья возрастают прямо и плодоносно не благодаря, а наперекор подпоркам, поддерживающим их правильный рост в нежном возрасте.

История Англии указывает и на то, в какой тесной связи стоит там общая политика с политической экономией. Очевидно, основание фабрик в Англии и происшедшее отсюда приращение народонаселения вызвало огромный спрос на соленую рыбу и каменный уголь, вследствие чего потребовалось сильное увеличение количества судов, предназначенных для рыбной ловли и каботажа. То и другое находилось в руках голландцев. Поощряемые высокими пошлинами и премиями, англичане теперь сами взялись за рыбные промыслы, а навигационный акт обеспечил за ними перевозку каменного угля и морскую транспортировку вообще. Вызванное этим увеличение числа торговых кораблей Англии дало в результате пропорциональное увеличение ее морских сил, и флот Англии теперь мог уже померяться с голландским. Вскоре после обнародования навигационного акта между Англией и Голландией открылась морская война, вследствие которой торговля Голландии со странами по ту сторону канала была почти совершенно прервана, и ее корабли были почти истреблены английскими каперами. По сведениям Гума, число кораблей, захваченных англичанами у голландцев, простиралось до 1600, а Давенан уверяет, что в течение 28 лет со времени издания навигационного акта английский торговый флот удвоился[39].

Важнейшими результатами издания навигационного акта следует признать:

1. Расширение английских торговых сношений со всеми северными государствами, с Германией и Бельгией (вывоз фабрично-заводских изделий и привоз сырья), из которых, по свидетельству Андерсона, относящемуся к 1603 году, англичане были почти совершенно вытеснены голландцами.

2. Необыкновенное развитие контрабандной торговли с Испанией и Португалией и их вест-индскими колониями.

3. Сильное развитие сельдяных и китоловных промыслов, которые были почти монополией Голландии.

4. Завоевание важнейших английских колоний в Западной Индии и Ямайке (1665) и приобретение торговли вест-индским сахаром, в особенности же:

5. Заключение с Португалией Метуэнского договора (1703), который заставляет нас коснуться Испании и Португалии. Вследствие этого договора голландцы и немцы были совершенно отстранены от важнейшей торговли с Португалией и ее колониями; Португалия попала в полную политическую зависимость от Англии, и благодаря золоту и серебру, которое давала торговля с Португалией, Англия приобретала средства к расширению своей торговли с Восточной Индией и Китаем, к основанию затем великой Ост-Индской империи и к устранению голландцев с их главных станционных пунктов.

Два последних результата стоят в тесной связи друг с другом. При этом в особенности замечательна та ловкость, с которой англичане сумели сделать обе эти страны, Испанию и Португалию, своими орудиями. Испания и Португалия могли доставлять преимущественно благородные металлы; Восток, кроме сукна, требовал преимущественно только благородных металлов. До сих пор все шло отлично. Но Восток в обмен предлагал преимущественно хлопчатобумажные и шелковые товары. Но это не соответствовало приведенному нами выше правилу английских министров ввозить только сырые продукты и вывозить только фабрикаты. Что же делать теперь? Могли ли они удовлетвориться выгодами, которые им обещала торговля сукном с Португалией и торговля шелковыми и хлопчатобумажными товарами с Восточной Индией? Ни в каком случае. Английские министры видели дальше.

Если бы они разрешили привоз в Англию ост-индских хлопчатобумажных и шелковых изделий, то английская хлопчатобумажная и шелковая промышленность немедленно прекратила бы свое существование. Ост-Индия имела за себя не только большую дешевизну сырых материалов и рабочих рук, но также и исконную привычку, трудолюбие и практику. Результаты этих преимуществ при свободной конкуренции не замедлили бы сказаться. Но Англия не имела желания основывать колонии в Азии с тем, чтобы поставить от них в зависимость свою мануфактурную промышленность. Она стремилась к торговому господству и понимала, что из двух стран при взаимной свободе торговли будет господствовать та, которая продает фабрикаты, и в подчиненном положении окажется та, которая в состоянии предложить лишь сельскохозяйственные продукты. Англия уже относительно своих североамериканских колоний приняла основное правило, чтобы там не выделывалось ни одного гвоздя для подковы, а тем более, чтобы ни один гвоздь, выделанный там, не ввозился в Англию. Возможно ли было поэтому ожидать, чтобы Англия дозволила народу, столь известному своей древней промышленностью, столь многочисленному, столь экономному, каковы индусы, иметь свой собственный мануфактурный рынок — основу их будущего величия?

Англия воспретила привоз к себе товаров даже своих собственных факторий и ост-индских шелковых и хлопчатобумажных тканей[40]! Она запретила их ввоз вполне и строжайшим образом, она не желала потреблять ни одной нитки из Индии; она не хотела воспользоваться ничем из этих превосходных и дешевых изделий; она предпочитала потребление дурных и дорогих тканей собственной фабрикации; она с удовольствием продавала континентальным странам несравненно лучшие ост-индские ткани за более дешевые цены; она им желала предоставить все выгоды этой дешевизны, себе же не желала ничего из всего этого.

Не бессмысленно ли поступала в этом случае Англия? Конечно, если судить с точки зрения теории Адама Смита и Ж. Б. Сэя, с точки зрения теории ценностей. Ибо, по этой теории, все необходимое нужно покупать там, где можно купить лучше всего и дешевле всего; бессмысленно было бы в самом деле устроить более дорогое собственное производство вместо дешевой покупки и дешевые товары, так сказать, дарить континенту.

Совсем иначе выходит по нашей теории, которую мы называем теорией производительных сил и которую, не исследуя ее оснований, признавали английские министры, придерживаясь правила: покупать сырье, продавать фабрикаты. Министры английские заботились не о приобретении очень дешевых, но преходящих мануфактурных изделий, а о создании с пожертвованиями дорогой и постоянной мануфактурной силы.

Они достигли своей цели блистательнейшим образом. Теперь Англия производит на 70 млн фунтов стерлингов хлопчатобумажных и шелковых изделий, снабжает всю Европу, весь свет — саму Ост-Индию — своими фабрикатами. Ее собственная производительность в настоящее время в пятьдесятсто раз значительнее той торговли, которую она вела в былое время ост-индскими товарами.

Что выиграла Англия, если бы сто лет тому назад начала покупать дешевые ост-индские изделия?

Что выиграли те, которые покупали эти изделия так дешево? Англичане приобрели силу, невероятную силу; другие — то, что противополагается силе.

Каким образом, невзирая на такие исторические, вне сомнения, доказанные результаты, Адам Смит мог высказать такое превратное суждение об английском навигационном акте, как это было им сделано? Это объясняется тем же, чем объясняются и суждения этого знаменитого писателя, полные заблуждений, относительно вообще таможенных ограничений, как это мы увидим в другой главе нашего труда. Эти факты становятся поперек дороги его излюбленной идеи о неограниченной свободе торговли, и он должен для устранения тех возражений, которые могли бы быть сделаны против его принципа на основании тех результатов, к которым привел навигационный акт, выставить положение, что политические и экономические цели различны, и утверждать, что на-

вигационный акт, хотя в политическом отношении и был необходим и полезен, но в экономическом отношении был убыточен и вреден. Как мало такое разделение соответствует сущности вещей и оправдывается опытом, ясно из нашего изложения. Ж. Б. Сэй, несмотря на то что опыт Северной Америки мог бы ему лучше разъяснить дело, в этом случае, как и всюду, где принцип свободы торговли сталкивается с принципом ограничений, идет еще дальше своего предшественника. Сэй вычисляет, сколько стоит Франции матрос, благодаря премиям для рыболовных промыслов, чтобы доказать невыгодность подобных премий. Вообще вопрос об ограничении мореплавания для защитников неограниченной свободы торговли является камнем преткновения, который ими охотно обходится даже молчанием, в особенности если они принадлежат к торговому сословию приморских городов.

Истина одна: относительно ограничения судоходства дело обстоит так же, как относительно всяких торговых сношений. Свобода судоходства и свобода торговли иностранцев кажется всякой стране полезной и желательной в начале ее культурного развития, пока у нее не разовьется собственное земледелие и не возникнут собственные фабрики. За недостатком капиталов и опытных моряков такие страны охотно предоставляют внешнюю торговлю чужеземцам. Позднее, когда они разовьют до известной степени свои производительные силы и мало-помалу приобретут сведения в кораблестроении и мореплавании, у них пробуждается желание расширить свою внешнюю торговлю, вести ее на собственных кораблях и создать собственный флот. Постепенно их собственное мореплавание достигает значительных размеров, и тогда они чувствуют уже себя в силах отказаться в этом отношении от чужой помощи и вести свою расширяющуюся торговлю на собственных кораблях. Тогда наступает время для успешного применения известных ограничений в видах удаления от этих операций богатых, опытных и могущественных чужеземцев. Но на высшей ступени развития их мореплавания и флота снова наступает другой момент, о котором док. Пристлей выразился: нужно быть настолько же благоразумным для отмены навигационных ограничений, насколько и для их применения[41]. Тогда они посредством заключения трактатов о мореплавании на равном праве, с одной стороны, приобретают несомненные выгоды в сношениях с нациями, отставшими от них в мореплавании, с другой — предохраняют своих собственных моряков от апатии и принуждают их развивать кораблестроение и мореплавание наравне с другими нациями[42]. Венеция в период своего поступательного движения, без сомнения, много была обязана ограничениям в мореплавании; достигнув же верховенства в торговле, промышленности и мореплавании, она сделала величайшую ошибку, сохранив эти ограничения. Благодаря именно этому обстоятельству она далеко отстала в кораблестроении, равно как и в искусстве мореплавания и в пригодности своих матросов, от тех морских и торговых держав, которые развивались рядом с ней. Так, Англия своей политикой увеличила

свой флот и благодаря флоту развила свою фабрично-заводскую и торговую промышленность, а из развития последней должно опять возникнуть новое усиление ее флота и увеличение колониальных владений.

Адам Смит, хотя он и утверждает, что навигационный акт не был полезен для Англии в коммерческом отношении, добавляет тем не менее, что этот акт, во всяком случае, увеличил ее могущество и что могущество[43] важнее, нежели богатство.

И это так на самом деле: могущество важнее, нежели богатство. Почему оно важнее? Потому что могущество нации есть сила, способность открывать новые источники средств и потому что производительные силы суть то дерево, на котором возрастают богатства, потому, наконец, что дерево, приносящее плод, несравненно ценнее, чем сам плод. Могущество важнее богатства потому, что могущественная нация не только открывает себе новые производительные источники, но и сохраняет старые и прежде ею приобретенные богатства, и потому, что, напротив, нация, противоположная таковой, — нация слабая; не только то, чем она владеет, но и свои производительные силы, свою культуру, свою свободу, даже свою национальную самостоятельность отдает она в руки тех, которые превосходят ее могуществом, как ясно показывает история итальянских республик, Ганзейского союза, Бельгии, Голландии, Испании и Португалии.

Каким же образом при таком развитии могущества, производительных сил и богатства Адам Смит мог утверждать, что Метуэнский договор и навигационный акт в коммерческом отношении были невыгодны для Англии?

Мы показали, каким образом Англия благодаря своей политике достигла могущества, благодаря могуществу развила свои производительные силы и благодаря последним приобрела богатство; теперь увидим, как у нее благодаря ее политике громоздилось могущество на могущество, производительные силы на новые производительные силы.

Англия захватила ключи ко всем морям и всюду расставила сторожевые посты; для Германии — Гельголанд, для Франции — Гвернезей и Иерзей, для Северной Америки — новую Шотландию и Бермудские острова, для Средней Америки — Ямайку, для всех прибрежных стран Средиземного моря — Гибралтар, Мальту и Ионийские острова; она овладела всеми этапными пунктами по обоим путям в Индию, исключая Суэцкий перешеек, к обложению которых стремится; она заперла Средиземное море Гибралтаром, Красное море — Аденом и Персидский залив — Буширом Карраком. Ей не хватает только Дарданелл, Зунда, перешейков Суэцкого и Панамского для того, чтобы все моря запирать и открывать по своему желанию.

Ее морские силы выше морских сил всех других наций, если не по количеству кораблей, то по опытности моряков.

Ее фабрично-заводская промышленность по своему значению превосходит таковую же всех других наций. Несмотря на то что со времени Иако-

ва I ее суконная мануфактурная промышленность более чем удесятерилась (44,5 млн фунтов стерлингов), другая новая развившаяся в течение последнего столетия отрасль промышленности — хлопчатобумажная — достигла еще больших размеров, а именно 52,5 млн фунтов стерлингов[44].

Не удовлетворившись этим, она вознамерилась и свою льняную промышленность, в которой она издавна отстала от других наций, поднять на такую же высоту, если еще не более, как обе вышеуказанные отрасли промышленности; теперь производительность ее в этом отношении достигает уже 15,5 млн фунтов стерлингов.

Еще в XIV веке настолько бедная железом, что считала нужным запретить вывоз этого необходимого металла, Англия в XIX столетии вырабатывает железных и стальных изделий больше, нежели все прочие нации всего света, а именно на 31 млн, а производительность каменного угля и других материалов достигает суммы 34 млн фунтов стерлингов. Эти обе суммы (1620 млн франков) в семь раз превосходят стоимость всего золота и серебра, добываемого другими странами земного шара (приблизительно 220 млн франков).

Она в настоящее время выделывает шелковых материй больше, чем все итальянские республики средних веков вместе взятые, именно на 13,5 млн фунтов стерлингов.

Отрасли промышленности, которых название во времена Генриха VIII и Елизаветы едва было известно, достигли теперь огромного развития, например, стеклянное, фарфоровое и фаянсовое производства — 11 млн, медное и латунное — 4,5 млн, бумажное и книжное, красочное и мебельное — 14 млн фунтов. Она производит на 16 млн фунтов стерлингов кожевенных товаров и на 10 млн непоименованных товаров; ее только пивное и винокуренное производства достигают несравненно большей ценности, нежели производство всей страны времен Иакова I, а именно 47 млн фунтов.

Вся фабрично-заводская промышленность трех соединенных королевств в новейшее время достигает 259,5 млн фунтов стерлингов.

Вследствие главным образом такой невероятной фабрично-заводской промышленности продуктивная сила земледелия достигла такой энергии, что ценность ее продуктов больше чем вдвое превышает только приведенную сумму (539 млн).

Правда, этим развитием могущества и производительных сил Англия обязана не только ограничениям торговли, ее навигационному и торговым договорам, но и тем завоеваниям, которые ею сделаны в области науки и искусств.

От чего зависит то, что в наше время миллион английских фабричных рабочих в состоянии исполнять работу сотен миллионов? Это зависит от огромного спроса на продукты фабрично-заводской промышленности, который был создан разумной и энергичной английской политикой за гра-

ницей и главным образом в ее колониях; от мудрого и сильного таможенного покровительства, которое оказывалось Англией своей внутренней промышленности; от высоких премий, которые она при помощи своих законов о привилегиях устанавливала за каждое новое изобретение; от чрезвычайного развития ее внутренних путей сообщения вследствие устройства шоссе, каналов и железных дорог.

Англия доказала миру, какое сильное влияние оказывают пути сообщения на развитие производительных сил и вместе с тем на увеличение богатств, народонаселения и политического могущества; она доказала, чего может достигнуть во время войн, в короткое время полустолетия, свободная, трудолюбивая и хорошо управляемая нация. Что такое в сравнении с ней деятельность итальянских республик в этом отношении? — детская игра. Ценность этого великого аппарата национальных производительных сил Англии равняется сумме в 118 млн фунтов[45].

Но Англия предприняла и закончила это дело только тогда, когда ее фабрично-заводская промышленность начала упрочиваться. С тех пор стало очевидно для всякого, что таких результатов могла достигнуть только такая нация, фабрично-заводская промышленность которой начинает развертываться в широких размерах; что только у такой нации, которая равномерно развивает внутри страны заводско-фабричную промышленность и земледелие, огромные выгоды, отсюда проистекающие, покрывают затраченные на них издержки, что только у такой нации эти драгоценные орудия прогресса как следует выполняют свою работу.

Без сомнения, невероятная сила производительности, колоссальное богатство Англии не есть результат только физической мощи нации и корыстолюбия отдельных личностей; исконное чувство свободы и права, энергия, религиозность и нравственность народа много этому содействовали; внесли сюда свою долю влияния и конституция страны, государственные установления, мудрость и сила правительства и аристократии; имели значение и географическое положение, история страны, даже счастливые случайности.

Трудно сказать, что оказывает более могущественное влияние, материальные ли силы на умственные или умственные на материальные, общественные ли силы на индивидуальные или индивидуальные на общественные. Во всяком случае, несомненно, что и те и другие находятся в сильном взаимодействии, что развитие одних вызывает развитие других и что ослабление одних постоянно влечет за собой ослабление других.

Те, кто ищет основные причины возвышения Англии единственно в смешении англосаксонской крови с нормандской, пусть бросят взгляд на состояние этой страны до Эдуарда III. Где тогда было прилежание и трудолюбие нации? Те, кто отыскивает их в конституционной свободе страны, пусть припомнят, как Генрих VIII и Елизавета обходились со своими парламентами. Где была тогда конституционная свобода? В то время Германия и Италия в их

городах пользовались несравненно большей долей индивидуальной свободы, нежели Англия[46].

Только один драгоценный цветок свободы сохранила англосаксонско-нормандская ветвь среди других народов германского происхождения, цветок этот был зерном, из которого выросло все чувство свободы и права Англии, — это суд присяжных.

Когда в Италии выкопали из земли Пандекты, и этот труп (во всяком случае, великого мертвеца, мудреца при жизни) распространил кровавую заразу на континенте, английские бароны решили: никаких изменений в английских законах! Какую сумму моральных сил обеспечили они будущим поколениям! Какое действие оказывала позднее эта моральная сила на силы материальной производительности!

Латинский язык был своевременно исключен из общества и литературы, из административных и судебных учреждений. Как отразилась эта мера на развитии нации, на ее законодательстве и судебных установлениях, на ее литературе и промышленности? Какое влияние оказало более продолжительное употребление этого языка в Германии в связи с чужеземным правом? Какое влияние оказывал латинский язык до нашего времени в Венгрии? Как отозвались в Англии на свободе и цивилизации и на промышленности изобретение пороха и книгопечатания, реформация, открытие нового пути в Ост-Индию и открытие Америки? Изучите последствия этих событий на Германию и Францию и сравните. В Германии: смуты в государстве и в провинциях вплоть до городских стен, несчастные раздоры, варварство в литературе, в государственных и судебных учреждениях; междоусобная война, преследования и ссылки, чужеземные нашествия, опустошения и разорения; разорение городов, промышленности, земледелия и торговли, упадок свободы и городского самоуправления; суверенитет высшей аристократии; ослабление императорской власти и национальных особенностей; отпадение лучших частей империи. Во Франции: безусловное подчинение городов и аристократии абсолютизму; союз последнего с клерикализмом против свободы мысли, но при этом национальное единство и могущество; завоевание с его выгодами и проклятиями, в то же время упадок свободы и промышленности. В Англии: развитие городов, земледелия, торговли и промышленности; подчинение аристократии законам; с другой стороны, преимущественное участие ее в законодательстве, в государственных и судебных учреждениях и в выгодах от промышленности; развитие внутреннее и увеличение могущества внешнего; внутренний мир; влияние на все менее цивилизованные страны; ограничение королевской власти, но к выгоде короны, которая выигрывает в доходах, блеске и прочности; одним словом — высокая степень благосостояния, цивилизации и свободы внутри и преобладающее могущество вне страны.

Кто, однако, может сказать, какую долю из этих благотворных результатов следует принять на счет интеллектуального развития нации и ее конститу-

ции, или какую на счет ее географического положения и предшествующего состояния, или какую, наконец, на счет простого случая, судьбы или счастья?

Поставьте на место Карла V Генриха VIII, и вследствие возбужденного жалкого бракоразводного процесса, быть может (понятно, почему мы говорим: быть может), из Германии и Нидерландов вышло бы то же, что из Англии, а из Англии — то, что вышло из Испании. Поставьте на место Елизаветы слабую женщину, которая вышла бы замуж за Филиппа II, что сталось бы с могуществом, культурой и свободой Великобритании?

Если бы в этих переворотах дела решал народный гений, не выпала ли бы лучшая часть этих благодетельных результатов на долю той нации, в которой этот гений зародился, — немецкой? Но эта нация от этих успехов получила лишь несчастье и слабость.

Ни в одной стране Европы не встречаемся мы со столь мудрым устройством дворянства, как в Англии. Это устройство обеспечивает здесь аристократии по отношению к короне, так же, как и в буржуазии, индивидуальную независимость, достоинство и прочность, предоставляет ей парламентарное воспитание и положение, чтобы дать ее усилиям направление патриотическое и национальное, равно способы к привлечению в свой состав из избранных членов буржуазии всякого, кто в ней особенно выдается по уму, огромному богатству или блестящим заслугам, на тот конец, чтобы избыток своего потомства снова возвращать буржуазии, и, таким образом, аристократия и буржуазия в последующих поколениях сливаются друг с другом. Таким образом, аристократия получает от буржуазии постоянный приток свежих сил, поддерживающий в ней гражданственность и патриотическую бодрость, просвещение, умственные и материальные богатства; аристократия же сообщает буржуазии известную долю своего, ей присущего образования и независимости мысли, предоставляя своих младших сыновей своим собственным силам и возбуждая в буржуазии стремления на великие подвиги. У английского лорда, как бы много он ни имел детей, за столом сидит лишь один благородный; его остальные дети — участники общего стола, они обеспечивают себя или ученой профессией, или государственной службой, или посвящают себя торговле, промышленности, земледелию. Рассказывают, что несколько времени тому назад один из первых английских герцогов возымел намерение пригласить на праздник всех родственников своего дома, но он должен был отказаться от своего намерения, потому что этих родственников был легион, несмотря на то, что его род восходил лишь за несколько столетий. Нужно написать целую книгу, чтобы показать влияние этого института на развитие духа предприимчивости, колонизации, могущества и свободы, а главное, производительных сил нации.

Географическое положение Англии имело также безмерное влияние на самостоятельное развитие нации. Англия в противоположность Европе всегда была целым миром для самой себя, всегда была свободна от влия-

ния зависти, предрассудков, эгоизма, страстей и несчастий прочих государств и наций. Этой изолированности положения большей частью обязана она свободным и беспримесным развитием своих установлений — спокойным введением реформации и столь плодотворной для ее промышленности секуляризацией церковного имущества; ей обязана она счастьем, что в течение столетий пользовалась, за исключением междоусобных войн, непрерывным миром; эта изолированность сделала ненужным для нее содержание постоянной армии и облегчила ей раннее развитие последовательной таможенной системы.

Вследствие этой изолированности Англия не только была свободна от невыгодного влияния войны, но извлекла еще из континентальных войн огромные выгоды для своего мануфактурного верховенства. Разорение вследствие войн всегда наносит разнообразный вред фабрикам тех стран, в которых они велись: во-первых, косвенно — тем, что они, прерывая и расстраивая сельское хозяйство, лишают земледельцев возможности приобретать фабрикаты и продавать фабрикантам сырые материалы; во-вторых, непосредственно — так как во время войн фабрики часто подвергались разрушению или же прекращался подвоз к ним сырых продуктов и отправка товаров, что затрудняло находить капиталы и занимать рабочих, между тем как те же фабрики должны были платить огромные контрибуции и налоги. Наконец, войны даже и после их окончания продолжали оказывать невыгодное влияние на промышленность, так как капиталы и рабочие руки после войны всегда от фабрик стремятся к земледелию настолько, насколько нанесен был последнему вред опустошениями войны и насколько для капиталов и рабочих рук по заключении мира является выгоднее занятие земледелием сравнительно с фабричной работой. В то время как фабрики и заводы Германии в течение одного столетия два раза должны были пережить подобное состояние, английские фабрики продолжали развиваться беспрерывно. Английские фабрики, в противоположность континентальным, получали двойные и тройные выгоды всякий раз, как Англия принимала участие во внешних войнах или посредством снаряжения флота и армии, или посредством субсидий, или тем и другим способом одновременно.

Мы не принадлежим к числу тех, кто защищает бесполезные расходы, а в особенности расходы, вызываемые войной и необходимостью содержания огромных армий, или к числу тех, кто поддерживает безусловную пользу значительных государственных долгов; но, с другой стороны, мы не думаем также, что господствующая школа совершенно права, когда она считает безусловно вредными все те издержки, которые непосредственно не оказываются производительными, как, например, на войны. Вооружение армий, войны и проистекающие отсюда государственные долги могут, как показывает пример Англии, при известных обстоятельствах вызывать замечательно сильное увеличение производительных сил нации. Материальные капиталы могут все-таки быть

употреблены в тесном смысле слова непроизводительно, но это употребление тем не менее может вызвать необычайное напряжение, новые открытия и усовершенствования, как и вообще увеличение производительных сил. Эти производительные силы в таком случае делаются постоянными; они крепнут больше и больше, между тем как расход на войну имеет место только однажды[47]. И, таким образом, при благоприятных условиях, как это было в Англии, может оказаться, что нация вследствие тех расходов, которые теоретиками считаются непроизводительными, выиграет больше, нежели потеряет. Что это в Англии действительно так, можно доказать цифрами. Эта нация за время войны приобрела для одной только хлопчатобумажной промышленности производительную силу, которая дает ежегодно сумму богатства, далеко превышающую те проценты, которые нация уплачивает по своему государственному долгу[48], не говоря уже о безмерном развитии всех прочих отраслей промышленности и об увеличении ее колониальных богатств.

Особенно очевидны были выгоды, которые извлекала Англия, когда она благодаря своему промышленному преобладанию принимала участие в континентальных войнах или когда поддерживала на континенте армии, или давала субсидии. Все эти издержки производились на месте военных действий в форме английских фабрикатов, и этот сбыт решительно вел к тому, что, во-первых, окончательно подавлял и без того уже находящихся в тягостном положении иностранных фабрикантов, а во-вторых, завоевывал иностранный рынок навсегда для английской промышленности; эти издержки действовали так же, как вывозные премии, — в пользу собственных и к невыгоде иностранных предметов производства.

Таким образом, континентальная промышленность всегда страдала больше от дружбы, нежели от враждебности Англии. Мы припомним здесь только семилетнюю войну, войну против Французской республики и империи.

Как ни были велики вышеуказанные выгоды, их результаты еще усиливались теми выгодами, какие извлекала Англия из эмиграции, обусловленной политическим, религиозным и географическим положением. Уже в XII веке политические отношения принудили фландрских ткачей шерстяных материй переселиться в Валлис. Несколько столетий спустя итальянские изгнанники явились в Лондон, чтобы открыть здесь банкирские конторы. О том, что из Фландрии и Брабанта в разное время переселилась целая масса фабрикантов, было уже сообщено во II главе. Из Испании и Португалии являлись подвергавшиеся преследованию евреи, из ганзейских городов и из клонившейся уже к упадку Венеции — купцы со своими кораблями, своей торговой опытностью и капиталами, со своим духом предприимчивости. Эмиграция капиталов и фабрикантов особенно усилилась вследствие реформации и религиозных преследований в Испании, Португалии, Бельгии, Германии и Франции; а затем — эмиграция купцов и фабрикантов из Голландии вследствие застоя в торговле и промышленности, вызванного навигационным ак-

том и Метуэнским договором. При всяком политическом движении, при всякой войне на континенте Англия привлекала к себе массу капиталов и способностей, так как она пользовалась как бы привилегией свободы и убежища, внутреннего покоя и мира, защиты закона и благосостояния; то же самое произвела, наконец, революция и войны империи; то же самое — политические движения и революционные и реакционные движения и войны в Испании, Мексике и Южной Америке. Долго Англия благодаря своим законам о привилегиях пользовалась монополией на изобретения всех наций. Поэтому справедливо, конечно, что Англия в настоящее время, достигнув наибольшей высоты своего промышленного развития, возвращает континентальным нациям часть производительных сил, которые она у них заимствовала.

ГЛАВА V. ИСПАНЦЫ И ПОРТУГАЛЬЦЫ

В то время как англичане в течение веков старались утвердить на прочном основании здание их национального благосостояния, испанцы и португальцы благодаря своим открытиям быстро достигли благосостояния и в короткое время приобрели огромное богатство. Но это богатство было подобно богатству расточителя, который выиграл его в лотерею, между тем как богатство Англии походило на имущество трудолюбивого и экономного отца семейства. Положение первого благодаря его тратам и роскоши могло казаться некоторое время завидным в сравнении со вторым; но для первого это богатство является лишь средством для мотовства и временного удовольствия, между тем как последний смотрит на богатство главным образом как на средство обеспечения умственного и материального существования своих потомков.

Испанцы так рано владели стадами тонкорунных овец, что уже Генрих I, король Англии (1772), чувствовал необходимость в запрещении ввоза в Англию испанской шерсти, а итальянские шерстяные фабрики уже в X и XI столетиях для своей деятельности большую часть шерсти вывозили из Испании. Уже за два века перед тем жители Бискайской бухты были известны железоделательным производством, мореплаванием и рыбными промыслами.

Они главным образом занимались ловлей китов и еще в 1619 году настолько стояли в этом отношении выше англичан, что последние должны были посылать к ним своих рыбаков для изучения этой отрасли рыбных промыслов[49].

Уже в X столетии при Абдулрахмане III (912–950) мавры на плодоносных равнинах Валенсии имели плантации хлопка, сахарного тростника и риса и занимались там шелководством. В Кордове, Севилье и Гренаде во время владычества мавров существовали значительные хлопчатобумажные и шелко-

вые фабрики[50]. Геренция, Сеговия, Толедо и много других городов Кастилии известны были своими шерстяными фабриками. Одна Севилья в прежнее время насчитывала 16 тыс. ткацких станков, а на шерстяных фабриках Сеговии еще в 1552 году работало до 13 тыс. человек. В таком же отношении развиты были и прочие отрасли промышленности, каковы оружейные заводы и бумажные фабрики. Еще во времена Кольбера Испания снабжала своим сукном Францию[51]. Испанские гавани оживлены были обширной торговлей и большими рыбными промыслами, и до времен Филиппа II государство обладало могущественнейшим флотом. Одним словом, Испания владела всеми элементами величия и благосостояния, когда фанатизм в союзе с деспотизмом начали подавлять великий дух нации. Это движение темной силы открылось изгнанием евреев и закончилось изгнанием мавров, вследствие чего два миллиона трудолюбивейших и богатейших жителей-промышленников были выброшены из Испании вместе с их капиталами. В то время как инквизиция прилагала все старания к изгнанию из страны туземной промышленности, она так же решительно препятствовала водворению в стране иностранных фабрикантов. Открытие Америки и пути через мыс Доброй Надежды лишь по-видимому и притом временно увеличили богатство обеих стран. Их национальной промышленности и могуществу был нанесен смертельный удар. Ибо вместо того, чтобы, как прежде, обменивать продукты Восточной и Западной Индии на произведения своей фабрично-заводской промышленности, они покупали эти товары у других наций на то золото и серебро, которые они вымогали в своих колониях[52], они своих трудолюбивых и полезных граждан преобразовали в стражей рабов и колониальных деспотов, они давали пищу промышленности, торговле и морским силам голландцев и англичан, возбуждая в них зависть, а те скоро приобрели достаточно силы для того, чтобы разбить их флоты и лишить их источников обогащения. Напрасно короли Испании издавали законы, воспрещавшие вывоз золота и ввоз изделий чужеземного фабричного производства; дух предприимчивости, трудолюбия и торговли пускает корни лишь на почве политической и религиозной свободы; золото и серебро остаются там, где промышленность их умеет привлекать и употреблять в дело.

Португалия все-таки под руководством мудрого и энергичного министра сделала попытку к поднятию своей фабрично-заводской промышленности, результаты которой нас поражают. Эта страна, подобно Испании, также с незапамятных времен владела стадами овец. Уже у Страбона мы находим известие, что Португалия получила своих овец из Азии, причем цена их доходила до таланта за штуку. Когда в 1681 году граф Эрецейра сделался в Португалии министром, он составил особый план устройства в стране суконных фабрик для переработки собственных сырых материалов с целью снабжения метрополии и колоний собственными фабрикатами. Для этого выписали мастеров по сукну из Англии, и суконные фабрики в

Португалии благодаря оказанной им поддержке так быстро достигли процветания, что уже через три года (1684) нашли возможным воспретить ввоз иностранного сукна. С этого времени Португалия начала снабжать свою страну и свои колонии собственными фабрикатами, приготовленными из своих же сырых материалов, и находилась, по собственному признанию английских писателей[53], в течение девятнадцати лет в отличном положении. Правда, тогда уже англичане выказали ту ловкость, которую они позднее довели до такого совершенства; чтобы обойти ограничения торговли в Португалии, они начали выделывать шерстяные материи, которые имели некоторое отличие от сукна, но в сущности были того же самого достоинства, и провозили их в Португалию под именем саржи или шерстяного драгета. Эта хитрость, однако, скоро была открыта, и вред ее был уничтожен запрещением ввоза этих изделий[54]. Успех этой меры был тем замечательнее, что страна недавно еще лишилась большого количества капиталов вследствие изгнания евреев и страдала вообще от всяких зол фанатизма, дурного управления и от феодальной аристократии, подавлявшей всякое проявление народной свободы и даже развитие земледелия[55].

Но в 1703 году, после смерти графа Эрецейра, знаменитому английскому министру Метуэну удалось убедить португальское правительство в том, что Португалия приобретет огромные выгоды, если Англия уменьшит на одну треть пошлину на ввозимые из Португалии вина, а Португалия в свою очередь согласится разрешить ввоз английского сукна по той пошлине, какая существовала до 1684 года (23%). Кажется, что главными мотивами для заключения этого договора были со стороны короля надежды на увеличение таможенных доходов, а со стороны аристократии перспектива увеличения ее земельных рент. Вследствие заключения договора король Англии назвал короля Португалии своим старейшим «другом и союзником» совершенно в том же смысле, как Римский сенат, который давал этот титул тем из правителей, которые имели несчастье быть с ними в близких отношениях.

Непосредственно за приведением в действие этого торгового договора Португалия была наводнена английскими мануфактурными изделиями, и первым результатом этого наводнения было внезапное и полное разрушение португальских фабрик — результат, подобный тому, который был следствием позднее заключенного так называемого Эденского трактата с Францией и отмены континентальной системы в Германии.

По свидетельству Андерсона, англичане уже тогда настолько были опытны в умении показать ценность товара далеко ниже его действительной стоимости, что на самом деле платили не более половины назначенной тарифом пошлины[56].

«Как только запрещение было снято, — говорит British Merchant, — мы увезли от них такую массу серебра, что им осталось лишь самое ничтожное количество для их собственных потребностей (very little for their necessary

occasions). Потом мы принялись за вывоз их золота»[57]. Эту операцию они продолжали до самого последнего времени; они вывозили все благородные металлы, которые Португалия получала из своих колоний, и препровождали большую часть их в Ост-Индию и Китай, где, как мы знаем уже из истории Англии, они обменивали их на товары, которые затем продавали на европейском континенте в обмен на сырье. Ежегодный привоз английских произведений в Португалию превышал ее вывоз тамошних продуктов приблизительно на миллион фунтов стерлингов. Этот благоприятный торговый баланс понизил вексельный курс Португалии на 15%. «Мы пользуемся по отношению к Португалии торговым балансом более выгодным, нежели по отношению ко всякой другой стране», — говорит издатель British Merchant в своем посвящении сэру Полю Метуэну, сыну знаменитого министра, «мы вывозим оттуда золота на полтора миллиона стерлингов, между тем как прежде этот вывоз достигал лишь 300 тыс. фунтов»[58].

С тех пор этот договор в глазах всех купцов, экономистов и всех государственных людей Англии является верхом искусства английской торговой политики. Андерсон, который довольно ясно освещает все, что касается английской торговой политики, и в этом отношении вообще отличается большой откровенностью, называет этот договор «в высшей степени справедливым и выгодным» и при этом не может удержаться от наивного восклицания: «О, если бы он мог существовать всегда и вечно!»[59] Только Адам Смит не остановился перед выражением взгляда совершенно противоположного общепризнанному и утверждал, что Метуэнский договор ни в каком случае не оказал особенного содействия английской торговле. В самом деле, если что-либо доказывает слепое уважение, с которым общественное мнение относилось к высшей степени парадоксальным иногда воззрениям этого знаменитого лица, так это то обстоятельство, что сейчас приведенное мнение до сих пор оставалось без опровержений.

В четвертой главе VI книги своего сочинения Смит говорит, что португальцы вследствие того, что пошлина на ввозимые ими вина была уменьшена на одну треть сравнительно с пошлиной на вина других стран, получили известную привилегию, между тем как англичане за свое сукно принуждены были платить такую же пошлину, как и другие страны, следовательно, не получали никакой привилегии взамен предоставленной португальцам. Но разве португальцы до этого не получали большую часть необходимых им иностранных товаров из Франции, Голландии, Германии и Бельгии? Разве не захватили, напротив, теперь англичане исключительно в свои руки для своих мануфактурных изделий португальский рынок, из которого они сами получали сырые материалы? Разве не нашли они способа уменьшить португальскую пошлину наполовину? Разве не содействовал потреблению в Англии португальского вина вексельный курс, стоявший ниже на 15%? Разве не прекратился почти совершенно в Англии спрос на французские и немецкие

вина? Разве португальское золото и серебро не доставило англичанам средства для вывоза массы товаров из Ост-Индии и для наводнения ими всего континента? Разве не потерпели краха португальские суконные фабрики к выгоде английских? Разве вследствие этого все португальские колонии, в особенности богатая Бразилия, не сделались фактически английскими колониями? Во всяком случае, этот договор доставил португальцам привилегию, но только на словах; англичанам же, напротив, он доставил привилегию на самом деле. Подобная же тенденция лежит в основе и всех других торговых трактатов Англии. На словах они всегда были космополитами и филантропами, по своим же стремлениям — всегда монополистами.

По второму соображению Адама Смита, этот договор не был особенно выгоден для англичан потому, что они были принуждены то золото, которое они получали от португальцев за свое сукно, большей частью снова отправлять в другие страны и там покупать на него товары, между тем как для них было бы несравненно выгоднее, если бы они свое сукно обменивали непосредственно на те предметы, которые им были нужны, и, таким образом, посредством одного обмена достигали бы той же цели, какой они благодаря торговле с Португалией достигали лишь посредством двух обменов. Действительно, несмотря на высокое мнение, которое мы имеем о характере и проницательности этого знаменитого писателя, нам при обсуждении этого соображения приходится усомниться или в его искренности, или в его великом уме. Для спасения и того и другого нам не остается ничего более, как жаловаться на слабость человеческой природы, которой вместе с другими заплатил богатую дань и Адам Смит своими парадоксами и своими доходящими почти до смешного аргументами — очевидно, ослепленный своим в сущности благородным стремлением доказать необходимость абсолютной свободы торговли.

В этом рассуждении не больше здравого смысла и логики, как и в утверждении, что пекарь, который продает своим покупателям хлеб за деньги и на эти деньги затем покупает у мельника муку, ведет невыгодную торговлю, так как если бы он свой хлеб обменивал непосредственно на муку, то он мог бы достигнуть своей цели посредством одного обмена вместо двух. Не нужно большого ума для того, чтобы на такое соображение возразить, что, быть может, мельник не нуждается в потреблении такого количества хлеба, какое может ему предложить пекарь, что, быть может, мельник сам умеет печь хлеб и в самом деле печет его и что, следовательно, торговля пекаря без этих двух обменов могла бы и вовсе не пойти. В таком именно положении находились торговые отношения между Португалией и Англией во время действия трактата. Португалия получала золото и серебро из Южной Америки за мануфактурные изделия, которые она туда доставляла; но слишком ли ленивая или слишком недальновидная для того, чтобы производить эти товары самой, она получала их от англичан в обмен на благородные металлы. Последние препровождали эти благородные металлы, если они не могли их употре-

бить для обращения в собственной стране, в Ост-Индию и Китай и там покупали на них товары, которые они опять продавали на европейском континенте, откуда привозили сельскохозяйственные продукты, сырье или же опять благородные металлы.

Теперь мы во имя здравого смысла спрашиваем: кто бы стал покупать у англичан все то сукно, которое они доставляли в Португалию, в том случае, если бы португальцы предпочли выделывать его сами или покупать в другом месте? В Португалию они сбывать его не стали бы, а другие нации покупали его уже столько, сколько были в состоянии. Следовательно, англичанам пришлось бы сократить производство сукна как раз на столько, сколько они продавали Португалии; им пришлось бы вывозить благородных металлов в Ост-Индию на столько же менее, на сколько уменьшилось бы получение их из Португалии; на столько же меньше они были бы принуждены привозить в Европу ост-индских товаров и продавать на европейском материке, следовательно, на столько же меньше привозить оттуда и сырых материалов.

Не менее ошибочно и третье соображение Адама Смита, когда он думает, что англичане, если бы у них не было притока золота из Португалии, удовлетворили бы свою потребность в нем другими путями. Португалия, как она полагает, отпускала за границу лишь избыток своих благородных металлов, которые так или иначе все равно стали бы притекать в ту же Англию. Но предположим случай, что португальцы сами начали бы выделывать сукно, сами свой избыток в благородных металлах начали бы вывозить в Китай и Ост-Индию, а обратный груз продавать в других странах, и затем позволим себе спросить: много ли португальских денег увидели бы англичане в данном случае? Равным образом мог быть и такой случай, что Португалия заключила бы Метуэнский договор с Голландией или Францией. В обоих этих случаях известное количество денег притекало бы в Англию, но никак не больше того, что Англия в состоянии была бы выручить за свою сырую шерсть. Короче сказать: фабрики, торговля и мореходство Англии без Метуэнского договора никогда не достигли бы того развития, какого они достигли в действительности.

Но как бы ни оценивать результаты Метуэнского договора по отношению к Англии, несомненным представляется одно: по отношению к Португалии результаты эти вовсе не такого рода, чтобы могли побудить другие нации в видах развития вывоза своих сельскохозяйственных продуктов предоставить свой внутренний мануфактурный рынок английской конкуренции. Сельское хозяйство и промышленность, торговля и мореплавание, вместо того чтобы подниматься вследствие сношений с Англией, будут падать все ниже и ниже. Напрасно Помбаль стремился поддержать мануфактурный рынок, английская конкуренция все его старания сводила на нуль. Нельзя, впрочем, не признать и того, что в такой стране, как Португалия, где весь общественный строй стоит поперек дороги развитию земледелия, промышленности и торговли, торговая политика мог-

ла достигнуть лишь весьма немногого. Однако и то немногое, чего достиг Помбаль, показывает, как много для блага промышленности может быть достигнуто заботливым правительством, если только будут удалены препятствия, зависящие от общественной организации.

Подобный опыт был сделан в Испании во время правления Филиппа V и его ближайших преемников. Как ни было недостаточно покровительство, оказанное туземной промышленности во время господства Бурбонов, и как ни было мало решимости для применения в полной силе таможенной системы — значительный подъем[60] во всех отраслях промышленности и во всех провинциях страны вследствие перехода из Франции в Испанию торговой политики Кольбера был очевиден. Если читать Устарица и Уллоа[61], то эти результаты при господствовавших в то время отношениях нужно признать в таком государстве поразительными. Повсюду отвратительные грунтовые дороги, по которым могли проходить только мулы; полное отсутствие порядочных постоялых дворов; нигде ни мостов, ни каналов, ни речного судоходства, каждая провинция отделена от прочей Испании таможенной линией; у ворот каждого города коронные сборы; грабежи и нищенство являются промыслами; контрабандная торговля в полном расцвете; наконец, подавляющая система налогов — все это указанные выше писатели выставляют первоначальными причинами упадка промышленности и земледелия. Но они не осмеливаются указать на главные причины этого плачевного состояния: фанатизм, алчность и порочность духовенства, привилегии аристократии, деспотизм правительства, недостаток просвещения и свободы в народе.

Достойным двойником Метуэнского трактата является Асиентский трактат (Assiento-Vertrag) 1713 года, вследствие которого англичанам было предоставлено право ежегодно доставлять в испанскую Америку известное количество африканских негров и являться ежегодно на одном корабле в гавань Портобелло, что им дало случай ввозить контрабандным путем в эту страну массу фабрикатов.

Таким образом, во всех торговых трактатах Англии мы замечаем постоянную тенденцию завоевывать для своей фабрично-заводской промышленности те страны, с которыми они договариваются, предоставляя кажущиеся выгоды их земледельческим и сырым продуктам. Англия повсюду стремится дешевизной своих изделий и предоставлением кредита разорить туземную фабрично-заводскую промышленность этих стран. Если англичане не могут добиться низких таможенных тарифов, они стараются обмануть таможенный надзор или же организовать в широких размерах контрабандную торговлю. Первое, как мы видели, им удалось в Португалии, последнее — в Испании. В этом случае им сослужило службу введение пошлин с ценности товаров; вследствие того и теперь они употребляют так много стараний, чтобы доказать нецелесообразность пошлин, взимаемых с веса товаров, как это было введено в Пруссии.

ГЛАВА VI. ФРАНЦУЗЫ

Франция также унаследовала некоторые остатки римской культуры. Но эти остатки под влиянием германцев, которые любили только охоту и обратили снова в леса и дикие пастбища обрабатывавшиеся до того поля, большей частью исчезли.

Напротив, монастырям, которые впоследствии сделались таким препятствием для развития культуры, обязана Франция, как и все прочие европейские страны, большей частью своих успехов в земледелии в течение средних веков. Между жителями монастырей не было той распри, какая существовала между представителями высшего сословия, они не обременяли своих вассалов военной службой, и их поля и стада менее были подвержены грабежу и расхищению. Духовенство любило довольство жизни, ненавидело раздоры и старалось заслужить уважение помощью нуждающемуся населению. Отсюда и поговорка: «Хорошо живется под епископским посохом».

Крестовые походы, основание Людовиком Святым городских общин и цехов, затем близость Испании и Фландрии рано вызвали во Франции развитие промышленности. Уже в XIV столетии норманны и жители Бретани поставляли шерстяные и полотняные материи для внутреннего потребления и для вывоза в Англию. Около того же времени вывоз вин и соли, преимущественно при посредстве ганзейских торговцев, достиг уже значительных размеров. Благодаря Францу I в Южной Франции водворились шелковые фабрики. Генрих IV поощрял эту отрасль промышленности, так же как и стеклянное, полотняное и шерстяное производства; Ришелье и Мазарини оказывали покровительство фабрикам шелковых, бархатных и шерстяных изделий Руана и Седана, так же как рыболовству и мореходству.

Ни на одну страну открытие Америки не оказало столь благотворного влияния, как на Францию. Из Западной Франции шло много хлеба в Испанию. Масса поселян из области Пиринеев уходила в Северо-Восточную Испанию на заработки. Огромное количество вина и соли вывозилось в испанские Нидерланды, а шелковые и бархатные изделия, как и вообще предметы роскоши французского производства, находили значительный сбыт в Нидерландах, Англии, Испании и Португалии. Вследствие этого рано во Франции начало обращаться большое количество испанского золота и серебра.

Однако блестящий период французской промышленности начался лишь с Кольбера. В год смерти Мазарини не были еще значительны ни фабричное производство, ни торговля, ни мореплавание, ни рыболовство; финансы же были в самом безотрадном положении. Кольбер имел достаточно решимости один предпринять тот труд, который выполнен был англичанами лишь в течение трех столетий напряженного труда и после двух революций. Из всех стран выписывал он самых искусных фабрикантов и рабочих, покупал промышлен-

ные секреты, доставал самые лучшие машины и орудия. Посредством общей, хорошо задуманной таможенной системы он обеспечил для туземной промышленности внутренний рынок; при помощи упразднения или наивозможного сокращения провинциальных таможен, проложением дорог и каналов он содействовал развитию внутренней торговли. Эти меры давали земледелию выгод еще больше, чем фабрикам, так как число потребителей продуктов сельского хозяйства удвоилось, утроилось, облегчая и удешевляя сообщение производителей с потребителями.

Кроме того, он оказывал покровительство земледелию уменьшением прямых поземельных налогов, смягчением способа их взимания, которое до него было очень сурово, посредством справедливого распределения податей и, наконец, путем мероприятий, имевших целью уменьшение ссудного процента. Вывоз зернового хлеба он запрещал только в периоды недостатка в нем и дороговизны. Особенные заботы прилагал он к расширению внешней торговли, покровительствовал развитию рыбных промыслов; он снова оживил торговлю с Левантом, расширил торговые сношения с колониями и начал торговлю с севером. Во всех отраслях администрации требовал он строгой экономии и порядка. В год смерти его Франция насчитывала на фабриках до 50 тыс. ткацких станков, шелковых изделий вырабатывалось на 50 млн франков, государственные доходы Франции достигали 28 млн франков, государство владело превосходным рыболовством, обширным торговым и могущественным военным флотами[62].

Столетие спустя экономисты строго порицали Кольбера и утверждали, что этот государственный человек стремился довести до процветания фабрично-заводскую промышленность за счет земледелия — упрек, который ничего больше не доказывает, как то, что они сами не в состоянии понять существа мануфактурной промышленности[63].

Было, конечно, со стороны Кольбера ошибкой периодически препятствовать вывозу сырых произведений; зато, развивая туземную промышленность, он вызвал спрос на сельскохозяйственные продукты и тем вдесятеро вознаграждал земледелие за тот вред, который оно терпело от указанных выше стеснений. Если Кольбер, противно всякой просвещенной политике, вводил новые способы и посредством принудительных законов заставлял фабрикантов следовать им, то нужно припомнить, во-первых, то, что эти способы в его время, во всяком случае, были наилучшими, а во-вторых, то, что он имел дело с народом, который вследствие продолжительного деспотизма впал в апатию и потому противился всяким нововведениям, хотя бы они и были улучшением.

Что касается упрека в том, что покровительственная система Кольбера уничтожила большую часть туземной промышленности Франции, то он может быть сделан Кольберу только той школой, которая совершенно игнорирует отмену Нантского эдикта с ее гибельными последствиями.

Вследствие этой несчастной меры после смерти Кольбера в течение трех лет из Франции было удалено полмиллиона трудолюбивейших, опытнейших и состоятельнейших жителей, которые теперь, к сугубому вреду страны, которую они обогатили, пересадили свою промышленность и перевели свои капиталы в Швейцарию, во все протестантские страны Германии, особенно в Пруссию, затем в Голландию и Англию. Так интриги метрессы-святоши в три года разрушили гениальное создание целой генерации и снова ввергли Францию в ее прежнюю апатию, между тем как Англия, под охраною своего государственного устройства и воодушевленная энергией нации во время государственного переворота, безостановочно и с возрастающим рвением продолжала воздвигать здание, заложенное Елизаветой и ее предшественниками.

Печальное состояние промышленности и финансов, в которое повергло Францию бездарное управление страной, и зрелище высокого благосостояния Англии возбудило незадолго перед французской революцией соревнование французских государственных людей. Проникнутые мечтательными доктринами экономистов, они, вопреки учениям Кольбера, искали спасения в восстановлении свободы торговли. Думали одним росчерком пера восстановить народное благосостояние, предоставить французским винам и водкам более обширный рынок в Англии и разрешить ввоз английским фабрикантам на условиях более выгодных (12%). В восторге от таких предложений, Англия охотно даровала французам второе издание Метуэнского торгового договора, заключавшееся в так называемом Эденском трактате (1786) — этой копии, которая скоро сказалась в не менее гибельных последствиях, нежели ее португальский оригинал.

В Англии, привыкшей к крепким винам полуострова, спрос на французские вина увеличился совсем не так сильно, как того ожидали. Напротив, во Франции с ужасом заметили, что Англия нуждается лишь в предложении предметов роскоши и моды, общая сумма которых не была значительной, между тем как английские фабриканты брали решительный перевес над французскими фабрикантами как дешевизной, так и доброкачественностью своих изделий и предложением долгосрочного кредита, продавая французам предметы первой необходимости, общая стоимость которых достигала огромных размеров. Когда после кратковременной конкуренции французские фабрики оказались на краю гибели, между тем как французское виноделие получило лишь незначительные выгоды, французское правительство попыталось отменой трактата[64] задержать успехи разорения, но это привело лишь к убеждению, что гораздо легче разорить в течение нескольких лет цветущие фабрики, нежели целому поколению разоренные фабрики снова поднять. Английская конкуренция возбудила во Франции вкус к английским изделиям, что имело последствием развитие на долгое время обширной контрабандной торговли, которую трудно было уничтожить. Англичанам же

не было труда после отмены трактата снова приучить свои вкусы к винам полуострова.

Несмотря на то, что смутное время революции и беспрерывные войны Наполеона не могли особенно выгодно отразиться на благосостоянии французской промышленности, несмотря на то, что французы за это время потеряли большую часть своей морской торговли и лишились всех своих колоний, французские фабрики во времена империи единственно благодаря господству своему на внутреннем рынке и вследствие упразднения феодальной системы достигли большего процветания, нежели во время предшествовавшего образа правления. К тем же результатам привели наблюдения как в Германии, так и во всех других странах, на которые распространялась континентальная система.

Наполеон на своем лапидарном языке выразился: «Государство, которое при современных мировых отношениях следовало бы принципу свободной торговли, было бы обращено в порошок». Здесь относительно торговой политики Франции выражается больше мудрости, нежели во всех сочинениях современных Наполеону экономистов. Нужно изумляться той проницательности, которая дозволила этому великому уму, никогда не изучавшему системы политической экономии, понять сущность и все значение фабрично-заводской промышленности[65]. Благо ему и Франции, что он не изучал ее! «Когда-то, — говорил Наполеон, — известен был лишь один вид собственности — земельная собственность; теперь явился новый вид — промышленность». Наполеон, таким образом, видел и выражал ясно то, чего современные ему экономисты не видели или не могли определить с точностью, а именно того, что нация, соединяющая в себе заводско-фабричную промышленность и земледелие, является более совершенной и богатой, нежели страны чисто земледельческие. Что сделал Наполеон для упрочения и распространения промышленного воспитания Франции, для поднятия кредита страны, для введения новых изобретений и открытий и для их усовершенствования, для улучшения путей сообщения — слишком хорошо известно, для того чтобы все это возобновлять в памяти. Интереснее припомнить то, каким странным и несправедливым обвинениям подвергался этот просвещенный и мощный правитель со стороны современных ему доктринеров.

С падением Наполеона английская конкуренция, до сих пор ограниченная в своих действиях контрабандной торговлей, снова восстановила свое влияние на европейском континенте и в Америке. Тогда в первый раз узнали, что англичане осуждают протекционную систему и прославляют теорию свободной торговли Адама Смита, теорию, которую эти практические островитяне считали до того за утопию. Однако спокойный наблюдатель мог бы легко заметить, что филантропический энтузиазм чужд был этому превращению, так как аргументы космополитического характера приводились только там, где дело шло об облегчении вывоза английских фабрикатов на европейский или

американский материк; раз же вопрос возникал о свободном ввозе хлеба или даже о конкуренции иноземных фабрикатов на английском рынке, направление мыслей получало совсем другой характер[66]. К сожалению, говорили, продолжительное применение противоестественной системы создало в Англии искусственное положение, внезапное изменение которого могло вызвать опасные и вредные последствия; принуждены были действовать с большей осторожностью и предусмотрительностью; Англия в этом случае была достойна сожаления; тем приятнее должно было быть для наций европейского и американского континентов то, что их положение позволяло им без замедления воспользоваться благами свободной торговли.

Во Франции эти аргументы недолго имели некоторое значение, хотя древняя династия Франции и была возведена на трон под флагом Англии или, по крайней мере, при помощи ее золота. Свободная торговля с Англией вызвала такие страшные колебания во французской промышленности, окрепшей во время континентальной системы, что приходилось немедленно искать убежища в запретительной системе, при помощи которой во Франции с 1815-го по 1827 год, по свидетельству Дюпена[67], фабрично-заводская производительность удвоилась.

ГЛАВА VII. НЕМЦЫ

Мы видели при обзоре истории ганзейских городов, что Германия вслед за Италией гораздо прежде всех прочих европейских государств достигла благоденствия благодаря своей обширной торговле; мы теперь продолжим историю промышленности этой страны, но прежде, однако, бросим взгляд на ее первичное промышленное положение и его развитие.

В древней Германии наибольшая часть земли находилась под пастбищами и пустошами. Незначительное и первобытное земледелие находилось в руках рабов и женщин. Люди свободные занимались исключительно войной и охотой. Таково происхождение всего германского дворянства.

Немецкое дворянство не переставало в течение всех средних веков угнетать земледелие, враждебно относиться к мануфактурной промышленности и закрывать глаза перед выгодами, которые оно в качестве владельца поземельной собственности могло извлекать из того и другого.

Так глубоко укоренилось в немецком дворянстве пристрастие к своим любимым занятиям, что оно и теперь, когда уже издавна его обогатили ткацкий челнок и плуг, все еще мечтает в законодательных собраниях об охотничьих парках и о праве свободной охоты, как будто волк и овца, медведь и пчела могут жить в мире друг около друга, как будто земля в одно и то же время мо-

жет быть употреблена и для садоводства, и для разведения деревьев, и для облагороженного полеводства, и для содержания кабанов, оленей и зайцев.

Хлебопашество немцев долго оставалось в варварском положении, невзирая на несомненное влияние, которое производили на них находившиеся в соседстве города и монастыри.

Города возникали в древних римских колониях, близ резиденций духовных и светских князей и господ, рядом с монастырями и под покровительством императоров, отчасти на собственных владениях последних или вокруг их дворцов, или там, где они вызывались рыбным промыслом, сухопутными и водяными путями сообщения. Они развивались только под влиянием местных потребностей и вследствие посреднической торговли с иноземцами. Зарождение значительной внутренней промышленности с целью вывоза обусловилось лишь развитием овцеводства и успехами в льноводстве. Льноводство предполагает уже высокую степень состояния земледелия, а овцеводство в больших размерах указывает уже на обеспеченность от волков и разбойников. И то и другое не могло бы возникнуть при вечной междоусобной вражде дворян, князей и городов. Пасущийся скот всегда был первым предметом грабежа. С другой стороны, в обширных лесах, охраняемых с большей заботливостью дворянством вследствие его страсти к охоте, нечего было и думать о полном уничтожении диких животных. Ничтожное количество скота, отсутствие законной обеспеченности, недостаток капиталов и свободы у тех, в чьих руках был плуг, и отсутствие интереса к сельскому хозяйству у землевладельцев должно было сильно задерживать земледелие и развитие городов.

Ввиду всего этого будет понятно, почему Фландрия и Брабант при совершенно других обстоятельствах рано уже достигли высокой степени свободы и благосостояния.

Несмотря на эти препятствия, немецкие города на Балтийском и Немецком морях процветали под влиянием рыбных промыслов, мореплавания и транзитной морской торговли; в верхней Германии и у подножия Альп — под влиянием Италии и Греции и транзитной сухопутной торговли; на Рейне, Эльбе и Дунае — вследствие виноделия и торговли вином, особенного плодородия почвы и речного судоходства, которое в течение средних веков вследствие дурного и небезопасного состояния грунтовых дорог имело еще больше значения, нежели в наши дни.

От этого различия в производствах зависела разнохарактерность городских союзов, каковы: Ганзейский, Рейнский, Швабский, Голландский и Швейцарский.

Этим союзам, сильным духом юношеской свободы, которая их одушевляла, недоставало внутренней гарантии прочности — принципа единства, так сказать, цемента. Отделенные друг от друга дворянскими поместьями и сельским крепостным населением, они рано или поздно должны были

распасться вследствие постепенного возрастания земледельческого населения, среди которого принцип единства поддерживался княжеской властью. Города, которые естественным образом вызывали возникновение земледелия, не умея привлечь к своему союзу сельское население и дворянство, работали для собственной погибели. Для этого им недоставало широкого политического взгляда и знаний; их политический взгляд редко проникал дальше их стен.

Только два союза осуществили это объединение, хотя не вследствие политических соображений, а под давлением и вследствие благоприятно сложившихся обстоятельств, а именно: Швейцарский союз и семь соединенных провинций; вследствие этого их союзы существуют и до сих пор. Швейцарский союз есть не что иное, как конгломерат немецких имперских городов, основанный и скрепленный свободным народонаселением лежащих между ними деревень.

Прочие немецкие городские союзы распались вследствие их пренебрежения к сельскому населению, вследствие бессмысленной городской гордости, так как им нравилось держать это население в подчинении, вместо того чтобы поднять его.

Города могли бы достигнуть единства лишь при посредстве наследственной королевской власти. Но эта власть в Германии находилась в руках князей, которые, боясь ограничений собственного произвола и стремясь к подчинению мелкого дворянства, заинтересованы были в том, чтобы не допустить наследственной монархии.

Этим объясняется непоколебимость идеи Римской империи у германских королей. Только во главе войска они являлись могущественными, только при внешней войне могли они соединять под своим знаменем князей и города. Этим объясняется их покровительство в Германии городскому самоуправлению, к которому они относились враждебно и которое подавляли в Италии.

Но римские походы не только мало-помалу ослабляли авторитет королевской власти в Германии, но истребляли те династии, которые могли бы создать в центре Европы сосредоточенные силы нации. С прекращением дома Гогенштауфенов это ядро разбилось на тысячи кусков.

Чувство невозможности сплотить эти обломки нации побудило дом Габсбургов, по своему происхождению слабый и бедный, воспользоваться национальными силами для основания сплоченной наследственной монархии, подчинив ей чужеземные племена, на юго-восточных границах империи. Эта политика нашла себе подражание на северо-востоке в лице маркграфов Бранденбургских. Таким образом, на юго-востоке и северо-востоке возникли две наследственные монархии, основанные на порабощении чужих племен, между тем как в обоих западных углах образовались две республики, которые все более и более отделялись от Германии, внутри же — в самом сердце нации — раздробление, бессилие и распад все более увеличивались.

Окончательно довершило несчастье немецкой нации изобретение пороха и книгопечатания, преобладание римского права и реформации, наконец, открытие Америки и нового пути в Индию.

Происшедшая вследствие этого умственная, социальная и экономическая революция вызвала раскол и разлад в империи, несогласия между князьями, споры между городами, даже раздоры между гражданами отдельных городов и их соседями из всех сословий. Энергия нации теперь отклонилась от промышленности, земледелия, торговли и мореплавания, от приобретения колоний, от усовершенствования учреждений страны и вообще от всех основательных реформ; спорили о догматах и о наследстве церкви.

В то же самое время начался упадок Ганзы и Венеции, а вместе с тем и немецкой обширной торговли, равно силы и свободы немецких городов на севере и на юге.

Затем следовала тридцатилетняя война, распространяя опустошения во всех деревнях и городах. Голландия отделилась от Швейцарии, и наилучшие части государства были завоеваны Францией. Между тем как прежде отдельные города, каковы Страсбург, Нюренберг, Аугсбург, превосходили своим могуществом целые курфюршества, теперь вследствие возникновения постоянных армий упали до полного ничтожества.

Если бы до этой революции города и королевская власть теснее сплотились, если бы король, исключительно принадлежащий немецкой национальности, стал во главе реформации и направил ее в пользу объединения, могущества и свободы наций, то земледелие, промышленность и торговля получили бы совершенно иное развитие. Ввиду этих соображений какой жалкой и неприменимой к жизни является экономическая теория, которая благосостояние наций выводит из усилий отдельных лиц, не принимая во внимание того, что производительная сила всех индивидуумов большей частью зависит от социального и политического положения страны.

Введение римского права ни на одну нацию не оказало такого ослабляющего влияния, как на немецкую. Невероятное замешательство, внесенное им в частные правовые отношения, еще не было самым худшим из гибельных его результатов. Еще большее зло причинило оно, создав отделенную от народа по духу и языку касту ученых и юристов, которая третировала народ, как не знающую закона и невежественную массу, не признавая в нем обладания здравым смыслом, касту, которая всюду на место гласности устанавливала таинственность и, находясь в тесной зависимости от власти, всюду являлась ее органом и защищала ее интересы, всюду подтачивая корни свободы. Так, еще в начале XVIII века в Германии мы видим: варварство в литературе и языке, варварство в законодательстве, администрации и суде; варварство в земледелии; упадок промышленности и крупной торговли; недостаток в национальном единстве и силе; бессилие и слабость во всем сравнительно с иностранными государствами.

Одно только спасли немцы: их первоначальный характер; их любовь к труду, порядку, бережливости и умеренности, их настойчивость и выдержку в исследованиях и делах; их искреннее стремление к лучшему; великий запас нравственности, умеренности и рассудительности.

Этим характером одинаково отличаются и правительства, и подданные. После почти полного упадка национальности, когда спокойствие водворилось, в некоторых отдельных округах приступили к органическим мерам, к улучшениям; стало заметно движение вперед. Нигде воспитание, нравственность, религиозное чувство, искусство и науки не были предметом такой же заботливости; нигде абсолютная власть не применялась с большей умеренностью и не действовала лучше в интересах народного просвещения, порядка и нравственности ввидах искоренения злоупотреблений и увеличения народного благосостояния. Почин к возрождению немецкой национальности, очевидно, сделали сами правительства, когда они добросовестно употребляли доходы с секуляризованных имений на пользу народного воспитания и просвещения, на поощрение искусств и наук, на развитие нравственности и вообще на общеполезные цели. Этим путем начал проникать свет в администрацию и суды, в школу и литературу, в земледелие, в промышленность и торговлю и вообще в массы. Таким образом, Германия достигла цивилизации совершенно иным путем, нежели прочие нации. Здесь более высокое умственное образование не было, как в других странах, результатом развития материальных производительных сил, напротив, в Германии развитие материальных производительных сил возрастало главным образом на почве предшествующего умственного развития.

Таким образом, вся современная образованность Германии является как бы теоретической. Отсюда также масса непрактичности и неуклюжести, поражающей в наше время в Германии иностранцев. Теперь немцы находятся в положении лица, которое, быв до сих пор лишенным возможности пользоваться своими членами, сначала выучилось теоретически стоять и ходить, есть и пить, смеяться и плакать и потом уже перешло к практическим упражнениям. Этим объясняется пристрастие немцев к философским системам и космополитическим мечтаниям. Ум, который не мог приспособиться к обстоятельствам этого мира, стремился перейти в область умозрительного мышления. Нигде поэтому также учение Адама Смита и его учеников не находило столько последователей, как в Германии; нигде не было дано столько веры космополитическим благодеяниям Каннинга и Гускиссона.

Первыми промышленными успехами Германия обязана отмене Нантского эдикта и многочисленным эмигрантам, которых эта бессмысленная мера привела почти во все страны Германии и которые всюду дали толчок фабрикам шерстяных, шелковых, шляпных изделий, драгоценных вещей, стеклянным, фарфоровым, перчаточным и многим другим отраслям мануфактурной промышленности.

Первые правительственные мероприятия для поддержания фабрик были приняты в Австрии и Пруссии; в Австрии — в правление Карла VI и Марии Терезии и еще больше во времена Иосифа II. Австрия прежде особенно сильно пострадала вследствие изгнания протестантов, своих трудолюбивейших граждан; нужно, однако, сказать, что непосредственно затем она отличалась покровительством просвещению и умственному образованию. Кроме того, вследствие протекционных пошлин, развития овцеводства, улучшения путей сообщения и других поощрительных мер успехи промышленности уже при Марии Терезии двинулись значительно вперед.

Энергичнее было поведено это дело при Иосифе II, и с несравненно большим успехом. Правда, вначале эти успехи не были значительны, так как император по своему обыкновению слишком быстро начал приводить в исполнение как этот, так и все другие проекты реформ, и потому еще, что Австрия далеко отстала от других государств. Здесь подтвердилось то, что не следует и добра оказывать слишком много за раз и что протекционные таможенные пошлины, для того чтобы они отвечали требованию естественных условий и не произвели замешательства в установившемся порядке, не должны быть в самом начале слишком высоки. Но чем продолжительнее действовала эта система, тем больше оправдывалась ее полная целесообразность. Австрия обязана ей своей блестящей в настоящее время промышленностью и цветущим состоянием своего земледелия.

Промышленность Пруссии пострадала от опустошений во время тридцатилетней войны больше, нежели промышленность всех других стран. Ее главная отрасль — суконное производство Бранденбургской марки — была почти уничтожена. Большая часть мастеров сукна эмигрировала в Саксонию, и ввоз английских фабрикатов уже тогда оказывал препятствия к восстановления всякой туземной отрасли фабричной промышленности. К счастью для Пруссии, последовало уничтожение Нантского эдикта и преследование протестантов в Пфальце и Зальцбурге.

Великий курфюрст с первого взгляда увидел то, что так ясно до него видела Елизавета. Вследствие принятых им мер большая часть этих беглецов направилась в Пруссию, и они возвысили земледелие этой страны, восстановили множество отраслей промышленности и возбудили охоту к занятиям, наукам и искусствам. Все его преемники шли по его следам, но никто этого не делал с большим рвением, чем великий король — великий по своим мероприятиям во время мира более, нежели своими успехами во время войны. Здесь не место говорить подробно о бесчисленных мероприятиях, посредством которых Фридрих II привлекал в страну иноземных агрономов, возделывал необработанные поля, поощрял разработку лугов, разведение кормовых и продовольственных растений, введение культуры картофеля и табака, разведение лучших пород овец, рогатого скота и лошадей, применение минерального удобрения и т. д. и доставлял сельским хозяйствам капиталы и кредит.

Если этими непосредственными мерами он поднял земледелие, то он еще более принес ему пользы косвенно, при помощи фабрик, которые — вследствие введения усовершенствованной им таможенной системы, предпринятого им улучшения путей сообщений и учреждения банка — достигли наибольшего развития в Пруссии сравнительно с остальной Германией; однако географическое положение страны и ее раздробление на разные провинции, отделенные друг от друга, были далеки от оказания помощи означенным мероприятиям, а вред от установления таможен, т. е. от гибельных последствий контрабанды, был здесь гораздо ощутимее, нежели в больших государствах, хорошо округленных и ограниченных морями, реками и цепями гор.

Выражая эту похвалу, мы вовсе не намерены защищать ошибок его системы, каково, например, запрещение вывоза сырых произведений; но того, что, несмотря на эти ошибки, благодаря его системе промышленность возвысилась, — не решится отрицать ни один просвещенный и непредубежденный историк. Для всякого ума, чуждого предрассудков и не омраченного ложными доктринерскими соображениями, должно быть ясно, что не столько вследствие своих завоеваний, сколько вследствие своих мудрых мероприятий для поощрения земледелия, промышленности и торговли, вследствие успехов в литературе и науках Пруссия оказалась в состоянии занять место в ряду европейских государств. И все это было делом исключительно одного великого гения!

И при этом корона встречала поддержку не в энергии свободных учреждений, а лишь в хорошо организованной и добросовестной администрации, хотя, конечно, заключенной в мертвый механизм иерархической бюрократии.

Между тем вся остальная Германия в течение нескольких столетий находилась под влиянием свободной торговли, то есть весь свет считал нужным ввозить в Германию свои фабрикаты и продукты, но никто не желал привозить в свои страны немецкие продукты и фабрикаты. Это правило имело свои исключения, но ничтожные.

Напрасно ссылаться на опыт этой страны для доказательства доктрин экономической школы и ее обещаний больших выгод от свободной торговли; здесь все скорее шло назад, нежели вперед. Такие города, как Аугсбург, Нюренберг, Майнц, Кельн и т. д., не насчитывали более трети или четверти прежнего населения и нередко желали войны для того лишь, чтобы освободиться от избытка не имевших ценности продуктов.

Возникли войны вследствие французской революции, а вместе с ними явились английские субсидии и английская конкуренция, но уже в широких размерах; а отсюда новое разорение фабрик при успехах земледелия, но кажущихся и преходящих.

Затем следовала наполеоновская блокада континента, составившая эпоху в германской и французской промышленности, несмотря на то, что Ж. Б. Сэй, знаменитейший ученик Адама Смита, объявил ее бедствием. Что бы ни говорили против этой системы теоретики, и именно английские, всем известно —

и знакомые с немецкой промышленностью могут подтвердить это, и во всех статистических данных того времени можно найти тому доказательство, — что вследствие этой системы немецкие фабрики всякого рода в первый раз начали значительно развиваться[68], что теперь только получило действительный толчок начавшееся ранее разведение высших пород овец, что только теперь с усердием принялись за улучшение путей сообщения. Правда, что Германия лишилась большей части своей прежней отпускной торговли, в особенности же вывоза льняных изделий. Однако выигрыш был значительно больше, нежели потеря для прусских и австрийских фабрик, которые и прежде уже шли впереди фабрик остальной Германии.

С восстановлением мира английские фабриканты снова вступили с немцами в страшную конкуренцию: ибо во время обоюдной замкнутости фабрики Великобритании вследствие новых изобретений и почти исключительного господства на рынках всего света значительно возвысились сравнительно с фабриками немецкими; вследствие этого, и обладая большими капиталами, английские фабрики были в состоянии назначать более низкие цены за продукты лучшего достоинства, предлагая при этом более долгосрочный кредит, нежели фабрики немецкие, которые принуждены были вначале бороться с препятствиями. Следствием этого было общее разорение и громкие жалобы последних, в особенности на Нижнем Рейне — в тех принадлежавших прежде Франции странах, для которых был закрыт рынок этой страны. Прежде прусский таможенный тариф подвергся значительным изменениям в духе абсолютной свободы торговли и не мог поэтому служить достаточной защитой против английской конкуренции. И однако прусская бюрократия долго оставалась глухой к этому призыву на помощь. Она слишком прониклась в университетах теорией Адама Смита, для того чтобы быть в состоянии понять потребности времени. В то время в Пруссии можно было также найти таких экономистов, которые не останавливались перед смелой мыслью воскресить так давно умершую систему физиократов. Между тем и здесь сущность вещей была сильнее, нежели теория. Не решились долго оставаться глухими к призыву фабрикантов, так как он раздавался в той стране, которая стремилась к восстановлению своей прежней связи с Францией, завоевать симпатии которой было очень важно. В это время более и более начало распространяться мнение, что английское правительство поощряет всеми возможными средствами переполнение континентальных рынков своими мануфактурными товарами, желая тем самым убить европейские фабрики в самом их зародыше. Это мнение представили со смешной стороны; но было довольно естественно, что такое мнение распространилось, во-первых, потому, что переполнение это было действительно такого рода, как будто оно было организовано именно с этой целью, а во-вторых, потому, что знаменитый член парламента Генрих Бругам (в настоящее время лорд Бругам) выразился напрямик в 1815 году: «That it was well worth

while to incur a loss on the exportation of english manufactures in order to sfifle in the cradle the foreign manufactures»[69].

Эта идея столь знаменитого с тех пор лорда как филантропа, космополита и либерала лет десять позднее была повторена почти в тех же самых выражениях не менее знаменитым членом парламента Гумом, он также желал, «чтобы континентальные фабрики были задушены в пеленках».

Наконец, просьба немецких мануфактуристов была исполнена — правда, поздно — этого нельзя отрицать, особенно если принять во внимание, как трудно бороться целые годы со смертью, — и исполнена мастерской рукой. Таможенный тариф 1818 года отвечал всем потребностям промышленности Пруссии того времени, для которого был предназначен, не оказывая излишнего покровительства в каком бы то ни было отношении и не затрудняя развития полезных внешних сношений страны. Он по своим ставкам был несравненно умереннее, нежели английский и французский таможенные тарифы, и должен был быть таким. Ибо здесь вопрос шел не о постепенном переходе от запретительной системы к протекционной, а о переходе от так называемой свободной торговли к протекционной системе. Другое важное преимущество этого тарифа, рассматриваемого в его целом, состояло в том, что большая часть его пошлин была установлена с веса, а не с ценности.

Вследствие этого не только устранялись контрабанда и слишком низкая оценка товаров, но вместе с тем достигалась и та важная цель, что предметы общего потребления, которые каждая страна легче всего может производить сама и собственное производство которых является очень важным — вследствие значительной стоимости их общего количества, облагались особенно высокой пошлиной и что покровительственная таможенная пошлина уменьшалась пропорционально с возрастанием достоинства товаров и их ценности, следовательно, вызывала затруднение в собственном производстве и вместе с тем отнимала желание и возможность организации контрабандной торговли.

Такое назначение пошлин с веса товаров по причинам весьма понятным должно было гораздо сильнее отозваться на сношениях с соседними немецкими странами, нежели на сношениях с другими чужеземными народностями. Эти средние и маленькие немецкие государства, устраненные уже с рынков австрийских, французских и английских, подверглись почти совершенному исключению и с прусского рынка, и это было для них настолько чувствительно, что некоторые из них или совсем, или в значительной части обратились просто в прусские провинции.

Успокоив прусских фабрикантов, меры эти вместе с тем вызывали вопли и жалобы со стороны фабрикантов других немецких стран. Как нарочно незадолго перед тем Австрия затруднила ввоз немецких фабрикатов в Италию, а именно верхне-швабского полотна. Принуждаемые со всех сторон ограничиться отпуском только своих фабрикатов и лишь в маленькие территории и

даже между собой разделенные крохотными таможенными линиями, фабриканты этих стран готовы были впасть в отчаяние.

Эти именно крайности и вызвали тот частный союз от пяти до шести тысяч фабрикантов и торговцев, который организовался в 1819 году на весенней ярмарке во Франкфурте-на-Майне и который имел целью, с одной стороны, добиться отмены всех германских внутренних таможен, с другой — установления общей германской торговой и таможенной системы.

Этому союзу дана была формальная организация. Уставы союза были предложены на утверждение германского союзного сейма и всех князей и правительств немецких государств. В каждом германском городе был избран местный корреспондент, в каждом округе — провинциальный корреспондент. Все члены союза обязались содействовать по мере сил достижению цели союза. Центральным пунктом союза был назначен город Нюренберг с полномочием избирать центральный комитет, который должен был заведовать делами союза с помощью агента, для исполнения обязанностей которого был призван автор этого сочинения. В еженедельном органе союза, озаглавленном «Журнал немецкой торговли и фабричной промышленности» (Organ des deutschen Haudels-und Fabricantenstandes), публиковались во всеобщее сведение прения и распоряжения центрального комитета, так же как и мысли, предложения, записки и статистические сведения, соответствующие цели союза. Каждый год во время ярмарки во Франкфурте собиралось общее собрание союза, которому докладывался отчет центрального комитета.

После того как этот союз представил в германский сейм петицию, в которой доказывалась необходимость и полезность предлагаемых им мер, центральный комитет в Нюренберге открыл свои действия. Он немедленно снарядил депутацию ко всем германским дворам и к конгрессу министров в Вене (1820). На этом конгрессе достигли по крайней мере того, что большая часть средних и мелких немецких государств пришла к соглашению о созвании по этому предмету отдельного конгресса в Дармштадте. Происходившие здесь прения привели сначала к соглашению между Виртембергом и Баварией; затем к объединению некоторых немецких государств с Пруссией; далее к объединению средненемецких государств; наконец, и главным образом, благодаря стараниям барона Котты, к общему объединению этих трех таможенных конфедераций, так что теперь, за исключением Австрии, обоих Мекленбургов, Ганновера и ганзейских городов, вся Германия примкнула к одному таможенному союзу, который уничтожил между частями союза внутренние таможни и установил общую на границе линию таможен, поступления с которой делились между всеми государствами пропорционально количеству населения в каждой.

Тариф этого союза, в сущности, был прусским тарифом 1818 года, т. е. умеренным протекционным тарифом.

Под влиянием этого таможенного союза мануфактурная промышленность, торговля и земледелие германских союзных государств сделали уже громадные успехи.

ГЛАВА VIII. РУССКИЕ

Россия своими первыми успехами в культуре и промышленности обязана сношениям с Грецией, затем торговле с Ганзой через Новгород, наконец, после покорения этого города царем Иоанном Васильевичем, равно как и вследствие открытия водного пути через Белое море, — торговле с англичанами и голландцами.

Значительное развитие русской промышленности, равно как главным образом смягчение нравов, началось, однако, лишь с царствования Петра Великого. История России, начиная с XVII столетия до сороковых годов XVIII столетия, представляет поразительное доказательство того, какое могущественное влияние оказывает национальное единство и политическое устройство стран на экономическое преуспеяние народа. Царскому авторитету, установившему и упрочившему единство между бесчисленным множеством варварских орд, обязана Россия созданием своей промышленности, своими невероятными успехами в земледелии и ростом населения, развитием внутренней торговли посредством каналов и грунтовых дорог, обширной внешней торговлей и своим коммерческим значением.

Возникновение самостоятельной торговой системы относится к 1821 году. Правда, уже в царствование Екатерины II благодаря льготам, предоставленным иностранным мастеровым и фабрикантам, ремесла и фабрики сделали некоторые успехи, но нация в культурном отношении была еще настолько отсталой, что промышленность не могла подняться выше первоначальных приемов в фабрикации полотен, железа, стекла и т. п., а главным образом, в тех отраслях промышленности, развитию которых особенно благоприятствуют земледельческие и минеральные богатства страны.

Дальнейшие успехи фабричного производства тогда еще не отвечали экономическим интересам страны. Если бы иностранцы принимали в уплату пищевые продукты и сырье, а также грубые фабричные изделия, которые Россия могла поставлять, если бы не было войн и внешних осложнений, то Россия считала бы долго еще для себя более выгодным свободный обмен со странами, ее опередившими, так как ее культура вообще вследствие этих сношений сделала бы гораздо больше успеха, нежели при протекционной системе. Но войны, блокада континента и ограничительные меры других стран принуждали Россию попытать счастья на ином пути, а

не в отпуске сырья и привозе иностранных фабричных изделий. Этими мерами нарушались прежние торговые морские связи России. Сухопутная же торговля с Западной Европой не могла вознаградить ей этой потери. Поэтому она видела себя вынужденной взяться за самостоятельную переработку своего сырья.

С водворением всеобщего мира хотели снова возвратиться к старой системе. Правительство и сам император были настроены в пользу свободной торговли. Учения Шторха[70] пользовались в России не меньшим уважением, чем сочинения Сэя в Германии. Не испугали даже первые удары, которым вследствие английской конкуренции подверглись возникшие во время континентальной системы фабрики.

Если бы только эти первые удары были перенесены, утверждали теоретики, то Россия вкусила бы сладчайшие плоды благодеяния свободной торговли.

В самом деле торговые конъюнктуры были необыкновенно благоприятны для такого перехода. Неурожай в Западной Европе был причиной огромного вывоза за границу земледельческих продуктов, вследствие чего Россия в течение известного времени приобрела богатые средства для уплаты за иностранные мануфактурные изделия, которые привезены были в большом количестве.

Но когда этот необычайный спрос на русские земледельческие продукты прекратился, когда, напротив, Англия в интересах своей аристократии ограничила ввоз хлеба и в интересах Канады — ввоз дерева, тогда разорение фабрик и заводов и чрезмерный ввоз в Россию иностранных изделий дали себя почувствовать вдвойне. До этого времени вместе с Шторхом торговый баланс считали мечтой, вера в существование которого для человека разумного и просвещенного не менее была постыдна и смешна, чем вера в существование колдовства в XVII столетии, но теперь с ужасом увидели, что между независимыми странами должно существовать нечто вроде торгового баланса. Просвещеннейший и проницательнейший государственный муж России, министр иностранных дел граф Несельроде, не поколебался в этом признаться.

В 1821 году он засвидетельствовал в циркуляре к русским представителям при западноевропейских дворах: «Россия видит себя принужденной прибегнуть к системе торговли независимой, так как продукты ее не находят себе более сбыта на заграничных рынках, туземные фабрики сильно угнетены; звонкая монета уходит быстро за границу, опасность грозит самым солидным купеческим домам, а сельское хозяйство и фабричная промышленность не только пришли в расстройство, но близки к банкротству»[71].

Благодетельные последствия восстановления протекционной системы не менее, чем вредные последствия восстановления свободы торговли, способствовали тому, что принципы и уверения теоретиков были окончательно

дискредитированы. Иностранные капиталы, умственные и рабочие силы устремились из всех цивилизованных стран, а именно из Англии и Германии, чтобы принять участие в выгодах, предоставленных русской промышленной предприимчивости новым таможенным тарифом. Дворянство брало пример с правительства.

Не находя внешних рынков для своих произведений, дворянство постаралось разрешить обратную задачу, а именно — приблизить к себе рынки; оно устроило фабрики в своих имениях. Вследствие спроса на тонкую шерсть со стороны вновь возникших шерстяных фабрик начало быстро улучшаться овцеводство страны. Заграничная торговля вместо того, чтобы уменьшиться, возросла, в особенности же торговля с Персией, Китаем и другими соседними странами Азии. Торговые кризисы совершенно прекратились, и достаточно лишь посмотреть последние отчеты русского министерства финансов, чтобы убедиться, что Россия благодаря этой системе достигла высокой степени благосостояния и что она гигантскими шагами подвигается по пути национального богатства и могущества.

Нет смысла в том, что в Германии хотят умерить эти успехи и жалуются на те убытки, которые были причинены русской системой северо-восточным провинциям Германии. Всякая нация, как и всякий человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. России нечего заботиться о благосостоянии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того чтобы жаловаться, надеяться и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы гораздо лучше бросить космополитические системы в огонь и поучиться на примере России.

Если Англия относится с завистью к торговой политике России, то это совершенно естественно. Россия благодаря этой политике эмансипировалась от Англии. Благодаря этой политике она будет в состоянии явиться соперницей Англии в Азии. Если Англия имеет преимущество дешевизны своих изделий, то эта выгода при торговле в Средней Азии будет уравновешиваться соседством с Азией и политическим влиянием империи. Если сравнительно с Европой Россия является еще мало образованной страной, то по отношению к Азии она страна цивилизованная.

Между тем нельзя не сознаться, что недостаток образования и целесообразность государственных учреждений должны будут задерживать Россию в ее дальнейшем промышленном и коммерческом поступательном движении, если только императорскому правительству не удастся согласовать общее состояние страны с потребностями промышленности посредством создания разумных городских и земских учреждений, посредством постепенных таможенных ограничений и затем отмены крепостного права, посредством создания образованного среднего сословия и свободного крестьянства и при помощи усовершенствованных путей сообщения, что облегчит сношения России с внутренней Азией. Вот те завоевания, которые предстоят России в течение настоящего сто-

летия, и это послужит основанием дальнейших успехов ее в земледелии и промышленности, равно как в торговле, в развитии торговых и военных морских сил. Но чтобы реформы подобного рода стали возможными и могли быть выполнены, необходимо прежде всего, чтобы русское дворянство поняло, что его материальные интересы непосредственно связаны с этими реформами[72].

ГЛАВА IX. СЕВЕРОАМЕРИКАНЦЫ

Осветив исторически торговую политику европейских народов, за исключением тех, у которых было нечему особенно научиться, мы хотим также бросить взгляд по ту сторону Атлантического океана, на народ-колонизатора, который почти на наших глазах из положения полной зависимости от своей метрополии, от положения раздробленности на массу колониальных провинций, не имевших между собой никакой политической связи, возвысился до положения нации объединенной, хорошо организованной, свободной, могущественной, промышленной, богатой и независимой, и, может быть, уже на глазах наших внуков встанет в ряд первых морских и торговых держав всего света. Торговля и промышленная история Северной Америки поучительнее для нашей цели, нежели всякая другая, так как здесь развитие совершается с быстротой, периоды свободы и ограничений и стеснений быстро следуют один за другим, результаты их видны с ясностью и определенностью, и вся система национальной промышленности и государственной администрации открыто развертывается перед глазами наблюдателя.

Североамериканские колонии по отношению к изделной промышленности были в таком рабстве у метрополии, что там не переносили никакого вида фабрично-заводского производства, кроме домашних и обыкновенных промыслов. Еще в 1750 году основанная в городе Массачузете шляпная фабрика обратила на себя внимание и возбудила такую зависть парламента, что он объявил колониальные фабрики всякого рода учреждениями, вредными для общего блага страны (common nuisances), не исключая и железоделательных заводов, несмотря на огромный избыток в стране всех потребных для железного производства материалов. Еще в 1770 году великий Чатам, опечаленный первыми попытками новой Англии в фабричном производстве, объявил, что невозможно допустить в колониях выделки даже одного гвоздя для подков.

Адаму Смиту принадлежит та заслуга, что он первый указал на несправедливость такой политики.

Монополизация всякого рода мануфактурной промышленности со стороны метрополии является одной из главных причин американской революции; такса на чай была лишь поводом к вспышке.

Освободившись от наложенных на них оков, владея всеми материальными и интеллектуальными средствами для мануфактурной промышленности и отделенные от тех наций, от которых они получали фабрикаты и которым продавали свои продукты, таким образом, во всех затруднительных обстоятельствах предоставленные лишь собственным своим силам, фабрики всякого рода в североамериканских свободных штатах во время войны за независимость сделали огромные успехи, которые оказали такое благодетельное влияние также и на земледелие, что ценность земли, равно как и заработная плата, несмотря на тяжесть податей и опустошения в военное время, всюду достигла значительных размеров. Но так как после Парижского мира неудачная конституция свободных штатов не позволила осуществить общую торговую систему, вследствие чего английские фабрикаты снова получили свободный доступ, а вновь возникшие фабрики Северной Америки не были в состоянии выдержать их конкуренции, то благосостояние страны, получившее начало во время войны, исчезло еще быстрее, чем возникло. «Мы покупали, — говорил позднее в конгрессе один оратор, — по совету новых теоретиков там, где мы могли купить дешевле всего, и наши рынки были переполнены иностранными товарами; в наших приморских городах английские товары можно было купить дешевле, чем в Ливерпуле и Лондоне. Наши фабриканты были разорены; наши купцы, даже те, которые думали обогатиться посредством вывоза, обанкротились, а все эти причины, вместе взятые, так невыгодно отражались на нашем земледелии, что стало замечаться общее обесценение земельной собственности, а вследствие этого несостоятельность и среди землевладельцев стала явлением заурядным». Но это положение, во всяком случае, было лишь переходным; оно продолжалось от Парижского мира до установления федеральной конституции и более всех других причин содействовало скреплению политической связи между разными штатами и тому, что конгрессу были предоставлены достаточные полномочия для установления общей системы торговой политики. От всех штатов, не исключая Нью-Йорка и Южной Каледонии, конгресс был осаждаем просьбами о принятии протекционных мер для внутренней промышленности, и Вашингтон в день своего избрания был одет в платье из туземного сукна, чтобы, как сказал один современный нью-йоркский журнал, «просто и выразительно, как было свойственно этому великому человеку, дать своим преемникам и всем будущим законодателям памятный урок того, каким образом развивать благосостояние страны». Несмотря на то что по первому американскому тарифу (1789) значительнейшие мануфактурные произведения были обложены лишь слабой ввозной пошлиной, тариф этот уже в первые годы дал настолько благотворные результаты, что Вашингтон в своем послании 1791 года мог поздравить нацию с цветущим состоянием, которого достигли фабрики, земледелие и торговля.

Скоро, однако, это покровительство оказалось недостаточным, так как английские фабриканты, улучшив способы производства, легко обезоружили влияние этих пошлин. Конгресс возвысил пошлину на важнейшие мануфактурные предметы до 15%, но лишь в 1804 году, когда вследствие незначительности таможенного сбора он вынужден был увеличить государственные доходы. Между тем давно уже туземные фабриканты истощали свои силы, жалуясь на недостаток покровительства, а защитники противоположных интересов изощрялись в доказательствах выгодности свободы торговли, во вред протекционизма.

Контраст с незначительными успехами, которые вообще выпали на долю заводско-фабричной промышленности, представляло развитие торгового флота, которому уже в 1789 году, по предложению Джемса Мадисона, было оказано достаточное покровительство. Вместо 200 тыс. тонн (1789) уже в 1801 году он вмещал более миллиона тонн.

Под защитой тарифа 1804 года мануфактурная промышленность североамериканцев лишь с трудом могла противостоять фабрикам Англии, которые получали поддержку в постоянных улучшениях и умножались в колоссальном размере. Без сомнения, новая промышленность пала бы под давлением этой конкуренции, если бы ей не пришли на помощь амбарго и объявление войны 1812 года, вследствие чего, как во время войны за независимость, американские фабрики достигли такого необычайного развития, что не только удовлетворяли внутренней потребности, но скоро приступили даже к вывозу произведений своих мануфактур. Только на хлопчатобумажных и шерстяных фабриках, согласно представленным конгрессу отчетам торгового и мануфактурного комитетов, в 1815 году работало 100 тыс. человек, ежегодная производительность которых достигала суммы более чем 60 млн долларов. Теперь, как и во время войны за независимость, как необходимое следствие развития мануфактурной промышленности заметно было быстрое повышение всех цен на жизненные продукты и заработной платы, равно как и цен на недвижимую собственность, а следовательно, и общего благосостояния землевладельцев, рабочих и внутренней торговли.

После Гентского мира конгресс, наученный опытом 1786 года, в первый год удвоил прежние таможенные пошлины, и все-таки в это время благосостояние страны продолжало увеличиваться. Но под давлением перевеса частных интересов, находившихся в противоречии с интересами мануфактур, и под влиянием теоретических аргументов, он решился в 1816 году на значительное уменьшение ввозных пошлин, и это снова возбудило иностранную конкуренцию, которая привела к тем же самым результатам, какие дал уже опыт с 1786-го по 1789 год, а именно: разорение фабрик, обесценение жизненных продуктов, падение ценности недвижимого имущества и общее бедствие в среде сельских хозяев. После того страна во вто-

рой раз во время войны испытала блага мира, ей пришлось во второй раз во время мира пережить больше бедствий, чем во время самой опустошительной войны. В первый раз, в 1824 году, после того как влияние английского хлебного билля на американское земледелие развернулось во всей широте его бессмысленной тенденции, и вследствие этого земледельческий интерес средних, северных и западных штатов принудил их присоединиться к интересам фабрикантов, в конгрессе прошел несколько повышенный тариф, который, однако, скоро оказался недостаточным, так как Гускиссон для того, чтобы парализовать им последствие с точки зрения английской конкуренции, немедленно принял меры дополнить его тарифом, установленным после сильной борьбы в 1828 году.

Вновь опубликованные официальные статистические данные[73] штата Массачузет дают приблизительное понятие о том развитии, которое получили мануфактуры в Соединенных Штатах, особенно в средних и северных штатах, вследствие протекционной системы, несмотря на позднейшее смягчение тарифа 1828 года. В 1837 году в этом штате было 282 хлопчатобумажные мануфактуры с 565 031 веретенами в действии, и в них состояло рабочих 4997 мужчин и 14 757 женщин; на них переработано 37 275 917 фунтов хлопка и приготовлено 126 млн ярдов (метров) пряжи стоимостью в 13 056 659 долларов, при посредстве капитала в 14 369 719 долларов.

Шерстяное производство имело 192 мануфактуры с 501 машиной, где было занято 3612 мужчин и 3485 женщин; переработано было шерсти 10 858 988 фунтов и приготовлено 11 313 426 ярдов ткани ценностью в 10 399 807 долларов, при посредстве капиталов в 5 770 750 долларов.

Башмаков и сапог было выработано 16 689 877 пар (большое количество башмаков было вывезено в западные штаты) ценностью на 14 642 520 долларов.

Прочие отрасли производства находились в пропорциональном с указанными развитии.

Общее фабрично-заводское производство штатов (не считая постройки кораблей) превышало 86 млн с капиталом приблизительно в 60 млн долларов.

Число рабочих достигало 117 352 на общее число жителей штата (1837) в 701 331.

О несчастьях, грубости и пороках не было и помина среди промышленного населения; наоборот, среди многочисленных фабричных рабочих мужского и женского пола господствовала самая строгая нравственность, чистота и изящество в одежде; библиотеки были наполнены полезными и поучительными книгами; работа не превышала сил, пища была обильна и хороша. Большинство девиц скапливали себе приданое[74].

Последнее является, очевидно, результатом дешевых цен на пищевые продукты, невысоких налогов и равномерного их распределения. Пусть Англия отменит свои ограничения ввоза земледельческих продуктов, уменьшит су-

ществующие налоги на предметы потребления наполовину или на две трети, пусть покроет дефицит подоходным налогом, и ее фабричные рабочие окажутся в таком же положении[75].

Ни одна страна, относительно ее будущего назначения и ее национальной экономии, не была так мало понята и осуждена так несправедливо, как Америка, и со стороны теоретиков, и со стороны практиков. По выражению Адама Смита и Ж. Б. Сэя, Соединенные Штаты «подобно Польше» предназначены для земледелия. Сравнение это не было особенно лестно для конфедерации дюжины республик, полных честолюбивых стремлений и юношеских сил, и открывшаяся им таким образом перспектива их будущего ни в каком случае не была особенно утешительной. Названные теоретики доказывали, что сама природа предназначила североамериканцев для земледелия до тех пор, пока земля самая плодородная будет приобретаться там почти задаром. Они удостоились великой похвалы за то, что так охотно подчинялись требованиям природы и сумели подтвердить теорию столь чудным примером замечательных результатов свободы торговли; но теоретики скоро почувствовали неприятность потерять и это важное доказательство правильности и применимости их теории и дожить до того, что Соединенные Штаты для обеспечения своего благосостояния пошли по направлению диаметрально противоположному неограниченной свободе торговли.

Как прежде эта юная нация была дорога для господствующей экономической школы, как зеница ока, так теперь она является предметом жесточайшего порицания для теоретиков всех европейских наций. Это, говорят они, доказывает, какие ничтожные успехи сделал Новый Свет в политических науках; в то время как европейские нации с искренним увлечением стремились осуществить принцип всеобщей свободы торговли, в то время как, в частности, Англия и Франция готовы были сделать решительные шаги к этой великой филантропической цели, Соединенные Штаты Северной Америки пожелали основать свое национальное благосостояние, возвратившись к меркантильной системе, уже устаревшей и так ясно опровергнутой экономической наукой. Но такая страна, как Америка, в которой лежат еще необработанными столь необъятные пространства плодороднейшей земли, а заработная плата стоит так высоко, не может найти лучшего употребления для своих капиталов и лучшего занятия для своего возрастающего населения, как земледелие; раз последнее достигнет своего полного развития, то заводы и фабрики возникнут естественным образом сами собой, без всяких искусственных вспомогательных средств; вызвав же де искусственно мануфактурную промышленность, Соединенные Штаты нанесли бы вред не только странам Старого Света, но больше всего самим себе.

У американцев, однако, здравый смысл и непосредственное понимание того, что необходимо для страны, было сильнее веры в правила теории. Основательный разбор доказательств теоретиков привел к сильному сом-

нению в непогрешимости доктрины, которой ее собственные адепты ни разу не желали последовать.

На аргумент относительно огромного количества невозделанных плодородных пространств возражали, что в штатах, отличающихся уже населенностью, значительной культурой и зрелостью к фабричному делу, такие пространства столь же редки, как в Великобритании; что возрастающее население этих штатов должно с большими для себя потерями передвигаться на запад, чтобы обрабатывать подобные пространства, вследствие чего западные штаты не только лишаются огромной суммы материальных и умственных капиталов, но так как вследствие этих переселений потребители превращаются в конкурентов, то их земельная собственность и земледельческие продукты необходимо обесцениваются. Не могло быть особенной выгоды для союза в том, что принадлежащие ему пустыни, вплоть до берегов Тихого океана, были обработаны прежде, чем достаточно развились население, цивилизация и военные силы старых штатов; напротив, западные штаты не прежде оказались в силах извлечь из обработки отдаленных пустынь пользу для своего собственного преуспеяния, как взявшись за фабричное производство с целью иметь возможность обменивать свои фабрикаты на продукты востока. Здесь пошли еще дальше и спрашивали, не находится ли сама Англия в совершенно таком же положении; разве Англия не располагает также в Канаде, в Австралии и в других частях света массою еще необработанных, но плодороднейших пространств, разве не могли бы англичане почти с такой же легкостью переселить избыток своего населения, подобно североамериканцам, с берегов Атлантического океана на берега Миссури; почему же, несмотря на это, Англия не только продолжает покровительствовать туземным фабрикам, но стремится еще расширять их все более и более?

Аргументы экономической школы, заключающиеся в том, что там, где плата рабочим за обработку земли высока, фабрики не могут возникнуть естественным образом, а могут развиваться лишь как тепличные растения, казались основательными только отчасти, а именно лишь по отношению к тем фабричным изделиям и произведениям мануфактур, которые благодаря их небольшому объему и весу сравнительно с ценностью большей частью выполняются ручной работой; но они не верны в том случае, когда цена заработной платы оказывает лишь незначительное влияние или когда невыгодность высокой заработной платы возмещается применением машин или гидравлических двигателей, дешевизной сырых произведений и пищевых продуктов, избытком дешевого топлива и строительных материалов, наконец, незначительностью государственных налогов и энергией рабочих сил.

Затем из долгого опыта американцы убедились, что земледелие только тогда может развиваться вполне и обеспечить благосостояние страны, когда будет гарантирован на все время обмен продуктов земледелия на фабрика-

ты; но что если земледелец живет в Северной Америке, а фабрикант в Англии, то этот обмен нередко может быть прерван или войной, или торговым кризисом, или ограничительными таможенными мерами других стран, и что, следовательно, для того, чтобы благосостояние нации покоилось на незыблемом основании, мануфактурист, по выражению Джефферсона, должен селиться рядом с земледельцем.

Североамериканцы поняли наконец, что великая нация не может исключительно преследовать ближайшие материальные выгоды, что цивилизация и могущество — блага, наиболее драгоценные и более желательные, чем материальное богатство, как в том признается и сам Адам Смит, — могут быть достигнуты и упрочены лишь при помощи собственной фабрично-заводской промышленности; что нация, которая чувствует себя призванной занять место в ряду образованнейших и могущественнейших наций и удержать его, не должна щадить никаких жертв для того, чтобы овладеть условиями, обеспечивающими эти блага, и что приатлантические штаты вовремя приобрели их.

Европейское население и европейская культура встали твердой ногой на берега Атлантического океана; здесь прежде всего основались населенные, обработанные и богатые штаты; здесь колыбель их морских рыболовных промыслов, их каботажа и морских сил; здесь была добыта их независимость и получила основание их федерация; при посредстве прибрежных штатов возникли их внешняя торговля и сношения с цивилизованным миром, через них получается в Соединенных Штатах Европы* избыток населения, материальных капиталов и умственных сил; на цивилизации, могуществе, богатстве этих прибрежных штатов покоятся будущая цивилизация, могущество, богатство, независимость целой нации и ее влияние на менее образованные страны.

Предположим, что населенность этих прибрежных штатов будет падать, вместо того чтобы расти, их рыбные промыслы, их каботаж, их мореплавание в другие страны, их внешняя торговля будут слабеть или оставаться в одном и том же положении, вместо того чтобы развиваться, — в таком случае нам пришлось бы наблюдать пропорциональное ослабление средств цивилизации целой нации и гарантии ее самостоятельности и ее нынешнего могущества. Можно себе представить даже всю территорию Соединенных Штатов обработанной на всем пространстве от одного моря до другого, состоящей из земледельческих штатов и переполненной населением, и все-таки, несмотря на это, нация может остаться на низкой степени цивилизации, независимости и внешнего могущества. И действительно, есть много наций, которые находятся в таком положении и при огромном населении лишены торгового и военного флотов.

Если бы явилась такая держава, которая бы задалась целью задержать американскую нацию в ее развитии и подчинить ее навсегда себе в промышлен-

---

*Из текста ясно, что речь идет о Соединенных Штатах Америки.— Прим. сост.

ном, коммерческом и политическом отношении, то для достижения этой цели ей стоило бы лишь постараться обезлюдить приатлантические штаты и загнать внутрь страны весь избыток населения, капитала и умственных сил. Тогда она не только задержала бы дальнейшее возрастание морских сил, но она смело могла бы рассчитывать подчинить со временем своей власти главнейшие пункты обороны на атлантическом побережье и при устьях рек. Средство для достижения этой цели недалеко, стоит лишь помешать подъему в приатлантических штатах мануфактурной промышленности, стоит лишь заставить Америку водворить у себя принцип абсолютной свободы торговли.

Ибо если бы приатлантические штаты не сделались мануфактурными, то они не только не были бы в состоянии удержаться на той степени культуры, которой они достигли в настоящее время, но они принуждены были бы отставать от других, и притом отставать во всех отношениях. Как стали бы без мануфактур развиваться города вдоль берегов Атлантического океана? Не посредством же, в самом деле, вывоза туземных продуктов в Европу и ввоза английских мануфактурных товаров, так как для выполнения подобной работы было бы достаточно нескольких тысяч человек. Что сталось бы с рыбными промыслами? — большая часть населения, перешедшего внутрь страны, предпочитает соленой рыбе свежее мясо и речную рыбу; оно не нуждается в китовом жире, а если требует его, то лишь в самом незначительном количестве. Каким образом стал бы развиваться каботаж вдоль прибрежья приатлантических штатов? Так как большая часть прибрежных штатов населена земледельцами, которые сами удовлетворяют свои потребности в пищевых продуктах, в строительных материалах и топливе, то вдоль берегов нечего было бы перевозить. Каким образом стала бы расширяться внешняя торговля и мореходство в другие государства? Страна не в состоянии предложить ничего, кроме того, чем в изобилии обладают страны мало цивилизованные, а те страны, которым она сбывает свои произведения, покровительствуют развитию собственного мореплавания. Что сталось бы с военным флотом при упадке в приатлантических штатах рыбных промыслов, каботажа, мореплавания, внешней торговли? Каким образом без военного флота эти штаты будут защищаться против иноземного вторжения? Каким образом может развиваться в этих штатах земледелие, когда продукты более плодородных и гораздо более дешевых земель штатов запада, не нуждающихся ни в каком удобрении, будучи доставлены на восток по каналам, железным дорогам и т. д., могут здесь продаваться дешевле, чем стоит их производство в восточных штатах на давно уже истощенной почве? Как при таких условиях станет развиваться цивилизация в восточных штатах и возрастать их население, когда очевидно, что при свободной торговле с Англией всякий избыток населения и земледельческого капитала будет отливать на запад? Теперешнее положение Виргинии дает лишь слабое понятие о том положении, в каком очутились бы приатлантические штаты с постепенным исчезновением

там мануфактуры; ибо Виргиния, как и все южные штаты атлантического побережья, принимала иногда значительное участие в снабжении мануфактурных штатов земледельческими продуктами.

Но дело совершенно изменяется при существовании мануфактурной промышленности в приатлантических штатах. Тогда из всех европейских стран стекается народонаселение, капиталы, технические и умственные силы; тогда с подвозом пищевых продуктов и сырых материалов с запада возвышается спрос на продукты издельной и мануфактурной промышленности приатлантических штатов; тогда их народонаселение, число и обширность их городов возрастают пропорционально развитию культуры западных пустынь; тогда вследствие возрастания народонаселения развивается их собственное земледелие благодаря увеличению спроса на рыбу, масло, сыр, молоко, овощи, продукты маслянистых растений, плоды и т. д.; тогда возвышается спрос на соленую рыбу и рыбий жир, добываемые посредством рыбных промыслов; тогда вдоль берегов при помощи каботажного судоходства перевозится масса пищевых продуктов, строительных материалов, каменного угля и т. д. для удовлетворения нужд промышленного населения; тогда мануфактуры производят многочисленные предметы вывозной торговли для стран всего света, что предоставляет им выгоды обратного фрахта; тогда вследствие существования каботажа, рыбных промыслов и мореходства в другие страны развиваются морские силы, чем обеспечивается самостоятельность нации и ее влияние на другие народы, в особенности же на южноамериканские; тогда искусства и науки, цивилизация и литература двигаются вперед в восточных штатах и отсюда распространяются на запад.

Вот обстоятельства, вынудившие Северо-Американские Соединенные Штаты ограничивать привоз произведений иностранных мануфактур и оказывать покровительство собственным фабрикам. Мы выше показали, каким увенчалось это успехом. Что без этих мер заводско-фабричная промышленность никогда не возникла бы в приатлантических штатах, показывает их собственный опыт и история промышленности других стран.

Так часто являющиеся в Америке торговые кризисы пытались объяснить влиянием указанных ограничений торговли, но без всякого основания. Как прежние, так и новейшие опыты Северной Америки показывают, напротив, что эти кризисы никогда не были столь часты и столь гибельны, как в то время, когда сношения с Англией были наименее ограничены. Торговые кризисы в земледельческих штатах, которые удовлетворяют свои потребности в мануфактурных произведениях извне, зависят от несоразмерности привоза по отношению к вывозу. Промышленные штаты, более богатые капиталами, нежели земледельческие, в постоянных заботах о расширении своего сбыта отпускают свои товары в кредит и поощряют потребление. Это как бы задаток в обеспечение будущей жатвы. Но если урожай настолько слаб, что его ценность далеко не достигает ценности прежнего потребления, или же если урожай будет настолько обилен, что

продукты не находят достаточного спроса и падают в цене, если при этом еще рынок переполнен иностранными мануфактурными товарами, то вследствие отсутствия равновесия между платежными средствами и прежним употреблением, так же как по причине отсутствия равновесия между спросом и предложением земледельческих продуктов и фабричных изделий, происходит кризис. Этот кризис увеличивается и усложняется операциями иностранных и туземных банков, но не вызывается ими[76]. В одной из следующих глав мы разберем ближе эти отношения.

ГЛАВА X. УРОКИ ИСТОРИИ

Во все времена и повсюду умственное развитие, нравственность и деятельность граждан находились в полном соотношении с благосостоянием нации, и богатство увеличивалось или уменьшалось пропорционально этим качествам; но никогда труд и бережливость, дух изобретательности и предприимчивости отдельных лиц не создавали ничего великого там, где они не находили опоры в гражданской свободе, учреждениях и законах, в государственной администрации и внешней политике, а главным образом, в национальном единстве и могуществе.

История всех стран указывает на решительное взаимодействие социальных и индивидуальных сил. В итальянских и ганзейских городах, в Голландии и Англии, во Франции и Америке мы наблюдаем, как производительные силы, а следовательно, и богатства отдельных лиц возрастают пропорционально со свободой и усовершенствованием политических и общественных учреждений и как, с другой стороны, эти последние в возрастании материальных богатств и производительных сил индивидуумов получают новые силы для своего дальнейшего совершенствования. Самостоятельное развитие английской промышленности и могущества восходит ко времени зарождения английской национальной свободы, а промышленность и могущество венецианцев, ганзейцев, испанцев и португальцев начинают падать вместе с их свободой. Как ни были трудолюбивы, бережливы, изобретательны и развиты умственно отдельные лица, они не были в состоянии восполнить недостаток свободных учреждений. История учит, таким образом, что отдельные лица большую часть своих производительных сил черпают из общественных учреждений и общественного устройства.

Нигде с такой ясностью, как в мореходстве, не обнаруживается влияние свободы, умственного развития и просвещения на могущество, а следовательно, и на производительные силы, и на богатство нации. Среди различных отраслей труда мореходство больше всего способно возбудить энергию, личное мужество, дух предприимчивости и настойчивости — качества, которые, оче-

видно, могут развиваться лишь в атмосфере свободы. Ни в какой другой отрасли промышленности невежество, суеверия и предрассудки, равнодушие, малодушие, изнеженность и слабость не сопровождаются столь гибельными последствиями, нигде чувство личной самостоятельности не является столь настоятельно необходимым. Поэтому история не указывает ни одного примера, где бы порабощенный народ отличался в мореходстве. Индусы, китайцы и японцы исконно ограничивались лишь плаванием по каналам, рекам и вдоль морских берегов. В Древнем Египте мореходство было в презрении, вероятно, потому, что жрецы и фараоны боялись, таким образом, воспитать дух свободы и независимости. Свободнейшие и просвещеннейшие государства Греции были в то же время и самыми сильными на море; вместе со свободой и морские силы прекращают существование, и как ни много история рассказывает о победах македонских царей на суше, она умалчивает об их морских победах.

Когда римляне были сильны на море и когда прекращаются известия об их флоте? Когда Италия предписывает законы на Средиземном море и когда ее собственный каботаж попадает в руки чужеземцев? Над испанским флотом инквизиция произнесла смертельный приговор прежде, нежели он был приведен в исполнение флотами Англии и Голландии. С образованием купеческой олигархии в ганзейских городах сила и дух предприимчивости исчезают из Ганзы. В древних Нидерландах только мореходцы завоевали себе свободу; те же, кто подчиняется инквизиции, должны были терпеть даже прекращение судоходства на своих реках. Английский флот, победив голландский в Ла-Манше, овладел лишь морским господством, которому Англия давно уже обеспечила дух свободы. Голландия, однако, до наших дней сохранила большую долю своих морских сил, между тем как флоты Испании и Португалии почти уничтожены. Напрасны были стремления отдельных администраторов Франции создать флот при деспотических королях, он всегда исчезал. И наоборот, как в настоящее время усиливается на наших глазах торговый и военный флот Франции! Едва успела зародиться независимость Соединенных Штатов Северной Америки, и они уже со славою борются с гигантским флотом метрополии. Но что представляет из себя мореходство Средней и Южной Америки? Пока их флаги не развиваются во всех морях, до тех пор действительность их государственного режима может быть еще оспариваема. Взгляните, напротив, на Техас: едва пробудившись к жизни, он стремится уже захватить свою часть в царстве Нептуна.

Мореходство составляет лишь часть промышленной силы нации — часть, которая может развиваться и приобретать большее значение лишь вместе с целым и посредством целого. Всюду, как показывает опыт, и во все времена мореходство, внутренняя и внешняя торговля, даже самое земледелие процветают лишь там, где достигают процветания мануфактуры. Но если свобода главным образом обусловливает развитие мореходства, то насколько же больше должна она обусловливать мощь мануфак-

турных сил, рост всех производительных сил нации? История не знает ни одного богатого, ни одного торгового и промышленного народа, который бы в то же время не был и народом свободным.

Всюду наряду с развитием мануфактур усовершенствовались пути сообщения, улучшалось речное судоходство, пролагались каналы, усовершенствовались грунтовые дороги, являлись железные дороги и пароходства — необходимые условия для развития земледелия и цивилизации.

История учит, что искусства и промыслы странствуют из города в город, из страны в страну. Преследуемые и угнетаемые на родине, они спасаются в те города и страны, которые им обеспечивают свободу, покровительство и поддержку. Так переходили они из Греции и Азии в Италию, оттуда в Германию, Фландрию и Брабант, и из этих последних — в Голландию и Англию. Всюду безрассудство и деспотизм изгоняли их, а дух свободы привлекал. При отсутствии недомыслия континентальных правительств трудно было бы Англии завоевать себе промышленное верховенство. Но что разумнее, ждать ли нам того, когда другие нации будут настолько безрассудны, что изгонят собственную промышленность, вследствие чего мы заставим их искать у нас убежища, или же, не рассчитывая на подобные случайности, привлечь их к нам, предложив им извлекать отсюда известные выгоды? Правда, опыт учит, что ветер переносит семена из одной местности в другую и что, таким образом, голые степи превратились в густые леса; но было ли бы, однако, разумно со стороны лесохозяина ждать, пока ветер в течение столетий произведет эти культурные улучшения? Было ли бы с его стороны бессмысленно, если бы он, посредством осеменения голых пространств, постарался достичь этой цели в течение нескольких десятилетий? История показывает, что целые народы с успехом поступали так, как должен был бы, очевидно, поступить лесовладелец.

Некоторые свободные города или небольшие республики с ограниченной территорией, с незначительным населением и незначительные в военном отношении, или же союзы таких городов и государств, благодаря энергии их юношеской свободы, их географическому положению и счастливым обстоятельствам гораздо ранее великих монархий достигали процветания в промышленности и торговле. Установив в этими последними монархиями свободные сношения, они доставляли им свои мануфактурные произведения в обмен на сельскохозяйственные продукты, и таким образом достигали высокой степени богатства и могущества. Так было с Венецией, с Ганзой, с Бельгией и Голландией.

Не менее выгодна была сначала свобода торговли для тех великих держав, с которыми они находились в сношениях. При богатстве их естественных источников и грубости их общественного состояния свободный ввоз иностранных мануфактурных товаров и вывоз их земледельческих продуктов были самым верным и самым действенным средством развить их производительные силы, приучить к труду их жителей, склонных к лени и ссорам, заставить

землевладельцев и аристократию интересоваться промышленностью, возбудить в их купцах спящий дух предприимчивости и, главным образом, поднять их культуру, промышленность и могущество.

Подобные результаты в особенности выпали на долю Великобритании вследствие торговых и промышленных ее сношений с итальянцами, ганзейцами, бельгийцами и голландцами. Но достигнув при помощи свободных торговых сношений известной степени развития, великие державы поняли, что могущество и богатство приобретаются лишь тогда, когда фабрики и торговля будут в единении с земледелием, они поняли, что новые туземные фабрики не в силах выдерживать конкуренции со старыми, давно существующими заграничными фабриками, что их собственные рыбные промыслы и собственный торговый флот — основа флота военного — никогда не создадутся без особенного покровительства и что дух предприимчивости туземных купцов всегда будет парализовываться действиями иностранных купцов благодаря их огромным капиталам, большей опытности и образованию. Тогда они стремились посредством ограничений, покровительства и поощрений акклиматизировать на собственной почве капиталы, ловкость и дух предприимчивости иностранцев с большим или меньшим успехом, с большей или меньшей быстротой, смотря по тому, насколько целесообразны были избранные ими средства и с какой энергией и настойчивостью преследовалась намеченная цель.

Прежде всех прибегла к этой политике Англия. Но необразованность или страстность правителей, внутренние волнения или внешние войны были причиной того, что эта политика часто прерывалась, и лишь благодаря Эдуарду VI, Елизавете и революциям Англия усвоила прочную и целесообразную систему. Ибо каким образом могли оказывать надлежащее действие меры Эдуарда III, когда только при Генрихе VI в первый раз разрешено было перевозить зерновой хлеб из одного графства в другое или вывозить его за границу? Когда еще во времена Генриха VII и Генриха VIII всякая прибыль, даже торговые проценты или дисконт, равно барыш от разницы денежного курса, считалась ростовщичеством и когда думали, что возможно покровительствовать промышленности посредством низкой таксировки шерстяных товаров и заработной платы, а производство хлеба — посредством уменьшения больших стад овец? И насколько ранее достигла бы Англия высокой степени развития шерстяного производства и мореплавания, если бы Генрих VIII не счел за бедствие повышение цен на хлеб, если бы он, вместо того чтобы изгнать из страны массу иностранных рабочих, постарался, по примеру своих предшественников, увеличить их число посредством эмиграции, и если бы Генрих VII не отверг предложенного ему парламентом навигационного акта?

Во Франции мы видим туземные фабрики, свободу внутренних сношений, внешнюю торговлю, рыбные промыслы, торговый и военный флот, словом,

все атрибуты великой, могущественной и богатой нации, и все это, стоившее Англии вековых усилий, было создано одним великим гением в течение нескольких лет, как бы по мановению волшебного жезла, но зато все это еще быстрее было уничтожено железной рукой фанатизма и деспотизма. Безуспешно на наших глазах принцип свободы торговли вступает в борьбу при неблагоприятных условиях с ограничениями, облеченными могуществом; Ганза уничтожается, и Голландия падает под ударами Англии и Франции.

Что торговая политика ограничений только тогда может оказать надлежащее действие, когда она поддерживается успехами культуры и свободными учреждениями страны, доказывают упадок Венеции, Испании и Португалии, ретроградное движение Франции вследствие отмены Нантского эдикта и история Англии, в которой свобода всегда развивалась параллельно с успехами промышленности, торговли и национального обогащения.

Напротив, сильно развитая культура при свободных ли учреждениях или без них, если только она не встречает поддержки в целесообразной торговой политике, является плохим обеспечением экономических успехов страны. Это достаточно ясно доказывается историей Северо-Американских Соединенных Штатов и опытом Германии.

Новейшая Германия при отсутствии энергичной и общей торговой политики, предоставленная на собственном рынке конкуренции иностранной промышленности, превосходящей ее во всех отношениях, напротив, устраненная с иностранных рынков произвольными, часто даже прихотливыми ограничениями, далекая от того, чтобы ее культура делала успехи параллельно с развитием ее промышленности, — эта Германия не в состоянии была ни разу возвыситься до своего прежнего положения и походит теперь на колонию и эксплуатируется той самой страной, которую несколько столетий пред тем таким же образом эксплуатировали немецкие купцы, так что наконец немецкие города решились посредством общей и энергичной торговой политики обеспечить внутренний рынок для своей собственной промышленности.

Свободные штаты Северной Америки, будучи в состоянии более всех других наций до них извлечь пользу из принципа свободы торговли и уже в колыбели своей самостоятельности взлелеянные уроками космополитической школы, больше всех других наций старались провести в жизнь этот принцип. Но, как мы видели, эта нация дважды вынуждена была вследствие войны с Великобританией вырабатывать сама себе те мануфактурные изделия, которые она при свободе торговли приобретала из других стран; после же заключения мира она дважды была доведена свободной заграничной конкуренцией на край погибели, что и привело ее к убеждению, что при настоящих мировых отношениях каждая великая нация должна искать обеспечения своего благосостояния и независимости в самостоятельном и равномерном развитии ее собственных сил.

Таким образом, история учит, что ограничительные меры являются не столько изобретением глубокомысленных умов, сколько результатом развития интересов и стремления наций к независимости и верховенству, следовательно, результатом национального соперничества и войны, и что эти ограничения могут исчезнуть только при согласовании всех национальных интересов, т. е. при общем объединении всех народов под знаменем права. Вопрос: каким образом объединить народы в образе федеративного устройства и каким образом при расширении возникающих между независимыми нациями разногласий поставить власть закона на место военной силы; вопрос этот сливается с другим: каким образом национальные системы торговли могут быть заменены свободой всемирной торговли?

Опыты некоторых стран, применивших у себя эту свободу по отношению к нации, превосходящей их промышленностью, богатством и могуществом или ограничительной торговой системой, как это было сделано в 1703 году Португалией, в 1786-м Францией, в 1786-м и 1816 году Северной Америкой, с 1815-го по 1821 год Россией и в течение целых веков Германией, — подобные опыты показывают нам, что таким образом приносится лишь в жертву благосостояние отдельных стран без всякой пользы для всего человечества и только для выгод той страны, которая господствует в промышленности и торговле. Швейцария, как мы выясним позднее, является исключением и представляет так же много, как и мало доказательств как за, так и против той или другой системы.

Кольбер не является перед нами создателем той системы, которую итальянцы назвали его именем; как мы видели, она была еще задолго до него развита англичанами. Кольбер только провел в жизнь то, что должна была рано или поздно провести Франция, если она желала выполнить свое назначение. Если и можно поставить что-либо в вину Кольберу, так лишь то, что он пытался выполнить под покровом деспотического правления то, что могло получить прочность после лишь коренного преобразования им политического строя.

На этот упрек можно, однако, возразить следующее: система Кольбера, если бы благоразумные короли и просвещенные министры ей следовали, удалила бы с пути преобразования те препятствия, которыми задерживалось развитие промышленности, сельского хозяйства, торговли, равно как и общественной свободы, и Франции не пришлось бы переживать революции, но даже гораздо более успев в своем развитии благодаря взаимодействию промышленности и свободы, Франция бы уже целых полтора века счастливо соперничала с Англией в промышленности, развитии внутренних сношений, во внешней торговле и колонизации, равно как в рыбных промыслах, в торговом и военном флотах.

История, наконец, учит нас, каким образом народы, обладающие от природы всеми средствами для достижения высшей степени богатства и могу-

щества, могут и должны, без того, чтобы не стать в противоречие с самими собою, менять свою торговую систему по мере того, как идут вперед. Сначала, действительно, посредством свободы торговли с народами, их опередившими, они выходят из варварства и улучшают свое земледелие; потом посредством ограничений они заставляют цвести их фабрики, флот и внешнюю торговлю; наконец, после достижения высшей степени богатства и могущества, посредством постепенного перехода к принципам свободы торговли и свободной конкуренции иностранцев на их собственных рынках они предохраняют от равнодушия своих земледельцев, фабрикантов и своих купцов и возбуждают в них энергию для поддержания верховенства, которого они достигли. На первой ступени развития находятся Испания, Португалия и Неаполь, на второй — Германия и Северная Америка, недалеко от границы последней ступени находится, по нашему мнению, Франция; достигла последней ступени пока еще только Великобритания.

ТЕОРИЯ

ГЛАВА XI. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

До Кенэ и французских экономистов не существовало другой политической экономии, кроме той, которая практиковалась государственным управлением. Администраторы и писатели, которые трактовали о предметах административных, обращали внимание исключительно на земледелие, фабрики, торговлю и мореплавание тех стран, которым они принадлежали, не заботясь об анализе причин богатства и не возвышаясь до интересов целого человечества.

Кенэ, у которого впервые зародилась идея всеобщей свободы торговли, расширил объем своих исследований на все человечество, не имея представления об отдельной нации. Заглавие его сочинения таково — «Physiocratie, ou de gouvernement le plus avantageux au genre humain»; он хотел бы, чтобы «купцы всех народов образовали одну торговую республику». Очевидно, Кенэ имел в виду космополитическую экономию, т. е. ту науку, которая учит, как человеческий род может обеспечить себе благосостояние, в противоположность политической экономии или такой науке, которая ограничивается изучением того, каким образом данный народ при известных мировых отношениях, при помощи земледелия, промышленности и торговли достигает благосостояния, цивилизации и могущества.

Тот же широкий смысл придает и Адам Смит своему учению, так как он поставил себе задачу доказать справедливость космополитической идеи абсолютной свободы всемирной торговли, несмотря на грубые ошибки физиократов против сущности вещей и против логики. Адам Смит так же, как и Кенэ, не думал составлять трактата о предмете политической экономии, т. е. той политики, которой должны следовать отдельные нации, чтобы достигать прогресса в своем экономическом положении. Он дал следующее заглавие своему сочинению — «Природа и причины богатства народов», т. е. всех народов, всего рода человеческого. Он говорит о различных системах политической экономии в особенной части своего труда с единственной и исключительной целью: представить их полное ничтожество и доказать, что полити-

ческая или национальная экономия должны уступить место всемирной экономии. Если он говорит также иногда и о войне, то, по-видимому, только мимоходом. Идея вечного мира лежит в основании всех его доказательств. Так, по выразительному замечанию его биографа Дугалд-Стеварта, точкой отправления всех его исследований было убеждение, что «большинство государственных мероприятий для развития общественного благосостояния бесполезно и что для нации, стремящейся перейти из низшего состояния варварства в состояние наивозможно высшего благосостояния, необходимы лишь умеренные налоги, хорошее судопроизводство и мир». Под словом «мир» Адам Смит, очевидно, разумеет вечный мир аббата Saint Pierre.

Ж. Б. Сэй ставит ясный вопрос: не должно ли допустить существование всемирной республики для того, чтобы ясно представить себе идею всеобщей свободы торговли? Этот писатель, который, в сущности, воздвигнул здание своего учения из материалов, преподанных Адамом Смитом, в шестом томе, стр. 288, своей économie politique pratique говорит буквально следующее: «Мы можем рассматривать экономические интересы семьи с отцом дома во главе; принципы и воззрения, касающиеся таких интересов, составляют предмет частной экономии. Те же принципы, которые имеют отношение к интересам целой нации в частности и по отношению ее к другим нациям, образуют государственную экономию (l'Oconomie publique). Политическая экономия, наконец, рассматривает интересы всех наций, все человечество в совокупности».

При этом нужно заметить, во-первых, что Сэй под именем государственной экономии (économie publique) разумеет национальную или политическую экономию и что он нигде в своих сочинениях о ней не говорит; во-вторых, что он учению, очевидно, характера космополитического присваивает название политической экономии, и что он в этом учении всюду трактует лишь о той экономии, которая имеет в виду исключительно интересы всего человеческого рода без всякого отношения к интересам отдельных наций.

Этого смешения наименований не существовало бы, если бы Сэй, предупредив о том, что он называет политической экономией и что на самом деле есть не что иное, как космополитическая, или мировая, экономия, познакомил нас также и с принципами того учения, которое он называет государственной экономией (économie publique), но которое на самом деле есть не что иное, как экономия в отношении к нациям, или политическая экономия. При определении и развитии этого учения он едва ли мог исходить из представления и существа нации и выяснить, какие существенные изменения должна претерпеть экономия человеческого общества, так как человеческое общество разделено на отдельные национальности, которые представляют союз сил и интересов и в своей естественной свободе стоят лицом к лицу с другими обществами подобного рода. Но, придав своей мировой экономии наименование политической экономии, он избавил себя от такого изложе-

ния; смешав слова, он произвел смешение понятий и замаскировал массу грубейших теоретических ошибок. Все позднейшие писатели повторили ту же ошибку. Сисмонди также называет свою политическую экономию «la science qui se charge du bonheur de l'espOce humaine». Так, Адам Смит и его ученики излагали, в сущности, то же учение, которое излагали до них Кенэ и его ученики, потому что в статье «Revue mOthodique», трактующей о школе физиократов, почти теми же словами выражается мысль, что «благосостояние отдельных лиц зависит вообще от благосостояния всего рода человеческого». Первый из североамериканских корифеев свободы торговли в том виде, как ее понимает Адам Смит, — Томас Купер, президент коллегиума в Колумбии, отрицает даже существование национальных особенностей; он называет нацию «грамматическим изобретением, вызванным необходимостью избежания перифразов, не-сущим (a non-entity), которое не имеет никакого реального значения и пригрезилось лишь политикам». Впрочем, Купер при этом совершенно последователен, даже гораздо последовательнее своих предшественников и учителей, ибо очевидно, что, раз признано существование наций с их условиями бытия и их интересами, необходимо допустить и изменение экономии человеческого общества согласно этим частным интересам, и что если признается это изменение ошибкой, то совершенно разумно опровергнуть прежде всего существование наций.

Мы, со своей стороны, далеки от того, чтобы отвергать космополитическую теорию в том виде, как она выработана школой[77]; мы думаем только, что и политическая экономия, или, как ее называет Сэй, Oconomie publique, также должна быть научно разработана, и что, во всяком случае, лучше называть вещи их действительными именами, нежели придавать им названия, противоречащие смыслу слов.

Если желают остаться верными логике и сущности вещи, необходимо противопоставить частную экономию социальной экономии и в этой последней различать: экономию политическую, или национальную, которая, исходя из представления и сущности национализма, учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение, и экономию космополитическую, или мировую, которая исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире.

Предположите, как того желает школа, мировую ассоциацию или федерацию всех наций как гарантию вечного мира, и принцип международной свободы торговли будет совершенно установлен. Чем менее каждый человек ограничен в достижении своей личной цели — благосостояния, тем значительнее число и богатство тех, которые находятся с ним в свободных сношениях, тем шире поле его деятельности, тем легче ему для увеличения своего благосостояния пользоваться данными ему от природы способностями, приобре-

тенными познаниями и талантами, равно находящимися в его распоряжении естественными силами. Что сказано об отдельном лице, применимо и к общинам, и к провинциям, и к государствам. Только глупец может утверждать, что торговое объединение для Соединенных Штатов Северной Америки, для провинций Франции, для немецких союзных государств вреднее провинциальных таможен.

Объединение трех соединенных королевств (Великобритании и Ирландии) представляет миру разительный и решительный пример громадных результатов свободы торговли между объединенными народами. Стоит лишь представить себе подобную ассоциацию между всеми нациями земного шара — и самое живое воображение не в силах будет начертать себе размеры благосостояния и могущества, которых достигло бы человечество.

Бесспорно, идея всемирной федерации всех народов и вечного мира диктуется как разумом, так и религией[78]. Если уже поединок между двумя индивидуумами является бессмыслицей, то насколько же больше должен быть таким поединок между двумя нациями. Доказательства из культурной истории человечества, приводимые социальной экономией в защиту объединения всех наций под знаменем закона, являются, быть может, самыми очевидными для здравого разума. История показывает, что там, где индивидуумы находятся в постоянной борьбе между собой, благосостояние наций находится на самой низкой степени и что оно возвышается вполне пропорционально с развитием человеческих ассоциаций. В первоначальном состоянии человечества мы отмечаем лишь семейный союз, затем следуют города, далее городские федерации, затем союзы целых стран, наконец, объединение многих государств под знаменем закона. Если природа вещей была достаточно могущественна для того, чтобы распространить на сотни миллионов то объединение, которое началось в семье, то необходимо предположить в ней достаточно силы и для осуществления объединения целых наций. Если человеческий ум был способен оценить выгоду этих великих союзов, то нужно считать его достаточно способным постигнуть выгоды и общего объединения всего человечества. Масса признаков указывает на это стремление мирового ума. Припомним лишь успехи в науках, искусствах и изобретениях, в промышленности и в социальной организации. Теперь уже с уверенностью можно предвидеть, что через несколько десятилетий благодаря усовершенствованию путей сообщения цивилизованнейшие народы в своих материальных и умственных отношениях будут связаны так же тесно и даже еще теснее, чем были связаны столетие тому назад разные графства Англии. И теперь уже телеграф дает правительствам континентальных стран такое средство, которое позволяет им вступать в переговоры так, как будто бы все они находились в одном и том же месте. До сих пор совершенно неизвестные могущественные силы подняли промышленность на такую высоту, какой нельзя было и подозревать, и, несомненно, обнаружатся другие силы, еще более могущественные. Но чем более развивает-

ся промышленность, тем равномернее она распространяется по земному шару и тем сильнее будет уменьшаться возможность войны. Два одинаково развитых в промышленном отношении народа в состоянии уже в одну неделю нанести друг другу более вреда, чем в состоянии его исправить целое поколение. Прибавьте к этому, что те же самые силы, которые до сих пор созидали производство, не откажутся воздействовать на его разрушение и что они преимущественно пригодны для обороны в особенности континентальных стран, между тем как они угрожают лишить Великобританию тех преимуществ, которые давало положение острова для защиты этой страны. Конгресс великих держав Европы есть уже зародыш будущего конгресса народов. Теперь уже ясно сказывается стремление устранять международные распри преимущественно посредством трактатов, вместо того чтобы разрешать их с оружием в руках на правах сильного. Вследствие более правильных взглядов на сущность богатства и промышленности лучшие умы всех цивилизованных наций пришли к тому убеждению, что цивилизующее влияние на варварские и полуварварские страны или на страны, отставшие в культурном отношении, или на основанные колонии оказывают нации, их опередившие, заботящиеся о развитии их производительных сил, а такое поле деятельности обещает дать несравненно более богатые и прочные результаты, нежели война или враждебные торговые ограничения. По мере того как будет упрочиваться подобное убеждение и развитие путей сообщения откроет образованным народам такие страны, которые лишены цивилизации, эти нации будут все более и более понимать, что цивилизация народов варварских и народов, раздираемых анархией или стоящих под гнетом дурного правительства, является миссией, выполнение которой одинаково выгодно для всех них и одинаково для всех них обязательна, — миссией, выполнение которой и возможно лишь посредством ассоциации.

Что цивилизация всех стран, культура всего земного шара является задачей человечества, ясно показывает тот неизменный закон природы, который с непреодолимой силой заставлял цивилизованные нации направлять свои производительные силы на страны мало культурные. Всюду, как мы видим, под влиянием цивилизации народонаселения умственные силы и материальные богатства поднимаются до той высоты, когда они необходимо должны переливаться в страны менее культивированные. Если почва страны не в состоянии уже более пропитать население и земледельческое население не находит применения для своего труда, то избыток его ищет доступных культуре пространств в отдаленных странах; если таланты и технические знания становятся в стране настолько обильными, что их труд не вознаграждается более, они переселяются в страны, где в них чувствуется недостаток; если вследствие накопления капиталов размер процентов на них падает так низко, что незначительный капиталист не получает достаточных средств для жизни, то он старается обеспечить себя в этом отношении в странах менее богатых.

Итак, школа (классическая политическая экономия) основывается на верной идее, которая должна быть признана и разработана наукой, если последняя хочет выполнить свое назначение служить светочем для практики, — идее, знакомство с которой обязательно для практики, если она не желает сбиться с надлежащего пути. Школа упустила только из вида сущность национальностей, их интересы и их особые условия и не старалась согласить их с идеей всемирной ассоциации вечного мира.

Школа признала положение вещей, которое должно осуществиться только в будущем, как уже реализованное. Она предполагает существование всемирной ассоциации и вечного мира и отсюда выводит великие выгоды от свободы торговли. Она смешивает, таким образом, следствие с причиной. Между объединившимися провинциями и государствами уже существует постоянный мир, и отсюда произошло объединение их торговли. Благодаря установившемуся между ними постоянному миру они пользуются теми выгодами, которые достигаются торговым объединением. Все примеры, которые нам дает история, показывают, что политическое единение предшествует торговому, которое является следствием первого. История не знает ни одного примера, где бы торговое единение предшествовало и обусловливало политическое. Но при настоящих мировых отношениях всеобщая свобода торговли дала бы в результате не всеобщую республику, а всеобщее подчинение отставших наций верховенству наций, являющихся наиболее сильными в промышленности, торговле и мореплавании, — для этого есть очень веские основания и, с нашей точки зрения, неопровержимые.

Мировая республика, как ее понимали Генрих IV и аббат Saint Pierre, т. е. такая ассоциация, в которой все нации признавали бы над собой легальное управление и отказались бы от самосуда, может осуществиться лишь в таком случае, если многие нации достигнут по возможности одинаковой степени промышленности и цивилизации, политического воспитания и могущества. Только путем постепенного расширения такой ассоциации может развиваться и свобода торговли; только вследствие организации такого союза можно обеспечить всем нациям великие выгоды, примером чего могут служить провинции и государства, уже объединившиеся. Протекционная система является единственным средством для поднятия отставших стран до уровня опередивших их наций, которые от природы не получили никакой вечной монополии мануфактурной промышленности, а лишь выиграли во времени перед другими нациями; поэтому протекционная система является, с указанной точки зрения, могущественной силой, влекущей нации к конечной цели — ассоциации народов, а следовательно, к истинной свободе торговли. С этой же точки зрения и национальная (политическая) экономия является такой наукой, которая, признавая существующие интересы и индивидуальные условия наций, учит, каким образом каждая из них может возвыситься до той же степени экономического развития, при которой ее ассоциация с другими

нациями равной культуры на основании свободы торговли становится возможной и выгодной.

Школа, однако, оба эти учения перемешала; она впадает в крупную ошибку, применяя к положению различных наций чисто космополитические принципы, в то же время не признавая, по соображениям политическим, космополитических тенденций производительных сил.

Только вследствие непонимания космополитической тенденции производительных сил мог Мальтус впасть в такую ошибку, как желание ограничить прирост населения, или в новейшее время Шальмер и Торренс — выразить странную мысль, что увеличение капиталов и ограниченное производство составляют зло, которому общий интерес должен положить границы, или, наконец, Сисмонди — объявить фабрики явлением вредным для общества. Теория здесь подобна Сатурну, глотающему собственных детей. Эта теория, согласно которой результатом увеличения народонаселения, капиталов и машин является разделение труда, а этим последним объясняется благосостояние общества, начинает в конце концов считать производительные силы чудищем, угрожающим благосостоянию народов, потому что она, устремив внимание на положение отдельных наций, упускает из вида положение всего земного шара и будущие успехи человечества.

Несправедливо то, что население увеличивается в большей пропорции, нежели производство предметов продовольствия; по меньшей мере, не имеет смысла допущение такой непропорциональности или стремление доказать его искусственными выкладками и софистическими аргументами до тех пор, пока на земном шаре лежит мертвым капиталом масса естественных богатств, которые в состоянии будут пропитать в десять раз, а может быть, и во сто раз больше людей, нежели теперь.

Только узкая точка зрения может признавать настоящие размеры производительных сил основой того, сколько людей может питаться на данном пространстве земли. Дикарь, охотник, рыболов, вычисляя по-своему, не нашли бы на земле достаточно места для миллиона людей, пастух — для десяти миллионов, земледелец — для сотни миллионов, и однако, в одной Европе в настоящее время живет двести миллионов. Культура картофеля и кормовых трав и новейшие улучшения в земледелии вообще вдесятеро увеличили производительные силы людей в добывании средств существования. В средние века в Англии выход пшеницы с одного акра земли был сам-четыре, теперь же сам-десять и сам-двадцать, не говоря уже о том, что теперь в пять раз больше обрабатывается земли. Во многих европейских странах, в которых естественное плодородие почвы то же, что и в Англии, выход зерна и в настоящее время не превышает сам-четыре. Кто может указать границы открытий, изобретений и прогресса человечества? Земледельческая химия еще в зародыше; кто решится стоять за то, что завтра новое изобретение или открытие не увеличит производительность почвы в пять или десять раз?

Артезианские колодцы дают уже возможность превращать бесплодные пустыни в плодоносные поля. А сколько сил может быть заключено еще в недрах земли? Предположите лишь случай, что вследствие нового открытия окажется возможность получать теплоту без помощи горючих материалов; какие пространства земли будут вследствие этого обработаны и в каких невероятных размерах возрастет производительная способность известного данного пространства земли? Если теория Мальтуса кажется нам узкою по своей тенденции, то по своим средствам она представляется противоестественной, гибельной для нравственности и энергии, наконец, чудовищной. Она стремится уничтожить побуждение, которое по своей природе является действительнейшим средством, которое возбуждает в людях напряжение тела и духа, будит и вызывает благороднейшие чувства, — побуждение, которому человечество должно быть обязано большей частью своих успехов. Она стремится возвести в закон бессердечнейший эгоизм; она требует, чтобы сердце наше оставалось глухо к страданиям голодного, так как если мы снабдим его пищей и питьем, то, быть может, лет через тридцать другой вместо него будет голодать. Она желает расчет поставить на место сострадания. Эта доктрина в состоянии превратить в камни сердца людей. Но чего можно ожидать от страны, у граждан которой в груди камни вместо сердец? Чего, кроме полного упадка нравственности, а вместе с ней и всех производительных сил, а затем всего богатства и всей цивилизации и могущества наций?

Если в стране численность населения возрастает сильнее, нежели производство пищевых продуктов, если капиталов наконец накопляется столько, что они в стране не находят более помещения, если машины оставляют без дела массу людей и если фабрикаты обнаруживают перепроизводство, то это служит лишь доказательством того, что природа не желает, чтобы промышленность, цивилизация, богатство и могущество были национальным уделом какой-либо одной нации, чтобы огромная часть способной к культуре земли была обитаема лишь зверями и чтобы наибольшая часть человеческого рода оставалась погруженной в грубость, невежество и бедность.

Мы показали, в какие ошибки впала школа вследствие того, что рассматривала производительные силы человечества с политической точки зрения; нам необходимо теперь указать на те ошибки, которые зависят от космополитической точки зрения на частные интересы наций.

Если бы действительно осуществилась такая федерация наций, какую мы встречаем в Соединенных Штатах Северной Америки, то избыток населения, талантов, способностей и материальных капиталов из Англии устремился бы в континентальные государства, как он теперь стремится из восточных штатов Северной Америки в южные, конечно, лишь при условии, что в континентальных странах настолько же будет обеспечена личность и имущество, будет установлена такая же конституция и те же общие законы и что английское правительство будет подчинено общей воле

всей мировой федерации. При таком предположении, чтобы поднять все эти страны на ту же степень богатства и цивилизации, на какой находится Англия, нет лучшего средства, как свобода торговли. Это аргумент школы. Но к каким результатам привела бы свобода торговли при существующих всемирных отношениях?

Для англичан как нации независимой и изолированной национальные интересы послужили бы, конечно, руководящей нитью в их политике. Англичанин из пристрастия к своему языку, к своему законодательству и конституции, к своим привычкам, напрягал бы все свои силы и употреблял все капиталы для развития туземной промышленности, в чем ему помогала бы свобода торговли, которая открыла бы для английских мануфактур рынки всех стран; ему бы и на мысль не могло прийти основывать фабрики во Франции или в Германии. Всякий избыток капитала Англия обращала бы на торговлю с другими частями света. Если бы англичанину пришлось эмигрировать и поместить свои капиталы где-нибудь в другом месте, а не в Англии, то он, как и в настоящее время, соседним континентальным странам предпочел бы те отдельные местности, в которых он нашел бы свой язык, свои законы и учреждения. Вся Англия, таким образом, обратилась бы в один необъятный мануфактурный город. Азия, Африка, Австралия были бы ею цивилизованы и усеяны государствами по английскому образцу. Таким образом, создался бы впоследствии под главенством метрополии целый мир английских государств, в котором европейские континентальные нации затерялись бы, как незначительные и бесплодные расы. Франция с Испанией и Португалией несли бы миссию поставлять в этот английский мир превосходные вина, оставляя себе наихудшие; самое большое, если бы Франции удалось сохранить производство некоторых предметов моды. Германия не имела бы другого назначения, как доставлять этому английскому миру детские игрушки, деревянные стенные часы, филологические трактаты и иногда вспомогательные войска для расширения в пустынях Азии или Африки английского мануфактурного и торгового господства, английской литературы и языка. Немного прошло бы столетий, как в этом английском мире стали бы о немцах и французах говорить с таким же уважением, с каким мы говорим теперь об азиатских народах.

Политика, однако, признает такое развитие при помощи свободы торговли вполне неестественным; если бы, рассуждает она, во времена ганзейцев была применена всеобщая свобода торговли, то вместо английской немецкая нация опередила бы в торговле и промышленности все прочие нации. Было бы в высшей степени несправедливо на основании космополитических принципов присудить теперь англичанам все богатства и все могущество земли только потому, что ими прежде всех других была развита торговая система, и потому, что космополитический принцип наименее признавался ими. Для того чтобы действие свободы торговли было естественным, необходимо, чтобы отставшие нации посредством искусственных меропри-

ятий поднялись до той же степени развития, какой достигла искусственным образом Англия. Поэтому из опасения, чтобы вследствие указанной выше космополитической тенденции производительных сил страны других частей света не завоевали себе данного положения прежде континентальных европейских стран, те нации, которые благодаря своему нравственному, умственному, социальному и политическому состоянию чувствуют себя способными к развитию фабрично-заводской промышленности, должны бы были обратиться к протекционной системе как самому действительному средству для достижения этой цели. Результаты этой системы для данной цели были бы двоякие: во-первых, постепенное исключение иностранных мануфактурных изделий с нашего рынка вызвало бы в других странах избыток рабочих сил, промышленных дарований и капиталов, которые будут принуждены искать их применения и помещения за границей, и во-вторых, посредством премий, который предоставляла бы наша система эмигрирующим рабочим, промышленным дарованиям и капиталам, мы привлекали бы к себе такой избыток производительных сил, которые без этого эмигрировали бы в страны более отдаленные или в колонии.

Политика ссылается на историю и говорит: разве Англия в прежнее время не привлекла благодаря именно этому средству массу производительных сил из Германии, Италии, Голландии, Бельгии, Франции, Испании и Португалии? Она спрашивает: почему космополитическая школа, сравнив выгоды и невыгоды протекционной системы, почему она совершенно умалчивает об этих замечательных результатах применения такой системы?

ГЛАВА XII. ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ТЕОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Адам Смит озаглавил свое знаменитое сочинение «О природе и причинах богатства народов». Вместе с тем основатель господствующей экономической школы правильно указал двоякую точку зрения, с которой можно рассматривать экономию наций, равно как и экономию частных лиц. Причины богатства суть нечто совершенно другое, нежели само богатство. Если человек может владеть богатством, т. е. меновой ценностью, но если он не обладает способностью производить ценных предметов в большем количестве, чем потребляет, то он будет беднеть. С другой стороны, человек может быть бедным, но если он в силах производить количество ценностей, превышающее его потребление, то он сделается богатым.

Способность создавать богатство бесконечно важнее самого богатства; она не только обеспечивает владение приобретенным и его увеличение, но и вознаграждает потерянное. Это еще более, чем для частных лиц, примени-

мо к целым нациям, которые не могут жить рентой. Германия каждое столетие была опустошаема мором, голодом или внутренними и внешними войнами; но она всегда спасала большую часть своих производительных сил, и, таким образом, снова достигала благосостояния, между тем как богатая и могущественная Испания среди полного внутреннего мира, но подавленная деспотизмом и духовенством, погружалась все глубже в нищету и бедствия. До сих пор то же солнце освещает Испанию, до сих пор у нее та же почва, ее рудники так же богаты, до сих пор в ней живет тот же народ, который населял ее до открытия Америки и введения инквизиции; и однако, этот народ постепенно утрачивал свои производительные силы; поэтому он обеднел и несчастен. Североамериканская война за освобождение стоила нации сотен миллионов, но ее производительные силы благодаря приобретению национальной самостоятельности усилились неимоверно, вследствие чего она в течение немногих лет по заключении мира была в состоянии приобрести несравненно большие богатства, чем владела прежде. Сравните положение Франции в 1809 году и в 1839 году — какая разница! И однако с тех пор Франция утратила свое господство над большей частью европейского материка, подверглась двум опустошительным нашествиям и заплатила миллиарды военных контрибуций и вознаграждений.

Не может быть, чтобы такой проницательный ум, каким владел Адам Смит, совершенно не признавал различия между богатством и его причинами и решительного влияния этих причин на состояние наций. Во введении к своему сочинению он говорит совершенно ясно: «Труд есть тот источник, из которого каждая нация извлекает свои богатства, а увеличение богатств зависит главным образом от производительной силы труда, именно от той степени знания, искусства и целесообразности, с какой труд нации применяется, и от отношения между числом сил, занятых производительным трудом, и числом сил непроизводительных». Мы видим отсюда, как ясно вообще Смит понимал, что положение наций зависит главным образом от суммы их производительных сил.

Кажется, это не в порядке природы, чтобы целая наука выходила из головы одного мыслителя вполне совершенной. Космополитическая идея физиократов, «всеобщая свобода торговли» и открытое им самим «разделение труда» слишком овладели Адамом Смитом, для того чтобы он в состоянии был исследовать и идею «производительных сил». Как ни много должна быть обязана ему наука в ее прочих отделах, но идея о «разделении труда» ему представлялась самой блестящей. Она должна была обеспечить известность его книге, а его имени — славу. Слишком умный, для того чтобы не понять, что тот, кто хочет продать драгоценный камень, не понесет на рынок алмаза в мешке с пшеницей — как бы зерна пшеницы ни были полезны, — но, конечно, выставит его на видном месте; слишком опытный, для того чтобы не знать, что дебютант — а таким он был в политической экономии при обна-

родовании своего труда, — который в первом акте уже имел счастье вызвать фурор, легко получает снисхождение, если в следующих актах он хотя немного возвышается над посредственностью, — Адам Смит счел нужным начать свой труд учением о разделении труда. Он не ошибся в расчете, первая слава обеспечила его судьбу и послужила основанием для его авторитета.

Мы, со своей стороны, кажется, можем утверждать, что именно это желание представить важнейшее свое открытие — разделение труда — в самом выгодном свете помешало Адаму Смиту исследовать полнее идею «производительной силы», которая была им выражена во введении и затем часто выражалась, хотя и мимоходом, и представить свое учение в гораздо более совершенном виде. Вследствие большого значения, придаваемого им своей идее «разделения труда», он, очевидно, был склонен считать труд основанием (фондом) всяких богатств наций, несмотря на то что он сам отлично видел, и это он даже высказывает, что производительность труда зависит главным образом от степени умения и целесообразности, с которыми труд применяется. Мы спрашиваем: будет ли научным разделением, когда причину известного явления видят в результате множества глубже лежащих причин? Не подлежит сомнению, что всякое богатство создается посредством работы тела и ума (труда); этим, однако, не обозначена еще причина, из которой можно было бы вывести полезные следствия, ибо история показывает, что целые страны, несмотря на усердие и бережливость их граждан, были осуждены на бедность и нищету. Если бы кто пожелал узнать и исследовать, каким образом одна нация, находившаяся в положении бедности и варварства, достигла богатства и цивилизации и каким образом другая нация, владевшая богатством и благоденствием, впала в бедность и нужду, и ответил бы на это, что труд есть причина богатства, а праздность — причина бедности (истина, которую, во всяком случае, царь Соломон высказал гораздо раньше Адама Смита), то все-таки принужден бы был спросить далее: в чем же лежит причина трудолюбия и в чем причина праздности? Еще правильнее можно было бы указать как на причину богатства на члены человеческого тела (голова, руки и ноги), это было бы, по крайней мере, значительно ближе к истине; тогда, по крайней мере, можно было бы поставить ясный вопрос: что влечет эту голову и эти ноги и руки к производству и в чем их усилия плодотворны? Может ли быть что-либо иное, как не дух, оживляющий людей, как не социальное устройство, обеспечивающее плодотворность их деятельности, как не естественные силы, которые находятся в их распоряжении? Чем больше понимает человек, что он должен заботиться о своем будущем, чем более его взгляды и чувства заставляют его обеспечивать будущность и счастье близких ему лиц, чем более он с юношеских лет привык к размышлению и деятельности, чем более воспитывались его благородные чувства и развивалось его тело, чем более он видел в юности хороших примеров, чем более привык он пользоваться своими силами для улучшения собственного положения, чем менее ограничен он в своей

законной деятельности, чем плодотворнее его усилия и чем более обеспечены результаты его усилий, чем более он в состоянии благодаря порядку и деятельности обеспечить себе уважение и общественное значение, чем менее замечается в нем предрассудков, суеверий, ложных взглядов и невежества, тем более будет он напрягать свои ум и тело, тем выше будет его производство, тем более он совершит, тем лучше распорядится он плодами своего труда. Во всех этих отношениях главное значение имеет социальное положение, среди которого человеку приходится воспитываться и действовать; тут важно, процветают ли науки и искусства, вызываются ли государственными учреждениями и законодательством религиозные чувства, нравственность и умственное развитие, личная и имущественная обеспеченность, свобода и право, развиваются ли в стране равномерно и гармонически все факторы материального благосостояния — земледелие, промышленность и торговля, достаточно ли могущество нации для того, чтобы из поколения в поколение обеспечивать населению успехи в благосостоянии и образовании и дать им возможность не только пользоваться естественными силами страны во всем их объеме, но посредством внешней торговли и колонизации заставить служить им естественные силы и других стран.

Адам Смит так мало понимал вообще сущность этих сил, что он нигде не признает производительного значения за умственным трудом тех, кто заведует судом и администрацией, в чьих руках образование и религиозное воспитание, кто двигает науку, работает в области искусств и т. д. Его исследования ограничиваются той человеческой деятельностью, результатом которой являются материальные ценности. Относительно этой деятельности он признает даже, что ее производство зависит от ловкости и целесообразности, с которыми она применяется, но в своих исследованиях о причинах этой ловкости и целесообразности он не идет дальше разделения труда и последнее объясняет единственно обменом, увеличением материальных богатств и расширением рынков. Затем его учение все глубже и глубже погружается в материализм, партикуляризм и индивидуализм. Если бы он преследовал идею «производительной силы», не отдавая преимущества идее «ценности и меновой ценности», то он необходимо пришел бы к убеждению, что для выяснения экономических явлений рядом с теорией ценностей необходимо должна стоять самостоятельная теория производительных сил. Он настолько уклонился с истинного пути, что моральные силы начал объяснять из чисто материальных отношений, и в этом лежит причина всех абсурдов и противоречий, которыми, как мы покажем, его школа страдает до сих пор и которым единственно нужно приписать то, что уроки политической экономии менее всего делались достоянием именно лучших умов. Что школа Смита излагает только теорию ценностей, ясно не только из того, что она всюду основывает свою доктрину на представлении о меновой ценности, но также и из определения, которое школа дает своему учению. Это, по мнению Сэя, та наука, ко-

торая указывает, каким образом производятся, распределяются и поддерживаются производительные силы и как они подавляются и уничтожаются. Мак-Куллох правильно называет ее наукой о ценности, а новейшие английские писатели называют наукой об обмене.

Различие между теорией производительных сил и теорией ценностей лучше всего может быть выяснено на примере, взятом из частной экономии.

Если из двух отцов семейства — собственников — каждый ежегодно сберегает по 1000 талеров, причем каждый имеет по пять сыновей, но один из них свои сбережения помещает на проценты, принуждая своих сыновей к тяжелой работе, а другой свои сбережения употребляет на то, чтобы из двух сыновей сделать интеллигентных сельских хозяев, а остальным троим дать профессиональное образование соответственно их способностям, то первый из них поступает по теории ценности, второй — по теории производительных сил. В момент их смерти первый будет гораздо богаче второго в меновых ценностях, но что касается производительных сил, то произойдет совершенно обратное. Собственность одного из них будет разделена на две части, и каждая из них благодаря улучшенному хозяйству будет давать чистый доход, равный общему чистому доходу ранее получавшемуся; в то же время три остальные сына приобрели богатый широкий источник для существования в своих профессиональных знаниях. Собственность другого будет разделена на пять частей, и каждое хозяйство будет управляемо так же дурно, как ранее было это во всей собственности в совокупности. В одной семье будет пробуждаться и развиваться масса разнообразных моральных сил и талантов, которые будут увеличиваться из поколения в поколение, и каждое следующее поколение будет обладать бóльшим запасом сил для приобретения материальных богатств, чем поколение предшествующее; между тем как в другой семье тупость и бедность будут возрастать по мере того, как собственность будет все более раздробляться. Таким образом, плантатор при помощи рабов увеличивает сумму своих меновых ценностей, но он разрушает производительные силы будущих поколений. Всякие издержки на воспитание юношества, на правосудие, на оборону страны и т. д. являются тратой ценностей в пользу производительных сил[79]. Наибольшая часть потребления нации идет на воспитание будущих поколений, на возбуждение национальных производительных сил.

Христианство, единоженство, уничтожение рабства и крепостного права, престолонаследие, изобретение книгопечатания, пресса, почта, монетная система, меры веса и длины, календарь и часы, полиция безопасности, введение свободного землевладелия и пути сообщения — вот богатые источники производительных сил. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить состояние европейских государств с состоянием государств азиатских. Для того чтобы понять влияние свободы мысли и свободы совести на развитие производительных сил наций, достаточно лишь прочесть историю Англии, а затем историю Испа-

нии. Гласность судебных прений, суд присяжных, парламентарное законодательство, общественный контроль государственного управления, самоуправление городское и корпоративное, свобода печати, учреждение обществ для общеполезных целей — все это обеспечивает для граждан конституционных государств и для государственной власти массу энергии и сил, приобретение которых при других средствах затруднительно. Трудно представить себе закон или государственное учреждение, которое не оказывало бы большего или меньшего влияния на увеличение или уменьшение производительных сил[80].

Если считать только физический труд единственной причиной богатства, то каким образом объяснить то, что новые страны без сравнения богаче, население могущественнее и счастливее стран древности? У древних народов, сравнительно со всей массой населения, было занято гораздо более рабочих рук, работа была тяжелее, каждый человек владел большим количеством земли, и однако, массы питались и одевались гораздо хуже, чем у новых народов. Чтобы объяснить это явление, необходимо обратить внимание на сделанные в течение истекших веков успехи в науках и искусствах, в домашнем и общественном устройстве, в умственном образовании и производительной способности. Современное состояние народов является результатом накопившейся массы всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений; все это образует умственный капитал живущего человечества, и каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она сумела усвоить это наследие от прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями, насколько естественные источники, пространство и географическое положение ее территории, количество населения и ее политическое могущество дают ей возможность развивать в высокой степени и гармонично все отрасли труда и распространять свое нравственное, умственное, торговое и политическое влияние на другие отставшие нации и вообще на весь свет.

Школа хочет непременно уверить нас, что политика и могущество не могут иметь никакого отношения к политической экономии. Пока она предметами своих изысканий ставит лишь ценности и обмен их, она может быть права; можно определять понятия ценности и капитала, выгоды заработной платы, доходности земли, разлагать эти понятия на составные части, рассуждать о причинах их увеличения или упадка и т. д., не обращая при этом внимания на политические отношения наций. Но все это, очевидно, одинаково составляет предмет как частной экономии, так и экономии целых наций. Достаточно обратить внимание лишь на историю Венеции, Ганзейского союза, Португалии, Голландии и Англии, чтобы убедиться, в каком взаимодействии находятся материальное богатство и политическое могущество. И всюду, где обнаруживается это взаимодействие, школа впадает в самые странные противоречия. Достаточно припомнить для этого странное суждение Адама Смита о навигационном акте.

Школа, не обращая внимания на существо производительных сил, не обнимая совокупности цивилизации народов, не в состоянии была оценить важности параллельного развития земледелия, промышленности и торговли, политического могущества и национального богатства страны, а более всего вполне самостоятельной мануфактурной промышленности и ее развития во всех отраслях. Она ошибочно причисляет к одной категории заводско-фабричную промышленность и земледелие, говорит вообще о труде, естественных силах, капитале и т. д., не обращая внимания на существующее между ними различие. Она не замечает, что между государствами только земледельческими и государствами земледельческо-мануфактурными существует еще большее различие, нежели между народами пастушескими и земледельческими. В государствах чисто земледельческих господствуют произвол и рабство, суеверия и невежество, недостаток культуры, путей сообщения, бедность и политическое бессилие. В государстве чисто земледельческом возбуждена и развита лишь незначительная часть покоящихся в народе умственных и физических сил, оно пользуется лишь незначительной частью находящихся в его распоряжении естественных сил и богатств, а капиталы или вовсе не создаются, или же создаются лишь незначительные. Сравните Польшу с Англией: обе нации сначала стояли на одной ступени культуры, а теперь — какое различие! Фабрики и заводы — это матери и дети гражданской свободы, просвещения, искусств и наук, внутренней и внешней торговли, мореходства, усовершенствованных путей сообщения, цивилизации, политического могущества. Они служат главным средством для освобождения земледелия от его оков и для поднятия его на степень промышленности, искусства, науки, для увеличения сельскохозяйственной доходности и заработной платы и для возвышения ценности земли. Школа, приписывая эту цивилизующую силу внешней торговле, смешивает посредника с производителем. Иностранные фабрики — вот что снабжает внешнюю торговлю теми товарами, которые она доставляет нам, эти же фабрики и потребляют продукты и сырые произведения, которые мы предоставляем в обмен. Но если сношения с отдаленнейшими фабриками и заводами оказывают такое благодетельное влияние на наше земледелие, то во сколько раз значительнее должно быть влияние тех фабрик и заводов, которые находятся в близкой местной коммерческой и политической связи, которые предъявляют нам не только незначительный, но огромный спрос для удовлетворения своих потребностей в пищевых продуктах и сырых материалах, произведения которых не возвышаются в цене вследствие дальней перевозки, сношения с которыми не могут быть прерваны ни открытием для чужих промышленных наций новых рынков, ни войной, ни запрещениями ввоза.

Очевидно теперь, как странно заблуждалась школа, делая предметом своих исследований лишь материальные богатства или меновые ценности и считая производительной силой лишь физический труд.

По ее мнению, тот, кто воспитывает свиней, — производительный член общества, а кто воспитывает людей — не производительный. Тот, кто изготовляет для продажи балалайки и гармонии, — производитель, а величайшие виртуозы — только потому, что они не могут исполняемого ими вынести на рынок, — не производители. Врач, спасающий жизнь своего пациента, не принадлежит к классу производителей, но принадлежит к нему аптекарский мальчик, хотя изготовляемые им меновые ценности, или пилюли, существуют лишь несколько минут, а затем совершенно уничтожаются. Производительность Ньютона, Уатта, Кеплера уступает производительности осла, лошади, вьючного вола, которые недавно поставлены Мак-Куллохом в ряд производительных членов человеческого общества.

Не думайте, что Сэй своим измышлением нематериальных имуществ или продуктов устранил этот недостаток учения Адама Смита; он только замаскировал бессмыслицу неизбежных выводов из этого учения и не извлек его из материализма, которым проникнута система Адама Смита. Для него умственное или материальное производство является таковым лишь потому, что оно вознаграждается меновыми ценностями и что знание приобретается меновыми же ценностями: а вовсе не потому, что производители сами создают производительные силы[81]. Для него это лишь накопленный капитал.

Мак-Куллох идет еще дальше; он говорит, что человек — такой же продукт, как машина, которую он создает, и ему кажется, что при всех экономических исследованиях нужно смотреть на человека с этой точки зрения. Смит, говорит он, верно понял этот принцип, но не сделал лишь из него правильных выводов. Один из таких выводов, который он сам приводит, заключается в том, что есть и пить — занятия производительные. Томас Купер оценивает дельного американского юриста в 3000 долларов, т. е. приблизительно втрое дороже хорошего раба-пахаря.

Указанные ошибки и противоречия школы могут быть легко доказаны с точки зрения теории производительных сил. Те, кто воспитывает свиней или изготавливает балалайки и пилюли, конечно, производительны, но в несравненно большей еще степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослых людей, виртуозы, врачи, судьи и администраторы. Первые производят меновые ценности, вторые создают производительные силы; один из этих последних подготавливает следующее поколение к производству, другой развивает нравственность и религиозное чувство современного поколения, третий содействует облагораживанию и возвышению человеческого духа, четвертый спасает производительные силы своих пациентов, пятый обеспечивает правовое положение, шестой — общественный порядок, седьмой, наконец, своим искусством и теми удовольствиями, которые он доставляет, возбуждает производительность меновых ценностей. В учении о ценностях эти производители производительной силы могут быть приняты в рассуждение, во всяком случае, лишь настолько, насколько их услуги могут быть возмещены меновыми ценностями, и

такой способ оценки их деятельности мог в некоторых случаях иметь свое практическое значение, как, например, в учении о налогах, насколько они должны выражаться в меновых ценностях. Но там, где дело касается международных отношений или совокупности национальных отношений, такой взгляд оказывается недостаточным и приводит к узким и фальшивым воззрениям.

Благосостояние нации обусловливается не количеством богатств, т. е. меновых ценностей, как думает Сэй, а степенью развития производительных сил. Если законы и государственные учреждения и не производят непосредственно ценностей, то они создают производительные силы; и Сэй ошибается, когда утверждает, что народы обогащаются при всяком образе правления и что законы не могут создавать богатств.

На внешнюю торговлю нельзя смотреть только как на торговлю отдельных коммерсантов, исключительно с точки зрения получаемой в данный момент чистой прибыли от материальных имуществ; нация должна при этом иметь в виду все те условия, от которых зависит ее будущее существование, благосостояние и могущество.

Нация должна жертвовать материальными богатствами и переносить эти лишения для приобретения умственных и социальных сил, она должна жертвовать выгодами в настоящем, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем. Итак, если развитая во всех отраслях мануфактурная промышленность является главным условием всего дальнейшего развития цивилизации, материального благосостояния и политического могущества каждой нации, что нами, смеем думать, исторически доказано, если справедливо, как мы можем доказать, что при современных мировых отношениях молодая, не обеспеченная покровительством промышленность не в состоянии развиться при свободной конкуренции с промышленностью, давно уже окрепшей, покровительствуемой на своей собственной территории, то каким образом посредством аргументов, извлеченных из теории ценностей, можно решиться доказывать, что нация с таким же успехом, как отдельный коммерсант, может покупать свои товары там, где их можно приобрести дешевле всего, что бессмысленно производить самой нации то, что она может купить дешевле за границей, что нужно национальную промышленность предоставить на попечение частных лиц, что протекционная система есть монополия, выдаваемая отдельным промышленникам в ущерб нации?

Верно, что ввозные пошлины сначала вызывают удорожание мануфактурных изделий; но также верно и то, как признает и сама школа, что нация, способная к значительному развитию промышленности, с течением времени может вырабатывать эти произведения сама дешевле той цены, по какой они могут ввозиться из-за границы. Если ввозные пошлины требуют жертв в ценности, то эти жертвы уравновешиваются приобретением производительной силы, которая обеспечивает нации на будущее время не только бесконечно большую сумму материального богатства, но, кроме того, и промышленную

независимость на случай войны. Промышленная же независимость и проистекающее отсюда благосостояние страны дают нации средства к внешней торговле и расширению мореходства; вследствие этой независимости развивается ее цивилизация, совершенствуются ее учреждения, укрепляется ее внешнее могущество.

Таким образом, нация, которая имеет призвание к развитию мануфактурной промышленности, прибегая к протекционной системе, поступает точно так же, как собственник, который жертвует своими материальными ценностями для того, чтобы обучить своих детей какой-нибудь производительной промышленности.

На какой фальшивый путь попадает школа, оценивая с точки зрения теории ценностей те условия, которые могут быть оценены лишь с точки зрения теории производительных сил, яснейшим образом доказывает приговор Сэя о премиях, которые устанавливают чужие нации для расширения своего вывоза; он утверждает, что «это подарки, которые эти нации делают нашей стране». Предположим, что Франция считает достаточным для своих еще неокрепших фабрик ввозную пошлину в 25%, Англия же устанавливает вывозную премию в 30%; каковы будут результаты подарка, который, таким образом, Англия сделала бы Франции? Французские потребители в течение нескольких лет будут удовлетворять свои нужды в фабрикатах гораздо дешевле, чем прежде, но французские фабрики будут разорены, и миллионы людей будут доведены до нищенства или будут принуждены эмигрировать или же приняться за земледелие. В наилучшем случае прежние потребители-земледельцы превратятся в их конкурентов, производительность земледелия увеличится, а потребление уменьшится. Необходимыми следствиями этого во Франции будут: обесценение продуктов, падение ценности земли, национальное обеднение и национальная дряблость. Английский подарок в ценности нанесет громадный ущерб производительным силам; это походит на подарок султана, когда он посылает своим пашам ценный шелковый шнур.

После того как троянцы получили в подарок от греков деревянного коня, всякой нации подарки других стран должны казаться подозрительными. Англичане делали континенту подарки огромной ценности в виде субсидий, но континентальные страны платили дорого за них, теряя силы. Эти субсидии были теми же вывозными премиями, действовавшими в пользу английских и в убыток французских фабрик. Если бы Англия обязалась доставлять из Германии бесплатно в течение нескольких лет все потребные ей мануфактурные изделия, то мы не могли бы посоветовать соглашаться на такой подарок. Если Англия благодаря новому изобретению будет в состоянии выделывать полотно на 40% дешевле, чем Германия старым способом, и если она применением этого изобретения воспользуется на несколько лет ранее, нежели им воспользуется Германия, то одна из важнейших и древнейших отраслей промышленности без соответственного покровительства будет разорена — это было бы то же самое, как

если бы немецкая нация очутилась в положении человека, потерявшего часть своего тела. Но кто может утешиться, потеряв одну руку, тем, что его рубашка стала на 40% дешевле?

Очень часто у англичан бывают случаи для предложения подарков другим нациям; очень различны бывают и формы, в которых это выражается, нередко эти подарки делаются как бы против воли; однако нациям все-таки необходимо подумать о том, возможно ли принять подарок. Вследствие того, что англичане являются монополистами всемирной промышленности и всемирной торговли, их фабрики от времени до времени попадают в такое положение, которое они называют glut (переполнение) и которое происходит от того, что они определяют словами overtrading (перепроизводство, или избыток спекуляции). Тогда каждый сваливает на корабли запасы товаров. Через восемь дней эти товары уже предлагаются с уступкой 50% против стоимости в Гамбурге, Берлине и Франкфурте, через три недели — в Нью-Йорке. Английские фабриканты терпят временный убыток, но они спасены и возмещают свои убытки позднее при лучших ценах. А немецкие и американские фабриканты расплачиваются за промахи английских и, наконец, разоряются. Английская нация видит только огонь, слышит треск взрыва, но обломки летят на другие страны, и если жители этих стран стонут от полученных кровавых ран — посредники международной торговли заявляют, что все зло заключается в конъюнктурах. Если подумать о том, как часто благодаря таким конъюнктурам оказываются в основании поколебленными мануфактурная промышленность в ее целом составе, кредитная система, даже земледелие и вообще все экономическое положение тех стран, которые находятся в свободной конкуренции с Англией, и если подумать о том, что эти страны впоследствии с избытком вознаграждают английских фабрикантов, платя им за те же изделия самые высокие цены, то не позволительно ли усомниться в том, что теория ценностей и космополитические принципы должны служить руководящим началом для международной торговли? Школа не заблагорассудила разъяснить причины и следствия подобных торговых кризисов.

Великие государственные люди всех новейших стран почти без исключения поняли то огромное влияние, которое оказывает фабрично-заводская промышленность на богатство, цивилизацию и могущество нации, а также и необходимость покровительства последним: как Эдуард II, так и Елизавета, как Фридрих Великий, так и Иосиф II, как Вашингтон, так и Наполеон. Не погружаясь в глубину теоретических соображений, их проницательный взор проник в сущность промышленности во всем ее объеме и верно оценил ее. Уделом школы физиократов[82] вследствие софистических настроений была оценка ее с иной точки зрения. Воздушный замок ее исчез, новая школа сама его разрушила, но последняя не освободилась от основных ошибок своей предшественницы, а еще более сбилась с пути. Так как ей не было известно различие между производительной силой и меновой ценностью и так как она

вместо того, чтобы исследовать отдельно каждую из них, и то и другое подчинила теории меновых ценностей, то она не в силах была уяснить себе, как велико различие между земледельческой производительной силой и промышленной производительной силой. Она не замечает, что с возникновением в земледельческом государстве мануфактурной промышленности выступает и получает полезное применение масса сил умственных, физических, естественных и инструментальных (последние школа называет капиталами), которые до сих пор не действовали и без возникновения внутренней мануфактурной промышленности никогда не стали бы действовать; школа воображает, будто при насаждении мануфактурной промышленности эти силы отнимаются от земледелия и переносятся на фабричную промышленность, между тем как большей частью это совершенно новая сила, которая не отнимается от земледелия, а, напротив того, помогает более широкому его развитию.

ГЛАВА XIII. НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И АССОЦИАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СТРАНЫ

Своему знаменитому основателю обязана школа открытием того естественного закона, который она называет разделением труда, но ни Адам Смит и ни один из его последователей не вникли в сущность этого закона и не проследили его в его важнейших последствиях. Уже самое выражение «разделение труда» неудовлетворительно и должно вызывать неправильное или, по крайней мере, неточное представление.

Разделение труда будет тогда, когда дикарь в один и тот же день идет на охоту и на рыбную ловлю, рубит дрова, поправляет свой шалаш и готовит стрелы, невод и одежду; но будет также разделение труда и в случае, указываемом самим Адамом Смитом, когда десять различных лиц разделяют между собой различную работу при выделке одной и той же иглы. Первое — объективное разделение труда, второе — субъективное; первое вредно отражается на производстве, второе отражается полезно. Существенное различие заключается в том, что в первом случае одно лицо делит свой труд для производства разнообразных предметов, между тем как во втором случае несколько лиц участвуют в производстве одного и того же предмета.

Обе операции, с другой стороны, могут быть с одинаковым правом названы объединением труда: дикарь объединяет различные роды труда в своем лице; при выделке иглы различные лица образуют ассоциацию для общего производства.

Сущность того естественного закона, которым школа объясняет важнейшие явления в социальной экономии, состоит не в простом разделении труда, но в подразделении между несколькими лицами различных операций какой-

либо промышленности и в то же время в ассоциации различного рода деятельности, знаний и различных сил для достижения общего производства. Значение производительности таких операций не зависит только от разделения, но также существенно и от ассоциации. Адам Смит сам чувствовал это, так как он говорит: «Предметы жизненной необходимости низших членов общества суть продукты объединенного труда (joint labour) и общей деятельности (cooperation) массы индивидуумов». Как жаль, что он не остановился на исследовании так ясно выраженной им идеи общинного труда!

Если мы остановимся на примере игольной фабрики, который приводится Адамом Смитом для выяснения выгод разделения труда, и исследуем причины того явления, что десять лиц, соединившись на фабрике, в состоянии выделать несравненно большее количество иголок, нежели в том случае, когда каждый из них самостоятельно занялся бы этим производством, то мы заметим, что разделение операций труда без ассоциации производительных сил с одной общей целью лишь в незначительной степени содействует этому производству. Чтобы достичь совершенных результатов, необходимо, чтобы различные индивидуумы были объединены умственно и материально и находились во взаимодействии. Тот, кто делает головки для игл, должен принимать в расчет работу того, кто выделывает острие, если он не желает, чтобы его головки пропали даром. Работа каждого из них должна быть соображена с работой прочих, рабочие должны находиться наивозможно ближе друг к другу, их взаимодействие должно быть обеспечено. Предположим, например, что каждый из этих десяти рабочих живет в другой стране: как часто их взаимодействие будет прерываться войнами, разрушением путей сообщения, торговыми кризисами и т. д.! Как сильно будет возвышаться ценность продукта, а следовательно, и уменьшаться выгода разделения операций труда! Исчезновение или отделение от ассоциации одного из рабочих разве не остановит работы всех прочих?

Школа, указывая на разделение труда как на существенный признак этого естественного закона, допустила ту ошибку, что указала на приложение его лишь к отдельной фабрике или отдельному сельскому хозяйству; она не видела того, что действие того же самого закона распространяется на всю совокупность мануфактурных и земледельческих сил и вообще на все экономическое положение страны.

Подобно тому как игольная фабрика может развиваться лишь благодаря комбинации производительных сил индивидуумов, так и каждая фабрика какого бы то ни было рода[83] может развиваться лишь посредством комбинации своих производительных сил с производительными силами всех других фабрик всякого рода. Для обеспечения успеха машинного завода, например, необходимо, чтобы горное производство и металлические заводы доставляли ему необходимые материалы и чтобы другие многочисленные фабрики, работающие при помощи машин, предъявляли спрос на его произведения.

Без машинных заводов нация во время войны подвергается опасности лишиться наибольшей части своей фабричной промышленности.

Точно так же успех промышленности в ее целом зависит от успеха сельского хозяйства вообще, а успех этого последнего — от успеха промышленности; и то и другое тем более развивается, чем теснее они сближаются, чем менее препятствий их взаимодействию. Выгоды их объединения под одной и той же политической властью во время войны, национальных раздоров, торговых кризисов и т. д. не менее очевидны, как и выгоды объединения под одной и той же крышей лиц в игольной фабрике.

Смит утверждает, что разделение труда менее применимо в сельском хозяйстве, чем на фабриках и заводах; но он имел в виду только отдельную фабрику или завод и отдельное только земельное хозяйство. Он упустил из вида расширение своего принципа на целые страны и провинции. Нигде разделение операций труда и ассоциация производительных сил не оказывают столь сильного влияния, как там, где каждая отдельная страна и каждая отдельная провинция чувствуют себя способными посвятить себя исключительно или, по крайней мере, преимущественно той отрасли сельскохозяйственной промышленности, которая обусловливается самими естественными условиями местности. В одной местности может преимущественно развиваться культура хлеба и хмеля, в другой — виноделие и плодоводство, в третьей — лесоводство и скотоводство и т. д. Если каждая местность станет развивать все эти отрасли производства, то, очевидно, ее труд и ее почва не окажутся настолько производительными, как если бы каждая местность посвятила себя преимущественно развитию той отрасли производства, которая более всего вызывается ее естественными условиями, и если бы каждая провинция стала избыток в продуктах, преимущественно ей свойственных, обменивать на избыток тех провинций, которые поставлены в более выгодные естественные условия для производства других пищевых продуктов и сырых произведений. Это разделение операций труда, это ассоциация проявляющихся в сельском хозяйстве производительных сил может иметь место лишь в тех странах, в которых все отрасли фабрично-заводской промышленности достигли наивысшего развития; ибо лишь в такой стране существует большой спрос на различные продукты, и спрос на избыток сельскохозяйственной производительности настолько обеспечен и настолько значителен, что производитель может быть уверен в сбыте в том же или, по крайней мере, в следующем году всего количества избытка в производстве по подходящим ценам; только в такой стране значительные капиталы могут затрачиваться на спекуляции продуктами земли и на устройство складов этих продуктов, могут быть с пользой применены для их перевозки усовершенствованные пути сообщения, каковы каналы и железные дороги, пароходные линии, хорошие шоссейные дороги, и только при такой усовершенствованной транспортной системе в состоянии каждая местность или провинция доставлять избыток ей преимущественно свой-

ственных продуктов в другие, даже самые отдаленные, провинции, обменивая их на избыток продуктов, свойственных этим последним провинциям. Где каждый производит то, что потребляет, там мало случаев для обмена, там не существует потребности в затратах на облегчение перевозочных средств.

Заметьте, как увеличение производительных сил вследствие разделения операций промышленных и комбинации индивидуальных сил начинается с отдельной фабрики и затем распространяется до национальной ассоциации. Фабрика будет работать тем успешнее, чем более в ней подразделены занятия, чем более рабочие связаны между собой и чем более обеспечено содействие целому со стороны каждого отдельного лица. Производительная сила каждой отдельной фабрики тем значительнее, чем более развиты промышленные силы страны во всех ее отраслях и чем теснее эта фабрика связана с другими отраслями промышленности. Производительная сила земледелия тем значительнее, чем теснее сельское хозяйство соединено посредством местных, коммерческих и политических отношений с развитой во всех отраслях фабрично-заводской промышленностью. По мере развития фабричной промышленности в земледелии усиливается разделение операций труда и комбинация производительных сил, поэтому сельское хозяйство достигает высшей степени совершенства. Таким образом, та нация будет обладать наибольшей производительной силой, следовательно, будет самой богатой, которая развила на своей территории до совершенства все отрасли фабричной промышленности и в которой территория и сельскохозяйственная производительность достаточно велики для того, чтобы обеспечить фабричному населению наибольшую часть потребных ему пищевых продуктов и сырья.

Рассмотрим обратную сторону этого аргумента. У нации, которая располагает только земледелием и самыми необходимыми промыслами, недостает первого и важнейшего разделения операций труда между ее жителями и самой видной половины ее производительных сил; так, ей недостает даже полезного разделения операций труда в отдельных отраслях сельского хозяйства. Столь несовершенная нация будет даже не наполовину только менее производительна, чем нация совершенная; при одинаковой и даже при гораздо обширнейшей территории, при одинаковом и даже при гораздо большем количестве населения ее производительная сила будет в состоянии создать едва пятую, может быть, даже едва десятую долю тех материальных богатств, которые в состоянии создать нация совершенная, и это по той же самой причине, по какой на хорошо устроенной фабрике десять человек производят не в десять раз, а, может быть, в тридцать раз больше, чем один человек; по той же самой причине, по которой человек с одной рукой может сработать не вдвое, а несравненно меньше, чем один человек с двумя руками. Эта потеря в производительной силе будет тем значительнее, чем более усиливается фабричная производительность при помощи машин и чем менее применимы машины к земледелию. Часть производительных сил, которые таким образом

теряет нация земледельческая, составит выигрыш той нации, которая обменивает свои фабрикаты на земледельческие продукты. Однако потеря этих сил оказывается действительной лишь тогда, когда земледельческая нация достигла уже необходимой для создания фабрично-заводской промышленности степени цивилизации и политического роста. Но если она этой степени еще не достигла, если она находится еще в варварском или полуцивилизованном состоянии, если ее сельскохозяйственная производительная сила не вышла еще из первобытного состояния, если ввоз чужеземных фабрикатов и вывоз сырых продуктов еще может значительно увеличивать из года в год ее благосостояние, возбуждая и развертывая ее умственные и социальные силы вообще, если эти сношения не прерваны иностранным запрещением ввоза сырых продуктов или войной или если территория этой земледельческой страны лежит в жарком поясе — тогда выгоды с обеих сторон будут одинаковы и естественны, так как под влиянием такого обмена туземных продуктов на чужеземные фабрикаты подобная нация достигнет цивилизации и развития ее производительных сил гораздо скорее и вернее, чем если бы она была предоставлена исключительно самой себе. Но если земледельческая нация достигла кульминационного пункта своего сельскохозяйственного развития, того пункта, до которого она могла дойти под влиянием внешней торговли, или же если мануфактурная нация отказывается принимать продукты земледельческой нации в уплату за свои фабрикаты и если при этом вследствие счастливой конкуренции мануфактурной нации на рынках нации земледельческой последней полагаются препятствия к созданию своих фабрик, то производительной силе нации земледельческой грозит опасность быть изуродованной.

Изуродованным земледелием мы называем такое состояние, при котором вследствие недостатка цветущей или постепенно развивающейся фабрично-заводской промышленности весь прирост населения обращается к сельскому хозяйству, потребляя избыток сельскохозяйственных продуктов, а достигая зрелого возраста, или эмигрирует, или разделяет земельные участки с существующими уже земледельцами до тех пор, пока эти участки на каждую семью не уменьшатся до того, что население в состоянии будет производить пищевых продуктов и сырья лишь в мере своей потребности, не производя избытка, который бы оно могло обменивать на потребные ему изделия фабрично-заводской промышленности. При нормальном развитии производительных сил большая часть избытка населения земледельческой нации, раз она достигла известной степени развития, должна переходить на фабрики, а избыток сельскохозяйственных продуктов, с одной стороны, должен служить для удовлетворения потребностей фабричного населения в пищевых продуктах и сырых произведениях, с другой стороны, для потребления земледельческого населения и для увеличения их производительности посредством приобретения на этот избыток необходимых для них фабрикатов, машин и сельскохозяйственных орудий.

Если эти отношения установятся своевременно, то сельскохозяйственные и промышленные производительные силы будут поддерживать одна другую и развиваться бесконечно (in infinitum). Спрос на сельскохозяйственные продукты со стороны промышленного населения будет при этом настолько значителен, что в сельском хозяйстве не будет ощущаться избытка в рабочих силах, и раздробление земельных участков не пойдет дальше того, сколько нужно для производства необходимого избытка продуктов. Население, занятое сельским хозяйством, будет в состоянии предъявлять спрос на продукты фабричного труда соразмерно с этим избытком сельскохозяйственных продуктов.

Дальнейшее увеличение избытка сельскохозяйственных продуктов вызовет дальнейшее увеличение спроса на фабрикаты. Излишек сельскохозяйственного населения, таким образом, постоянно будет находить себе занятия на фабриках, и фабричное население наконец не только сравняется по количеству с сельскохозяйственным, но далеко превысит его. Последнее замечается в Англии, первое — в части Франции и Германии. Англия достигла такого нормального разделения операций труда между обеими основными ветвями промышленности главным образом благодаря овцеводству и шерстяной промышленности, которая возникла у нее в огромных размерах ранее, чем в других странах. В других странах земледелие было изуродовано преимущественно вследствие господства феодализма и кулачного права. Земельная собственность обеспечила почет и могущество лишь настолько, насколько сюзерен мог поддерживать своих вассалов, обязанных принимать участие в его распрях. Чем больше вассалов, тем больше ратников. Кроме того, при грубости эпохи средних веков земледелец должен был тратить свои доходы на содержание огромного числа слуг, которых он мог иметь и удержать при себе только раздачей им земельных участков для обработки под условием личной службы и самых незначительных натуральных повинностей. Таким образом, произошло искусственное чрезмерное раздробление земельных пространств, и если в настоящее время государственная власть пытается изменить это положение искусственными мерами, то она восстанавливает лишь естественный порядок вещей.

Чтобы задержать дальнейшее изуродование земледельческой промышленности нации, обусловленное прежними учреждениями, помимо поощрения эмиграции, нет лучшего средства, как создание внутренней фабрично-заводской промышленности, которая постепенно будет отвлекать прирост населения на фабрики и создавать больший спрос на продукты земледелия, а следовательно, возвысит выгодность эксплуатации поземельной собственности и будет побуждать землевладельца к извлечению из своей земли возможно большего избытка продуктов.

Производительная сила землевладельца и земледельца будет тем больше или меньше, чем больше или меньше будет облегчен обмен сельскохозяйственных продуктов на фабрикаты и продукты различного рода. В этом отно-

шении внешняя торговля оказывается особенно полезной для отставшей нации, как мы это доказали в одной из предшествующих глав на примере Англии. Но нация, сделавшая уже значительные успехи в цивилизации, владеющая капиталами и значительным населением, признает развитие свойственной ей промышленности бесконечно более выгодным для своего земледелия, чем самую цветущую внешнюю торговлю без собственных фабрик и заводов, потому что это обеспечивает ее от всяких потрясений, которые могут быть вызваны войной или иностранными торговыми ограничениями и торговыми кризисами, так как при этом условии она сберегает наибольшую часть перевозочных издержек и торговых прибылей, происходящих вследствие вывоза своих продуктов и привоза фабрикатов; она в таком случае приобретает огромные выгоды из усовершенствованных путей сообщения, которые необходимо вызываются возникающей фабричной промышленностью: ибо этим способом возбуждается масса дремавших до сих пор личных и естественных сил; наконец, вообще взаимодействие фабрично-заводской и земледельческой промышленности тем значительнее, чем ближе друг к другу живут земледелец и фабрикант и чем менее обмен их разнообразных продуктов подвергается остановке от случайностей всякого рода.

В своих письмах в 1828 году к г. Ингерзолль, президенту общества поощрения искусств и промышленности в Филадельфии, я следующим образом старался выяснить выгоды соединения фабрично-заводской промышленности с земледелием в одной и той же стране, под одной и той же политической властью: «Предположите, что вам неизвестно искусство размалывать зерно, что в свое время, наверное, было большим искусством; предположите далее, что вы незнакомы с искусством печения хлеба, подобно тому, как, по свидетельству Андерсона, англичане еще в XVII веке не были знакомы с действительными способами соления сельдей; предположите поэтому, что вы должны посылать свое зерно в Англию для размола в муку и для печения хлеба: сколько этого зерна станут удерживать англичане в вознаграждение за размол и печение? Сколько этого зерна потребят перевозчики, моряки, купцы, которые займутся вывозом зерна и привозом хлеба? Какое количество зерна будет попадать обратно в руки тех, которые сеяли его? Нет слов, внешняя торговля при этом будет очень оживлена, но сомнительно, чтобы такие торговые сношения были особенно выгодны для благосостояния и независимости нации. Вообразите только себе, в каком положении при вспыхнувшей между этой страной (Северная Америка) и Великобританией войне окажутся те производители, которые поставляли зерно на английские мельницы и в английские пекарни, и каково будет положение тех, которые привыкли уже к вкусу английского хлеба. Но как экономическая выгода производителя зерна требует, чтобы мельник жил вблизи его, так и выгода земледельца вообще требует, чтобы близ него жил фабрикант или заводчик; и как выгоды местности, представлявшей равнину, требуют, чтобы в середине ее находился бо-

гатый промышленный город, так и выгоды земледелия вообще в стране требуют, чтобы ее собственная фабрично-заводская промышленность достигала наивозможно высшего развития».

Сравним состояние сельского хозяйства вблизи многолюдного города с состоянием его в отдаленной провинции. Сельский хозяин этой последней занимается культурой лишь тех продуктов, которые выносят дальнюю перевозку и которые не могут быть доставлены ближайшими местностями по более дешевым ценам и уступают в качестве его продуктам. Большая часть вырученной им суммы будет поглощаться перевозкой. Ему трудно отыскивать капиталы, которые он мог бы употребить с пользой для своего хозяйства. Вследствие недостатка в хороших примерах и в средствах образования здесь с трудом прививаются новые способы обработки земли, усовершенствованные сельскохозяйственные орудия, новые культуры. Производительная сила самого рабочего вследствие отсутствия хорошего примера и недостатка средств, возбуждающих его энергию и соревнование, развивается слабо, и он делается вялым и ленивым.

Вблизи города, напротив, сельский хозяин имеет возможность пользоваться каждым куском земли для той культуры, которая наиболее отвечает свойствам почвы. Производство самых разнообразных продуктов дает ему доход. Овощи, птица, яйца, молоко, масло, плоды и вообще все те предметы, на которые сельский хозяин отдаленной местности смотрит как на незначительные, побочные продукты, приносят пригородному землевладельцу значительный доход. В то время как первого занимает лишь обыкновенное скотоводство, второй извлекает несравненно большие выгоды из откармливания скота, что побуждает его совершенствовать разведение кормовых трав. Масса предметов, которые для сельского хозяина, живущего в отдаленной местности, не имеют никакой цены или имеют самое малое значение, каковы камни, песок, сила воды и т. д., имеют для последнего огромную ценность. Большинство лучших машин и земледельческих орудий, равно как и средств к образованию, у него под руками. Ему легко находить капиталы, потребные для усовершенствования его сельского хозяйства. Благодаря удовольствиям, которые представляет город в распоряжение землевладельца и рабочего, благодаря соревнованию, которое он в них возбуждает, благодаря легкости, с которой достигаются барыши, в том и в другом постоянно поддерживается стремление прилагать все свои умственные и физические силы к улучшению своего положения. Совершенно такое же различие существует между нацией, которая соединяет на своей территории земледелие и фабрично-заводскую промышленность, и нацией, которая обменивает собственные земледельческие продукты на иностранные мануфактурные изделия.

Вся общественная экономия нации вообще должна быть рассматриваема с точки зрения принципа разделения операций труда и комбинации производительных сил. Национальное благосостояние для громадного общества, называемого нацией, является тем же, чем для игольной фабрики — игла. Высшее разделение труда в стране составляет разделение труда умственного и труда

физического. Они находятся в тесном взаимодействии. Чем более умственное производство содействует развитию нравственности, религиозного чувства, просвещению, увеличению знаний, расширению свободы и политическому совершенствованию, развитию личной и имущественной безопасности граждан и внешнему могуществу нации, тем обширнее будет и материальное производство; чем более материальное производство производит богатства, тем более успехов достигает умственное производство.

Наисовершеннейшее разделение труда и наилучшая комбинация производительных сил в материальном производстве оказывается в земледелии и фабрично-заводской промышленности. То и другое, как мы показали, находится во взаимодействии.

Как на игольной фабрике, так и в стране производительная способность каждого человека, каждой отдельной отрасли производства и, наконец, вся совокупность производства зависят от точной пропорциональности в деятельности одних по отношению к другим. Это то, что мы называем равновесием или гармонией производительных сил. В стране может быть слишком много философов, филологов и писателей, но слишком мало техников, купцов и моряков. Это является следствием быстрых успехов в научном образовании, которое не было параллельно поддержано успехами фабрично-заводской промышленности и развитием внутренней и внешней торговли; это то же самое, как если бы на игольной фабрике выделывалось гораздо больше игольных головок, чем самих игл. Излишними игольными головками в такой нации будут: масса бесполезных книг, хитроумные системы и ученые споры, которые скорее затемняют в стране умы, чем просвещают, отвлекают нацию от полезных занятий, а следовательно, задерживают развитие производительных сил подобно тому, как если бы в стране было слишком много священников и слишком мало воспитателей юношества, слишком много солдат и слишком мало государственных людей, слишком много чиновников и слишком мало судей и защитников закона.

Нация, занимающаяся исключительно земледелием, подобна человеку, у которого не хватает одной руки для занятия материальным производством. Торговля представляет только посредника между земледелием и фабрично-заводской промышленностью и их различными отраслями. Нация, обменивающая свои земледельческие продукты на иностранные мануфактурные изделия, представляет собой человека без руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна для него, но она не заменяет собой недостающей руки — уже потому, что ее деятельность находится в зависимости от чужой воли. Обладая собственной фабрично-заводской промышленностью, нация может производить столько пищевых продуктов и сырья, сколько будут потреблять собственные фабрики и заводы; находясь же в зависимости от иностранных фабрик и заводов, она может производить лишь такой излишек, которого не в состоянии производить другие нации и который они принуждены покупать в других государствах.

Между отдельными странами существуют те же самые разделение труда и ассоциация производительных сил, какие существуют и между отдельными местностями одной и той же страны. Посредником между ними в последнем случае служит внутренняя, или национальная, торговля, в первом же — международная. Международная ассоциация производительных сил представляется наивысшим ее проявлением, так как она соединяет различные народы земного шара, тем не менее для благосостояния наций, сделавших большие успехи в цивилизации, она имеет менее всего значения, и это признано школой и выражается в правиле, что внутренний рынок нации несравненно важнее ее внешнего рынка. Отсюда следует, что интерес каждой великой нации заключается в том, чтобы главным предметом ее стремлений была национальная ассоциация производительных сил и подчинение этой последней ассоциации международной.

Международное, как и национальное, разделение труда большей частью зависит от климата и естественных условий. Не может во всех странах возникнуть производство чая, как в Китае, пряностей, как на острове Ява, хлопка, как в Луизиане, или хлеба, шерсти, овощей, мануфактурных товаров, как в странах умеренного пояса. Было бы бессмысленно, если бы страна вознамерилась посредством национального разделения труда, т. е. при помощи внутреннего производства, получить те продукты, для производства которых в ней не имеется благоприятных естественных условий и которые она лучшего качества и дешевле может получить при посредстве международного разделения труда, т. е. посредством внешней торговли, точно так же, с другой стороны, страна обнаружила бы недостаток национальной культуры или национальной деятельности, если бы она не воспользовалась всеми находящимися в ее распоряжении естественными силами для удовлетворения своих внутренних потребностей и для приобретения избытка производства тех продуктов, в производстве которых на собственной почве ей отказала природа.

Странами с наиболее благоприятными естественными условиями относительно национального и международного разделения труда будут, очевидно, те, которых почва производит продукты первой необходимости наилучшего качества и в наибольшем количестве и которых климат более всего поддерживает умственное и физическое напряжение, т. е. страны умеренного пояса. Ибо в этих преимущественно странах развивается фабрично-заводская промышленность, благодаря которой нация не только может достичь высшей степени интеллектуального и социального развития и политического могущества, но и сделать в некотором роде своими данниками страны жаркого пояса и страны менее культурные. Страны умеренного пояса призваны, следовательно, пред всеми прочими развить до полного совершенства национальное разделение труда и пользоваться международным разделением труда для своего обогащения.

ГЛАВА XIV. ЧАСТНАЯ ЭКОНОМИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Мы доказали при помощи истории, что единство нации является основным условием прочного национального благосостояния, и показали, что там, где частный интерес подчинен интересу национальному и где целый ряд поколений преследовал одну и ту же цель, нации достигали гармонического развития их производительных сил, и что без общего стремления к одной и той же общей цели одного и того же поколения и поколений последующих частная промышленность развивается слабо. Далее в предшествующей главе мы постарались выяснить, каким образом обнаруживаются благодетельные действия закона ассоциации на одной и той же фабрике и каким образом совершенно с той же энергией закон этот влияет на промышленность целой нации. В настоящей главе мы намерены показать, как школа замаскировала свое непонимание национальных интересов и действия ассоциации национальных сил, смешав принципы частной экономии с принципами национальной экономии.

«То, что оказывается благоразумным в частной экономии, — говорит Адам Смит, — не может быть ни в какой мере бессмыслицею в экономии великих наций. Всякий человек, преследуя исключительно свои частные интересы, необходимо трудится также в интересах общества. Очевидно, что всякий человек, знакомый с местными обстоятельствами и относящийся внимательно к своим делам, может обсудить несравненно лучше всякого государственного человека или законодателя, какое наиболее выгодное употребление может он дать своим капиталам. Государственный человек, который решился бы направить частных лиц в употреблении их капиталов, не только взял бы на себя наиболее бесполезную заботу, но он присвоил бы себе в отношении промышленной предприимчивости такой авторитет, который не мог бы быть с наибольшею опасностью вручен человеку, достаточно самонадеянному, чтобы быть уверенным в своих способностях исполнить такую задачу».

Отсюда Адам Смит заключает, что всякие ограничения международной торговли, устанавливаемые для поощрения внутренней промышленности, нелепы; что каждая нация, точно так же, как отдельный человек, должна покупать предметы там, где она их может приобрести дешевле; что для достижения высшей ступени национального благосостояния необходимо лишь следовать принципу laissez faire, laissez passer. Смит и Сэй уподобляют нацию, желающую поощрить свою промышленность посредством ввозных пошлин, портному, который вздумал бы сам себе шить сапоги, и сапожнику, который вздумал бы увеличить свое производство посредством установления входной платы в свое помещение. Томас Купер в своем сочинении, направленном против американской протекционной системы, доводит до крайности последнюю мысль, как и все другие заблуждения школы[84]: «Политическая экономия, — говорит он, —

почти то же самое, что и частная экономия всех индивидуумов; политика не составляет какой-либо существенной особенности политической экономии; нелепо было бы думать, что общество есть нечто совершенно иное, нежели индивидуумы, из которых оно состоит. Каждый человек знает лучше всего, каким образом он должен распоряжаться своим трудом и своими капиталами. Общественное богатство есть не что иное, как накопленное богатство отдельных лиц, и если каждый человек лучше, чем кто-либо, понимает свои собственные интересы, то богатейшим народом должен быть тот, в котором каждый человек предоставлен собственным своим силам».

Американские защитники протекционной системы на этот аргумент, который раньше еще приводился купцами-экспортерами в пользу свободы торговли, возражали, что навигационные постановления дали сильный толчок к развитию торгового мореходства, внешней торговли и рыбных промыслов в Соединенных Штатах и что миллионы тратились ежегодно на флот исключительно в видах поощрения мореплавания, что, по теории, эти постановления и эти издержки точно так же должны подлежать осуждению, как и протекционная система.

«Во всяком случае, — восклицал Купер, — никакая морская торговля не стоит морской войны, пусть купцы сами себе покровительствуют».

Таким образом, школа, чуравшаяся вначале национальных интересов, доходит до полного отрицания даже существования того и другого и предоставляет индивидуумам заботу о защите собственным их силам.

Как! Разве благоразумие в частной экономии составляет также благоразумие в национальной экономии? Разве в природе человека заботиться о потребностях будущих столетий, как это свойственно нации и государству? Представьте себе основание американского города: здесь всякий, предоставленный самому себе, думал бы только о собственных нуждах и, самое большое, о своем ближайшем потомстве; люди же, собранные в общество, заботятся об удобствах и нуждах будущих самых отдаленных поколений, они требуют для этой цели от современного поколения лишений и жертв, каких ни один разумный человек не может ожидать от отдельного человека. Может ли, далее, отдельный человек при ведении своих частных дел иметь в виду защиту страны, общественную безопасность и все те тысячи других целей, которые возможно достигнуть лишь общественными средствами? Не нация ли налагает для достижения таких целей ограничения на свободу людей? Не требует ли она даже, чтобы они приносили ей в жертву часть своих доходов, часть своего умственного и физического труда, даже собственную жизнь! Сначала нужно, согласно с воззрениями Купера, уничтожить самое представление о государстве и нации, чтобы допустить такое правило.

Нет! Что благоразумно в национальной экономии, может оказаться нелепостью в частной экономии, и наоборот, и по причине очень простой: потому что портной — не нация и нация — не портной; потому что семья есть нечто совер-

шенно другое, нежели союз миллиона семей, и дом — нечто совершенно другое, нежели громадная национальная территория.

Точно так же отдельный человек, хотя бы он наилучшим образом знал и понимал свои собственные интересы, не всегда еще своей свободной деятельностью содействует интересам общества. Спросим тех, которые сидят в судах, не приходится ли им часто ссылать на каторгу осужденных ими за избыток изобретательности и промышленной деятельности. Разбойники, воры, контрабандисты и мошенники отлично знакомы с местным положением и личными отношениями и прилагают неусыпное внимание к своему делу; отсюда, однако, вовсе еще не следует, что общество находится в наилучшем положении там, где подобные индивидуумы наименее стеснены в своих частных занятиях этими промыслами.

В тысячах случаев государственная власть видит себя вынужденной ограничивать частную промышленность. Она воспрещает кораблевладельцам брать на борт на южном берегу Африки рабов и переправлять их в Америку. Она издает правила относительно устройства и для установления на море порядка для того, чтобы пассажиры и матросы не отдавались на жертву алчности и своеволия капитанов. Недавно еще в Англии были предложены правила для кораблестроения, потому что напали на след адского договора между страховыми обществами и кораблевладельцами, вследствие которого тысячи человеческих жизней и миллионы ценностей приносились в жертву корыстолюбию частных лиц.

В Северной Америке содержатели мельниц под страхом штрафа не менее 19 фунтов обязаны запаковывать добротную муку в бочки, и на всех рынках назначены инспектора, несмотря на то что ни в одной стране не ценят так индивидуальную свободу, как там. Всюду власть стремится к обеспечению общества от опасности убытка: так в торговле пищевыми продуктами, лекарствами и т. д.

Но приведенные случаи, возразит нам школа, касаются преступного нарушения права собственности и личной безопасности, а не заслуживающей уважения торговли полезными предметами, не безвредной и полезной деятельности частных лиц; стеснять свободу последних государственная власть не имеет никакого права. Конечно нет, пока эта деятельность безвредна и полезна, но то, что может быть безвредным и полезным во всемирной торговле, может оказаться вредным и опасным в торговле национальной и наоборот. Во время мира, с точки зрения космополитической, каперство есть промысел вредный, однако во время войны правительства ему покровительствуют. Предумышленное убийство человека в мирное время считается преступлением, а во время войны — это обязанность. Торговля порохом, свинцом и оружием в мирное время считается позволительной, в военное же время тот, кто отправляет эти предметы врагу, наказывается как изменник.

По тем же основаниям государственная власть не только имеет право, но и обязана ограничивать и регулировать в интересах наций безвредные сами по

себе торговые сношения. Она посредством запрещений и ввозных пошлин не предписывает отдельным лицам, куда они должны употреблять свои производительные силы и капиталы, как то утверждает школа, доказывая софистически свои взгляды; она не говорит одному: «ты должен употребить свой капитал на постройку корабля или на устройство фабрики», а другому: «ты должен быть капитаном, а ты гражданским инженером»; она предоставляет на усмотрение каждого лица то, куда и каким образом желает он употребить свои капиталы или какому призванию желает посвятить себя. Она говорит только: в интересах нашей страны мы сами должны производить такие-то или такие-то мануфактурные товары; но так как при свободной конкуренции с другими странами мы никогда не в состоянии были бы достигнуть этого, то мы ограничили эту конкуренцию настолько, насколько нам необходимо, во-первых, для того, чтобы тем из нас, которые употребляют свои капиталы на эти новые отрасли промышленности и посвящают им свои умственные и физические силы, дать верное ручательство в том, что они не потеряют своих капиталов и не потратят напрасно своего труда, во-вторых, для того, чтобы побудить иностранцев перенести свои производительные силы к нам. Таким образом, власть вовсе не ограничивает частной промышленности; напротив, она предоставляет для личных и естественных сил, равно для капиталов нации, более обширное поле деятельности. Вместе с тем она не делает чего-либо такого, что частные лица понимают и могут сделать лучше, чем она сама; напротив, она делает то, что частные лица не могут сделать для себя, несмотря на их знание.

Утверждение школы, что протекционная система влечет за собой незаконное и антиэкономическое вмешательство государственной власти в употребление капиталов и в промышленную деятельность частных лиц, не представится ни малейшим образом в выгодном свете, если обратить внимание на то, что причина такого вмешательства заключается в противодействии регулированию торговли со стороны иностранцев и вмешательству их в нашу частную промышленность и что только с помощью протекционной системы можно отстранить вредное влияние иностранной торговой политики. Когда англичане исключают немецкие зерновые продукты со своего рынка, что они делают, если не то, что принуждают немецких земледельцев сеять хлеба настолько меньше, сколько они могли бы при свободном ввозе отправить его в Англию?

Если они облагают нашу шерсть, наши вина, наш лес настолько высокими пошлинами, что отправка этих продуктов в Англию совершенно или в большей части прекращается, — не будет ли это пропорциональным ограничением со стороны английской государственной власти наших отраслей промышленности? В подобных случаях, очевидно, иностранным законодательством дается нашим капиталам и нашим производительным силам такое направление, какого без этого они сами по себе не приняли бы. Из этого следует, что если мы посредством собственного законодательства откажемся дать нашей национальной промышленности направление, соответствующее нашим национальным инте-

ресам, то мы не в состоянии будем помешать чужим нациям направлять нашу национальную промышленность соответственно их собственным действительным или предполагаемым интересам или, во всяком случае, так, что это окажет вредное влияние на развитие наших производительных сил. Но что благоразумнее и выгоднее для наших граждан: предоставить направлять нашу промышленность иностранному законодательству соответственно иностранным национальным интересам или же направлять ее при посредстве нашего законодательства соответственно нашим собственным интересам? Если немецкий или американский сельский хозяин ежегодно будет принужден знакомиться с английскими парламентскими актами, для того чтобы знать, должен ли он расширить или сократить производство хлеба или шерсти, то будет ли он в этом случае чувствовать себя менее стесненным, чем тогда, когда собственное законодательство ограничит его относительно иностранных мануфактурных изделий, но зато обеспечит ему для всех его продуктов рынок, который никогда не может быть у него отнят иностранным законодательством?

Когда школа утверждает, что покровительственные пошлины предоставляют туземным фабрикантам и заводчикам монополию в ущерб потребителям, то занимается дурным ябедничеством. Ибо всякий человек в стране может эксплуатировать туземные рынки, обеспеченные для внутренней промышленности, следовательно, не может быть и речи о частной монополии; покровительственные пошлины устанавливают ту же привилегию для наших соотечественников сравнительно с иностранцами, которая тем законнее, что эти последние пользуются у себя дома подобными же привилегиями, и наши соотечественники в данном случае при помощи покровительственных пошлин уравниваются с иностранцами. Этим не устанавливается абсолютная привилегия ни в пользу производителей, ни в ущерб потребителей; если же производители вначале назначают преувеличенные цены, то это объясняется значительным риском и тем, что им приходится возмещать потери и жертвы, которые всегда имеют место при организации всякого производства. Против же несоответствующего преувеличения барышей и против опасности, что высокие цены укрепятся на продолжительное время, потребителей обеспечивает возникающая затем внутренняя конкуренция, вызывающая всегда понижение цен даже ниже того уровня, который имел место только при заграничной конкуренции. Но если земледельцы, являющиеся главными потребителями фабрично-заводских изделий и продуктов, принуждены будут платить за них более высокие цены, то этот ущерб их будет вознаграждаться с избытком увеличением спроса на продукты земледелия и возвышением их стоимости.

Школа выдвигает другой софизм, которым замаскировывает смешение понятий о теории ценностей и о теории производительных сил, когда выставляет положение, что национальное богатство есть лишь сумма богатств всего населения или всех граждан, что частный интерес каждого из них могущественнее, нежели все государственные меры по отношению к производству и к умноже-

нию богатств. Из этого положения школа выводит заключение, что национальная промышленность будет находиться в лучших условиях для своего развития, если каждому частному лицу предоставлена будет полная возможность спокойно заниматься своим делом. Это положение может быть принято и без тех выводов, которые желает сделать из него школа. Ибо дело не в том, как мы показали в одной из предшествующих глав, чтобы посредством торговых ограничений непосредственно вызвать увеличение суммы меновых ценностей нации, а в том, чтобы вызвать увеличение суммы ее производительных сил. Но сумма производительных сил нации не равняется сумме производительных сил всего населения, взятого по отношению к каждому жителю отдельно; она зависит главным образом от политического и социального положения нации, и в частности от степени развития в ней разделения труда и ассоциации этих сил. Мы это достаточно установили в предшествующей главе.

Господствующая школа всюду видит лишь отдельных лиц, пользующихся полной свободой, не стесненных в своих взаимных сношениях и удовлетворяющихся тем, что каждому из них дается полная возможность преследовать свои частные интересы согласно его природным склонностям. Это, очевидно, не есть система экономии наций, а система частной экономии таких человеческих обществ, какими их можно было бы представить в том случае, если бы не было вмешательства государственной власти, войн, враждебных чужеземных мероприятий в области торговли. Она нигде не разъясняет, какими средствами одни современные нации достигли цветущего благосостояния и той степени могущества, которыми они в настоящее время пользуются, и вследствие каких причин другие из них лишились той степени благосостояния и могущества, которыми они пользовались прежде. Школа учит только, каким образом в частной промышленности естественные силы, труд и капиталы соединяются для доставления на рынок ценных предметов и каким образом они распределяются среди народов и ими потребляются. Но какие средства необходимы для того, чтобы целая нация могла воспользоваться всеми находящимися в ее распоряжении естественными силами, как бедные и слабые нации могут достигнуть благосостояния и могущества — школа не предусматривает вследствие того, что, устраняя совершенно политику, не хочет знать частного положения того или другого народа и озабочена лишь преуспеянием всего человеческого рода. Когда вопрос касается международной торговли, всегда туземный житель противополагается отдельному иностранцу, приводятся примеры лишь из частных отношений купцов между собой, о товарах говорится лишь вообще (безразлично, состоят ли они из продуктов земледелия или фабрикатов) — для того, чтобы показать, что для нации совершенно безразлично, в чем заключается предмет вывоза или ввоза — в золоте, сырье или фабрикатах, находится ли количество их в равновесии или нет. Если мы, испуганные, например, торговыми кризисами, которые в Северной Америке царят как местная повальная болезнь, обратимся к теории за советом, какими средствами отвратить или уменьшить

причиняемые ими опустошения, то школа оставляет нас без всякого утешения и указания; мы даже не в состоянии объяснить это явление научным образом, потому что мы, под страхом прослыть обскурантами или невежами, не смеем даже произносить слова «торговый баланс», хотя это слово раздается постоянно во всех законодательных собраниях, во всех правительственных учреждениях, на всех биржах. Для блага человечества мы обязаны верить, что отпуск и привоз постоянно уравновешиваются сами собой, несмотря на то что в официальных отчетах мы постоянно читаем о том, что английский национальный банк приходит на помощь естественному порядку вещей, несмотря на существование хлебного билля, который с трудом дозволяет сельским хозяевам торгующих с Англией стран оплачивать продуктами земледелия фабрикаты, потребляемые ими.

Школа не знает различия между нациями, достигшими значительной степени экономического развития, и теми, которые находятся в этом отношении на низшей ступени. Всюду желает она устранить вмешательство государственной власти, всюду каждый частный человек должен тем более иметь возможности производить, чем менее занимается им государственная власть. В самом деле, согласно этой доктрине, дикие народы должны быть самыми производительными и самыми богатыми народами земного шара, ибо нигде отдельно взятый человек не предоставлен более самому себе и нигде не чувствуется так мало вмешательства государственной власти, как в данном состоянии.

Статистика и история показывают, напротив, что необходимость вмешательства законодательной власти и администрации сказывалась всегда тем больше, чем далее развивалось экономическое положение нации. Как индивидуальная свобода вообще является благом лишь до тех пор, пока она не становится в противоречие с социальными целями, так и частная промышленность может разумно требовать неограниченной деятельности лишь до тех пор, пока она соответствует преуспеянию нации. Но там, где деятельность отдельных лиц не удовлетворяет этой цели или где она может оказаться вредной для нации, там она по справедливости требует поддержки коллективной силы нации, там она в ее собственных интересах должна подчиняться законным ограничениям.

Признавая свободную конкуренцию в промышленности вернейшим средством для обеспечения преуспеяния всего человечества, школа, с точки зрения, на которую она себя поставила, совершенно права. Раз признана гипотеза о существовании всемирной ассоциации, всякое ограничение частных торговых сношений между различными странами является неблагоразумным и вредным. Но пока другие нации подчиняют коллективные интересы всего человечества своим национальным интересам, нет смысла говорить о свободе конкуренции между людьми, принадлежащими к различным нациям. Доказательства школы в пользу свободной конкуренции, таким образом, приложимы пока к торговым сношениям между лицами, принадлежащими к одной и той же нации. Каждая большая нация должна поэтому стремиться образовать из себя одно целое, кото-

рое с другими нациями, составляющими такое же целое, входит в сношение лишь настолько, насколько это отвечает ее собственным социальным интересам. Но эти социальные интересы в высшей степени отличаются от частных интересов всех отдельных лиц нации, если рассматривать каждого из них, как нечто совершенно изолированное, а не как членов национальной ассоциации; если, по примеру Смита и Сэя, видеть в отдельных лицах только производителей и потребителей, а не граждан государства или лиц, принадлежащих к известной нации. В таком качестве эти лица не имеют никакой надобности заботиться об интересах будущих поколений; они считают нелепым, как нам это действительно и доказал Купер, трудиться для принесения в настоящее время известной жертвы на предмет приобретения каких-то неизвестных еще благ отдаленного будущего, как бы они, впрочем, ни были дороги; обеспечение национальной устойчивости в будущем для них имеет мало цены; корабли своих купцов они предоставляют на жертву каждого смелого пирата; они мало беспокоятся о могуществе, чести и славе страны; самое большее, если они найдут для себя возможным сделать материальные пожертвования для воспитания своих детей и отдать их для обучения ремеслу, лишь бы только молодые люди через несколько лет оказались способными сами себе зарабатывать хлеб на свое пропитание.

Действительно, для господствующей теории национальная экономия и частная экономия настолько имеют одинаковое значение, что Ж. Б. Сэй, когда дозволяет государству в виде исключения покровительствовать внутренней промышленности, то ставит следующее условие: покровительство это может иметь место лишь в таком случае, если можно предполагать, что через несколько лет эта промышленность достигнет самостоятельности, подобно тому, как мальчика отдают в обучение сапожному ремеслу на несколько лет для того, чтобы он настолько усовершенствовался в своем ремесле, что мог бы обходиться без поддержки своих родителей.

ГЛАВА XV. НАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭКОНОМИЯ НАЦИЙ

Система школы, как мы показали в предшествующих главах, представляет следующие существенные недостатки: во-первых, беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов; во-вторых, бездушный материализм, который всюду преимущественно замечает только меновые ценности и упускает из вида нравственные и политические интересы настоящего и будущего, а также производительные силы нации; в-третьих, разрушительные партикуляризм и индивидуализм, которые, не понимая природы социального труда и действия ассоциации производительных сил в ее наивысших проявлениях, рассматривают, в сущности, лишь частную промышленность в том виде, в каком

она развивалась бы при свободе отношений в обществе, т. е. во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на отдельные нации.

Но между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией; образовавшись в ассоциацию посредством солидарности умственных и материальных интересов, составляя одно самостоятельное целое, которое признает над собой авторитет закона, но в то же время, как целое, владея еще естественной свободой по отношению к другим подобного рода ассоциациям, нация при существующем мировом порядке не может обеспечить свою самостоятельность и независимость иначе, как собственными силами и своими частными средствами. Подобно тому как отдельный человек только благодаря нации и в недрах нации достигает умственного образования, производительной силы, безопасности и благосостояния, так и цивилизация человечества немыслима и невозможна иначе, как при посредстве цивилизации и развития нации.

В настоящее время между нациями существует, однако, бесконечное разнообразие; мы видим между ними великанов и карликов, существ нормальных и калек, нации цивилизованные, полуцивилизованные и варварские. Но тем не менее все нации, как и отдельные люди, обладают от природы инстинктом самосохранения и стремлением к прогрессу. Задача политики — цивилизовать варварские нации, сделать малые — великими и слабые — сильными, но прежде всего обеспечить их существование и устойчивость. Задача политической (национальной) экономии заключается в экономическом воспитании наций и в подготовке их к вступлению во всемирное общество будущего.

Нация в нормальном состоянии обладает собственным языком и литературой, обширной и хорошо округленной территорией, снабженной разнообразными естественными материальными источниками богатств и значительным населением. Земледелие, фабрично-заводская промышленность, торговля и мореходство развиты в ней равномерно; искусства и науки, просвещение и народное образование находятся у нее на одинаковой высоте с развитием материального производства. Государственное устройство, законы и учреждения обеспечивают ее гражданам высокую степень безопасности и свободы, поддерживают в ней религиозность, нравственность и благосостояние, одним словом, их цель — преуспеяние граждан. Она обладает достаточными морскими и сухопутными силами для обеспечения своей самостоятельности и независимости и для поддержания своей внешней торговли. Ей присуща сила влиять на развитие отставших от нее наций и посредством избытка своего населения и своих умственных и материальных капиталов основывать колонии и порождать новые нации.

Значительная населенность и обширная, снабженная естественными богатствами территория — вот необходимые признаки нормальной национально-

сти; они составляют основное условие умственного развития, равно как материального преуспеяния и политического могущества. Нация с ограниченным количеством населения и незначительной территорией, в особенности если она говорит своим собственным языком, может владеть лишь изуродованной литературой, лишь ничтожными учреждениями для развития искусств и наук. Незначительное государство никогда не будет в силах развить на своей территории до совершенства различных отраслей труда. Всякое покровительство будет вызывать у нее частную монополию. Только посредством союзов с более могущественными нациями, жертвуя частью национальных выгод и чрезмерным напряжением сил, может она еще кое-как обеспечить свою самостоятельность.

Страна, которая не соприкасается с морями, которая не имеет ни торгового, ни военного флота или у которой устья рек не находятся в ее власти, в своей внешней торговле стоит в зависимости от других наций; она не может ни основать колоний, ни положить начало новым нациям; весь избыток населения, умственных и материальных средств, отливая в страны еще некультивированные, теряется совершенно для ее литературы, цивилизации и промышленности в пользу других наций.

Нация, не округленная морями и горными цепями, предоставлена вторжениям чужеземцев и может лишь с огромными пожертвованиями установить свою собственную таможенную систему, и то лишь очень несовершенную.

Территориальные недостатки могут быть устранены или посредством наследований, как было в Англии и Шотландии, или покупкой, как было во Флориде и Луизиане, или завоеваниями, как это было в Великобритании и Ирландии.

В новейшее время начали прибегать к четвертому способу, который приводит к той же цели и более соответствует праву и благосостоянию народов и государств, чем завоевания, и не стоит в такой зависимости от случайностей, как наследование, а именно — к объединению интересов различных государств посредством торговых договоров, свободно заключенных. Еще недавно германская нация посредством таможенного союза обеспечила себе обладание важнейшими атрибутами национальности. Однако это мероприятие не может считаться совершенным, пока оно не распространится по всему побережью Немецкого моря — от устьев Рейна до границ Польши с включением Голландии и Дании. Естественным следствием такого союза должно быть вступление обеих этих стран в Германский союз, следовательно, присоединение к германской национальности, чем они приобретут то, чего им недостает в настоящее время, а именно рыбные ловли и морские силы, морскую торговлю и колонии. Тем более что оба эти народа принадлежат и по своему происхождению, и по существу своему к немецкой национальности. Долги, которые лежат бременем на этих странах, — суть необходимое следствие их неестественного стремления к поддержанию своей самостоятельности, и вполне естественно, что это зло достигнет таких размеров, когда оно сделается невыносимым и когда включение в лоно более обширной национальности им самим будет казаться желательным и необходимым.

Бельгия только путем федеративного объединения с нацией более обширной может устранить неудобства, проистекающие из ограниченности ее территории и численности населения. В Северной Америке и Канаде тем более будет возрастать население, чем более будет развиваться протекционная система Соединенных Штатов, тем более они будут чувствовать потребность в сближении друг с другом и тем менее Англия будет в состоянии воспрепятствовать устройству между ними конфедерации.

В экономическом отношении нации должны пройти через следующие стадии развития: состояние первоначальной дикости, пастушеское, земледельческое, земледельческо-мануфактурное и, наконец, земледельческо-мануфактурно-коммерческое.

История промышленности нации, и главным образом в Англии, показывает, что переход из дикого состояния в пастушеское, из пастушеского в земледельческое и из земледельческого к первым попыткам мануфактурной, или фабрично-заводской, промышленности и мореплавания совершается быстрее и выгоднее всего при посредстве свободы торговли с ушедшими вперед в развитии городами и странами; но что полного развития фабрично-заводской промышленности, значительного мореходства и обширной внешней торговли возможно достигнуть лишь при вмешательстве государственной власти.

Чем менее развито земледелие и чем более внешняя торговля дает случаев к обмену земледельческих продуктов и сырья на иностранные мануфактурные изделия, чем более при этом нация погружена еще в варварство и нуждается в абсолютной монархической форме правления и законодательства, тем более будет содействовать ее благосостоянию и цивилизации свободная внешняя торговля, т. е. вывоз земледельческих продуктов и ввоз мануфактурных изделий.

Чем более, напротив, развиты земледелие нации, ее промышленность и вообще ее социальное и политическое состояние и гражданственность, тем менее будет она в состоянии извлекать пользы для улучшения своего общественного положения из обмена туземных земледельческих продуктов и сырых произведений на иностранные мануфактурные изделия, тем более будет наносить ей ущерба счастливая конкуренция иностранной, опередившей ее мануфактурной промышленности.

Только у наций последнего рода, именно у таких, которые владеют всеми умственными и материальными качествами и средствами, необходимыми для создания своей собственной фабрично-заводской промышленности и для достижения высшей ступени цивилизации и развития материального благосостояния и политического могущества, но которые встречают препятствия для своих успехов в конкуренции опередившей их иностранной промышленности, — у таких только наций получают свое оправдание торговые ограничения в целях насаждения и покровительства собственной фабрично-заводской промышленности, и торговые ограничения у таких наций должны иметь место лишь до тех пор, пока эта промышленность не окрепнет настолько, что для нее не будет страшна

иностранная конкуренция, и поэтому в таком лишь размере, насколько это необходимо для покровительства этой промышленности при ее возникновении.

Протекционная система станет в противоречие не только с принципами космополитической экономии, но и с правильно понятыми интересами, если она пожелает сразу совершенно устранить иностранную конкуренцию и изолировать покровительствуемую нацию от других наций. Когда фабрично-заводская промышленность, которой оказывается покровительство, находится еще в первом периоде своего развития, ввозные пошлины должны быть очень умеренны, они должны возвышаться постепенно вместе с увеличением умственных и материальных капиталов, технической опытности и духа предприимчивости нации. С другой стороны, ни в каком случае не требуется, чтобы всем отраслям промышленности оказывалось одинаковое покровительство. Особенного покровительства заслуживают только важнейшие отрасли, те, для которых потребны большие основные и оборотные капиталы, большое количество машин, равно как и масса технических знаний, ловкости и опытности, и большое количество рабочих сил, которых продукты являются предметами первой жизненной необходимости, которые, следовательно, будут важнейшими по отношению к их общей ценности, равно как и с точки зрения независимости данной страны; таковы, например, шерстяные, хлопчатобумажные, полотняные фабрики и т. д. Если эти важнейшие ветви при достаточном покровительстве получат развитие, то около них станут развиваться и другие, менее значительные, даже и при более слабом покровительстве. У тех наций, у которых заработная плата высока и население которых невелико еще сравнительно с протяжением их территории, как, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, их собственные интересы требуют, чтобы оказывалось менее покровительства тем отраслям промышленности, которым не может дать особенной помощи применение машин, нежели тем, в которых машины выполняют главную работу, конечно, при том условии, если нации, доставляющие им предметы первой промышленной потребности, не откажутся свободно допускать к себе их земледельческие продукты.

Школа обнаруживает полное незнакомство с сущностью национально-экономических отношений, если она признает, что такие нации посредством обмена земледельческих продуктов на мануфактурные изделия точно так же могут обеспечить им успехи гражданственности, благосостояния и вообще социального преуспеяния, как и посредством насаждения собственной фабрично-заводской промышленности. Никогда нация исключительно земледельческая не в состоянии будет значительно развить свою внутреннюю и внешнюю торговлю, свои пути сообщения и торговое мореходство, равно увеличить свое население в соответствии с ее благосостоянием или достигнуть значительных успехов в нравственном, умственном, социальном и политическом развитии; она никогда не достигнет высокого политического могущества и не будет в состоянии оказывать влияние на цивилизацию и прогресс отсталых наций и основывать собственные колонии.

Страна чисто земледельческая является бесконечно менее совершенной, чем страна земледельческая и вместе с тем мануфактурная. Первая всегда находится в большей или меньшей экономической и политической зависимости от тех наций, которые получают у нее земледельческие продукты в обмен на свои фабрично-заводские изделия. Она не может сама определять объем своего производства; она должна ожидать спроса со стороны покупателей из других стран. Эти другие страны, в одно и то же время земледельческие и фабрично-заводские, сами производят огромную массу сырья и пищевых продуктов, а потому и требуют от земледельческих наций только такое количество, которое необходимо для покрытия их дефицита. Следовательно, чисто земледельческие нации стоят относительно сбыта предметов их производства в зависимости от случайностей большего или меньшего урожая в странах одновременно земледельческих и фабрично-заводских; кроме того, они имеют конкурентов в прочих земледельческих странах: таким образом, их неопределенный сам по себе сбыт становится вследствие этой конкуренции еще неопределеннее.

Наконец, они подвержены опасности полного перерыва их торговых сношений с фабрично-заводскими странами вследствие войны или торговых мероприятий, и тогда они принуждены терпеть двойной ущерб: невозможность найти покупателей для своего избытка в земледельческих продуктах и приобрести потребные им фабрично-заводские изделия. Чисто земледельческая нация, как мы уже сказали прежде, является подобной человеку с одной рукой, принужденному опираться на чужую руку, помощь которой, однако, не во всех случаях может быть надежной; нация земледельческая и вместе с тем мануфактурная, напротив, является подобной человеку, располагающему обеими своими собственными руками.

Школа допускает принципиальную ошибку, утверждая, что протекционная система есть дикая выдумка глубокомысленных политиков. Ссылаемся на историю, которая свидетельствует, что покровительственные мероприятия вызывались или естественным стремлением нации к благосостоянию, независимости и могуществу, или являлись результатом войны и враждебных торговых мероприятий со стороны наций, достигших промышленного и торгового господства.

Идея независимости и могущества возникает вместе с представлением о нации. Школа не обратила на это внимания, так как она избрала предметом своих исследований не экономию различных наций, а экономию общества вообще, иначе говоря, целого человечества. Стоит только представить себе, что все нации сольются во всемирной федерации, и взгляд на независимость и могущество исчезнет совершенно. Гарантия самостоятельности каждой нации будет зависеть в таком случае от конституции всемирного союза, подобно тому, как, например, гарантия штатов Rhode-Island и Delaware зависит от союза всех объединенных свободных американских штатов. Со времени возникновения этого союза этим незначительным штатам не приходит и мысли о том, чтобы

увеличить свое политическое могущество или считать свою независимость менее обеспеченной, чем независимость самых больших штатов союза.

Как бы ни была разумна такая всемирная федерация, но было бы нелепостью со стороны известной нации, в ожидании великих выгод такого всемирного союза и вечного мира, если бы она вздумала регулировать свою национальную политику так, как если бы эта всемирная федерация уже существовала. Мы спрашиваем: не заподозрит ли всякий разумный человек в безумстве то правительство, которое, признавая выгоды и разумность вечного мира, вздумало бы распустить свои войска, уничтожить военный флот и срыть крепости? В этом случае правительство поступило бы совершенно так, как рекомендует народам школа, когда она, указывая на выгоды вечного мира, советует им отказаться от выгод протекционной системы.

Война оказывает разрушительное действие на международные торговые сношения. Вследствие войны земледелец, живущий в одной стране, силою отделяется от фабриканта или заводчика, живущего в другой стране. Но в то время, как фабрикант или заводчик — раз он принадлежит к нации могущественной и со значительным флотом, ведущей обширную торговлю, — легко находит необходимые ему продукты земледелия у сельских хозяев своей страны или тех стран, которые для него остаются доступными, житель страны чисто земледельческой вследствие этого перерыва международных торговых сношений страдает вдвойне. Он лишается в таком случае рынков сбыта для своих земледельческих продуктов, а следовательно, и возможности рассчитаться за те мануфактурные изделия, которые ему необходимы вследствие прежних торговых сношений; он одновременно ощущает стеснение как в производстве, так и в потреблении.

Когда стесненная войною в производстве и потреблении земледельческая нация сделала уже большие успехи в цивилизации и земледельческой культуре и владеет уже значительным населением, то перерыв торговых сношений вследствие войны вызывает в ней возникновение фабрик и заводов. Война в таком случае действует так же, как запретительная система. Это заставляет нацию понять огромную выгоду собственной фабрично-заводской промышленности, она на деле убеждается, что с перерывом торговых сношений вследствие войны она больше выиграла, чем потеряла. В ней берет перевес убеждение, что для нее настало время из состояния государства исключительно земледельческого перейти в состояние государства земледельческо-мануфактурного и достичь, таким образом, высшей степени благосостояния, цивилизации и могущества. Но когда, после того как такая нация сделала уже значительные успехи в открытой ей войной промышленной карьере, снова наступает мир и когда обе нации желают снова возобновить существующие торговые отношения, они невольно чувствуют, что за время войны возникли новые интересы, которые могут быть совершенно уничтожены возобновлением прежних торговых сношений. Бывшая земледельческая нация чувствует, что, открывая прежний сбыт своим земледельческим продуктам за границу, она должна принести в жертву

интересы своих возникших за это время фабрик и заводов; мануфактурная нация чувствует, что часть возникшего за время войны земледельческого производства снова уничтожилась бы при свободе ввоза. Та и другая стремятся поэтому к ограждению этих новых интересов установлением ввозных таможенных пошлин. Вот история торговой политики за истекшие пятьдесят лет.

Войной вызваны новые протекционные системы, и мы не боимся выразить убеждение, что в интересах мануфактурных держав второго и третьего разряда следовало бы их удержать и довершить, даже в том случае, если бы Англия по восстановлении мира не сделала непростительной ошибки, ограничив ввоз пищевых продуктов и сырья, следовательно, оставив в силе мотивы протекционной системы, имевшие значение до заключения мира. Как нация, находящаяся в первобытном и варварско-земледельческом состоянии, может идти вперед лишь при помощи торговли с цивилизованными мануфактурными нациями, так же точно, возвысившись до известной степени культуры, она лишь при помощи своей фабрично-заводской промышленности в состоянии достигнуть высшей ступени благосостояния, цивилизации и могущества. Война, облегчающая стране переход ее из состояния земледельческого в состояние земледельческо-мануфактурное, является, таким образом, благодеянием для нации, подобно тому как война Северо-Американских Соединенных Штатов, несмотря на громадные жертвы, которых она требовала, стала для будущих поколений поистине благодеянием. Мир же, который снова возвращает в земледельческое состояние нацию, призванную к развитию собственной фабрично-заводской промышленности, станет для нее проклятием и будет несравненно вреднее для нее самой войны.

К счастью мануфактурных стран второго и третьего разряда Англия, после восстановления всеобщего мира, ограничив ввоз пищевых продуктов и сырья, сама положила границы своему основному стремлению монополизировать мануфактурный рынок земного шара. Во всяком случае, если бы английские сельские хозяева, которые в течение войны имели в исключительно своем обладании внутренние рынки, были вначале поставлены в тяжелое положение заграничной конкуренцией, то позднее, как мы обстоятельно покажем в другом месте, эти их потери были широко возмещены тем, что Англия достигла всемирной мануфактурной монополии.

Было бы нелепостью со стороны мануфактурных наций второго и третьего порядка, в которых фабрично-заводская промышленность была вызвана к жизни вследствие двадцатипятилетней войны и настолько упрочилась вследствие удаления их земледельческих продуктов с английского рынка, что им достаточно было бы, может быть, еще десяти или пятнадцати лет энергического поощрения для того, чтобы вступить в свободную конкуренцию с английской фабричной промышленностью, — было бы нелепостью, говорим мы, чтобы теперь, после невероятных жертв целого полустолетия, эти нации вздумали отказаться от неизмеримо громадных выгод, вытекающих из их собственной фабрично-за-

водской промышленности, и перейти с свойственной земледельческо-мануфактурным странам высшей ступени культуры, благосостояния и независимости на низшую ступень зависимых земледельческих наций, и все это потому только, что Англии угодно было заметить свою ошибку и усмотреть предстоящее возвышение конкурирующих с ней стран.

Предположим, что промышленные интересы Англии приобретут достаточно влияния для того, чтобы принудить верхнюю палату, всю состоящую из крупных землевладельцев, и нижнюю палату, состоящую большей частью из мелкопоместных дворян (country cquires), согласиться на уступки относительно ввоза земледельческих продуктов, — кто поручится за то, что по истечении нескольких лет новое торийское министерство, при других обстоятельствах, снова не издаст нового хлебного билля?[85] Кто может поручиться за то, что новая морская война, новая континентальная система не отделит сельских хозяев континента от мануфактуристов Великобритании и континентальные европейские нации не поставлены будут в необходимость снова начинать свою карьеру на поприще фабрично-заводского дела и снова обратить свои лучшие силы на борьбу с первоначальными затруднениями — для того, чтобы потом все это снова принести в жертву миру?

Таким образом, школа должна была бы осудить континентальные нации вечно ворочать камень Сизифа — вечно во время войны создавать фабрики и заводы для того, чтобы в мирное время привести их к разорению.

Школа в состоянии была дойти до таких абсурдов только потому, что она, несмотря на название, которое дала своей науке, совершенно исключила из последней политику, совершенно игнорирует сущность национальности и не отдает себе отчета во влиянии, какое оказывает война на торговлю между различными нациями.

Совершенно другими представляются отношения земледельцев, с одной стороны, и фабрикантов и заводчиков — с другой, если те и другие живут в одной и той же стране, следовательно, находятся в вечном мире между собой. Всякое расширение или улучшение существующей уже фабрики или завода вызывает увеличение спроса на земледельческие продукты. Этот спрос не является неопределенным, не зависит ни от иностранных торговых мероприятий или торговых колебаний, ни от чужеземных политических волнений или войн, ни от иностранных изобретений или улучшений, ни от урожаев в других странах; туземный сельский хозяин не делится с другими нациями; ежегодный спрос для него определен. Каков бы ни был урожай в других странах, какие бы недоразумения ни возникали в политическом мире, он может рассчитывать на сбыт своих продуктов и на удовлетворение своих нужд в заводско-фабричных изделиях по ценам подходящим и постоянным. С другой стороны, каждое улучшение земледелия, введение каждой новой культуры возбуждает фабрично-заводскую промышленность, потому что всякое увеличение земледельческого производства вызывает соответствующее увеличение фабрично-заводской промышлен-

ности. Таким взаимодействием обеих главных ветвей промышленности обеспечиваются навсегда успехи нации.

Политическое могущество ручается нации не только за увеличение ее благосостояния посредством внешней торговли и внешних колоний, но оно обеспечивает ей также внутреннее благосостояние и ее национальное существование, что бесконечно важнее, нежели материальное богатство. Благодаря своему навигационному акту Англия достигла политического могущества, а благодаря политическому могуществу была в состоянии расширить свое мануфактурное преобладание по отношению ко всем народам. Но Польша была вычеркнута из ряда наций, потому что у нее не было сильного среднего сословия, которое может быть вызвано к жизни лишь насаждением внутренней фабрично-заводской промышленности.

Школа не может отрицать, что внутренняя торговля нации в десять раз больше внешней даже в том случае, когда последняя достигла высшей степени своего развития; но она отсюда не признала нужным вывести следующее простое заключение: что в десять раз полезнее эксплуатировать внутренние рынки, сохранив их за собою, нежели искать богатства вне, и что достигнуть большего значения может внешняя торговля той нации, которая довела фабрично-заводскую промышленность до степени высшего развития.

Школа оценивает значение рынка только в космополитическом, но не в политическом отношении. Большая часть приморских стран европейского материка находится в естественном районе снабжения изделиями мануфактурной промышленности Лондона, Ливерпуля или Манчестера, и очень немногие фабриканты и заводчики других стран в состоянии при свободе торговли выдерживать в своих приморских городах их конкуренцию. Более значительные капиталы, огромный собственный внутренний рынок, который дает английским мануфактуристам средства для более обширного, а следовательно, и для более дешевого производства, лучшие приемы в самом производстве и, наконец, более дешевый фрахт при транспортировках морем — все это обеспечивает в настоящее время английским фабрикантам и заводчикам преимущества в сравнении с таковыми же стран континентальных, которые только благодаря продолжительному и настойчивому применению протекционной системы и усовершенствованию внутренних путей сообщения постепенно будут в состоянии обеспечить за собой туземную промышленность. Но рынок приморских стран для каждой нации имеет огромное значение как по отношению к привозной, так и к отпускной торговле, и нация, приморский рынок которой принадлежит более иностранной торговле, чем ей самой, является разделенной как в экономическом, так и в политическом отношении. Да, невозможно представить себе более вредного для нации экономического и политического положения, как то, когда ее приморские города относятся более сочувственно к иностранным державам, нежели к собственной стране.

Наука не имеет права не признавать природу национальных отношений, или не обращать на нее внимания, или извращать ее в видах споспешествования космополитической цели. Достигнуть этой цели возможно, лишь следуя природе этих от-

ношений и стараясь согласно ее законам довести отдельные нации до высшей цели. Обратите внимание на то, как мало дало результатов применение учения школы на практике. Это не столько вина практиков, которыми довольно верно была понята природа национальных отношений, а вина теории, которая уклонялась от всякого опыта, перед которым практика должна была прийти в недоумение.

Помешала ли эта теория нациям, какова, например, южноамериканская, наперекор их естественным потребностям применить у себя протекционную систему? Помешала ли она распространять ее и на производство пищевых продуктов и сырья, которые не нуждаются в покровительстве, так как оно при всяких обстоятельствах должно оказывать обоюдно вредное влияние, как на нацию, в интересах которой применяют это покровительство, так и на ту, против которой оно вводится? Помешала ли эта теория признавать предметами, заслуживающими покровительства, мануфактурные изделия изощренного вкуса, каковы предметы роскоши, хотя совершенно ясно, что таковые могут быть предоставлены свободной конкуренции без малейшей опасности для благосостояния нации? Нет! Теория не вызвала до сих пор ни одной плодотворной реформы и не вызовет до тех пор, пока она будет находиться в противоречии с сущностью вещей. Она может и должна вызвать великие реформы, но лишь тогда, когда она будет опираться на сущность вещей.

Прежде всего она принесет огромную пользу всем нациям, окажет содействие благосостоянию и успехам всего человечества, если докажет, что препятствия, поставляемые торговле естественными продуктами и сырыми материалами, чрезвычайно вредны для тех самых наций, которые прибегают к этим препятствиям, и что протекционная система имеет законное право на существование настолько, насколько она имеет целью промышленное воспитание наций. Затем, базируя свою фабрично-заводскую промышленность на здравых принципах протекционной системы, она побудит те государства, в которых существует еще запретительная таможенная система, как, например, Францию, постепенно отменить ее. Фабриканты и заводчики не будут противиться этим нововведениям, раз они убедятся, что теоретики, далекие от желания разорить их, принимают за основу всякой разумной торговой политики поддержание существующих фабрик и заводов и их дальнейшее развитие.

Если теория покажет немцам, что они могут поощрять свою фабрично-заводскую промышленность лучше всего посредством ввозных пошлин, которые должны последовательно возвышаться и затем так же последовательно понижаться, и что в известных размерах, хотя и очень ограниченная, иностранная конкуренция при всяких обстоятельствах полезна для развития их фабрик и заводов, то в конце концов они окажут гораздо более услуг свободе торговли, чем в том случае, если бы немецкая промышленность была разорена.

Теория не должна требовать от Соединенных Штатов Северной Америки, чтобы они предоставили свободной иностранной конкуренции те отрасли фабрично-заводской деятельности, которые получают поддержку в дешевом сырье и пище-

вых продуктах, а также в силе машин. Но она не встанет также в противоречие с самой собой, если будет утверждать, что Соединенные Штаты, до тех пор пока заработная плата стоит у них несравненно выше, нежели в странах со старой культурой, будут действительно заботиться о развитии своих производительных сил, цивилизации и политического могущества, предоставив наилегчайший доступ в свои пределы тем иностранным изделиям, в фабрикации которых ручной труд составляет главное основание их стоимости, при непременном условии, что другие страны будут доставлять свои земледельческие продукты и сырые материалы.

Теория свободы торговли получит тогда доступ в Испанию, Португалию и Неаполь, в Турцию и Египет и во все варварские и полуцивилизованные и жаркие страны. В этих странах не придет никому в голову нелепой мысли стремиться, при настоящей степени их культурного развития, к созданию собственной фабрично-заводской промышленности посредством протекционной системы.

Англия откажется тогда от убеждения, что она призвана монополизировать фабрично-заводскую промышленность всего земного шара. Она не будет требовать, чтобы Франция, Германия и Северная Америка пожертвовали своими фабриками и заводами для того, чтобы иметь право поставлять в Англию земледельческие продукты и сырые материалы. Она будет признавать законность в этих странах протекционной системы и расширять в то же время у себя более и более свободу торговли, ввиду указаний теории, что нация, достигнувшая мануфактурного верховенства, не может предохранить своих фабрикантов и негоциантов от попятного движения и беспечности, иначе как посредством свободного ввоза пищевых продуктов и сырья и конкуренции иностранных мануфактурных изделий.

Англия будет тогда на практике следовать торговой политике, совершенно противоположной той, которой она следовала до сих пор. Вместо того чтобы, как было до сих пор, убеждать другие нации признать принцип свободы торговли, а у себя применять строжайшую запретительную систему, она откроет им свой собственный рынок, нисколько не озабочиваясь действующей протекционной системой в других странах. Она отложит свою надежду на восстановление свободы торговли до того времени, когда другие нации не будут опасаться разорения их фабрик и заводов, проистекающего от свободы конкуренции.

А пока не наступит такой момент, тот вред, который будет наносить Англии протекционная система других государств по вывозу мануфактурных изделий всеобщего потребления, она будет возмещать посредством значительного вывоза мануфактурных изделий высшей обработки и при помощи открытия, создания и развития новых рынков для сбыта предметов своей издельной промышленности.

Она постарается умиротворить Испанию, Восток и государства Средней и Южной Америки и распространить свое влияние на все варварские и полуцивилизованные страны Средней и Южной Америки, Азии и Африки настолько, чтобы у них возникали сильные и просвещенные правительства, чтобы явилась личная и имущественная безопасность, чтобы были проложены дороги и кана-

лы, развились образование и просвещение, нравственность и промышленность и исчезли фанатизм, суеверие и апатия. Если, кроме того, Англия немедленно, вместе с подобными стремлениями, отменит ограничения ввоза пищевых продуктов и сырья, то она невероятно расширит свой отпуск мануфактурных изделий и с гораздо лучшими результатами, чем если она вечно будет спекулировать на разорении континентальных фабрик.

Но для того, чтобы это цивилизующее влияние Англии на варварские и полуцивилизованные народы не осталось без последствий, действия Англии не должны носить исключительного характера; она не должна, как это было сделано ею, например, в Бразилии, стремиться монополизировать эти рынки посредством особенных торговых привилегий и устранять с него другие нации[86].

Такая политика будет всегда вызывать зависть со стороны других наций и противодействие их стремлениям Англии. Этой, очевидно, эгоистической политикой и объясняется то, почему до сих пор было столь незначительно влияние цивилизованных держав на цивилизацию подобных стран. Англия должна поэтому стараться проводить в народное право этих стран принцип равенства в заключаемых ими торговых трактатах с другими мануфактурными нациями. Тогда Англия не только обеспечила бы своими цивилизаторскими стремлениями поддержку всех цивилизованных стран, но она могла бы без ущерба своим торговым интересам предоставить и другим мануфактурным нациям стремиться к подобного рода деятельности. Превосходство во всех отраслях промышленности и торговли давало бы ей всюду возможность воспользоваться наилучшей долей снабжения этих рынков иностранными изделиями.

Притязания англичан и их беспрестанные интриги против фабрично-заводской промышленности других наций могли бы еще иметь оправдание, если бы всемирная промышленная монополия была необходима для благосостояния Англии, если бы не было доказано до очевидности, что нации, стремящиеся рядом с Англией к развитию обширной фабрично-заводской промышленности, отлично могут достигнуть своей цели и без унижения Англии, что Англия не сделалась бы беднее потому, что другие стали бы богаче, и что природа предлагает достаточно средств для того, чтобы и без вреда благосостоянию Англии могла развиться в Германии, Франции и Северной Америке фабрично-заводская промышленность, равная английской.

Относительно этого прежде всего нужно заметить, что каждая нация, завоевавшая свой внутренний мануфактурный рынок, с течением времени гораздо больше выигрывает в производстве и потреблении фабрично-заводских изделий, нежели теряет та нация, вследствие устранения ее с рынка, которая до тех пор снабжала первую фабрикатами, ибо нация, принявшаяся за обрабатывающую промышленность, восполняя свое экономическое развитие, становится несравненно богаче и населеннее, следовательно, может уже потреблять несравненно большее количество фабрикатов, чем она могла их привозить при прежней чужеземной зависимости относительно мануфактурных изделий.

Что же касается, однако, вывоза фабрично-заводских изделий, то в этом отношении страны умеренного пояса, которые самой природой предназначены преимущественно к развитию фабрично-заводского дела, должны находить сбыт своим изделиям главным образом в стране жаркого пояса, которая снабжает их колониальными товарами взамен мануфактурных. Но потребление мануфактурных изделий в странах жаркого пояса обусловливается, с одной стороны, их способностью производить в избытке те продукты, которые свойственны их климату, с другой стороны, тем спросом, который предъявляется странами умеренного пояса на их продукты.

Если очевидно, что с течением времени страны жаркого пояса в состоянии будут производить в пять-десять раз больше сахару, рису, кофе, хлопка и т. д., чем до сих пор, и что потребление стран умеренного пояса может увеличиться в такой же пропорции, то это уже доказывает, что страны умеренного пояса в состоянии будут увеличить сумму ценности вывоза мануфактурных изделий в страны жаркого пояса также в пять-десять раз.

Возможность для континентальных наций увеличить потребление в указанной выше пропорции доказывается увеличением потребления в Англии колониальных продуктов за последние пятьдесят лет, причем нужно еще иметь в виду то, что увеличение этого потребления было бы еще значительнее при отсутствии высоких ввозных пошлин.

За последние пять лет Голландия на Суматре и Яве, Англия в Ост-Индии представили неопровержимые доказательства относительно способности увеличить производство жаркого пояса. Англия с 1835-го по 1839 год свой ввоз сахара из Ост-Индии увеличила в четыре раза; ввоз кофе увеличился еще в большей пропорции, равно привоз оттуда хлопка также сильно возрастает. Словом, последние английские газеты (от февраля 1840 года) с торжеством заявляют, что производительная способность Ост-Индии относительно этих продуктов неистощима и что недалеко то время, когда Англия по привозу этих продуктов сделается независимой от Америки и Вест-Индии. Голландия, с другой стороны, начинает уже тяготиться наплывом к себе колониальных товаров и старается отыскать для их сбыта новые рынки; при этом нужно обратить внимание на то, что Северная Америка продолжает расширять свое хлопчатобумажное производство, что в Техасе создается государство, которое, несомненно, должно покорить всю Мексику[87] и сделать из этой плодородной страны то же, что теперь представляют южные штаты североамериканского союза. Пусть примут во внимание, что порядок и законы, трудолюбие и умственное развитие распространятся мало-помалу в южноамериканских государствах от Панамы до мыса Горна, затем на всю Африку и Азию, и повсюду увеличат производство и избыток продуктов, и тогда нетрудно будет понять, что здесь открывается поле для сбыта мануфактурных изделий не для одной нации.

Если вычислить площадь тех стран, которые до сих пор доставляли колониальные произведения, и сравнить ее со всей площадью, которую природа ода-

рила способностью для такого производства, то окажется, что до настоящего времени эксплуатировалась едва лишь пятнадцатая часть стран, способных к такому производству.

Каким же образом могла бы Англия присвоить исключительно себе снабжение мануфактурными изделиями всех стран, доставляющих колониальные товары, когда привоз их из одной только Ост-Индии может вполне удовлетворить ее потребности в продуктах жаркого пояса? Как может она надеяться на сбыт мануфактурных изделий в те страны, от которых она не в состоянии получить в обмен их колониальных продуктов? Каким образом далее может возродиться огромный спрос на колониальные продукты на европейском материке, если материк этот по своему фабрично-заводскому производству не в состоянии оплачивать и потреблять эти продукты?

Итак, ясно, что стеснение фабричного производства на континенте может, конечно, задержать промышленный подъем континентальных стран, но никаким образом не может содействовать благосостоянию Англии.

Ясно далее, что как в настоящее время, так и долго еще страны жаркого пояса будут доставлять достаточные основы для обмена продуктов, потребных для стран, призванных к фабрично-заводской промышленности.

Ясно, наконец, что всемирная мануфактурная монополия в том виде, в каком она выразилась бы в настоящее время вследствие свободного допущения английских мануфактурных изделий на рынки европейского материка и Северной Америки, ни в каком случае не будет полезнее для благосостояния человечества, чем протекционная система, которая стремится к развитию фабрично-заводских сил всего умеренного пояса в пользу развития земледелия во всем жарком поясе.

То обстоятельство, что Англия опередила прочие страны в мануфактурах, мореплавании и торговле, не должно страшить другие нации, призванные условиями своей территории, своим национальным могуществом и способностями к развитию фабрично-заводской промышленности, и отклонять от вступления в соперничество со страною, которая приобрела мануфактурное верховенство. Фабрики и заводы, торговля и мореплавание имеют будущность, которая превзойдет настоящее настолько, насколько настоящее превосходит прошедшее. Нужно лишь иметь достаточно мужества, чтобы верить в великую национальную будущность и с этой надеждой идти вперед. Но прежде всего нужно обладать настолько национальным разумом, чтобы теперь же посадить и оградить защитою дерево, которое будет приносить богатые плоды будущим поколениям. И прежде всего нации нужно завоевать для себя свои отечественные рынки, по крайней мере для предметов всеобщего потребления, и постараться получать продукты жаркого пояса непосредственно из тех стран в обмен на наши фабрично-заводские изделия. Такова задача, которую обязан разрешить германский торговый союз, если германская нация не желает остаться далеко позади не только Франции и Северной Америки, но даже и России.

ГЛАВА XVI. НАРОДНАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ

Все, что имеет отношение к понятию о материальных средствах правительства, о потреблении этих средств и управлении ими, или государственная финансовая экономия, ни в каком случае не должно быть смешиваемо с установлениями, регламентами, законами и обстоятельствами, которыми обусловливается и распределяется экономия граждан, т. е. народная экономия[88].

Необходимость этого различения приложима одинаково ко всем государственным ассоциациям, будут ли они целой нацией или только составной частью нации, будут ли малы они или велики.

В государстве федеративном, помимо того, государственная финансовая экономия распадается на финансовую экономию каждого отдельного государства и на финансовую экономию союза.

Народная экономия становится национальной экономией в том случае, когда государство или федерация обнимает целую нацию, которая по количеству населения, территории, политическим учреждениям, цивилизации, богатству и могуществу призвана к самостоятельности и представляет нацию, способную приобрести устойчивость и политическое значение.

В данном случае народная экономия и национальная экономия будут равнозначащи. Вместе с государственной финансовой экономией они образуют политическую экономию нации.

Напротив, в государствах, которых население и территория представляют собой составную часть нации или национальной территории, не образующей одного целого с другими частями ни вследствие непосредственной с ними связи, ни по причине федеративного с ними слияния, речь может быть о народной экономии только в противоположность частной или государственно-финансовой экономии. В этой незаконченной организации цели и потребности великой национальности не могут быть приняты в соображение; в особенности же народная экономия не может быть регулирована с целью образования совершенной в себе самой нации, равно ввидах обеспечения ее самостоятельности, могущества и продолжительности ее существования.

Здесь, следовательно, политика должна быть исключена из экономии; здесь нужно принимать в расчет лишь естественные законы социальной экономии вообще, как она выразилась бы, если бы нигде не существовало ни могущественной и компактной национальности, ни национальной экономии.

С этой точки зрения развивалась в Германии та наука, которую называли прежде государственным хозяйством (Staatswirthschaft), потом национальной экономией (National-Oekonomie), потом политической экономией (Politische-Oekonomie), наконец, народным хозяйством (Volkswirthschaft), причем здесь не была выяснена основная ошибка этой системы.

Понятие и сущность национальной экономии не могли быть уяснены, так как не существует экономической объединенной нации и так как частному и определенному понятию нации приписывается общее и неопределенное понятие общества — понятие, которое одинаково приложимо ко всему человечеству, или к небольшой стране, или к отдельному городу, как и к нации.

ГЛАВА XVII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЛИЧНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

При первобытном земледелии господствуют упадок духа, физическая неповоротливость, упорство в устаревших воззрениях, привычках, обычаях и пристрастии к старым методам, недостаток образования, благосостояния и свободы. Стремление к постоянному увеличению умственных и материальных благ, соревнование и любовь к свободе характеризуют, напротив, страны промышленные и коммерческие.

Это различие объясняется часто несходством образа жизни и воспитания того и другого населения, часто существенным различием их занятий и потребных для того вспомогательных средств. Земледельцы живут, рассеянные по всему пространству страны, и, будучи отдалены друг от друга, поддерживают между собой незначительные умственные и материальные сношения.

Один делает почти то же самое, что делает и другой; один производит обыкновенно то же, что производит и другой. Избыток продуктов и потребности у всех почти совершенно одинаковы, каждый сам и лучший потребитель собственных продуктов; здесь, таким образом, мало поводов к умственным сношениям и материальным коммерческим оборотам. Сельский хозяин имеет дело более с неодушевленной природой, чем с человеком. Вследствие привычки собирать по истечении долгого времени жатву там, где он посеял, и предоставлять результаты своих усилий на волю Провидения у него умеренность, терпение и смирение, равно беспечность и лень, становятся второй натурой. Деятельность его в области земледелия, удаляя его от общения с людьми, сама по себе не требует обыкновенно от него значительного напряжения ни умственного, ни физического. Он учится, например, в кругу той семьи, в которой он родился, и ему почти не приходит в голову, что можно иначе и лучше работать. С колыбели до могилы вращается он в одном и том же ограниченном кругу людей и отношений. Ему редко удается видеть примеры выдающегося благосостояния, достигнутого чрезвычайными умственными и физическими успехами. Обладание собственностью и нищета при первобытном земледелии переходят из поколения в поколение, и почти все вызываемые соревнованием силы спят мертвым сном.

Жизнь в сферах фабрично-заводской деятельности существенно отличается от земледельческой. Она, посредством общения труда, привлекает людей друг к другу, и здесь они живут только в обществе и благодаря обществу, только при постоянных сношениях друг с другом и благодаря этим сношениям. Все потребности в пищевых продуктах и сырье приобретаются покупкой, и лишь самая незначительная часть их произведений служит им для собственного потребления. Благосостояние сельского хозяина стоит в зависимости от природы, тогда как благосостояние и само существование мануфактуриста зависит главным образом от коммерческих сношений. В то время как земледелец не знает даже своих потребителей и мало заботится относительно сбыта своих продуктов, само существование фабриканта или заводчика зависит от его клиентов. Цены на сырье, на пищевые продукты, на ручной труд, на изделия, равно курс денег, изменяются беспрерывно; фабрикант и заводчик никогда не могут знать с точностью, какой будет размер его доходов. Благоприятные естественные условия и обыкновенный труд не обеспечивают еще ему, подобно сельскому хозяину, существования и благосостояния, и то и другое обусловливается его предусмотрительностью и деятельностью. Он должен стремиться к приобретению избытка для того, чтобы быть обеспеченным в самом необходимом, должен стремиться к обогащению себя, чтобы не впасть в бедность. Если он идет вперед несколько быстрее, чем другие, успех его обеспечен, если он идет медленнее, он разорится наверное. Ему необходимо постоянно покупать и продавать, обменивать и торговать. Всюду он должен сталкиваться с разными людьми, с изменяющимися отношениями, с законами и распоряжениями местных властей; он, сравнительно с земледельцем, имеет в сто раз больше случаев развивать свои умственные способности. Чтобы вести свое дело, он должен иметь знакомство с иностранцами и с чужими странами. Чтобы поставить на ноги свое дело, он должен употребить чрезвычайные усилия. В то время как земледелец имеет дело лишь со своими соседями, сношения фабриканта или заводчика распространяются на целые страны и части света. Желание приобрести и поддержать к себе доверие своих сограждан и бесконечная конкуренция, которая грозит его существованию и благосостоянию, постоянно побуждают его к неустанной деятельности и обеспечивают непрерывный успех. Тысячи примеров доказывают ему, что при необычайном напряжении и усилиях можно из самого ничтожного состояния возвыситься до первых слоев общества и что, напротив, вследствие рутины и беспечности можно упасть с высшей социальной ступени на самую низшую. Этот порядок вещей порождает у заводчика и фабриканта энергию, которой никогда не замечается в земледельческом классе.

Если рассматривать совокупность фабрично-заводской деятельности, то прежде всего остановит на себе внимание то обстоятельство, что она развивает и требует несравненно более разнообразных и высших способностей и талантов, чем деятельность земледельческая.

Адам Смит, действительно, и здесь высказал одно из тех парадоксальных положений, которые он, по замечанию его биографа Dudald Stewart, так любил, а именно, он утверждал, что земледелие требует больше искусства, нежели промышленность. Не останавливаясь на исследовании того, что требует более искусства, часовых дел мастерство или ведение сельского хозяйства, мы ограничимся лишь замечанием, что все занятия в сельском хозяйстве одного и того же рода, между тем как фабрично-заводская промышленность представляет бесконечное разнообразие. Не следует забывать, что при указанном сравнении следует принимать во внимание земледелие в его первобытном состоянии, а не то высшее его состояние, в каком оно является под влиянием фабрично-заводской промышленности. Хотя положение английских сельских хозяев и представляется Адаму Смиту гораздо более благородным, чем положение английских фабрикантов, но он в данном случае упустил из вида, что это положение английских сельских хозяев обусловлено влиянием фабрично-заводской промышленности и торговли.

Очевидно, для земледелия необходимы личные способности одного и того же рода, и именно такие, в которых склонность к порядку соединяется с физической силой и настойчивостью в исполнении тяжелых работ, между тем как фабрично-заводская деятельность требует бесконечного разнообразия умственных способностей, талантов и опытности. Запрос на это разнообразие способностей в мануфактурных государствах дает возможность каждому легко находить занятие, соответствующее его дарованию, призванию, между тем как в земледельческих государствах выбор самый ограниченный. В первых государствах умственные дарования ценятся несравненно более, чем во вторых, где обыкновенно способности человека измеряются его физической силой. В государствах мануфактурных труд людей слабых физически, даже уродов, нередко имеет несравненно более цены, чем в государствах земледельческих труд самого сильного человека. Всякая, даже самая незначительная сила, какова сила детей и женщин, калек и стариков, находит в стране мануфактурной занятие и применение.

Фабрично-заводская промышленность — чадо науки и искусства, и она же поддерживает и питает их. Обратите внимание на то, как мало нуждается первобытное земледелие в науках и искусствах, как мало чувствует оно потребности в них при устройстве грубых земледельческих орудий, при помощи которых обрабатывается земля. Правда, первое, что дает возможность человеку посвятить себя наукам и искусствам, — это земледелие, благодаря земельной ренте, которая обеспечивает человека, но при отсутствии фабрично-заводской промышленности науки и искусства остаются уделом каст, и их благодетельное влияние на массы едва заметно. В мануфактурных государствах промышленность масс освещается наукой, а науки в свою очередь, так же, как и искусства, вкушают плоды от промышленности масс. Немного найдется фабрично-заводских предприятий, которые бы не соприкасались с фи-

зикой, механикой, химией, математикой или с искусством рисования и т. д. Нет прогресса, нет открытий и изобретений в области этих наук, которые не улучшали бы или не изменяли бы сотен производств и способов производства. Поэтому в мануфактурном государстве искусства и науки необходимо становятся популярными. Необходимость просвещения и распространения знаний посредством книг и публичных лекций в массах, призванных применять результаты научных исследований, побуждает и специалистов посвящать себя преподаванию и писательской деятельности. Конкуренция таких специалистов, при значительном спросе на их произведения, вызывает разделение и комбинацию научной деятельности, что оказывает благодетельное влияние не только на развитие наук, но и на усовершенствование изящных искусств и промышленной техники. Результаты такого усовершенствования скоро начинают распространяться и на земледелие. Нигде вы не найдете более совершенных сельскохозяйственных машин и орудий, нигде земледелие не ведется с таким пониманием дела, как в странах с цветущей фабрично-заводской промышленностью. Под ее влиянием земледелие возвышается на степень промысла, искусства, науки.

Науки в связи с искусством в промышленности вызвали к жизни ту великую физическую силу, которая для современных нам обществ заменяет вдесятеро работу рабов древности и которая призвана оказывать неизмеримо огромное влияние на положение масс, на цивилизацию варварских стран, на колонизацию стран незаселенных и на могущество наций старой культуры, — это силу машин.

Для мануфактурной нации представляется в сто раз больше случаев воспользоваться силою машин, чем для нации земледельческой. Калека, управляя паровой машиной, может во сто раз больше выполнить работы, нежели самый сильный человек только своими руками.

Сила машин в соединении с усовершенствованными путями сообщения новейшего времени дает мануфактурному государству неизмеримое превосходство над государством исключительно земледельческим. Вполне очевидно, что каналы, железные дороги и пароходство бывают обязаны своим существованием мануфактурной силе и что только благодаря последней они могут распространиться по всему пространству территории. В государстве исключительно земледельческом, где каждый производит большую часть тех предметов, в которых он сам нуждается, и сам потребляет большую часть своих продуктов, где существуют лишь самые незначительные личные сношения и взаимные обмены материальных богатств, не может появиться настолько значительного передвижения людей и товаров, чтобы могли окупаться издержки на устройство и содержание подобных машин.

Новые изобретения и усовершенствования мало ценятся в государствах исключительно земледельческих. Те, которые посвящают себя этому делу, становятся обыкновенно жертвой своих исследований и стремлений; между

тем как в государстве мануфактурном никакой путь не ведет столь быстро к обогащению и к известности, как путь изобретений и открытий. Так, в мануфактурном государстве гений ценится выше и больше вознаграждается, чем талант, талант — выше, нежели физическая сила. В государстве земледельческом, напротив, за исключением государственной службы, обратное отношение является почти правилом.

Но фабрично-заводская промышленность, содействуя развитию умственных сил нации, оказывает не менее сильное влияние и на развитие физической рабочей силы, так как она привлекает рабочих полезностью их труда и поощрением, возбуждая в них стремление работать всеми их силами и пользоваться каждым случаем для проявления этих сил. Неоспорим тот факт, что в цветущих мануфактурных государствах рабочий, независимо от той помощи, какую оказывают ему машины и усовершенствованные орудия, в состоянии за день выполнить несравненно больше работы, нежели в странах исключительно земледельческих.

Уже то обстоятельство, что в мануфактурных государствах время ценится несравненно дороже, чем в земледельческих, свидетельствует, что труд получает более высокое значение именно в государствах мануфактурных. Степень цивилизации народа и ценность рабочей силы самым лучшим образом определяется тем, как ценится там время. Дикарь лениво целый день лежит в своей хижине. Как может придавать цену времени пастух, когда оно служит для него бременем, которое возможно нести потому лишь, что есть свирель и сон. С какой стати будет беречь время раб, крепостной крестьянин, слуга, когда для них работа — наказание, а праздность — их барыш? К признанию цены времени приводит народы прежде всего мануфактурная промышленность. Тогда выигрыш во времени становится выигрышем в прибыли, потеря времени — потерей прибыли. Стремление фабриканта или заводчика возвысить, насколько возможно, цену времени сообщается и земледельцу. Вследствие увеличения под влиянием фабрик и заводов спроса на сельскохозяйственные продукты возвышается доходность имений и ценность земли; в сельскохозяйственное дело затрачиваются капиталы более значительные, потребление увеличивается; приходится извлекать из земли больше продуктов, чтобы оправдать возвысившуюся доходность земли и проценты на затраченный капитал и прийти на встречу возрастающему спросу на сельскохозяйственные произведения. Является возможность возвысить заработную плату, но зато требуется от рабочих больше труда. Рабочий начинает чувствовать, что в своей физической силе и умении применить ее на деле он владеет средством для улучшения своего положения. Он начинает понимать, почему англичанин говорит: время — деньги.

При той изолированности, в какой живет земледелец, и при ограниченности своего умственного развития он мало способен оказывать содействие общей цивилизации или признать важность политических установлений и еще

менее — принимать деятельное участие в общественном управлении и в суде или защищать свою свободу и свое право. Вследствие этого он большей частью находится в зависимости от землевладельца. Всюду нации чисто земледельческие находились или в рабстве, или под гнетом деспотов, феодалов или теократии. Уже одно только обладание землей дает помещику или духовенству над массой сельского населения власть, от которой последнее никак не может избавиться само по себе.

Повсюду, под влиянием сильной привычки, иго, наложенное властью или суеверием, или господством духовенства, проникает в плоть и кровь народов чисто земледельческих, так что впоследствии оно отражается на них так сильно, что они начинают представлять его своей составной частью и необходимым условием их существования.

Напротив, закон разделения операций труда и ассоциации производительных сил с непреодолимой силой влечет фабрикантов и заводчиков друг к другу. Столкновение мнений воспламеняет ум, как трение в мире физическом вызывает искру. Умственное трение (обмен мыслей) происходит там, где есть общежитие, где возникают учащенные деловые, ученые, социальные, гражданские и политические отношения, где происходит значительный обмен материальных благ и идей. Но чем более людей живут в одном и том же месте, чем более каждый из них в своих промыслах нуждается в содействии всех, чем более промышленность каждого требует знаний, осмотрительности, образования, тем менее с деятельностью всех их и с их стремлением к благосостоянию мирится своеволие, беззаконие, притеснение и взяточничество, тем совершеннее гражданские установления, тем выше степень свободы, тем более представляется случаев образовать самого себя или содействовать образованию других. Поэтому везде и во все времена источником свободы и цивилизации были города: в древности — в Греции и Италии, в средние века — в Италии, Германии, Бельгии и Голландии, позднее — в Англии, в новейшее время — в Северной Америке и во Франции. Но города бывают двух родов, из которых одни мы называем производящими, другие — потребляющими. Есть города, которые перерабатывают сырые материалы в мануфактурные изделия, оплачивая ими за потребные им пищевые продукты, доставляемые из деревень. Это мануфактурные города, производящие. Чем более они преуспевают, тем более развивается земледелие страны, и чем более земледелие приобретает сил, тем больше разрастаются мануфактурные города. Но есть также города, в которых живут те, кто потребляет земельную ренту. Во всех более или менее цивилизованных странах большая часть национальных доходов потребляется в городах в виде получаемой земельной ренты. Но было бы несправедливо вообще утверждать, что такое потребление вредит производству или что оно ему не полезно. Возможность обеспечить себе посредством земельной ренты независимое существование служит лучшим побуждением к бережливости, к обращению сбережений на обработку земли и на улучшение

земледелия. Далее, рантье, побуждаемый желанием выделиться между своими согражданами, благодаря своему воспитанию и независимости положения содействует цивилизации, деятельности общественных учреждений, государственной администрации, наукам и искусствам. С другой стороны, степень того влияния, которое оказывает таким образом земельная рента на промышленность, благосостояние и цивилизацию нации, всегда находится в зависимости от достигнутой ею степени свободы. Это стремление быть полезным обществу свободной деятельностью и выделиться в среде своих сограждан развивается лишь в тех странах, где такая деятельность вызывает общественную признательность, общее уважение и дает почетное положение, но никак не в тех странах, где всякое стремление занять выдающееся и независимое положение вызывает подозрительность со стороны власти. В таких странах землевладелец сначала будет предаваться роскоши или праздности и, таким образом, отнесется с презрением к полезной деятельности, будет наносить вред нравственности и скомпрометирует самый принцип производительных сил страны. Если такой землевладелец, в качестве до известной степени потребителя изделий мануфактурной промышленности в городах, поощряет фабрики и заводы, то все-таки такой рост их нельзя считать нормальным, этот рост даст лишь пустоцвет и нездоровые плоды; такие фабрики и заводы мало окажут содействия цивилизации, благосостоянию и свободе нации. Здоровая мануфактурная промышленность вообще обусловливает свободу и цивилизацию, и можно также сказать, что благодаря ей земельная рента из фонда праздности, роскоши и безнравственности становится фондом умственной производительности, что, следовательно, благодаря ей города исключительно потребляющие делаются городами производительными. Другой питательной ветвью потребляющих городов является служилый люд и вообще государственная администрация. Это потребление также может придать городу вид благосостояния, но будет ли такое потребление полезным или вредным для производительной силы нации, для ее благосостояния и ее учреждений зависит исключительно от того, хорошее или дурное влияние служебная деятельность этих потребителей производит на эти силы.

Этим объясняется то, почему в государствах исключительно земледельческих могут быть большие города, которые, несмотря на то что в них живут богатые люди, и невзирая на разнообразие сосредоточенных в них богатых промыслов, оказывают лишь очень незначительное влияние на цивилизацию, свободу и производительность нации. Там промышленные классы необходимо должны разделять взгляды своих клиентов; они являются как бы прислугой земельных собственников и служилого класса. Рядом с огромной роскошью таких городов среди сельского населения бросаются в глаза бедность, нужда, ограниченность ума и раболепство. Благодетельное влияние фабрично-заводской промышленности на цивилизацию, улучшение общественных установлений и на свободу нации вообще проявляется лишь в том случае, ког-

да в стране возникает такая промышленность, которая, будучи независима от землевладельцев и служилого сословия, работает для массы сельского населения или для отпуска своих изделий за границу, предъявляя спрос на большое количество земледельческих продуктов этого населения для переработки их или для собственного потребления. Чем более укрепляется такая здоровая фабрично-заводская промышленность, тем более она будет привлекать на свою сторону те производства, которые были вызваны вышеуказанными потребителями, наравне с рантье и служилыми классами; и тем более будут совершенствоваться в интересах общественных государственные учреждения.

Представьте себе большой город, в котором масса независимых друзей свободы, образованных и богатых, в котором купцы имеют те же интересы и то же положение, в котором рантье чувствуют себя принужденными заручиться уважением общества, в котором государственные чиновники подчинены контролю общественного мнения, где ученые и художники работают для высшего общества и этим приобретают себе средства к существованию; представьте себе всю эту массу умственных и материальных средств, соединенных на столь тесном пространстве; заметьте, как тесно связана эта масса сил законом разделения операций труда и ассоциацией производительных сил; подумайте о том, с какой быстротой должны давать себя чувствовать каждое улучшение, каждый успех в общественных учреждениях и в экономическом и социальном положении, так же как и всякий шаг назад и всякое посягательство на общественные интересы; подумайте, как легко эта масса, живущая в одном и том же месте, может соединиться для общей цели и мероприятий и каким множеством средств сейчас же может она воспользоваться для этой цели; обратите внимание, какая тесная связь существует между таким могущественным, просвещенным и привязанным к свободе обществом и между другими подобного рода обществами той же страны; взвесьте все это, и вы легко поймете, что в сравнении с городами, вся сила которых, как мы это показали, зиждется на благосостоянии фабрик и заводов и связанной с ними торговли, деятельность сельского населения, разбросанного по всей территории страны, может оказывать лишь слабое воздействие на сохранение и улучшение общественного строя.

Преобладающее влияние городов на политический и гражданский строй народа, далеко не вредящее сельскому населению, доставляет последнему неисчислимые выгоды.

Собственный интерес городов заставляет их сделать земледельческое население участниками в их свободе, развитии и благосостоянии, так как, чем больше сумма этих интеллектуальных благ в среде сельского населения, тем больше сумма пищевых продуктов и сырья, которыми оно снабжает города, тем более сумма фабрикатов, которые оно покупает в городах, а следовательно, тем более и благосостояние городов.

Сельское население заимствует у городов энергию, просвещение, свободу и местные учреждения; города же обеспечивают себе обладание свободой и

городскими учреждениями, делая сельское население участником этих приобретений. Земледелие, которое прежде питало лишь господ и рабов, теперь дает обществу самых независимых и энергичных поборников его свободы. При таких условиях и в сельском хозяйстве может проявиться всякая сила. Работник может возвыситься до положения арендатора, а этот последний до положения земельного собственника. Капиталы и пути сообщения, вызываемые и устанавливаемые фабрично-заводской промышленностью, оказывают благотворное влияние на сельскую культуру. Исчезают крепостное право, феодальный порядок, равно как и все узаконения, стесняющие труд и свободу. Землевладелец извлекает тогда в сто раз более доходов из своего леса, чем из своей охоты. Те, которые прежде вследствие незначительности дохода от барщины едва были в состоянии вести грубую деревенскую жизнь, единственное удовольствие которых заключалось в обладании лошадьми и собаками и в охоте, которые поэтому стремились преследовать всякое стеснение подобной жизни как посягательство на их помещичье величие, в настоящее время вследствие увеличения их доходов и выгод свободного труда получили возможность проживать часть года в городах. Здесь зрелища и музыка, искусство и чтение смягчают нравы. Здесь, в общении с художниками и учеными, они научаются почитать ум и талант, из Немвродов делаются образованными людьми.

Взгляд на трудолюбивое общество, в котором каждый стремится к улучшению собственного положения, возбуждает в них также стремление к совершенствованию. Они пускаются в погоню за образованием и идеями, вместо того чтобы гонять оленей и зайцев. Возвращаясь в поместье и служа хорошим примером для средних и мелких сельских хозяев, они приобретают уважение вместо прежнего проклятия.

Чем более процветают фабрично-заводская промышленность и земледелие, тем свободнее становится человеческий ум, тем более места для духа терпимости и тем скорее истинная нравственность и религиозность сменяют ограничение свободы совести. Везде промышленность являлась защитницей терпимости, всюду сделала священника учителем народа и ученым; всюду национальный язык и литература, изящные искусства и гражданские учреждения развивались и совершенствовались рядом с развитием фабрик, заводов и торговли.

С развитием фабрично-заводской промышленности нация становится способной завязать торговлю с менее развитыми нациями, увеличить торговое мореходство, основать морское могущество и обратить избыток населения, через основание колоний, на дальнейшее увеличение национального благосостояния и могущества.

Сравнительная статистика нас учит, что страна, владеющая достаточной и плодородной территорией, на которой полно и равномерно развиваются фабрично-заводская промышленность и сельское хозяйство, может прокормить в

два и три раза большее население и обеспечить ему несравненно большее благосостояние, чем страна исключительно земледельческая. Отсюда следует, что все умственные силы нации, государственные доходы, материальные и моральные средства защиты и гарантия национальной независимости увеличиваются в одинаковой пропорции благодаря процветанию фабрично-заводской промышленности.

В то время, когда техника и механика оказывают такое огромное влияние на ведение войны, когда все военные операции находятся в такой зависимости от состояния государственного казначейства, когда защита страны более или менее обеспечена, смотря по тому, богата или бедна масса населения, развита она или ограниченна, энергична или погружена в апатию, смотря по тому, склоняются ли ее симпатии исключительно к отечеству или частью к чужбине, смотря по тому, какое количество военных сил она может выставить, — в такое время более чем когда-либо значение фабрично-заводской промышленности должно оцениваться с политической точки зрения.

ГЛАВА XVIII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ НАЦИИ

Чем более совершенствуется отдельный человек или общество, тем более они получают возможности пользоваться для своих целей находящимися в их распоряжении естественными силами, тем более расширяется сфера их деятельности.

Зверолов не пользуется и тысячной долей, пастух — и сотой долей тех средств, какие находятся в окружающей его природе. Моря и чужеземные климаты и страны не предоставляют в его распоряжение ни продуктов потребления, ни орудий производства, ни возбуждающих средств к деятельности, или, по меньшей мере, он пользуется всем этим лишь в очень незначительной степени.

При первобытном земледельческом состоянии огромное количество естественных сил лежит непроизводительно; человек в своих отношениях ограничен лишь ближайшим соседством. Вода и ветер как двигательные силы не эксплуатируются; минералы и различные виды почвы, которым фабрично-заводская промышленность умеет придать такую ценность, лежат мертвым капиталом; топливо расхищается или, как например торфяные болота, считается препятствием для культуры; камень, песок, известь как материалы строительные находят лишь ничтожное применение; реки, вместо того чтобы служить путями сообщения и оплодотворять соседние поля, опустошают страну; жаркий пояс и море доставляют земледельческой стране лишь незначительное количество своих продуктов.

Даже важнейшая из производительных естественных сил, производительная способность почвы, и та, не встречая поддержки в фабрично-заводской промышленности, может проявляться лишь в ничтожной степени.

В государстве чисто земледельческом каждая область принуждена производить все для удовлетворения своих потребностей, так как она не в состоянии ни сбывать в большом количестве своего избытка в другие области, ни покупать избытка других областей для пополнения своего недостатка. Как бы страна ни была плодородна, как бы ни была она способна к культуре масличных и красильных растений или кормовых трав, она должна заботиться о насаждении лесов, так как подвоз топлива из далеких горных местностей по неустроенным дорогам обходится слишком дорого. В стране, которая при культуре винограда и огородных растений могла бы втрое или вчетверо повысить свою доходность, обращаются к возделыванию хлеба и кормовых трав. Тот, кто мог бы с особенной выгодой посвятить себя исключительно скотоводству, должен также и откармливать скот, и кто с особенной выгодой мог бы заняться откармливанием скота, принужден заниматься также и скотоводством. Как бы ни было выгодно применять минеральное удобрение (гипс, известь, мергель) или употреблять как горючий материал торф, каменный уголь и т. д. вместо дерева и заняться расчисткой лесов, отсутствие путей сообщения будет преградой для вывоза этих материалов из узкого района их потребления. Как бы велики могли быть выгоды от лугов в долинах, если бы к ним была применена обширная ирригационная система, — а тут разливы рек отрывают и уносят плодородную почву.

С возникновением в стране фабрично-заводской промышленности прокладываются грунтовые дороги и шоссе, строятся железные дороги, роются каналы, на реках возникает судоходство, организуются пароходные линии. Теперь не только те продукты, которые были излишними для страны земледельческой, начинают быть источником доходов, не только необходимая для них рабочая сила призывается к деятельности, и сельское население получает возможность извлекать больше прежнего выгод из находящихся в его распоряжении естественных богатств, но и все минералы, все металлы, которые лежали до сих пор непроизводительно в земле, находят применение и получают ценность. Предметы, которые раньше перевозились лишь за несколько миль, как то: соль, каменный уголь, камень, мрамор, сланец, гипс, известь, лесные материалы и т. д., могут теперь распределяться по всему пространству государства. Подобные предметы, не представлявшие прежде никакой ценности, могут приобрести по отношению к национальному производству такое значение, которое далеко превзойдет значение всей прежней доходности от земледелия. Теперь всякий падающий кубический дюйм воды исполняет свою работу, дерево и горючие материалы, для которых раньше не умели найти никакого применения, теперь в промышленной стране получают цену даже в отдаленнейших местностях.

Возникновение фабрично-заводской промышленности создает спрос на массу пищевых продуктов и всякого сырья, для добывания которых могут быть возделаны поля известных местностей с несравненно большей выгодой, чем для производства хлебного зерна, обыкновенно главного предмета производства страны чисто земледельческой. Возникающий спрос на молоко, масло и мясо требует более производительного пользования теми пространствами, которые прежде были простыми пастбищами, вызывает уничтожение залежей и устройство ирригационных сооружений. Спрос на плоды и овощи превращает поля в огороды и плодовые сады.

Потеря, которую несет государство исключительно земледельческое, не пользуясь этими естественными производительными силами, будет тем значительнее, чем более в нем благоприятных условий для фабрично-заводской промышленности и чем более его территория изобилует теми сырыми материалами, которые потребны главным образом для фабрикантов и заводчиков; эта потеря особенно значительна поэтому для стран гористых и холмистых, в которых не может развиться в обширном размере земледелие, но которые изобилуют силой воды, минералами, деревом, камнем — материалами, столь необходимыми для фабрично-заводской промышленности, материалами, которые дают землевладельцу возможность посредством доставки этих предметов идти навстречу потребности в них для фабрик и заводов.

Страны умеренного пояса почти исключительно одарены благоприятными условиями для развития фабрично-заводской промышленности. Умеренная температура воздуха несравненно более жары содействует развитию и напряжению сил. Суровость зимы, которая поверхностному наблюдателю кажется неблагосклонностью природы, как нельзя более содействует напряженной деятельности и приучает к предусмотрительности, порядку и бережливости. Человек, которому земля в течение шести месяцев не дает никаких плодов и которому, однако, нужны значительные запасы продовольствия для себя и для скота во время зимнего времени, равно теплая одежда для защиты от холода, не может не быть трудолюбивее и бережливее того, которому нужна защита только от дождя и у которого плоды зреют под боком в течение целого года. Нужда вызывает трудолюбие, бережливость, любовь к порядку и предусмотрительность, и вследствие привычки и воспитания все это становится для человека второй натурой. Труд и бережливость идут рука об руку с нравственностью, как с апатией и расточительностью — безнравственность, а то и другое становится источником либо силы, либо слабости.

Но нация чисто земледельческая, живущая в умеренном поясе, оставляет вследствие того без употребления огромную часть своих естественных источников богатства.

Школа, которая при исследовании влияния климата на производство богатств не различает земледелие от фабрично-заводской промышленности по отношению к выгодам или к неудобствам протекционной системы, впадает в

тяжкие заблуждения, раскрыть которые мы считаем здесь необходимым, хотя это и было уже сделано нами в общих чертах прежде.

Чтобы доказать, что стремление к производству всех продуктов в одной и той же стране не имеет смысла, господствующая школа ставит вопрос: было ли бы благоразумно, если бы Англия и Шотландия вздумали заняться виноделием в теплицах? Вино, конечно, было бы получено, но оно было бы более дурного качества и стоило бы несравненно дороже того, которое Англия и Шотландия приобретают в обмен на свои фабричные изделия. Для тех, кто не желает или не может глубже вникнуть в сущность вещей, такой аргумент неотразим, и ему-то школа обязана той популярностью, которой она пользуется, по крайней мере, в среде значительной части французских виноделов и фабрикантов шелка и в среде североамериканских владельцев хлопчатобумажных плантаций и коммерсантов, ведущих торговлю хлопком. Но при ближайшем рассмотрении аргумент этот оказывается фальшивым в самом корне, так как ограничения торговых сношений оказывают на земледелие совершенно не то влияние, как на фабрично-заводскую промышленность.

Посмотрим сначала, какое влияние оказывают они на земледелие.

Если Франция запретит ввоз к себе скота и хлеба из Германии, то каков будет результат этой меры? Прежде всего в таком случае Германия будет лишена возможности покупать французские вина. Франция, таким образом, настолько меньше будет извлекать выгод из своих земельных участков, пригодных к возделыванию винограда, насколько она своими запретительными мерами стеснит вывоз своего вина. Точно так же спрос на местные сельские продукты, необходимые для потребностей лиц, специально занятых обработкой виноградников, уменьшится вследствие уменьшения их числа. Все, что было сказано по поводу производства вина, вполне приложимо и к выделке масла. Значит, Франция потеряет гораздо более во всех других отраслях сельской промышленности, чем выиграет в одной, поощряя запретительными мерами развитие скотоводства, т. е. такие отрасли сельской промышленности, которые, не развиваясь в стране непосредственно сами по себе, тем самым обнаруживают свою искусственную культуру и невыгодность в данной местности.

Итак, вот что выйдет, если рассматривать Францию и Германию как две страны исключительно земледельческие и если предположить, что Германия, в свою очередь, не обратится к запретительным мерам. Но такая политика окажется еще вреднее, если принять в соображение, что Германия, повинуясь непреодолимой силе ее собственных интересов, тоже обратится к подобным мерам, если предположить, что Франция есть страна не только земледельческая, но и мануфактурная. Тогда Германия обложит высокими пошлинами не только вина, но и все те земледельческие продукты Франции, которые она или сама может производить, или без которых может более или менее обойтись, или же, наконец, которые она может получить из других стран; кроме того, она строго ограничит ввоз тех изделий фабрично-заводской промышленности, которые в настоящее

время она не в состоянии производить сама с выгодой для себя, но может получить их из какой-либо другой страны, кроме Франции. Таким образом, ущерб, который навлекла на себя Франция, обратясь к репрессивным мерам, будет в два или три раза значительнее тех выгод, которые они ей принесли.

Очевидно, что культурой винограда, оливкового дерева и фабрично-заводской промышленностью может заниматься во Франции лишь то число людей, которым для прокорма и работы будет достаточно пищевых продуктов и сырья, произведенных самой Францией или же ввезенных ею из-за границы.

Таким образом, мы видели, что ограничительные таможенные меры не усиливают земледелия, а только переносят его из одной части страны в другую.

Если бы предоставили свободное движение торговле продуктами, соперничающими между собой, то ввоз этих продуктов, а следовательно, вывоз вина, масла и изделий мануфактурной промышленности, постоянно бы увеличивался, и в то же время население постоянно было бы занято возделыванием вина, масла и производством предметов мануфактурной промышленности благодаря, с одной стороны, тому, что оно получало бы в постоянно возрастающей пропорции пищевые продукты и сырье, а с другой — потому, что увеличивался бы спрос на его произведения. Прирост населения вызвал бы более значительный спрос на пищевые продукты и сырье, которые не привозятся из-за границы, так как это невыгодно, а производятся земледельческим населением страны, составляя как бы естественную монополию. Следовательно, земледельческая страна реализовала бы гораздо больше барышей. Спрос на земледельческие продукты, для добывания которых почва Франции особенно пригодна, превысил бы, под знаменем свободы, спрос, искусственно созданный запретительными мерами.

Один земледелец не потерял бы того, что другой выиграл, земледелие страны в его целом было бы в выигрыше, а еще более фабрично-заводская промышленность.

Таким образом, меры ограничения не только не увеличили земледельческое могущество страны, но, напротив, уменьшили его, и она, кроме того, уничтожила то фабрично-заводское могущество, которое развивалось вследствие одновременного увеличения земледелия в стране и ввоза пищевых продуктов и сырья из-за границы. Этими мерами достигли только возвышения цен в пользу земледельцев данной местности, но во вред другим, и в особенности во вред совокупным производительным силам обеих стран.

Непригодность этих мер в торговле земледельческими продуктами еще яснее в Англии, чем во Франции.

Правда, что хлебные законы вызвали усиленную обработку неплодородной земли на обширном пространстве, но это еще вопрос — остались ли бы эти земли необработанными без помощи хлебных законов.

Чем более Англия ввозила бы шерсти, строевого леса, скота и хлеба и чем более она высылала бы на рынок предметов фабричного производства,

тем более увеличилось бы благосостояние ее рабочих классов. И очень может быть, что Англия удвоила бы, таким образом, число своих рабочих. Каждый из них, в частности, пользовался бы лучшим помещением, скорее мог бы разбить себе садик для собственного отдыха и нужд хозяйства и мог бы кормить себя и свою семью гораздо лучше и сытнее. Очевидно, что такой сильный прирост рабочего населения, увеличение его благосостояния и продуктов первой необходимости вызвали бы громадный спрос на те предметы первой необходимости, производство которых является природной монополией данной страны; и более чем вероятно, что при такой системе действий неплодородных земель обрабатывалось бы вдвое, втрое больше, чем это делалось бы при противоестественных мерах ограничений. Легко убедиться в этом, обратив внимание на земельное хозяйство в окрестностях каждого большого города. Как бы велико ни было количество выписываемых этим городом продуктов издалека, вы на расстоянии больше чем мили не найдете хотя бы куска необрабатываемой земли, как бы он ни был неплодороден. Пусть будет там воспрещен ввоз зерновых хлебов из отдаленных местностей и этой мерой достигнут только уменьшения народонаселения, его промышленности и благосостояния и заставят окрестных землевладельцев приняться за менее выгодные занятия.

Отсюда ясно, что мы совершенно согласны с господствующей теорией. Школа совершенно права, поддерживая положение, что самая широкая свобода торговли земледельческими произведениями, во всяком случае, приносит выгоды как отдельным личностям, так и государству вообще. Правда, производство страны может быть усилено запретительными мерами, но проистекающие отсюда выгоды только кажущиеся — не больше. Таким способом, говорит школа, дают лишь менее выгодное направление труду и капиталу. Но фабрично-заводская промышленность подчиняется другим законам, чего школа, к несчастью, не заметила.

Если, с одной стороны, система ограничений, приложенная к ввозу земледельческих произведений, вредит, как мы это видели, употреблению богатств и естественных сил страны, то, с другой стороны, приложенная к ввозу предметов фабрично-заводской промышленности в страну населенную, достаточно образованную и уже окрепшую, она призывает к жизни и деятельности массу естественных сил, которые в стране чисто земледельческой остаются всегда в бездействии. Если система ограничений по ввозу земледельческих продуктов останавливает развитие производительных сил страны не только в фабрично-заводской промышленности, но еще и в земледелии, то фабрично-заводская промышленность, созданная в стране с помощью ограничения ввоза фабрично-заводских изделий, оживляет сельскую промышленность совсем иначе, чем самая деятельная внешняя торговля. Если ввоз земледельческих продуктов ставит иностранца в зависимость от нас и отнимает у него средство самому заниматься этим производ-

ством, то мы сами благодаря ввозу продуктов фабрично-заводской промышленности становимся в такую же зависимость от него и, таким образом, лишаем себя средств сделаться фабрикантами.

Если ввоз пищевых продуктов и сырья лишает иностранца занятия и возможности прокормиться, то ввоз фабрикатов в нашу страну останавливает в одинаковой степени прирост населения и лишает его работы. Если ввоз пищевых продуктов и сырья распространяет влияние нашей страны на целый свет и дает нам возможность войти в торговые отношения со всеми народами, то ввоз фабрикатов ставит нас в зависимость от более развитой в фабрично-заводском отношении страны, которая может тогда обходиться с нами, как пожелает, точно так же, как это делает Англия с Португалией.

Одним словом, история и статистика подтверждают справедливость правила, формулированного министрами Георга I: что народы тем богаче и могущественнее, чем более вывозят продуктов фабрично-заводской промышленности и ввозят пищевых продуктов и сырья. Можно установить, как правило, что целые народы погибли из-за того только, что вывозили пищевые продукты и сырье, а ввозили исключительно продукты фабрично-заводской промышленности.

Монтескье, который лучше чем кто-либо до и после него понимал уроки, которые история человечества дает законодателям и государственным людям, прекрасно сознавал эту истину, невзирая на то, что в его время политическая экономия далеко не подвинулась так впредь, чтобы ясно выразить основы этой истины.

В противность химерической системе физиократов он доказывал, что Польша была бы гораздо счастливее, если бы совершенно отказалась от внешней торговли, т. е. если бы создала у себя фабрично-заводскую промышленность, обрабатывала бы свое сырье и потребляла свои пищевые продукты.

Польша только благодаря развитию фабрично-заводской промышленности, при посредстве свободных городов могла бы достичь сильной внутренней организации, иметь национальную промышленность, свободу и богатство, могла бы сохранить свою независимость и поддерживать свой политический перевес над соседними менее развитыми народами. Вместо того чтобы ввозить изделия фабрично-заводской промышленности, она (как Англия в то время, когда она находилась в аналогичном положении) должна была бы ввозить из-за границы капиталы и фабрикантов. Но дворянство ее предпочитало отпускать за границу бедные плоды труда своих крепостных и одеваться в более дешевые и красивые заграничные одежды. Теперь его потомство могло бы ответить на вопрос: нужно ли советовать нации покупать иностранные фабрикаты в то время, когда ее собственные фабрики еще не достаточно окрепли для того, чтобы соперничать с другими государствами в цене и качестве произведений. Пусть дворянство других наций вспомнит свое прошлое каждый раз, когда ему придет в голову возвратить-

ся к прежнему феодальному порядку; пусть оно в таком случае обратит внимание на английское дворянство, чтобы понять, какую цену для крупного земледелия представляют окрепшая фабрично-заводская промышленность, гражданская свобода и богатство городов.

Не углубляясь в исследование вопроса о том, были ли в состоянии выборные короли Польши ввести торговую систему, подобную той, какую исподволь установили наследственные короли Англии, позволим себе предположить, что они это выполнили; не ясно ли, что такая система принесла бы польской национальности богатые плоды? Благодаря большим и промышленным городам королевство стало бы наследственным, дворянству удобнее было бы принять участие в законодательстве в верхней палате и освободить своих крепостных; земледелие развилось бы так же, как в Англии, польское дворянство было бы теперь богато и почетно, и Польша была бы достаточно могущественна, хотя, может быть, и не в такой степени, как Англия, для того чтобы распространить свое влияние на отсталые народы Востока. Лишенная фабрично-заводской промышленности, она распалась на части. Сама собой она не стала промышленной страной и не могла бы стать такой, потому что ее силы были бы постоянно парализуемы опередившими ее в развитии нациями. Без протекционной системы и под влиянием свободной торговли с более культурными народами, предположив, что она сохранила бы свою самостоятельность до наших дней, она могла бы дойти лишь до захиревшего земледелия, не стала бы богатой и могущественной и не приобрела бы никакого политического влияния.

Тот факт, что фабрично-заводская промышленность превращает в производительные капиталы массу естественных сил и богатств, в значительной степени объясняет, почему протекционные меры влияют так могущественно на увеличение народного богатства. Проистекающее отсюда благосостояние — вовсе не химера, каковой являются последствия ограничительных мер, примененных к земледелию, — а чистая действительность. И по преимуществу земледельческий народ с того времени, когда он обращается к промышленности, вызывает к жизни до тех пор мертвые силы и придает ценность тем естественным богатствам, которые были совершенно обесценены.

***

Давно известно из наблюдений, что человек, и даже животное, совершенствуется физически и умственно посредством скрещивания рас и мало-помалу вырождается благодаря постоянному совершению браков в тесном кругу семейств, точно так же, как вырождается зерно, которым засевают один и тот же участок земли.

Этот же закон объясняет нам, почему во многих, но малочисленных диких или полудиких племенах Азии и Африки мужчины выбирают себе жен из чужого племени. Точно так же прекрасным подтверждением этого закона, мне кажется, служит опыт олигархов в маленьких муниципальных республиках, где, совершая браки всегда между собой, они почти на глазах вымирают или вырождаются.

Нельзя отрицать, что от соединения двух различных рас, почти без исключения, потомство выходит крепким и красивым; это замечание равно относится к скрещиванию белой и черной рас в третьем или четвертом поколении. Мне кажется, что по той же причине народы, происшедшие от частого, так сказать, освежения всей нации подобными скрещиваниями, превосходят другие нации силой ума и характера, крепостью и красотой тела[89].

Отсюда, кажется, мы вправе заключить, что люди вовсе не должны быть неизбежно так тяжелы на подъем, мешковаты и умственно ленивы, как те, которые живут под режимом тяжелого хлебопашества в маленьких селах, где ограниченное число семей в течение целых веков заключало браки только между собой, где в течение целых веков не появлялось ни одного новатора, где никому не приходило в голову изменить свои одежды, ввести новое орудие обработки или воспитать в себе новые идеи; где верх искусства заключается не в развитии своих умственных и физических сил для достижения возможно больших благ, а в способности вынести как можно больше лишений.

Этот порядок изменился в пользу улучшения человеческого рода в целой стране благодаря развитию фабрично-заводской промышленности. Громадная часть прироста земледельческого населения обращается к этой промышленности, и земледельцы различных местностей соединяются брачными узами между собой и с фабричным людом; таким образом, моральная, интеллектуальная и физическая апатия населения останавливается в своем развитии. Устанавливаемые фабрично-заводской промышленностью и проистекающие из нее торговые сношения между различными странами и местностями вливают новую кровь в целую нацию, в каждую общину и семью.

Фабрично-заводская промышленность оказывает не меньшее влияние на улучшение породы домашних животных. Везде, где процветали фабрики шерстяных материй, порода овец быстро и значительно улучшалась. Также землевладелец позаботится об улучшении породы рогатого скота там, где масса лиц, занятых фабричным производством, требует большого количества хорошего мяса. Настоятельный спрос на чистокровных лошадей непременно вызовет заботы об улучшении конской породы.

Выродившиеся в селах благодаря недостатку скрещивания породы домашних животных, бывшие совсем под стать своим глупым хозяевам, при таких условиях исчезают бесследно.

Производительные силы народов уже многим обязаны ввозу иностранных животных, связанному с улучшением местных пород, но еще больше следует потратить трудов на это дело. Известно, что шелковичные черви и все шелковое производство в Европе произошли из нескольких яичек, привезенных в Константинополь в царствование Константина греческими монахами из Китая, где вывоз шелковичных червей был строго воспрещен. Блистательной шерстяной мануфактурой Франция обязана ввозу тибетских коз. Приходится лишь пожалеть о том, что при ввозе животных из разных стран и при улучшении местных пород имелось в виду главным образом удовлетворение потребностям роскоши, а не развитие благосостояния массы. Путешественники уверяют, что в некоторых местностях Азии есть особая порода рогатого скота, у которой необыкновенная сила соединяется с быстротой бега, так что она с успехом могла бы заменить лошадь для езды и работы. Какую бы громадную пользу имели мелкие землевладельцы, если бы это животное было ввезено в Европу! Во сколько раз увеличились бы масса продовольствия, производительные силы и вообще благосостояние рабочего класса!

Улучшение и натурализация растительного царства в стране увеличивают гораздо более производительные силы народа, чем улучшение и натурализация животных. Разница при сравнении примитивных растений в том виде, как они являются на лоне природы, с теми их видами, которые прошли культуру, бросается в глаза. Как мало хлебные зерна, плоды, овощи и маслянистые растения первоначального вида походят как по внешности, так и по качеству на виды их, облагороженные культурой! Сколько они доставляли источников для питания, сколько удобств, сколько случаев полезному применению производства их! Картофель, репа, искусственные луга, обработанные с помощью удобрения и земледельческих орудий, удесятерили результаты хлебопашества сравнительно с теми, которые получают еще теперь азиатские народы.

Наука уже много поработала над изысканием новых растений и над улучшением их, но в интересах экономии правительства посвятили до сих пор этому делу далеко не столько внимания, сколько оно заслуживает. Еще не так давно, говорят, открыли в Северной Америке особый сорт травы, которая может дать на наихудшей почве гораздо больший доход, чем лучшие до сих пор известные кормовые травы на самой хорошей. Очень может быть, что в Америке, Африке, Азии и Австралии существует масса не известных еще науке трав, которые, переложенные и улучшенные на европейской почве, могли бы принести громадную пользу благосостоянию жителей умеренного пояса.

Очевидно, что все старания улучшить и натурализовать различные виды растительного царства и царства животных, все открытия в этом направлении, а также все другие успехи и изобретения клонятся главным образом к пользе государств умеренного климата вообще и промышленных стран в частности.

ГЛАВА XIX. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ СИЛЫ, ИЛИ МАТЕРИАЛЬНЫЕ КАПИТАЛЫ, СТРАНЫ

Нация черпает свою производительную энергию из умственных и физических сил отдельных лиц, или из социального положения и учреждений гражданских и политических, или из находящихся в их распоряжении естественных богатств, или, наконец, из тех орудий, которыми они располагают и которые являются сами по себе вещественными результатами предыдущих умственных и физических усилий, т. е. материальным капиталом земледельческим, мануфактурным и коммерческим.

В двух предыдущих главах мы трактовали о влиянии фабрично-заводской промышленности на три первых источника производительных сил страны; настоящая же глава и следующая посвящены влиянию этих источников на производительные силы.

То, что мы разумеем под термином «инструментальная сила», школа называет капиталом.

Совершенно безразлично, каким словом обозначается известный предмет, но при научном изложении необходимо, чтобы избранный термин означал всегда одно и то же понятие, ни больше ни меньше.

Всякий раз, когда заходит речь о разных видах одного и того же предмета, различение является необходимым. Так, школа под словом «капитал» разумеет не только материальные, но умственные и социальные средства производства. Таким образом, очевидно, что везде, где речь идет о капитале, необходимо нужно присовокуплять, о каком капитале говорится; о материальном капитале, материальных орудиях производства или об умственном капитале, нравственных и физических силах, будут ли они личными или будут черпаться отдельными лицами из социального, гражданского или политического положения. Пренебрежение этим различием в тех случаях, где оно должно иметь место, необходимо приведет или к ложному выводу, или послужит прикрытию неправильной системы доказательств. Впрочем, так как мы задались целью не столько выработать новую терминологию, сколько указать на те ошибки, которые произошли от ее неудовлетворительности, то и мы сохраним термин «капитал», но строго будем различать понятия капиталов: умственного и материального, материального земледельческого, промышленного и коммерческого, частного и национального.

Адам Смит с помощью неопределенного термина «капитал» приводит против протекционной системы следующее доказательство, которое до сих пор удерживается всеми его учениками:

«Страна действительно может при помощи таких (таможенных) мероприятий развить ту или другую отрасль мануфактурной промышленности

скорее, нежели без этих мероприятий, и через некоторый промежуток времени эта отрасль будет производиться в стране так же дешево и даже дешевле, чем за границею. Но если национальная промышленность благодаря этим мероприятиям и могла бы раньше вступить на тот путь, на который она без их помощи вступила бы позднее, то отсюда вовсе еще не следует, чтобы промышленность во всем ее объеме или доходы общества могли увеличиваться благодаря таким мероприятиям. Промышленность общества может увеличиваться лишь по мере увеличения его капитала, а этот капитал может увеличиваться только по мере постепенных сбережений доходов общества. Но так как непосредственно результатом протекционной системы является уменьшение общественных сбережений, то несомненно, что то, что уменьшает сбережения общества, без сомнения, не может увеличить его капиталы быстрее того, как бы он увеличился сам по себе, если бы оставили капитал и промышленность искать их естественное назначение»[90].

В подтверждение этого соображения основатель школы приводит уже знакомый нам из предыдущей главы пример: насколько было бы бессмысленно, если бы Шотландия вздумала заниматься виноделием.

В той же главе он говорит, что ежегодный доход общества есть не что иное, как меновая ценность того, что в течение года производит национальная промышленность.

Этот аргумент является главным доказательством школы против протекционной системы. К этому школа присовокупляет, что благодаря протекционным мерам фабрики и заводы могут достичь цветущего положения и могут по дешевизне производства сравняться с заграничными и даже превзойти их; но она утверждает, что непосредственным результатом этих мероприятий является уменьшение доходов общества (меновой ценности тех предметов, которые ежегодно производит национальная промышленность). Таким образом, общество будто бы ослабляет свою способность к приобретению капиталов, так как капитал образуют сбережения, которые нация делает из своих ежегодных доходов; но развитие национальной промышленности обусловливается будто бы количеством капиталов и может увеличиваться соразмерно с последними. Итак, общество благодаря этим мерам ослабляет свои промышленные силы, развивая промышленность, которая возникла бы естественным путем, если бы она была предоставлена собственным своим силам.

Прежде всего против таких рассуждений нужно заметить, что Адам Смит принимает здесь слово «капитал» в том же значении, в каком его обыкновенно принимают рантье и купцы при ведении своих книг и подведении балансов, т. е. в значении общей суммы из меновых ценностей в противоположность получающимся с этих ценностей доходам. Он забыл, что он сам в своем определении капитала разумеет под этим термином умственные и физические способности производителей.

Он ошибочно утверждает, что доходы нации обусловливаются исключительно суммой ее материальных капиталов; однако в его собственном сочинении имеется масса доказательств того, что эти доходы обусловливаются главным образом ее умственными и физическими силами и ее социальным и политическим прогрессом (в особенности же полным разделением труда и ассоциацией национальных производительных сил) и что если протекционные меры вызывают временную потерю материальных богатств, то эта потеря во сто крат вознаграждается производительными силами и способностью к приобретению меновых ценностей; следовательно, эта потеря является лишь воспроизводительной затратой нации.

Он забывает, что способность целой нации к извлечению материальных капиталов заключается главным образом в искусстве превращать остающиеся непроизводительными естественные силы в материальные капиталы и в ценные и производительные орудия и что у нации чисто земледельческой покоится непроизводительно и в бездействии масса естественных сил, которым может сообщить жизнь лишь фабрично-заводская промышленность. Он не обращает внимания на влияние фабрично-заводской промышленности на внешнюю и внутреннюю торговлю, на цивилизацию и могущество нации и на поддержание ее независимости, а равно как и на вытекающую отсюда способность к приобретению материальных богатств.

Не принимает он также во внимание, например, то, какую массу капиталов англичане получили благодаря своим колониям. (Мартин исчисляет всю сумму свыше 2 ½ млрд фунтов стерлингов.) Он, который в одном месте с такой ясностью доказывает, что капиталы, употребленные на международную торговлю, не должны быть рассматриваемы как собственность нации, в частности до тех пор, пока они не будут, так сказать, вложены в родную землю, совершенно упускает из виду, что такое помещение капиталов может иметь место только при помощи покровительства, оказываемого туземным фабрикам и заводам. Он не принимает в соображение того, что находящаяся на высокой степени развития при помощи покровительства фабрично-заводская промышленность является приманкой, привлекающей в эту страну иноземные капиталы, как умственные, так и материальные.

Он ошибочно утверждает, что фабрично-заводская промышленность поднялась бы сама собой, естественным путем, тогда как правительство каждой страны проявляет здесь свое вмешательство, искусственно изменяя направление этого естественного пути в частных интересах этой промышленности.

Этот аргумент, покоящийся на двусмысленности и потому совершенно ложный в основании, он подкрепляет не менее ложным примером, говоря, что желание создать промышленность искусственным путем было бы так же бессмысленно, как желание таким же образом производить вино в Шотландии.

Процесс образования капиталов в нации он приписывает операциям рантье, доходы которого стоят в зависимости от ценности его материальных капиталов и который не может увеличить последние иначе, как прибавить к ним свои сбережения.

Говоря это, он не соображает, что теория сбережений, годная для какой-нибудь купеческой конторы, примененная в стране, привела бы нацию к бедности, варварству, немощи и распадению.

Там, где всякий ради сбережений лишает себя всего, насколько это возможно, там не может быть стимула к производству. Там, где всякий стремится к накоплению меновых ценностей, необходимая для производства умственная сила исчезает. Состоящая из таких сумасшедших скупцов нация отказалась бы от защиты отечества, чтобы только избежать издержек войны; и когда все ее состояние сделалось бы добычей неприятеля, тогда только она поняла бы, что национальные богатства приобретаются совсем иным путем, чем богатства рантье.

Сам рантье, как глава семьи, должен следовать совсем иной теории, чем конторская теория материальных меновых ценностей, которую я только что изложил. Он должен — и это самое меньшее — истратить на образование своих наследников то количество меновых ценностей, какое необходимо для подготовки их к управлению оставляемой им собственности.

Образование национальных капиталов происходит вовсе не посредством только сбережений, как это бывает у рантье, а посредством вообще взаимодействия производительных сил между умственным и материальным национальным капиталом и между капиталами земледельческим, мануфактурным и коммерческим.

Увеличение материальных капиталов нации зависит от увеличения ее умственного капитала и обратно.

Создание материальных земледельческих капиталов стоит в зависимости от создания материальных капиталов фабрично-заводской промышленности и обратно.

Материальные коммерческие капиталы являются везде, так сказать, посредниками между этими двумя капиталами или в качестве их помощников.

В примитивном состоянии человека, в его охотничьей и пастушеской жизни, природа снабжает его почти всем необходимым, и капитал не играет почти никакой роли. Внешняя торговля увеличивает капитал, но, вызывая употребление огнестрельного оружия, пороха и свинца, она совершенно уничтожает производительность природы. Теория сбережений не была бы годна для охотника; при этой теории ему пришлось бы или погибнуть, или быть пастухом.

В пастушеской жизни материальный капитал вырастает быстро, но пропорционально количеству корма для скота, который может дать природа. Но увеличение населения следует непосредственно за увеличением скота и

средств продовольствия. С одной стороны, скот и пажити распределяются на все более мелкие части, а с другой — внешняя торговля усиливает потребление. Проповедовать теорию сбережений народу, занимающемуся скотоводством, было бы совершенно бесполезно; он должен был бы или жить в нищете, или перейти к земледелию.

Земледельческому народу благодаря употреблению в дело массы мертвых сил природы открывается широкое, хотя, конечно, ограниченное поле деятельности.

Земледелец может получить пищевые продукты для собственного потребления и сверх того может улучшать производительность своих полей и увеличивать стада. Но везде увеличение пищевых продуктов сопровождается непременным приростом населения. Материальные капиталы, особенно земля и скот, по мере увеличения плодородности первого и численности второго распределяются между большим количеством населения. Но так как земельная площадь не может быть увеличена трудом и данный участок земли не может обрабатываться так, как того требует его особенность, благодаря недостатку путей сообщения, которые, как мы это видели в одной из предыдущих глав, за отсутствием торговых сношений всегда в дурном состоянии; и так как народ чисто земледельческий в большинстве случаев нуждается в тех орудиях производства, в тех знаниях, стимулах, энергии и социальном развитии, которыми награждают общество фабрично-заводская промышленность и проистекающая из нее торговля, — то народ чисто земледельческий скоро доходит до того положения, когда увеличение материально-земледельческого капитала уже не в состоянии идти наравне с приростом населения и, следовательно, когда бедность населения растет день от дня, хотя коллективный национальный капитал не перестает увеличиваться. При таком порядке вещей самая продуктивная сила нации — человек, будучи не в состоянии вести в стране мало-мальски сносное существование, переселяется за границу. И стране вовсе неутешительно то, что школа рассматривает человека как коллективный капитал, так как выселение жителей за границу повлечет за собой не приток, а непроизводительную убыль вещественных ценностей в виде движимости, денег и т. п.

Понятно, что при том порядке вещей, когда разделение национального труда недостаточно развито, ни труд, ни сбережения не могут увеличить материального капитала или материально обогатить население.

Нет сомнения, что земледельческая страна редко не ведет внешней торговли, а внешняя торговля в отношении увеличения капитала до известной степени заменяет туземную фабрично-заводскую промышленность, завязывая отношения между чужеземными мануфактуристами и туземными земледельцами. Но эти сношения далеко не достаточны, во-первых, потому, что относятся только до специальных продуктов и не простираются да-

лее морского берега и судоходных рек; во-вторых, потому, что они, во всяком случае, неправильны и часто прекращаются и войной, и колебаниями торговли, и таможенными пошлинами, и наконец, обильными урожаями или значительным ввозом из другой страны.

Материальный капитал земледельца увеличивается быстро, правильно и бесконечно только тогда, когда в земледельческой стране возникает во всеоружии фабрично-заводская промышленность.

Самая большая часть материального капитала нации вложена в землю. В каждой стране ценность земельной собственности, сельской и городской недвижимости, мастерских, фабрик, водяных сооружений, копей и т. д. составляет от двух третей и до девяти десятых всех национальных богатств; значит, в принципе надо предположить, что все то, что увеличивает или уменьшает ценность земельной собственности, также увеличивает или уменьшает силу материальных капиталов нации. Таким образом, мы видим, что ценность различных земельных участков одинаково плодородных несравненно больше в соседстве города, чем в отдаленной местности, вблизи большого города, чем маленького, и в стране с развитой фабрично-заводской промышленностью, чем в стране земледельческой.

С другой стороны, мы замечаем, что ценность жилых зданий или фабрик, а также пустопорожних мест в городе, годных под постройки, падает или поднимается вообще в зависимости от расширения или сокращения сношений города с деревней или от материального благосостояния или бедности земледельческого населения. Следовательно, увеличение земледельческого капитала зависит от увеличения мануфактурного и обратно.

Но при переходе от состояния чисто земледельческого к состоянию фабрично-заводской промышленности это обоюдное влияние оказывается гораздо сильнее со стороны фабрично-заводской промышленности, чем со стороны земледелия; ибо так же, как при переходе от охотничьего промысла к скотоводству рост капитала происходит главным образом от быстрого увеличения стад скота и при переходе от скотоводства к земледелию зависит главным образом от быстрого приобретения новых плодородных земель и излишка пищевых продуктов; точно так же при переходе от чистого земледельческого хозяйства к фабрично-заводской промышленности материальный капитал увеличивается благодаря употребленным в дело ценностям и силам, так как значительное количество естественных и умственных сил, до тех пор бывших бесполезными, обращено, таким образом, в материальные и интеллектуальные капиталы. Созданная в стране фабрично-заводская промышленность, вовсе не мешающая материальным сбережениям, дает возможность нации выгодно помещать сбережения от земледелия и является даже стимулом к таким сбережениям. В законодательных собраниях Северной Америки часто было говорено о том, что хлеб благодаря отсутствию сбыта гниет на корню, так как не стоит издержек, сопря-

женных с жатвой. Говорят, что Венгрию, так сказать, преследуют обильные урожаи, между тем как продукты фабрично-заводской промышленности стоят там в три или четыре раза дороже, чем в Англии. Сама Германия в своем прошлом может отыскать подобный пример. Значит, излишек сельских произведений в странах чисто земледельческих еще не составляет материального капитала; и только с помощью фабрично-заводской промышленности, собранный в магазинах, он становится коммерческим капиталом, а с помощью продажи фабрично-заводскому населению становится капиталом мануфактурным.

То, что в руках земледельцев было бы бесполезным запасом, становится производительным капиталом в руках фабрикантов и заводчиков и наоборот.

Производство рождает потребление, а потребление возбуждает производство.

Страна чисто земледельческая в отношении потребления зависит от положения других стран, и если это положение ей неблагоприятно, то вызванное потреблением производство уничтожается. Но у нации, обладающей на своей территории и фабрично-заводской промышленностью и земледелием, взаимодействие между производством и потреблением не перестает существовать, и, таким образом, возрастание производства происходит с обеих сторон, как и увеличение капиталов.

В нации земледельческой и одновременно мануфактурной, гораздо более богатой по вышеизложенным причинам вещественными капиталами, чем нация чисто земледельческая, бросается в глаза то, что проценты за пользование капиталом невелики, предприниматели могут иметь в своем распоряжении более значительные капиталы и на более выгодных условиях. Отсюда — преимущество в борьбе с новыми фабриками земледельческой нации, отсюда — постоянный наплыв изделий из мануфактурной страны в земледельческую, отсюда — постоянная задолженность земледельческой нации мануфактурным и постоянное колебание на ее рынках цен на пищевые продукты, фабрикаты и денежной валюты, которое останавливает накопление вещественных капиталов и вместе с тем приносит вред ее нравственному развитию и внутренней экономии.

Школа различает капитал основной от оборотного и, как это ни странно, разумеет под первым множество предметов, находящихся в обращении, не делая из этого различия никакого практического применения. Она умалчивает о единственном случае, где это различие могло бы быть полезным. Так, вещественный капитал, как и умственный, в большей части связан с земледелием, или с фабрично-заводской промышленностью, или с торговлей, или с какой-либо отраслью одной из этих трех промышленностей, часто же он прикреплен просто к известным местностям.

Без сомнения, срубленные фруктовые деревья имеют совсем иную ценность для фабриканта, выделывающего из них деревянные изделия, чем

для земледельца, который собирает с них плоды. Масса убитых овец, как это часто встречается в Германии и Северной Америке, уже не имеют той ценности, какой обладают овцы как источники добычи шерсти. Виноградники имеют свою цену, но если их превратить в пашни, то они ее потеряют. Деревянные суда как средство перевозки имеют гораздо большую ценность, чем как лесной строительный или горючий материал. К чему служили бы фабрики, водяная сила, машины, если бы ниточное производство погибло? Точно так же люди обыкновенно бывают в потере от перемещений большей части их производительных сил, насколько последние состоят из приобретенных опыта, привычек и талантов. Школа всем этим предметам и качествам дает общее название капитала и в силу этой терминологии переносит их, по своему усмотрению, из одной отрасли труда в другую. Так, Сэй советует англичанам посвятить земледелию капитал, вложенный в фабрично-заводскую промышленность. Он не объяснил, каким образом могло бы совершиться подобное чудо, но и до сих пор эта тайна была не известна государственным людям Англии.

Очевидно, Сэй смешал здесь понятия частного и национального капиталов. Один фабрикант или торговец может изъять свои капиталы из фабрично-заводского дела или торговли, продавши фабрики или корабли и купив за вырученную отсюда сумму земельную собственность; но целый народ не может совершить подобной операции, не потеряв значительной части своих вещественных и интеллектуальных капиталов. Причина, по которой школа затемнила то, что было так ясно, очень проста. Стоит назвать вещи их настоящими именами, и тогда будет совершенно понятно, что перемещение производительных сил из одной отрасли труда в другую вызывает затруднения, которые, далеко не поддерживая свободы торговли, часто дают основания в пользу протекционной системы.

ГЛАВА XX. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Если бы мероприятия в духе протекционизма для поддержания туземной фабрично-заводской промышленности клонились к ущербу потребителей мануфактурных изделий и единственно к обогащению фабрикантов и заводчиков, то этот ущерб отразился бы преимущественно на интересах землевладельцев и земледельцев — многочисленного класса потребителей этих изделий. Но можно доказать, что возникновение фабрично-заводской промышленности является для этого самого класса более выгодным, нежели для самих фабрикантов и заводчиков, так как фабрики и заводы создают спрос на более разнообразные сельские продукты и на

большее количество их, увеличивая их меновую ценность и позволяя сельским хозяевам извлекать больше пользы из их земли и труда земледельца. Результатом этого является повышение земельной ренты, доходности и заработной платы, а увеличение ренты и капиталов вызывает увеличение меновой ценности земли и труда. Меновая ценность земельной собственности есть не что иное, как капитализация земельной ренты; она обусловливается, с одной стороны, количеством и ценностью ренты, с другой же — вообще количеством умственных и материальных капиталов, которыми располагает нация.

Каждое индивидуальное и социальное усовершенствование, всякое развитие производительных сил страны вообще, но особенно возникновение фабрично-заводской промышленности, увеличивают ренту в количественном отношении, между тем как она в долевом отношении уменьшается. В земледельческой стране, малообразованной и малонаселенной, например в Польше, рента достигает половины или третьей части валового дохода; в стране же образованной, населенной и богатой, как, например, в Англии, она достигает только четвертой или пятой части. При всем том итог самой малой части бесконечно значительнее, чем итог указанной большей части, в особенности в деньгах и еще более в фабрично-заводских изделиях, потому что пятая часть 25 четвериков образует в Англии средний валовой доход с пшеницы, составляющий 5 четвериков, а третья часть 9 четвериков образует средний валовой доход пшеницы в Польше и составляет только 3 четверика; потому даже эти 5 четвериков в Англии стоят в среднем 25–30 шиллингов[91], а указанные 3 четверика в Польше самое большее стоят 8–9 шиллингов; потому, наконец, что фабрично-заводские изделия в Англии самое меньшее вдвое дешевле, чем в Польше, а следовательно, английский землевладелец может на свои 30 шиллингов земельной ренты купить 10 аршин сукна, между тем как польский на свои 10 шиллингов земельной ренты может купить только 2 аршина, а отсюда следует, что английский землевладелец при $^1/_5$ части валового дохода втрое лучше поставлен в качестве собственника, пользующегося рентой, и в пять раз лучше как потребитель фабрично-заводских изделий, чем польский землевладелец при $^1/_3$ части валового дохода. Что касается фермеров и рабочих-землевладельцев, то их положение гораздо лучше в Англии, чем в Польше, даже как потребителей фабрично-заводских изделий. Действительно, при сборе в 25 четвериков в Англии остается 20 четвериков на семена, обработку, заработную плату и чистый доход; следовательно, если взять на эти два последние элемента половину, или 10 четвериков, то средняя стоимость этой половины будет равняться 60 шиллингам, или 20 аршинам сукна (по 3 шиллинга аршин); между тем в Польше при сборе в 9 четвериков только 6 четвериков идет на семена, обработку, заработную плату и чистый доход, и если взять на чистый доход и заработную пла-

ту также половину, или 3 четверика, то средняя стоимость этой части будет равняться 10–12 шиллингам, или 2 ½ аршина сукна.

Рента является главным средством для помещения вещественных капиталов. Ее ценность регулируется, следовательно, массой находящихся в стране капиталов и отношением предложения к спросу. Избыток капиталов, которые соединяет внешняя и внутренняя торговля в стране мануфактурной, низкий процент на свободный капитал и то обстоятельство, что в нации мануфактурной и коммерческой большое число лиц обогащается, отыскивая постоянно способы помещения своего избытка от вещественного капитала в сельское хозяйство, поднимают в такой стране цену того же количества земельной ренты несравненно выше, чем в стране исключительно земледельческой. В Польше земельная рента ценится в десять-двадцать раз, в Англии — в тридцать-сорок раз выше ее суммы.

Насколько денежная ценность земельной ренты в мануфактурной и коммерческой стране выше, чем в земледельческой, настолько и денежная ценность земель выше в первой, чем во второй. В Англии при одинаковой естественной плодородности ценность земель в десять-двадцать раз выше, чем в Польше.

Уже Адам Смит в конце 9-й главы своей книги указывает на влияние фабрично-заводской промышленности на ренту, а следовательно, на меновую ценность земли, но лишь вскользь и недостаточно освещая громадное значение фабрично-заводской промышленности в этом отношении. Он различает там те причины, которые оказывают прямое влияние на увеличение ренты, каково, например, улучшение земельных участков, увеличение скота как по количеству, так и по меновой ценности, — от тех, которые оказывают на эту ренту косвенное влияние, куда он относит фабрично-заводскую промышленность. Таким образом, фабрично-заводская промышленность, которая является основной причиной увеличения ренты, так же как и земельной ценности, поставлена им на задний план, так что она едва заметна, между тем как улучшение земельных участков и увеличение скота, которые в большинстве случаев вызываются фабрично-заводской промышленностью и возникающей отсюда торговлей, им предпочитаются или, по крайней мере, им противопоставляются как главные причины. Адам Смит и его ученики далеко не поняли ближайшим образом значения фабрично-заводской промышленности в этом отношении.

Мы уже заметили, что под влиянием фабрично-заводской промышленности и связанной с ней торговли при одинаковой естественной плодородности ценность английских земель в десять или двадцать раз выше ценности польских. Если мы теперь сравним общий итог фабрично-заводского производства и капитала Англии с общим итогом ее производства и капитала, то найдем, что наибольшая часть богатства нации заключается главным образом в ценности ее земельной собственности.

Мак-Кэн рисует следующую картину национального богатства и доходов Англии:*

I. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

	Фунт. стерл.
1) Капитал, вложенный в земледелие, земельные пространства, рудники и рыбные промыслы	2 604 000 000
Оборотный капитал в скотоводстве, орудиях производства, в запасах продуктов и деньгах	655 000 000
Движимость земледельцев	52 000 000
Итого	**3 311 000 000**
2) Капитал в фабриках или заводах и в торговле, мануфактуры и внутренняя торговля мануфактурными изделиями	178 500 000
Торговля колониальными товарами	11 000 000
Внешняя торговля мануфактурными изделиями	16 500 000
Итого	**206 000 000**
Прирост с 1835 года, в котором был произведен этот расчет	12 000 000
Всего	**218 000 000**
Затем в городских зданиях всякого рода и в фабричных зданиях	605 000 000
В кораблях.	33 500 000
В мостах, каналах и железных дорогах	118 000 000
В лошадях, не находящихся в земледельческой работе	20 000 000
Итого	**776 500 000**
Общая сумма национального капитала, за исключением капиталов в колониях, внешних займах и государственных долгах	**4 305 500 000**

II. ВАЛОВОЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

	Фунт. стерл.
1) Сельское хозяйство, рудники и рыбные промыслы	589 000 000
2) Фабрично-заводская промышленность	259 500 000
Итого	**898 500 000**

**Приводимые в таблице и далее по тексту Листом численные данные не стыкуются между собой. Однако поправить их в настоящее время не представляется возможным. Прим. сост.*

Из этого обзора видно:

1) что ценность всех земель, находящихся под земледельческой обработкой, составляет $^{26}/_{45}$ всего английского национального капитала и приблизительно в двенадцать раз больше ценности общей суммы капиталов, находящихся в фабрично-заводской промышленности и торговле;

2) что общая сумма находящихся в земледелии капиталов составляет более $^{3}/_{4}$ английского национального капитала;

3) что ценность общей суммы недвижимой собственности Англии, а именно:

земельные участки и т. д. . . . . .2 604 000 000 фунт. стерл.
строения городские
и фабрично-заводские здания . . . . . .605 000 000 фунт. стерл.
каналы и железные дороги . . . . . .118 000 000 фунт. стерл.
Итого . . . . . .3 327 000 000 фунт. стерл.

составляют более $^{3}/_{4}$ того же капитала;

4) что фабрично-заводской и торговый капиталы, с включением кораблей, не превышают в целом 241 млн. 500 тыс., следовательно, составляют приблизительно только $^{1}/_{18}$ английского национального богатства;

5) что общая сумма английского земледельческого капитала, составляющего 3 311 000 000, дает валовой доход в 539 000 000, что приблизительно составляет 16%, между тем как фабрично-заводской и торговый капитал, равный 218 млн., дает ежегодный валовой доход в 259 млн. 500 тыс., т. е. приносит 120%.

Нужно прежде всего обратить внимание на то, что фабрично-заводской капитал в 218 млн., с ежегодным доходом в 259 $^{1}/_{2}$ млн., является главной причиной того, что английский земледельческий капитал мог достигнуть невероятной цифры в 3311 млн. с ежегодным доходом в сумме 539 млн. Далее, большая часть земледельческого капитала выражается в ценности земельных пространств и скота.

Фабрично-заводская промышленность, удвоивши и утроивши население страны, доставила средства для огромной внешней торговли, для приобретения и эксплуатации массы колоний и для огромного торгового флота, увеличила в той же пропорции спрос на пищевые продукты и сырье, обеспечила за земледельцами охоту и средства к удовлетворению увеличившегося спроса, возвысила меновую ценность их продуктов и оказала также влияние на пропорциональное увеличение количества и меновой ценности земельной ренты, а следовательно, и на ценность земли. Уничтожьте эти 218 млн. фабрично-заводского и торгового капитала, и вы увидите исчезнувшими не только 259 $^{1}/_{2}$ млн. получаемого отсюда дохода, но и наибольшую часть 3311 млн. земледельческого капитала, а следовательно, и 539 млн., которые даст этот последний капитал.

Английская национальная мануфактурная промышленность не только уменьшится на 259 $^{1}/_{2}$ млн. (сумма ее фабрично-заводского производства),

но меновая ценность земли дойдет до той ступени, на какой она находится в Польше, т. е. опустится до $^1/_{10}$ или $^1/_{20}$ части ее теперешней стоимости.

Отсюда следует, что весь капитал, помещенный земледельческой нацией в фабрично-заводскую промышленность, в десять раз возвышает ценность земли. Опыт и статистика всюду подтверждают это заключение. Мы видели, что с возникновением фабрично-заводской промышленности всюду быстро возвышается ценность земель и скота. Сравните эту ценность во Франции (1789-й и 1840 год), в Северной Америке (1820-й и 1830 год) или в Германии (1830-й и 1840 год), т. е. ценность земли и скота при слабом и высоком развитии фабрично-заводской промышленности, и вы всюду найдете подтверждение нашего вывода.

Причина этого явления лежит в увеличении национальных производительных сил, которое само зависит от рационального разделения труда и от более энергической ассоциации национальных сил, а также от лучшего употребления умственных и естественных сил, которыми располагает страна, и наконец, от внешней торговли.

Здесь имеют место те же самые причины и следствия, какие были нами отмечены при улучшении путей сообщения, которые не только сами по себе дают доход и, таким образом, дают возможность погашать затраченные на них капиталы, но, кроме того, в высшей степени содействуют преуспеянию фабрично-заводской промышленности и земледелия и тем самым с течением времени возвышают ценность соседней земельной собственности вдесятеро сравнительно с теми вещественными капиталами, которые на них затрачены. Земледелец в сравнении с предпринимателем, затрачивающим капитал на подобные предприятия, имеет то преимущество, что удесятеренный доход на его капитал, во всяком случае, обеспечен и что он реализует этот доход без всякой со своей стороны жертвы, между тем как предприниматель рискует всем своим капиталом. В таком же точно выгодном положении находится земледелец и сравнительно с предпринимателями, затрачивающими капиталы на устройство новых фабрик.

Но если так значительно это влияние фабрично-заводской промышленности на земледельческое производство, земельную ренту и ценность земельной собственности, если это влияние оказывается столь выгодным для всех заинтересованных в земледелии, то как же можно утверждать, что протекционные ввозные пошлины оказывают покровительство фабрично-заводской промышленности за счет земледельцев?

Материальное благосостояние земледельцев, как и всех частных лиц, обусловливается главным образом избытком их производства сравнительно с потреблением. Таким образом, для него имеют менее значения дешевые цены на фабрично-заводские изделия, нежели существование большого спроса на разнообразные продукты земледелия и их высокая меновая ценность. Итак, если результатом протекционных ввозных пошлин явля-

ется то, что земледелец выигрывает от расширения рынков сбыта гораздо более, нежели теряет от повышения цен на необходимые для него мануфактурные изделия, то не может быть и речи о жертве с его стороны в пользу фабрикантов. Этот результат получается у всех наций, призванных к развитию собственной фабрично-заводской промышленности, и с особенной ясностью проявляется у них уже в первом периоде возникновения промышленности, так как в это время большинство капиталов, вложенных в новые промышленные предприятия, употребляется на постройку жилых помещений, фабричных зданий, водных сооружений и т. д. — затраты, которые по большей части выгодны для земледельцев. Но если уже с самого начала выгоды, проистекающие от увеличения сбыта и возвышения цен на продукты, широко возмещают ущербы от возвышения цен на фабричные изделия, то такой порядок вещей, уже сам по себе благоприятный для сельских хозяев, все более и более должен развиваться в их пользу, так как с течением времени процветание фабричного производства все более и более влияет на возвышение цен сельскохозяйственных продуктов и на понижение фабрично-заводских изделий.

Затем, благосостояние земледельца, и в частности землевладельца, зависит от того, чтобы ценность находящегося в его распоряжении средства, а именно его земельной собственности, по меньшей мере оставалась в одном и том же положении. И это является главнейшим условием не только его благосостояния, но часто и всего его экономического существования. Так, нередко случается, что годовое производство земледельца превышает его потребление, и тем не менее он разоряется. Это бывает в том случае, если его земельная собственность обременена долгами, а кредит пошатнулся, если, с одной стороны, спрос денег превышает предложение, а с другой — предложение земель на продажу превышает спрос на них. В таких случаях является общее востребование уплат по денежным ссудам и общее предложение земель на продажу, что влечет за собой обесценение земельной собственности, и громадное число самых предприимчивых, способных и бережливых сельских хозяев разоряется — не потому, что их потребление превышало их производство, но потому, что и орудие производства, т. е. земельная собственность, по не зависящим от их воли обстоятельствам потеряла в их руках значительную часть своей ценности; потому, затем, что их кредит пошатнулся, и потому, наконец, что сумма лежащих на их земельной собственности долгов не находится более в соответствии с денежной ценностью их имущества, которая упала вследствие общего обесценения земельной собственности. Подобные кризисы в Германии и Северной Америке случались не один раз в течение последнего пятидесятилетия, и, таким образом, большая часть немецкого дворянства теряла свое имущество и свои имения, не сознавая того, что этим разорением оно обязано политике своих английских собратьев — этим задавшимся прекрасными целями ториям.

Совершенно иное положение земледельца или землевладельца в стране, где развивается свободно фабрично-заводская промышленность. В такой стране, в то время как плодородие земли возрастает вместе с увеличением ценности ее продуктов, он пользуется выгодой не только от излишка ценности его производства, превышающего его потребление как собственника, но и от того, что капитал его возрастает пропорционально росту земельной ренты. Его имущество удваивается и утраивается в меновых ценностях, и этим он обязан не тому, что он более трудится, улучшает производительность полей и становится более бережливым, а возникновению фабрично-заводской промышленности. При этих условиях у него являются и средства и желание удвоить усилия, улучшить производительность своих полей, умножить разведение скота, быть более бережливым, потребляя между тем гораздо более, чем прежде. Раз ценность его имения возрастает, то увеличивается его кредит, а вместе с ним и способность приобретения вещественных капиталов, необходимых для сельскохозяйственных улучшений.

Смит обходит молчанием это влияние, которое испытывает меновая ценность земли. Что касается Сэя, то он полагает, что вопрос о меновой ценности земель не важен, так как на их производительность не влияет повышение или падение их цены. Печально слышать, когда писатель, которого немецкие переводчики называют учителем народа, высказывает столь ошибочное в основании своем мнение в вопросе столь глубоко интересном для народного благосостояния. Мы, напротив, настаиваем на том, что лучшим и наиважнейшим мерилом национального благосостояния является именно повышение или понижение меновой ценности земли и что всякие колебания и кризисы в этом вопросе должны быть причислены к самым печальным язвам, которые только могут обременять страну[92].

Школа благодаря своей привязанности к теории свободы торговли — свободы в том смысле, в каком ей хотелось это понимать, была введена в этом вопросе в заблуждение, потому что нигде колебания меновой ценности земли и кризисы не бывают сильнее, чем у народов земледельческих, которые ведут свободную торговлю с богатыми и могущественными мануфактурными нациями.

Внешняя торговля также, правда, влияет на увеличение ренты и ценности земли, но это влияние бесконечно слабее, менее однообразно и менее постоянно, чем влияние, которое имеют на увеличение ренты и ценности земли фабрично-заводская промышленность страны, постоянное увеличение ее производства и мена ее изделий на продукты туземного земледелия.

Внешняя торговля могущественно влияет на возвышение ренты, а также и на ценность земли, пока нация обладает еще на обширных пространствах необработанными или слабо обработанными землями, пока она производит необходимые предметы оптового торга, которые мануфактурными нациями, более ее богатыми, принимаются в обмен за мануфактурные изделия, если только эти предметы не представляют затруднения при перевозке, пока су-

ществует на эти предметы продолжительный спрос, пока этот спрос способен увеличиваться пропорционально возрастанию производительных сил земледельческой нации и пока он не прерывается ни войной, ни иностранными торговыми ограничительными мерами. Но раз недостает одного из этих условий или какое-либо из них прекращается, указанное влияние внешней торговли или приостанавливается, или даже часто вызывает значительное и продолжительное ретроградное движение.

Особенно вредно отзывается в этом отношении колебание заграничного спроса в том случае, когда вследствие войны, неурожая, недостатка в заграничном привозе или вследствие других подобных обстоятельств у мануфактурной нации является потребность в большом количестве пищевых продуктов и сырья вообще или в иных предметах оптового торга в частности и когда, затем, вследствие заключения мира, хорошего урожая, увеличившегося ввоза из других стран или вследствие законодательных мер этот спрос в значительной степени снова прекращается. Если это влияние продолжается только короткое время, то земледельческая страна может извлечь из этого некоторую пользу; но если оно продолжается в течение нескольких лет или в течение целого ряда лет, то оно начинает регулировать все отношения земледельческой нации и ведение частных хозяйств. Производитель привыкает к потреблению, и те удовольствия, которые при других обстоятельствах он оттолкнул бы как роскошь, становятся для него настоятельной потребностью. Увеличение дохода и ценности его земельной собственности позволяют ему приступить к улучшению обработки земель, предпринимать постройки и делать приобретения, чего он без этого никогда бы не сделал. Покупки и продажи, арендные договоры и займы заключаются им пропорционально увеличению земельной ренты и ценности земли. И само государство не остановится перед увеличением в расходах пропорционально увеличению благосостояния частных лиц. Но если такой спрос внезапно прекращается, то это нарушает равновесие между производством и потреблением, между упавшей в цене недвижимой собственностью и долговыми обязательствами, залогом которых она является и сумма которых не уменьшается, между денежной арендной платой и денежной доходностью земли, между государственными доходами и расходами, а результатами всего этого являются банкротства, затруднения, упадок энергии, и нация начинает отставать в экономическом, равно как в нравственном и политическом развитии. Таким образом, земледельческое благосостояние, как организм под влиянием опиума и крепких напитков, возбуждается лишь на один момент и ослабляется на целую жизнь — это Франклинова молния, блестяще освещающая предметы на мгновение с тем, чтобы потом погрузить их в непроглядную тьму ночи.

Преходящее благосостояние земледелия — зло гораздо худшее, чем неизменная и постоянная бедность. Для того чтобы благосостояние стало действительным счастьем для отдельных лиц и наций, оно должно быть продол-

жительным. Но оно будет продолжительным только тогда, когда создается шаг за шагом и когда в самой стране заключается гарантия этого роста и этой продолжительности. Низкая меновая ценность несравненно лучше, чем ее колебания; и только прогрессивное и постоянное повышение этой ценности обеспечивает стране продолжительность благосостояния, а гарантия прочного и постоянного роста для наций развитых заключается в создании собственной фабрично-заводской промышленности.

Как мало еще распространены истинные воззрения на влияние туземной фабрично-заводской промышленности на ренту и на ценность земли сравнительно с влиянием на то и другое внешней торговли, с особенной ясностью можно видеть из того, что собственники виноградников во Франции все еще считают себя обиженными протекционной системой и в надежде на повышение своей ренты требуют возможно большей свободы торговли с Англией.

Отчет доктора Беринга о торговых сношениях Англии и Франции, имеющий предметом разъяснение выгод, которые могла бы извлечь Франция от увеличения ввоза английских фабричных изделий и возникающего отсюда увеличения вывоза французских вин, заключает в себе самые убедительные данные против аргументации автора.

Чтобы показать, насколько может увеличиться отпуск французских вин в Англию при свободе торговли, д-р Беринг сравнивает ввоз французских вин в Нидерланды (2 515 193 галлона в 1829 году) с ежегодным ввозом из Англии (431 509 галлонов).

Но предположим, хотя это более чем невероятно, что отпуск французских вин не встречает в Англии препятствий в укоренившемся там пристрастии к спиртным напиткам, портеру и крепким и дешевым винам Португалии, Испании, Сицилии, Тенерифа, Мадеры и мыса Доброй Надежды; предположим, что Англия увеличит потребление французских вин в том же размере, как и Нидерланды, — в таком случае, конечно, потребление французских вин, соответственно населению, могло бы достигнуть 5 или 6 млн. галлонов, т. е. могло бы превысить обычное потребление в десять-пятнадцать раз, и на поверхностный взгляд это принесло бы Франции и французским виноделам огромные выгоды.

Но если взглянуть на дело глубже, то результат будет совсем другой. При возможнейшей свободе торговли — не говорим при полной, хотя принцип и аргументация доктора Беринга это и допускает, — едва ли возможно сомневаться в том, что англичане завоевали бы большую часть французского мануфактурного рынка в пользу своих фабричных изделий (в особенности что касается шерстяного, хлопчатобумажного, льняного, железного и фарфорового производств). По самому умеренному расчету можно допустить, что при сокращении французской фабрично-заводской промышленности население городов уменьшилось бы на миллион и что на миллион меньше людей занято было бы в деревнях для поставки в города пищевых продуктов и сырья. Доктор Беринг в настоящее время сам высчитывает потребление сельского насе-

ления в 16 ½ галлона на душу, а для городских жителей вдвое — по 33 галлона на душу. Поэтому вызванное свободой торговли уменьшение фабрично-заводской промышленности в стране имело бы результатом сокращение внутреннего потребления вина на 50 млн. галлонов, между тем как вывоз увеличился бы лишь на 5–6 млн. Тяжело отозвалась бы на французских виноделах операция, благодаря которой потеря на спросе страны была бы вдесятеро чувствительнее, чем проблематичный выигрыш на спросе заграничном.

Одним словом, что в данном случае испытывается на вине, то же самое будет и с мясом, хлебом и вообще пищевыми продуктами и с сырьем; в большой стране, призванной к развитию собственной фабрично-заводской промышленности, фабричное производство создает в десять-двадцать раз больший спрос на земледельческие продукты умеренного пояса и, следовательно, в десять-двадцать раз сильнее влияет на повышение ренты и меновую ценность земельных участков, нежели самый цветущий вывоз этих самых продуктов. Убедительнейшим доказательством в этом случае является высота ренты и меновой ценности земельных участков вблизи больших городов в сравнении с положением того и другого в отдаленных провинциях, хотя бы последние и были связаны со столицей путями сообщения и торговыми сношениями.

Теория ренты может быть рассматриваема или с точки зрения ценностей, или с точки зрения производительных сил; затем ее можно рассматривать и со стороны частных интересов, например, со стороны отношений между землевладельцами, арендаторами и рабочими или, главным образом, со стороны отношений общественных и национальных. Школа подходила к этой теории большей частью только с точки зрения частной экономии. Насколько нам известно, она, например, нигде не выясняет, каким образом тем с большей выгодой расходуется земельная рента, чем ближе она к месту производства, каким же, однако, образом в разных государствах рента обыкновенно расходуется там, где живет глава государства, например в абсолютных монархиях в столицах, удаленных от того места, откуда она получается, а следовательно, с наименьшей выгодой для земледелия, для общеполезных промыслов и для развития умственных сил страны. Там, где дворянство, владеющее поземельной собственностью, не пользуется никакими правами, ни политическим влиянием, кроме права служить при дворе и занимать какую-либо должность, и где все общественные силы сконцентрированы в столице, там в среде земельных собственников сказывается стремление к этому центру, так как нигде иначе они не в состоянии удовлетворить своему самолюбию и с удовольствием прожить доходы со своих земель; а чем большее число их привыкло жить в столице, тем менее замечается общественности в провинциальной жизни и тем менее она дает прихотливых удовольствий для души и тела, а чем более провинция отталкивает дворянство, тем более его влечет столица. Таким образом, провинция теряет почти все те средства прогресса, которые доставляет ей расходование земельной ренты, в частности — те фабрики и ум-

ственные силы, которые поддерживаются рентой, отнимаются столицей. Эта последняя достигает, без сомнения, блеска, так как она соединяет в себе все таланты и большую часть производства для удовлетворения требований роскоши. Провинция же лишается тех умственных сил, материальных средств и, в частности, тех промыслов, которые наталкивают землевладельца на сельскохозяйственные улучшения и дают возможность осуществить их. Этим большей частью объясняется, почему во Франции, главным образом при неограниченной монархии, рядом со столицей, которая превосходила и умственными силами, и блеском все города европейского континента, земледелие делало лишь слабые успехи и в провинции сказывался недостаток в умственном развитии и в общеполезных отраслях промышленности. Но по мере того как дворянство, владеющее земельной собственностью, приобретает независимость по отношению ко двору и влияние на законодательство и администрацию, по мере того как представительная система и административная организация распространяют на города и провинцию право самоуправления и участия в законодательстве и в администрации страны, по мере того, как, таким образом, является возможность заслужить уважение и получить влияние в провинции и благодаря провинции; тем с большим удовольствием дворянство и образованный зажиточный средний класс остаются на тех местах, откуда они извлекают доходы, и расходование земельной ренты оказывает влияние на развитие умственных сил и социальный строй, на успехи сельского хозяйства и на развитие в провинции отраслей промышленности, полезных для большинства.

Подтверждением этого взгляда может служить экономическое положение Англии. Английский землевладелец живет большую часть года в своих имениях, различным образом способствует развитию сельского хозяйства: непосредственно тем, что, живя в имении, уделяет известную часть своего дохода или на улучшение культуры своих собственных земель, или на улучшение культуры земельных участков своих арендаторов; посредственно тем, что своим потреблением он поддерживает фабрики, находящиеся в его соседстве, и местную умственную работу. Этим далее можно отчасти объяснить, почему в Германии и Швейцарии, несмотря на недостаток больших городов, широко развитых путей сообщения и национальных установлений, сельское хозяйство и вообще культура находятся на лучшей степени развития, чем во Франции.

Однако Адам Смит и его школа в этом вопросе впали в самую крупную ошибку, на которую мы уже указывали, но которую здесь необходимо разъяснить подробнее. А именно, Адам Смит недостаточно ясно понял и недостаточно разъяснил влияние фабрично-заводской промышленности на увеличение ренты, меновой ценности земли и сельскохозяйственного капитала и не выяснил его в полном объеме, он, напротив, поставил значение земледелия выше фабрично-заводской промышленности, так что выходит, как будто земле-

делие несравненно важнее для страны, как будто проистекающее отсюда благосостояние гораздо устойчивее, чем фабрично-заводская промышленность и благосостояние, зависящее от последней. В этом случае Смит является лишь продолжателем физиократов, хотя и с некоторым изменением их ошибочных воззрений. Очевидно, он был введен в заблуждение — как мы показали на основании статистических данных относительно Англии — тем обстоятельством, что в стране, богатой фабриками и заводами, вещественный земледельческий капитал в десять-двадцать раз значительнее фабрично-заводского, и тем, что ежегодное земледельческое производство по ценности значительно превосходит общий капитал фабрично-заводской промышленности. Очень может быть, что тот же самый факт привел и школу физиократов к увеличению значения земледелия сравнительно с фабрично-заводской промышленностью. Поверхностное изучение действительно дает повод думать, что земледелие создает в десять раз более богатств, а потому в десять раз более заслуживает внимания и вдесятеро важнее, чем фабрично-заводская промышленность. Но это только так кажется. Если мы будем доискиваться причин земледельческого благосостояния, то найдем, что важнейшая из них обусловливается фабрично-заводской промышленностью. Это те 218 млн. фунтов стерлингов фабрично-заводского капитала, который большей частью создал земледельческий капитал в 3311 млн. В данном случае он действовал совершенно так же, как пути сообщения: так же, как издержки по проведению канала, которые повышают ценность расположенных в его районе земель. Положим, что канал перестает служить средством сообщения, а воду его будут употреблять на орошение лугов, то есть на кажущееся увеличение земледельческого капитала, земельной ренты и т. д., положим даже, что вследствие этого ценность лугов возрастет на несколько миллионов, все-таки это полезное, по-видимому, для земледелия изменение вдесятеро уменьшит общую ценность лежащих в районе канала земель.

С этой точки зрения то обстоятельство, что фабрично-заводской капитал страны сравнительно гораздо меньше земледельческого, приводит к совсем иным заключениям, чем те, которые сделала господствующая и предшествующая ей школа. Выходит, что поддержание и увеличение фабрично-заводской промышленности для самих земледельцев тем важнее, что сравнительно с земледелием эта промышленность требует гораздо меньшего основного и оборотного капиталов. Поэтому для земледельцев, и в особенности для пользующихся земельной рентой и для помещиков, должно быть ясно, что они в собственных своих интересах должны создавать и поддерживать в стране фабрично-заводскую промышленность, хотя бы, ассигновав на это дело необходимый капитал, они и не получили никакой прямой выгоды, точно так же в их собственных интересах они должны заботиться о проведении каналов, о постройке железных и шоссейных дорог, хотя бы опять-таки и от этих сооружений они не получали прямого дохода. Справедливость нашего воззрения

будет вне всякого сомнения, если мы обратим внимание на особенно необходимые и полезные для земледелия производства, каково, например, мукомольное. Сравните ценность земельной собственности и ренты в местности, где земледельцы не имеют поблизости мельниц, с ценностью земли в таких местностях, где имеется мукомольное производство, и вы должны будете признать, что уже одно это производство оказывает сильное влияние на то и другое, что там при одинаковой естественной плодородности общая стоимость земельной собственности не только вдвое, но даже в десять-двадцать раз более выигрывает в цене сравнительно с затратами на устройство мельниц, и что землевладельцы получили бы выгоды от устройства мельницы даже в таком случае, если бы, построивши ее на общие средства, они подарили ее мельнику. Это действительно сплошь и рядом бывает в Северной Америке: там, когда у отдельного лица не хватает необходимого капитала для окончания на свои средства таких работ, ближайший землевладелец охотно приходит на помощь, доставляя рабочие руки, лошадей, строевой лес и т. д. То же самое наблюдалось и в странах древней культуры, хотя и в несколько иной форме; в этом, без сомнения, нужно искать причину происхождения многих привилегий на помещичьи мельницы.

Все, что сказано о мукомольном производстве, вполне приложимо и к лесопильным заводам, маслобойням, кирпичным заводам, так же как и к кузнечному производству: всюду легко доказать, что рента и ценность земли постоянно повышаются пропорционально близости земель к этим заводам и пропорционально тому, насколько находятся эти заводы в близком или отдаленном взаимодействии с земледелием.

Почему же не могло быть того же самого с мануфактурными производствами — шерстяным, льняным, пеньковым, бумажным и хлопчатобумажным, почему не могло бы быть того же самого и вообще со всеми фабрично-заводскими производствами? Не видим ли мы, что рента и ценность земли везде увеличиваются пропорционально близости земельной собственности к городу, пропорционально населенности последнего и развитию в нем фабрично-заводской промышленности. Если мы в этих незначительных округах вычислили, с одной стороны, стоимость земельной собственности и вложенного в нее капитала, с другой — ценность капитала, вложенного на устройство фабрик и заводов, то, сравнив то и другое, найдем, что везде первый капитал по меньшей мере в десять раз значительнее второго. Безрассудно было бы заключать из этого, что для нации гораздо выгоднее помещать свои материальные капиталы в земледелие, чем в фабрично-заводскую промышленность, и что земледелие само по себе гораздо более благоприятно и для увеличения капиталов, чем фабрично-заводская промышленность. Рост материального земледельческого капитала обусловливается ростом материального фабрично-заводского капитала, и нации, не признающие этой истины, как бы ни были у них благоприятны естественные условия для развития земледелия, не толь-

ко не будут идти вперед, но отстанут в приобретении богатств, в увеличении населения, в развитии цивилизации и могущества.

Между тем нередко, как мы видим, землевладельцы считают мероприятия, клонящиеся к развитию фабрично-заводской промышленности в стране, за привилегии, которые служат к обогащению только фабрикантов и бремя которых приходится выносить исключительно им. Они, которые на первых ступенях развития так хорошо понимают значительные выгоды, которые они получат от возникновения поблизости производства — мукомольного, лесопильного и кузнечного, что не останавливаются перед большими жертвами для их создания, при дальнейшем развитии культуры перестают понимать, какие громадные выгоды все земледелие страны извлекает из туземной и вполне развитой фабрично-заводской промышленности и насколько выгодно для них самих решиться на известные жертвы, без которых эта цель не может быть достигнута. Это происходит от того, что только в немногих и очень развитых странах землевладельцы бывают способны к широкой оценке своего положения, большей же частью они способны понимать лишь ближайшие свои выгоды.

Не нужно только забывать, что господствующая теория, со своей стороны, в значительной степени способствовала развитию в среде землевладельцев неправильного взгляда на этот вопрос. Смит и Сэй позаботились, с одной стороны, представить эгоистичным стремление фабрикантов к установлению протекционных мер, с другой стороны — превознести благородство и бескорыстие землевладельцев, которые далеки были от того, чтобы требовать таких же мер в свою пользу. Подумаешь, что внимание землевладельцев было, таким образом, направлено к этой добродетели бескорыстия, которое ставили им в такую заслугу, и что они были побуждены отказаться от этого бескорыстия.

Так, в большинстве значительнейших мануфактурных стран они не менее фабрикантов в последнее время просили и достигали применения протекционных мер, хотя (как мы это уже указывали прежде) и с огромным для себя вредом. Прежде, когда землевладельцы приносили жертвы для насаждения в стране фабрично-заводской промышленности, они поступали так же, как поступает земледелец в пустынной местности, жертвуя своими средствами для устройства поблизости мельницы или кузницы. Если тем не менее ныне землевладельцы требуют покровительства для земледелия, то это похоже на то, как если бы земледелец, о котором мы сейчас упоминали, помогавший построить мельницу, стал просить мельника помочь ему в обработке его поля. Бесспорно, такая просьба не имела бы смысла. Земледелие может процветать, рента и ценность земли увеличиваться лишь пропорционально преуспеянию фабрично-заводской промышленности и торговли, а мануфактуры не могут процветать там, где затруднен привоз сырья и пищевых продуктов. Это везде прекрасно понимали фабриканты и заводчики. Если, однако, зем-

левладельцы в большинстве значительных государств достигли осуществления протекционных мер, то это зависело от двух причин. В государствах с представительным образом правления, где влияние землевладельцев на законодательство является преобладающим, фабриканты не решались противиться их безумным требованиям из опасения, что землевладельцы встанут на сторону принципа свободы торговли; и поэтому они предпочли войти с земледельцами в компромисс.

Затем, школа внушает землевладельцам, что так же бессмысленно было бы искусственно насаждать фабрично-заводскую промышленность, как было бы бессмысленно в холодном климате заниматься виноделием в теплицах; что фабрично-заводская промышленность возникает сама по себе естественным путем, что земледелие дает гораздо более возможности, чем фабрично-заводская промышленность, увеличить капитал; что национальный капитал не может быть увеличен искусственными мерами, что законодательство и государственные мероприятия могут дать фабрично-заводской промышленности только такое направление, которое будет менее благоприятно для увеличения богатства. Наконец, так как нельзя было обойти молчанием влияние фабрично-заводской промышленности на земледелие, то школа пыталась представить это влияние насколько возможно незначительным и неопределенным.

Нет сомнения, замечала школа, что фабрично-заводская промышленность влияет на земледелие, и все, что вредно ей, вредно также и земледелию; следовательно, она влияет на увеличение земельной ренты, но лишь косвенно. Непосредственно на ренту оказывают влияние: увеличение населения и количества скота, сельскохозяйственные улучшения, усовершенствование путей сообщения и т. д. Это различие между прямым и косвенным влиянием напоминает собой другие случаи, где школа делает подобное же различие, как, например, по поводу умственной производительности, и здесь уместно будет привести сравнение, которым мы уже пользовались; здесь дело обстоит так же, как и с древесным плодом, который, по мнению школы, не является непосредственным произведением, раз он растет на стебле, который является плодом ветви, ветвь — плодом ствола, а ствол — плодом корня, который и будет уже непосредственным плодом почвы. Разве не было бы софизмом признать, что население, скотоводство, пути сообщения и т. д. являются прямыми причинами повышения ренты, а фабрично-заводскую промышленность — косвенной причиной, когда достаточно взглянуть на промышленную страну, чтобы убедиться, что сама фабрично-заводская промышленность является главнейшей причиной увеличения населения, количества скота, путей сообщения и т. д.? Логично ли и последовательно ли приравнивать следствия к их причинам, т. е. к фабрично-заводской промышленности, даже выставлять первое главной причиной, а фабрично-заводскую промышленность причиной косвенной и подчиненной, как бы нечто добавочное? Что же могло при-

вести такой проницательный ум, каким был Адам Смит, к таким превратным суждениям, идущим вразрез с сущностью вещей, как не желание оставить в тени фабрично-заводскую промышленность и ее влияние на благосостояние и могущество нации вообще и на увеличение ренты и земельной ценности в частности? И для чего иначе было бы нужно все это, если не для того, чтобы избежать объяснений, которые громко говорили бы в пользу протекционной системы?

Вообще, школа со времени Адама Смита была несчастлива в своих изысканиях по вопросу о сущности ренты. Рикардо, а после него Милль, Мак-Куллох и другие держатся того мнения, что рента служит выражением естественной плодородности земельных участков. Первый на этой идее построил целую систему. Если бы он побывал в Канаде, то он в каждой долине, на каждом холме мог бы произвести наблюдения, которые убедили бы его, что его теория построена на песке. Но так как он имел перед глазами только Англию, то и впал в ошибку, думая, что английские поля и луга, дающие в настоящее время такую прекрасную арендную плату вследствие, по-видимому, естественной плодородности, были во все времена теми же самыми полями и лугами. Первоначальное естественное плодородие земельных пространств на самом деле настолько незначительно и дает пользующемуся ими так мало избытка в продуктах, что земельная рента едва ли даже заслуживает названия таковой. В своем первобытном состоянии целая Канада, населенная исключительно звероловами, с трудом могла бы обеспечить от продажи мяса и кож доход, достаточный для уплаты жалованья одного лишь профессора политической экономии в Оксфорде. Естественная производительная способность почвы на острове Мальте заключается в камнях, которые едва ли могли бы обеспечить ренту. Если проследить движение целой нации по пути цивилизации и ее переход из охотничьего состояния в пастушеское, из этого последнего — в земледельческое и т. д., то легко, напротив, можно будет убедиться, что везде рента первоначально не имела никакого значения и что она возрастала всюду вместе с успехами культуры, увеличением населения и развитием умственных и материальных капиталов. Если сравнить чисто земледельческую нацию с нацией земледельческо-мануфактурно-коммерческой, то окажется, что в последней живет арендной платой в двадцать раз больше людей, чем в первой. По статистике Великобритании Маршаля, в Англии и Шотландии, например, в 1831 году было населения 16 537 398 человек, из которых 1 116 398 жили рентой. В Польше на таком же точно пространстве земли едва ли можно найти двадцатую часть этого числа. Переходя к частностям и исследуя причины, которыми обусловливается рента каждого отдельного земельного участка, мы заметим, что она является результатом способности к производству, которая обусловливается не естественными причинами, а создана трудом и умственными и материальными капиталами, прямо или косвенно затраченными на нее, и вообще социальным прогрессом общества. Правда, мы видим, что и те земли, которых не касалась

рука человеческая, дают ренту, таковы, например, каменоломни, песчаники, пастбища; но эта рента не более как следствие усиления окружающей их культуры, капитала и населения. С другой стороны, мы видим, что самую большую ренту дают те земли, естественная производительность которых сведена к нулю и вся польза которых заключается лишь в том, что люди на них едят, пьют, сидят, спят или ходят, работают или веселятся, учат или учатся, словом, земли, находящиеся под постройками.

Принцип ренты — это польза, которую земля обеспечивает тем, в исключительном распоряжении которых она находится, размер же этой пользы определяется суммой умственных и материальных капиталов, которыми обладает общество вообще, а также теми средствами, которые находятся в распоряжении частных лиц, специальными качествами почвы и затраченными на нее прежде капиталами, — все это дает возможность и законное право всякому извлекать отсюда материальные ценности или удовлетворять свои умственные и материальные потребности или вкусы.

Рента — это процент с капитала, определяемого фондом натуральным, или капитализованный натуральный фонд. Территория той нации, которая пришла к капитализации натурального, служащего для земледелия, фонда, и то лишь несовершенным способом, который дозволяет степень ее цивилизации, приносит, без сравнения, менее ренты, чем территория нации, которая соединяет у себя земледельческую и фабрично-заводскую промышленность. Собственники первого рода ренты живут большей частью в той стране, которая доставляет им произведения фабрично-заводской промышленности. Но когда нация, земледелие и народонаселение которой получили значительное развитие, основывает у себя фабрики и заводы, тогда она совершает капитализацию, как это мы уже показали в одной из предшествующих глав, не только естественных сил, в частности, полезных для фабрично-заводской промышленности и остававшихся до сих пор в бездействии, но также и большей части мануфактурных сил, служащих подспорьем для земледелия. Таким образом, увеличение этих рент в стране бесконечно превосходит проценты с материальных капиталов, необходимых для создания фабрично-заводской промышленности.

ГЛАВА XXI. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

До сих пор мы говорили только об отношениях между земледелием и фабрично-заводской промышленностью, потому что эти отношения являются существеннейшими элементами национального производства и потому, что, не имея предварительно ясного представления об их взаимодействии, трудно было бы как следует понять особенные функции и роль

торговли. Нет сомнения, что торговля также производительна, как утверждает школа, но проявление ее совсем иное, чем в земледелии и в фабрично-заводской промышленности. Эти последние снабжают рынки товарами; торговля же является лишь посредником в обмене товаров между земледельцами и мануфактуристами, между производителями и потребителями.

Отсюда следует, что торговля должна регулироваться соответственно интересам и нуждам земледелия и фабрично-заводской промышленности, но не земледелие и мануфактурная промышленность должны следить за интересами и нуждами торговли.

Но школа поняла это последнее положение как раз в обратном смысле, приняв девизом выражение старого Гурнэ: laissez farie, laissez passer — выражение, которое столько же на руку грабителям, плутам и бездельникам, как и купцам, и уже по одному этому достаточно подозрительно. Это извращение понятия, жертвующее интересами фабрично-заводской промышленности и земледелия, при абсолютной свободе действий в пользу притязаний торговли, является естественным последствием той теории, которая обращает внимание только на ценность и никогда на производительные силы и которая смотрит на весь свет как на одну и нераздельную республику купцов. Школа не замечает, что купец может достигать своих целей, заключающихся в приобретении ценностей, путем обмена, даже в ущерб земледельцев и мануфактуристов, наперекор производительным силам и не щадя независимости и самостоятельности нации. Ему безразлично, да и характер его операций и его стремлений не позволяет ему заботиться о том, какое влияние оказывают ввозимые или вывозимые им товары на нравственность, благосостояние и могущество страны. Он ввозит как яды, так и лекарства. Он доводит до изнурения целые нации, ввозя опиум и водку. Доставляет ли он, посредством законного ввоза или контрабанды, сотням, тысячам людей занятия и средства к жизни, доводит ли он их до нищеты, ему совершенно безразлично, лишь бы только ему реализовать барыш. Попытаются ли его голодные соотечественники эмигрировать, убегая от нищеты, которую терпят в своем отечестве, он и из этого извлечет меновые ценности, перевозя их в далекие страны. Во время войны он снабжает неприятеля оружием и провиантом. Если бы было возможно, он продал бы за границу все, до пахотных полей и лугов включительно, и получив деньги за последний кусок земли, он сам сел бы на свой корабль и экспортировал бы самого себя.

Таким образом, ясно, что интерес коммерсантов и интересы торговли целой нации — вещи настолько различные, как небо и земля. В этом смысле еще Монтескье сказал: «То, что стесняет купца, то не стесняет вследствие того торговли, и нигде законы так мало мешают ей, как в государствах порабощенных»[93].

Торговля возникает из фабрично-заводской промышленности и земледелия, и ни одна нация в наши дни не может развить во внушительных размерах торговли внутренней и внешней, если она не двинула у себя до высокой

степени совершенства эти главные отрасли производства. В прежнее время были, во всяком случае, отдельные города или союзы городов, которые были в состоянии вести обширную посредническую торговлю с помощью иностранных фабрикантов и земледельцев; но с возникновением великих земледельческих мануфактурных и коммерческих государств исчезла возможность даже думать об осуществлении посреднической торговли в том виде, в каком ее вела Ганза. Во всяком случае, эта торговля настолько ненадежна по своей сущности, что едва заслуживает даже рассмотрения наряду с той, которая зиждется на собственном производстве страны.

Самыми важными предметами внутренней торговли являются следующие: пищевые продукты, соль, топливо, строительные материалы, ткани, сельскохозяйственные и фабричные орудия и инструменты и сырые продукты земледелия и горного дела, которые составляют предметы первой потребности для фабрик и заводов. Эта внутренняя торговля в стране с развитой в высшей степени фабрично-заводской промышленностью несравненно значительнее, чем в стране чисто земледельческой. В последней земледелец большей частью принужден ограничивать свое потребление лишь собственным производством. За недостатком большого спроса на разнообразные продукты и за недостатком в путях сообщения он вынужден производить все предметы потребности, какова бы ни была производительная сила, присущая его земле; за недостатком средств обмена он принужден сам производить фабричные изделия, ему необходимые.

Топливо, строительные материалы, пищевые продукты и горные произведения при недостатке удобных путей сообщения располагают самым ограниченным рынком и не могут быть потому перевозимы на далекие расстояния. При ограниченности рынка и спроса на пищевые продукты нет побуждения к сбережениям и накоплению капиталов. Поэтому у наций чисто земледельческих капитал, посвященный внутренней торговле, сводится почти к нулю; поэтому все предметы производства, особенно чувствительные к переменам погоды, испытывают сильное колебание в цене; поэтому, чем исключительнее нация отдается земледелию, тем более ей грозит опасность дороговизны и голода.

Вследствие и по мере развития внутренней фабрично-заводской промышленности, а также вызванных ею улучшений путей сообщения и увеличения населения возникает внутренняя торговля. При этих условиях она делается настолько значительной, что превосходит внутреннюю торговлю наций чисто земледельческих в десять-двадцать раз и самую цветущую внешнюю торговлю в пять-десять раз.

Достаточно сравнить внутреннюю торговлю Англии с такой же в Польше или Испании, чтобы найти подтверждение этого наблюдения.

Внешняя торговля земледельческих стран умеренного пояса, раз она ограничивается пищевыми продуктами и сырьем, не может развиться до значительных размеров по следующим причинам:

Во-первых, потому, что земледельческая нация имеет сбыт только в ограниченном количестве в мануфактурные страны, которые сами занимаются земледелием, которые благодаря собственным фабрикам и заводам и обширной торговле занимаются им с большим искусством, чем нации чисто земледельческие: поэтому такой сбыт никогда не может быть ни верным, ни постоянным. Торговля продуктами земледелия постоянно является предметом особенно сильной спекуляции, выгоды от которой большей частью приходятся на долю купцов-спекулянтов, но не на долю земледельцев и производительных сил земледельческой нации.

Во-вторых, потому, что обмен продуктами земледелия на мануфактурные заграничные изделия часто прерывается заграничными мероприятиями в виде торговых ограничений и войной.

В-третьих, потому, что этой торговлей заинтересованы только приморские и приречные местности, а не внутренние области страны, т. е. не самая большая часть национальной территории.

В-четвертых, наконец, потому, что нация мануфактурная может получать, сообразно со своими интересами, пищевые продукты и сырье из других стран и из вновь основанных колоний.

Так, отпуск немецкой шерсти в Англию ограничен привозом шерсти из Австралии; отпуск в Англию французских и немецких вин — привозом из Испании, Португалии, Сицилии, с испанских и португальских островов и с мыса Доброй Надежды; отпуск леса из Пруссии — привозом его из Канады.

Даже составились уже компании для снабжения Англии в большей части ост-индским хлопком. Если Англии удастся восстановить древний торговый путь, если окрепнет новый штат Техас, если цивилизация сделает успехи в Сирии и Египте, в Мексике и южноамериканских государствах, то и североамериканские владельцы хлопчатобумажных плантаций поймут, что внутренним рынком обеспечивается самый верный, постоянный и продолжительный сбыт.

В умеренном климате наибольшая часть внешней торговли возрастает из внутренней фабрично-заводской промышленности и только посредством фабрично-заводской промышленности укрепляется и развивается.

Только та нация, которая производит все предметы фабрично-заводской промышленности по самым низким ценам, может завязать торговые сношения с народами всех поясов и всех ступеней культуры; только она одна может удовлетворить всем их потребностям, а за недостатком последних вызвать новые, принимая в обмен сырье и пищевые продукты всякого рода.

Только такая нация может нагрузить корабли массой таких различных изделий, в которых нуждается страна, отдаленная и лишенная своей собственной фабрично-заводской промышленности. Только когда издержки перевозки оплачены транспортом, можно брать обратный груз предметов меньшей ценности.

Ввоз в страны умеренного пояса состоит главным образом из произведений жаркого пояса, каковы, например: сахар, кофе, хлопок, табак, чай, красильные вещества, какао, пряности — словом, из предметов, известных под общим названием колониальных товаров. Громадная масса этих продуктов обменивается на предметы фабрично-заводской промышленности.

Особенный прогресс фабрично-заводской промышленности в странах умеренного пояса и успешные шаги по пути цивилизации жаркого пояса объясняются именно этим обменом. При помощи этого обмена распространяются в самых широких размерах разделение труда и ассоциация производительных сил так, что и в Древнем мире не было ничего подобного этому порядку вещей, созданному англичанами и голландцами.

До открытия морского пути через мыс Доброй Надежды Восток был далеко впереди Европы в выработке изделий фабрично-заводской промышленности. Кроме драгоценных металлов, незначительного количества сукна, полотна, оружия, мелочных железных и медных изделий и некоторых предметов роскоши европейские товары не находили сбыта на Востоке. Благодаря сухопутному транспорту обратный караван был так же дорог, как и груз отправления. Что же касается отпуска продуктов земледелия и изделий фабрично-заводской промышленности, даже если они производятся в избытке в Европе, то об этом отпуске в обмен на изделия Востока, как то: шелковая и бумажная материя, сахар и пряности, не могло быть и речи. Что бы поэтому ни писали о важности торговли с Востоком в то время, все же ее нужно понимать лишь относительно. Она была важна лишь для своего времени, но незначительна в сравнении с тем, что она представляет собой ныне.

Значительнее стала торговля продуктами жаркого пояса с тех пор, как Европа получила из Америки громадное количество благородных металлов, и с тех пор, как она открыла прямое сообщение с Востоком через мыс Доброй Надежды. Тем не менее она не могла развиться до больших размеров до тех пор, пока предложение мануфактурных изделий с Востока превышало их спрос.

Своим современным значением эта торговля обязана европейской колонизации Восточной и Западной Индии, Северной и Южной Америки, разведению сахарного тростника, кофейного дерева, растений, из которых добывается хлопок, рис, индиго и т. п., порабощению и переселению негров в Америку и Западную Индию, счастливой конкуренции европейцев с ост-индскими фабрикантами и главным образом расширению голландского и английского господства в разных частях света, так как эти нации, в противоположность испанцам и португальцам, в обмене мануфактурных товаров на колониальные искали и нашли больше выгод, чем в вымогательстве.

В настоящее время этой торговлей занята значительнейшая часть огромного торгового флота Европы и торгового фабричного капитала, посвященного внешним торговым сношениям; и все сотни миллионов, которые в виде колониальных товаров направляются из стран жаркого пояса в страны пояса

умеренного, обмениваются, за немногими исключениями, на мануфактурные изделия.

Обмен колониальных произведений на мануфактурные изделия в высшей степени содействует развитию производительных сил в странах умеренного пояса.

Эти колониальные товары, как, например, сахар, кофе, чай, табак, служат, с одной стороны, средствами возбуждающими для земледелия и для фабрично-заводской промышленности, с другой же — являются средствами питания; производство мануфактурных изделий, необходимых для обмена на колониальные товары, дает занятие гораздо большему числу рабочих рук; фабричные и заводские предприятия могут развиться еще до гораздо больших размеров и, следовательно, будут приносить еще больше выгод; эта торговля дает работу массе кораблей, моряков и купцов; благодаря же приросту населения, вызываемому этим разнообразием причин, спрос на туземные сельские продукты увеличивается до громадных размеров.

Вследствие взаимодействия между фабрично-заводской промышленностью умеренного пояса и производством жаркого пояса англичане потребляют в среднем в два-три раза более, чем французы, в три-четыре раза более, чем немцы, в пять-десять раз более, чем поляки.

Насколько способно еще развиться колониальное производство, можно судить по приблизительному расчету площади, находящейся в настоящее время под культурой колониальных продуктов, составляющих предмет современной торговли.

Признав, что современное потребление хлопка достигает 10 млн. центнеров и средний сбор с акра (40 тыс. кв. футов) равняется 8 центнерам, найдем, что для этого производства нужна площадь не более 1250 тыс. акров земли.

Если мы примем количество обращающегося на рынке сахара в 14 млн. центнеров, а сбор с одного акра в 10 центнеров, то все это производство потребует не более 1500 тыс. акров земли.

Если мы примем для культуры прочих продуктов (кофе, рис, индиго, пряности и т. д.) такое пространство, какое мы приняли для двух главнейших продуктов, то культура всего количества колониальных произведений, вращающихся в настоящее время на рынке, потребует площади не более 7–8 млн. акров — то есть такого пространства, которое, вероятно, не составляет и пятнадцатой части площади, находящейся в настоящее время под обработкой.

Прекрасное доказательство того, что это производство может быть развито до невероятных размеров, дали нам англичане в Восточной Индии, французы — на Антильских островах и голландцы — на Яве и Суматре.

Так, Англия учетверила ввоз хлопка из Восточной Индии, и английские газеты смело утверждают, что если Англии удастся овладеть старым торговым путем в Восточную Индию, то по истечении нескольких лет эта последняя будет в состоянии удовлетворять всем необходимым потребностям Англии в ко-

лониальных товарах. Если принять в соображение громадную площадь англо-ост-индской территории, ее плодородие и дешевизну рабочих рук в этой стране, то эти надежды не будут казаться преувеличенными.

В то время как Англия будет эксплуатировать Восточную Индию, развитие голландской культуры на островах пойдет своим чередом, распадение Турецкой империи даст возможность культуре развиться в большей части Африки, а также в Западной и Центральной Азии, жители Техаса распространят североамериканскую культуру на всю Мексику, в Южной Америке разовьются благоустроенные государства и будут способствовать эксплуатации земли, плодородие которой не имеет границ.

Производя, таким образом, гораздо большее количество колониальных товаров, чем до сих пор, страны жаркого пояса будут в состоянии покупать у стран умеренного пояса гораздо более мануфактурных изделий, и это увеличение сбыта мануфактурных изделий даст последним странам возможность потреблять несравненно большее количество колониальных товаров.

Вследствие развития производства и увеличения средств обмена меновая торговля между земледельцами жаркого пояса и фабрикантами пояса умеренного, иначе — огромная мировая торговля, будет увеличиваться в будущем несравненно быстрее, чем в течение прошедшего столетия.

Такое развитие в настоящее время обширной мировой торговли, которое может еще более увеличиться в будущем, зависит частью от замечательных успехов фабрично-заводской промышленности, частью от усовершенствования водных и сухопутных путей сообщения, частью, наконец, от великих событий в области всемирной политики.

Благодаря машинам и новым изобретениям несовершенное производство Востока было почти уничтожено к выгоде европейской мануфактурной промышленности, и эта последняя получила возможность доставлять в страны жаркого пояса массу своих изделий по низким ценам, давая им возможность развить свои производительные силы.

Вследствие усовершенствования путей сообщения страны жаркого пояса встали в несравненно более близкие отношения со странами пояса умеренного, их торговые отношения бесконечно выиграли от уменьшения опасности, от сокращения времени и понижения фрахтов, а также и от большей правильности; но они выиграют еще больше, когда повсюду разовьется пароходство и когда железнодорожная сеть покроет внутреннюю Азию, Африку и Южную Америку.

Вследствие отпадения Южной Америки от Испании и Португалии и вследствие распада Турецкой империи масса земель окажется пригодной для общего пользования. Эти плодороднейшие в мире земли ждут с нетерпением, когда образованные народы в мирном согласии направят их по пути безопасности и порядка, цивилизации и благосостояния, они ничего не требуют больше, как ввоза к себе мануфактурных изделий в обмен на произведения своего климата.

Как видите, здесь для всех стран Европы и Северной Америки, призванных к развитию фабрично-заводской промышленности, достаточно земель, чтобы довести эту промышленность до цветущего состояния, увеличить потребление продуктов жаркого пояса и в той же пропорции расширить прямые отношения со странами этого пояса.

ГЛАВА XXII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТОРГОВОЕ МОРЕХОДСТВО, МОРСКИЕ СИЛЫ И КОЛОНИЗАЦИЯ

Фабрично-заводская промышленность, базированная на обширной внутренней и внешней торговле, является вместе с тем существенным условием для развития значительного мореходства. Так как обширная внутренняя торговля служит для снабжения фабрикантов топливом и строительными материалами, сырьем и пищевыми продуктами, то каботаж и речное судоходство в стране чисто земледельческой не может преуспевать. Каботаж же является школой и рассадником матросов, капитанов и школой кораблестроения; поэтому в странах земледельческих недостает главнейшего элемента, обусловливающего обширное мореходство.

Международная торговля, как мы это показали в предыдущей главе, выражается главным образом обменом мануфактурных изделий на сырье и естественные произведения, а в частности, на произведения жаркого пояса. Земледельческие страны умеренного пояса могут предлагать странам жаркого пояса только то, что эти последние производят сами, или то, в чем они не нуждаются, каковы: сырье и пищевые продукты; поэтому не может быть и речи о прямых торговых отношениях, а следовательно, и о мореходстве между странами земледельческими и странами жаркого пояса. Потребление колониальных продуктов земледельческих стран должно ограничиваться тем количеством, какое они могут приобрести у стран мануфактурных и торговых в обмен на свои продукты земледелия и сырье; следовательно, они принуждены получать эти предметы из вторых рук.

В отношениях между земледельческой нацией и нацией мануфактурной и торговой на долю последней всегда выпадает наибольшая часть стоимости морского транспорта, если бы последняя даже и не захватила львиной доли при посредстве законов мореходства.

Помимо внутренней и международной торговли значительное число кораблей бывает занято морскими рыбными промыслами; однако вообще для земледельческой страны почти или совсем чужда эта отрасль промышленности по той причине, что в ней не может явиться большого спроса на произведения моря и что мануфактурные страны в интересах развития соб-

ственных морских сил имеют обыкновение сохранять свои рынки для собственных рыбопромышленников.

Флот вербует своих штурманов и матросов с частных торговых судов, и опыт показал, что нельзя создать хороших матросов таким же путем, как солдат для армии, и что, напротив, их воспитывают каботажная практика, международное мореходство и большие рыбные промыслы. Морские силы нации всюду поэтому развиваются пропорционально указанным морским промыслам, а следовательно, они ничтожны в стране исключительно земледельческой.

Венцом развития фабрично-заводской промышленности, возникающей отсюда внутренней и внешней торговли, значительного каботажа, значительного дальнего мореплавания и рыбных промыслов, словом, вообще морского могущества, являются колонии.

Метрополия снабжает колонии изделиями фабрично-заводской промышленности, взамен которых получает от них излишек продуктов земледелия и сырья; эта торговля оживляет фабрично-заводскую промышленность метрополии, увеличивает ее население и спрос на продукты собственного земледелия и содействует развитию торгового мореходства и морских сил. Ощущающийся в метрополии избыток в населении, капиталах и духе предприимчивости находит благодетельный для страны отлив; эти потери широко возмещаются ей, так как значительная часть лиц, составивших себе состояние в колонии, приносит с собой обратно в метрополию свои капиталы или, по крайней мере, проживает в ней свои доходы.

Земледельческие нации, не располагая средствами к основанию колоний, не имеют также достаточно сил ни эксплуатировать их, ни удержать за собой. Того, в чем колонии ощущают недостаток, они не могут им предложить, а тем, что они в состоянии им сбывать, колонии обладают сами.

Обмен изделий фабрично-заводской промышленности на продукты земли является главным условием современной колониальной торговли. Поэтому Северо-Американские Штаты отложились от Англии, лишь только почувствовали потребность и силы создать собственную фабрично-заводскую промышленность и заняться мореходством и торговлей с тропическими странами; также отложится и Канада, как скоро она достигнет той же степени развития; со временем поэтому и в австралийских странах умеренного пояса возникнут независимые земледельческо-мануфактурно-коммерческие государства.

Но этот обмен между странами умеренного и жаркого поясов никогда не прекратится, так как он обусловливается естественным порядком вещей. Поэтому и Ост-Индия благодаря Англии была лишена собственной фабрично-заводской промышленности и своей независимости, поэтому же и все жаркие страны Азии и Африки мало-помалу подпадут под власть мануфактурных и коммерческих наций умеренного пояса, по той же причине и острова, лежащие в жарком поясе, с трудом освободятся от колониальной за-

висимости, в которой они теперь находятся, поэтому, наконец, и южноамериканские государства всегда будут в некоторой зависимости от мануфактурных и коммерческих наций.

Своими обширными колониями Англия обязана единственно мануфактурному преобладанию. Если и другие европейские нации желают принять участие в выгодном деле просвещения диких стран и цивилизации народов варварских или возвратившихся к варварству наций старой культуры, то они должны начать с развития собственной фабрично-заводской промышленности, торгового мореходства и морских сил. И если они в своем стремлении встретят препятствие со стороны нации, приобретшей верховенство в мануфактурной промышленности, в торговле и мореплавании, то единственные средства для устранения этих незаконных препятствий они найдут в соединении между собой их производительных сил.

ГЛАВА XXIII. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОРУДИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Если опыт истекшего двадцатипятилетия отчасти доказал справедливость принципов господствующей теории, выставленных ею против положений так называемой меркантильной системы относительно циркуляции благородных металлов и торгового баланса, то, с другой стороны, он осветил и слабые стороны этой теории по данному вопросу.

Опыт не раз, и в особенности в России и Северной Америке, доказал, что у земледельческих народов, мануфактурный рынок которых предоставлен свободной конкуренции наций, достигших высшей степени мануфактурного развития, ценность ввозимых изделий мануфактурной промышленности часто превышает невероятным образом ценность вывозимого сырья и что иногда вследствие этого происходит внезапно необыкновенный отлив благородных металлов, что влечет за собой экономическое потрясение, в особенности тогда, когда внутренние хозяйственные отношения основываются преимущественно на бумажных орудиях денежного обращения, вызывающих большие кризисы.

Теория утверждает, что драгоценные металлы приобретаются так же, как и всякие другие товары, что, в сущности, безразлично, много или мало находится этих металлов в обращении, так как с уменьшением или увеличением их количества равномерно удешевляются или дорожают все предметы и продукты, что разница вексельного курса оказывает такое же действие, как и премия на большой вывоз товаров из той страны, в пользу которых эта разница время от времени устанавливается: и что, следовательно, денежное обращение и равновесие между ввозом и вывозом, равно как и все другие эконо-

мические отношения страны, наилучшим и вернейшим образом регулируются естественным путем.

Эти соображения совершенно справедливы по отношению к внутренней торговле; они также приложимы к сношениям между двумя городами, между городом и деревней, между двумя провинциями (одного и того же государства), равно как между двумя государствами одной конфедерации. Жалок был бы тот экономист, который полагал бы, что равновесие взаимного ввоза и вывоза между различными штатами американской федерации или государствами германского союза, или между Англией, Шотландией и Ирландией может быть регулируемо правительственными мерами и законами лучше, чем естественным путем. Предположите, что такой союз существует между всеми государствами земли, и эти соображения теории окажутся вполне согласными с природой вещей. Но мы станем в прямое противоречие с опытом, если предположим, что при современных мировых отношениях существует такой порядок вещей в международной торговле.

Ввоз и вывоз независимых стран в настоящее время обусловливается не тем, что теория разумеет под естественным путем, а большей частью коммерческой политикой нации и ее могуществом, ее влиянием на международные отношения, на другие страны и народы, колониальными владениями, внутренними кредитными учреждениями и, наконец, войной и миром. Здесь, следовательно, наблюдаются отношения совсем иного рода, нежели между обществами, соединенными между собой политическими, законодательными и административными связями и потому находящимися в вечном мире и полном единении интересов.

Остановимся, например, на отношениях между Англией и Северной Америкой: если Англия от времени до времени наводняет североамериканский рынок мануфактурными изделиями, если английский банк, посредством повышения или понижения своего дисконта, облегчает или стесняет степень чрезвычайного развития экспорта из Северной Америки, равно и кредит в этой стране; если американский рынок вследствие того оказывается переполненным настолько мануфактурными изделиями, что английские товары в Северной Америке продаются дешевле, чем в Англии, и иногда даже ниже стоимости производства; если, таким образом, Северная Америка находится в беспрерывной задолженности относительно Англии и имеет вексельный курс против себя, то очевидно, что такое прискорбное положение легко улучшится само собой при неограниченной свободе торговли. Северная Америка производит табак, строевой лес, хлеб и пищевые продукты всякого рода несравненно дешевле, чем Англия. Чем больше направляется в Северную Америку английских мануфактурных изделий, тем более средств и побудительных причин является у американского плантатора для производства подобных ценностей; тем более у него побудительных причин к приобретению средств для выполнения принятых на себя

обязательств; чем более вексельный курс на Англию не выгоден для Америки, тем более поощряется вывоз американских земледельческих продуктов, тем успешнее конкуренция американского земледельца с английским на английском хлебном рынке.

Вследствие такого вывоза вексельный курс быстро повысится до своего уровня; он уже ни разу не подвергнется значительному колебанию, так как предусмотрительность и уверенность американцев в том, что долг, накопившийся в течение года за значительный ввоз мануфактурных изделий, будет покрыт в будущем году при помощи увеличения производства и усиленного вывоза, приведет к полюбовной сделке.

В таком положении были бы дела в том случае, если бы торговые сношения английских мануфактуристов и американских сельских хозяев встречали не более препятствий, чем существует между английскими мануфактуристами и ирландскими землевладельцами. Но дело обстоит не так и не может так обстоять, когда Англия облагает американский табак ввозной пошлиной от пятисот до тысячи процентов с его цены, когда она своим тарифом делает невозможным ввоз американского строевого леса и допускает ввоз пищевых продуктов из Америки только во время дороговизны. При таком порядке вещей землевладельческое производство Америки не может быть в равновесии с потреблением английских мануфактурных изделий: долг, накопившийся за эти мануфактурные изделия, не может быть покрыт земледельческими продуктами; американский вывоз в Англию стеснен узкими рамками, между тем как английский вывоз в Северную Америку не ограничен; поэтому вексельный курс между обеими странами не может восстановиться на своем уровне и американский долг Англии не может быть погашен иначе, как драгоценными металлами.

Но эти уплаты металлическими деньгами, подкапывая в корне американскую бумажно-денежную систему, вызывают падение кредита американских банков, а следовательно, и общую революцию в ценах на земельную собственность и на товары, находящиеся в торговом обороте, одним словом, те общие пертурбации в ценах и кредиты, которыми потрясается национальная экономия и которые, как мы видели, ложились бременем на Соединенные Штаты Северной Америки каждый раз, как только они не прибегали к государственным мерам на предмет восстановления равновесия между ввозом и вывозом.

Нельзя считать особенно утешительным для североамериканцев то, что вследствие банкротств и уменьшения потребления взаимный ввоз и вывоз обеих наций впоследствии оказался в сносном положении. Ибо расстройство и потрясения в торговле и кредите, а также уменьшение потребления наносят производительным силам, благосостоянию отдельных лиц и общественному порядку такие удары, от которых не скоро оправляются, и если они часто повторяются, то влекут за собой гибельные последствия, которые не могут не быть продолжительными.

Еще менее может успокоить североамериканцев теория, утверждающая, что безразлично, большое или малое количество драгоценных металлов находится в обращении, что продукты обмениваются только на продукты; что для отдельного лица безразлично, при помощи большого или малого количества металлических денег совершается этот обмен. Несомненно, что для производителя или собственника безразлично, стоит ли предмет его производства или имущественная собственность 100 сантимов или 100 франков при том условии, если он на 100 сантимов может удовлетворить своим потребностям и доставить себе столько же удовольствия, как и на 100 франков. Но низкие или высокие цены безразличны только в том случае, когда они долго остаются в одном и том же положении.

Но если колебания цен часты и сильны, то вызывается расстройство в частной и общественной экономии. Кто купил сырье при существовании высоких цен, тот не может, продавая по низким ценам фабрикаты, реализовать ту сумму звонкой монетой, которую он заплатил за сырье. Кто купил землю по высокой цене и остался должником в части покупной суммы, тот делается несостоятельным и даже утрачивает свою собственность, так как вследствие падения цен стоимость имения, быть может, не достигает размера полученной ссуды. Кто при высоких ценах заключил арендный договор, тот вследствие падения цен разоряется или, по крайней мере, теряет способность к выполнению принятых на себя обязательств. Чем больше повышение и понижение цен, чем чаще колебания, тем гибельнее их влияние на экономическое положение страны и, в частности, на кредит. Но нигде невыгодные последствия необыкновенного прилива или отлива благородных металлов не сказываются с такой ясностью, как в странах, которые по своим потребностям в фабрично-заводских изделиях и по сбыту своих земледельческих продуктов находятся в полной зависимости от чужеземцев и торговля которых основана большей частью на бумажных деньгах.

Известно, что количество орудий денежного обращения или банковых билетов, которые страна может выпустить или сохранить в обращении, регулируется количеством имеющихся в стране звонких денег. Каждый банк будет стремиться к увеличению или уменьшению количества выпуска бумажных орудий денежного обращения и к расширению или сокращению своих операций в соответствии с количеством имеющегося у него в кассах количества благородных металлов. Если банк обильно снабжен звонкой монетой, ему принадлежащей или поступившей к нему посредством вкладов, то он откроет более широкий кредит и, таким образом, даст возможность своим должникам расширить и их операции по ссудам; отсюда является увеличение потребления и повышение цен, а в частности, и увеличение ценности земельной собственности. Если же, напротив, из банка замечается отлив благородных металлов в чувствительных размерах, то он ограничивает кредит и принуждает тем к сжатию кредита и потребления своих должников и должников этих последних и т. д. до тех, ко-

торые обыкновенно покупают ввозимые мануфактурные изделия в кредит. Поэтому в таких странах вследствие необыкновенного отлива звонкой монеты порождается потрясение всей системы кредита, является пертурбация в торговле фабрично-заводскими изделиями и продуктами земледелия, и в особенности в ценности на звонкие деньги всей земельной собственности.

Причину последнего и прежних торговых кризисов в Америке хотели видеть в банковской организации и в бумажно-денежном обращении. Верно то, что банки этому содействовали указанным выше способом, но главная причина этих кризисов лежит в том, что со времени принятия компромисс-билля, или договорного акта на мировую сделку, ценность ввезенных из Англии мануфактурных изделий далеко превысила ценность вывезенных из Америки земледельческих продуктов и что вследствие этого Соединенные Штаты сделались должниками Англии на несколько сот миллионов, которые Штаты не могли покрыть ввозом своих продуктов. Что кризисы зависят от несоразмерного ввоза, доказывается тем, что они возникали всякий раз, как только с восстановлением мира или вследствие уменьшения таможенных пошлин необыкновенно увеличивался ввоз в Америку мануфактурных изделий, и тем, что эти кризисы никогда не имели места, пока таможенным тарифом поддерживалось равновесие между ввозом мануфактурных изделий и вывозом земледельческих продуктов.

Причину этих кризисов думали объяснить затратами крупных капиталов, большей частью занятых в Англии, на проведение каналов и постройку железных дорог. На самом же деле эти займы только затягивали кризисы на несколько лет и делали их более тягостными, но сами по себе они были вызваны отсутствием равновесия между ввозом и вывозом; без этого обстоятельства эти займы не были бы и не могли бы быть заключены.

Так как Северная Америка вследствие большого ввоза мануфактурных изделий задолжала Англии крупную сумму, которая могла быть уплачена не земледельческими продуктами, а только драгоценными металлами, то англичанам легко было (ввиду выгодной для них неустойчивости вексельного курса и размера процентов) заставить заплатить эту сумму акциями американских железных дорог, каналов и банков или облигациями американских государственных займов.

Чем более ввоз мануфактурных изделий превышал вывоз земледельческих продуктов, тем более возрастал в Англии спрос на эти процентные бумаги, тем более в Соединенных Штатах усиливалось стремление к общественным предприятиям. С другой стороны, по мере того как в Северной Америке помещали более капиталов в подобные предприятия, увеличивался и спрос на английские мануфактурные изделия, а вместе с ним возрастало и несоответствие между ввозом и вывозом.

Если, с одной стороны, ввозу английских мануфактурных изделий содействовал кредит, оказываемый американскими банками, то, с другой — ан-

глийский банк играл им на руку как собственным кредитом, так и минимальной нормой своего дисконта. Из официальных отчетов комитета торговли и мануфактур в Англии видно, что вследствие этих дисконтов английский банк уменьшил свою металлическую наличность с 8 на 2 млн. фунтов стерлингов. Таким образом, он ослаблял к выгоде английских фабрикантов действие американской протекционной системы, а с другой стороны, облегчал и поощрял помещение американских акций и облигаций государственных займов в Англии. Ибо, пока в Англии можно было найти деньги за три процента, американские предприниматели и посредники по заключению займов, предлагавшие шесть процентов, не могли не найти в Англии недостатка в лицах, желающих купить эти акции и облигации.

Такое положение дел, приведшее американские фабрики к последовательному упадку, обнаружило, однако же, что большое благосостояние было лишь кажущимся, ибо американские земледельцы находили в рабочих, занятых общественными работами и оплачиваемых английскими капиталами, источник сбыта большей части избытка сельских продуктов, которую при свободе торговли они отправили бы в Англию, а при системе покровительства туземным фабрикам продали бы фабричному населению. Однако при разъединении национальных интересов такое противоестественное положение не могло продолжаться, и перелом должен был тем гибельнее отразиться на Северной Америке, чем далее он отсрочивался. Это положение сходно с положением должника, которого кредитор с помощью возобновляемых кредитов может долго поддерживать, но несостоятельность которого тем значительнее, чем дольше он был в состоянии продолжать свои разорительные операции благодаря поддержке кредитора.

Крах американских банков был вызван необыкновенным отливом из Англии за границу благородных металлов, который в свою очередь обусловливался недостаточностью урожаев и континентальной протекционной системой. Мы говорим: континентальной протекционной системой потому, что если бы англичанам были открыты европейские рынки, то они покрыли бы большую часть чрезвычайных закупок хлеба чрезвычайным отпуском мануфактурных изделий, и их звонкая монета — в том случае, если бы она отвлечена была на континент, — очень скоро вследствие огромного вывоза английских мануфактурных изделий снова вернулась бы в Англию. В таком случае, без сомнения, континентальные фабрики пали бы жертвой англо-американских торговых операций.

Но при таком положении дела английский банк мог выйти из затруднений не иначе, как ограничив свой кредит и возвысив дисконт. Вследствие этой меры в Англии не только сократился спрос на акции и государственные облигации Соединенных Штатов, но даже последовал наплыв на рынок и тех бумаг, которые были в обращении. Этим у Соединенных Штатов не только отнималось средство для покрытия их текущего дефицита новым выпуском бумажных денег, но и весь долг, накопившийся вследствие продажи в Англию в те-

чение многих лет акций и облигаций американских государственных займов, был, на самом деле, потребован обратно. Тогда оказалось, что обращавшаяся в Америке звонкая монета была в действительности собственностью Англии. Более того, оказалось, что англичане могли по своему желанию располагать той наличностью, обладание которой составляло основу банковской и кредитной системы Соединенных Штатов. И если бы они пожелали, то вся эта система рухнула бы, как карточный домик, а с ней рассыпался бы и фундамент, на котором покоилась ценность земельной собственности, а следовательно, и экономическое существование громадного числа частных лиц.

Американские банки пытались отвратить крах, прекратить размен билетов на звонкую монету, и это было единственным средством несколько его ослабить; с одной стороны, банки пытались выиграть время, чтобы уменьшать долг Соединенных Штатов новыми урожаями хлопка и, таким образом, мало-помалу погашать его; с другой — прекращением кредита они надеялись уменьшить ввоз мануфактурных изделий из Англии и сравнять его на будущее время с собственным вывозом.

Очень сомнительно, однако, чтобы вывоз хлопка мог достичь тех размеров, каких достиг ввоз мануфактурных изделий. Действительно, уже более двадцати лет, как производство этого продукта постоянно превышает потребление, так что цена на этот продукт более и более падает. Присоедините к этому, что хлопчатобумажное производство, с одной стороны, встретило сильную конкуренцию со стороны льняного производства, доведенного в наши дни с помощью машин до высокой степени совершенства, с другой стороны, оно должно было конкурировать с хлопчатобумажным же производством в Техасе, Египте, Бразилии и Ост-Индии. Во всяком случае, нужно обратить внимание на то, что вывоз хлопка из Северной Америки не представляет выгод для тех штатов, которые более всего потребляют английские мануфактурные изделия.

Этим штатам, и именно тем, которые получают средства для приобретения мануфактурных изделий благодаря земледелию и скотоводству, грозит в настоящее время кризис совсем иного рода. Американское фабричное производство было подавлено ввозом английских мануфактурных изделий. Весь прирост населения и капитала устремился вследствие этого на новые места на Востоке. Всякое новое поселение увеличивает сначала спрос на земледельческие продукты, но по истечении нескольких лет оно само дает значительный избыток. В настоящее время эти поселения достигли уже указанного положения.

Западные штаты в ближайшем будущем будут отправлять по вновь устроенным каналам и железнодорожным путям невероятный избыток продуктов земледелия в восточные штаты, между тем как в этих последних вследствие упадка фабричной промышленности под влиянием иностранной конкуренции число потребителей уменьшилось и должно постоянно уменьшаться. Это

необходимо должно вызвать обесценение земледельческих продуктов и земельной собственности, и если союз не поспешит принять меры[94] для устранения тех источников, откуда берут свое начало указанные выше денежные кризисы, то общее банкротство земледельцев в земледельческих штатах станет неизбежным.

Из выясненных здесь коммерческих отношений между Англией и Северной Америкой можно вывести следующие заключения:

1) страна, стоящая гораздо ниже Англии по количеству капиталов и по развитию фабрично-заводской промышленности, не может предоставить широкий ввоз к себе английских фабричных изделий, не рискуя сделаться постоянным дебитором, поставить себя в зависимость от ее кредитных учреждений и впасть в круговорот земледельческих, мануфактурных и коммерческих кризисов;

2) английский банк своими операциями был в состоянии понижать цены английских мануфактурных изделий на подчиненном его влиянию американском рынке в пользу английских и в ущерб американских фабрик;

3) английский национальный банк своими операциями достиг того, что американцы в течение целого ряда лет потребляли ценности в форме ввозных товаров в размере большем, чем могли заплатить своими земледельческими продуктами и что в течение нескольких лет американцы покрывали свой дефицит выпуском в Англию акций и облигаций американских государственных займов;

4) при таких обстоятельствах американцы пользовались для внутренней торговли и банковских операций звонкой монетой, большую часть которой английский банк мог потребовать, когда ему было угодно;

5) рыночные колебания денег при всяких обстоятельствах производят самое пагубное влияние на экономическую жизнь наций, в особенности там, где бумажно-денежное обращение обеспечивается ограниченным количеством драгоценных металлов;

6) эти колебания на денежном рынке и происходящие отсюда кризисы не могут быть предупреждены, и потому солидная кредитная система может быть прочной только при условии равновесия между ввозом и вывозом;

7) это равновесие устанавливается тем труднее, чем свободнее допускается конкуренция иностранных мануфактур с туземными и чем более стеснен вывоз земледельческих произведений страны иностранными таможенными мероприятиями; наконец, это равновесие будет тем устойчивее, чем менее страна будет в зависимости от других наций в удовлетворении своих потребностей в мануфактурных изделиях и в сбыте своих земледельческих продуктов.

Эти уроки подтверждаются и опытом России.

Все помнят, каким судорожным колебаниям подвергался государственный кредит в Русской империи, пока русский рынок был открыт для обильного

притока английских мануфактурных изделий, со времени же введения таможенного тарифа 1821 года в России не встречалось ничего подобного.

Очевидно, господствующая теория впала в крайность, противоположную ошибкам так называемой меркантильной системы. Во всяком случае, ошибочно было думать, что богатство народов заключается только в благородных металлах; что нация может обогащаться только в том случае, если она вывозит товаров больше, чем ввозит, так что равновесия в торговом балансе можно было достигнуть лишь ввозом благородных металлов. Но несправедливо также, когда господствующая теория при современных мировых отношениях утверждает, что дело не в том, много или мало обращается в стране благородных металлов, что скорее следовало бы поощрять их вывоз, чем ввоз, и т. д. Это рассуждение было бы справедливо лишь в том случае, если бы все нации и страны были объединены в одном федеративном союзе; если бы не устанавливалось никаких таможенных ограничений для вывоза наших земледельческих продуктов в те страны, мануфактурные изделия которых мы можем оплачивать только этими продуктами; если бы непостоянство войны и мира и т. д. не причиняло никаких колебаний в производстве и потреблении, в ценах и в денежном обращении; если бы обширные кредитные учреждения не пытались распространять свое влияние на другие страны в интересах той нации, которой они принадлежат. Но пока существует разобщенность национальных интересов, государственная осторожность каждой великой нации требует предупреждения, посредством таможенных пошлин, тех колебаний в монетной системе и пертурбаций в ценах, которые разрушают всю ее внутреннюю экономическую жизнь, а этой цели можно достигнуть не иначе как установлением прочного равновесия между фабрично-заводским и земледельческим производствами страны, между ввозом и вывозом.

Господствующая теория, очевидно, в области международной торговли не сделала должного различия между обладанием благородными металлами и способностью обладать таковыми. Уже в частных сношениях необходимость этого различия сказывается с полной очевидностью. Никто не хочет хранить деньги, всякий старается отделаться от них, но всякий стремится к тому, чтобы иметь возможность обладать во всякое время необходимой для него суммой.

Равнодушие к обладанию деньгами всюду пропорционально богатству. Чем богаче человек, тем менее стремится он к хранению денег, он обеспечивает себя только тем, чтобы во всякое время иметь возможность пользоваться деньгами, находящимися в чужих кассах; напротив, чем человек беднее, чем он обладает меньшей возможностью доставать деньги, находящиеся в чужих руках, тем старательнее должен он заботиться о том, чтобы иметь в непосредственном обладании денежные резервы. То же самое имеет место и с нациями богатыми и бедными промышленностью. Если Англия вообще мало беспокоится о количестве слитков золота и серебра, которые уходят за грани-

цу, то она отлично знает, что усиленный отлив благородных металлов имеет последствием, с одной стороны, повышение у нее цен этих металлов и дисконта, с другой стороны, понижение цен на мануфактурные изделия; вследствие такого понижения этих цен усиливаются вывоз предметов сказанных изделий или реализация иностранных акций и облигаций государственных займов, и золото и серебро быстро снова в нужном для нее количестве к ней вернутся. Англия — это богатый банкир, который, не имея медного гроша в кармане, может получить какую угодно сумму от своих близких или отдаленных должников. Но если необыкновенный отлив звонкой монеты является у наций исключительно земледельческих, то их положение далеко не так благоприятно, потому что их средства для приобретения необходимой для них денежной металлической наличности ограничены не только вследствие незначительной меновой ценности их земледельческих продуктов, но также и по причине препятствий, которые создаются иностранными законодательствами относительно ввоза их продуктов в эти страны. Они походят на бедного человека, который в случае нужды не может достать необходимого ему количества денег, т. е. он не может своего должника — богатого человека — заставить произвести ему уплату, так как последний имеет право востребования с него долга; а когда богатый окажется в затруднительном положении, то он взыщет свой долг с бедного, следовательно, бедный не может считать своей собственностью то, что действительно находится в его руках.

Способность обладать необходимой во всякое время суммой звонких денег для внутренней торговли нация приобретает главным образом посредством обладания или производства товаров и ценностей, меновая сила которых наиболее приближается к благородным металлам.

При обсуждении вопросов международной торговли школа также мало обращает внимания на степень различия меновой силы разных предметов, равно и на способность обладать драгоценными металлами.

Если мы будем наблюдать в этом отношении различные ценности, обращающиеся в торговле, то заметим, что многие из них настолько прикреплены, что они могут быть реализованы лишь в данном месте, причем и самая продажа их сопряжена с большими издержками и трудностями. Они составляют более трех четвертей народного богатства — это недвижимая собственность и связанные с ней орудия производства. Как бы ни была велика земельная собственность отдельного лица, он не может послать в город своих полей и лугов для приобретения денег или товаров. Конечно, он может заложить их, но для этого ему нужно найти заимодавца, и чем более он удаляется от своей недвижимой собственности, тем менее вероятности для удовлетворения его потребности.

После ценностей, связанных с местом, самой незначительной меновой силой в международной торговле обладают земледельческие продукты, за исключением колониальных товаров и небольшого количества ценных предме-

тов. Наибольшая часть этих ценностей, каковы: строительные материалы и топливо, зерновые хлеба, плоды и скот, находят сбыт лишь в ближайших местностях, и когда они в большом избытке, то для них требуются склады и магазины, чтобы иметь возможность их реализовать. При отправлении подобных продуктов за границу их сбыт опять ограничивается лишь несколькими промышленными и торговыми нациями, да и у этих наций он сплошь и рядом обусловливается ввозными пошлинами и результатами собственных урожаев. Внутренние штаты Северной Америки хотя бы и были переполнены скотом и земледельческими продуктами, тем не менее не были бы в состоянии посредством вывоза избытка получить значительные суммы благородных металлов из Южной Америки, Англии или европейского континента. Без всякого сравнения, большей меновой силой обладают ценные мануфактурные изделия общего потребления.

Они находят обыкновенно сбыт на все открытые рынки мира, а во время сильных кризисов, когда падают цены, даже на те рынки, где покровительственные пошлины были рассчитаны лишь на обычный порядок вещей. Меновая сила этих ценностей, очевидно, наиболее приближается к меновой силе благородных металлов, и опыт Англии показывает, что при монетных кризисах, вызываемых неурожаями, усиленный вывоз мануфактурных изделий, а также акций и облигаций государственных займов быстро снова восстанавливает равновесие. Последние, т. е. иностранные акции и облигации государственных займов, обладание которыми является, очевидно, результатом благоприятного торгового баланса, вызванного вывозом мануфактурных изделий, служат в руках промышленной нации векселями, приносящими земледельческой нации проценты, — векселями, которые при необыкновенной нужде этой нации в благородных металлах могут быть проданы, хотя и с потерей для отдельных лиц (подобно продаже фабричных изделий во время монетного кризиса), но с громадной выгодной для поддержания национально-экономического состояния промышленной страны.

Хотя школа относилась с пренебрежением к доктрине о торговом балансе, но изложенные нами выше наблюдения позволяют нам высказать здесь мнение, что между великими и независимыми нациями существует нечто вроде торгового баланса; что для великих наций было бы опасно долгое время испытывать невыгоды этого баланса и что значительный и продолжительный отлив драгоценных металлов всегда должен сопровождаться значительным расстройством кредитной системы и колебанием цен внутри страны. Мы далеки от того, чтобы защищать доктрину о торговом балансе в том виде, как его понимала так называемая меркантильная система, и не разделяем убеждения, что нация должна всеми способами предупреждать отлив благородных металлов, или что ей необходимо строго считаться с каждой нацией в отдельности, или что в торговых сношениях между великими нациями нужно останавливаться на разнице в несколько миллионов между вывозом и ввозом. Что

мы отрицаем, так это только то, что великая и независимая нация, как это утверждает Адам Смит в конце главы, посвященной этому вопросу, может «ежегодно ввозить значительно большее количество ценностей в виде земледельческих продуктов и мануфактурных изделий, чем вывозить их, равно допустить, как имеющееся в ее распоряжении количество благородных металлов может уменьшаться с года на год, и что она может заменить металлическое денежное обращение во внутренних оборотах бумажным, наконец, что такая нация может увеличивать постоянно свои займы у другой нации и, рядом с возрастанием государственного долга, в то же время с года на год увеличивать свое благосостояние».

Это именно положение, выраженное Адамом Смитом и поддержанное его школой, мы объявляем сто раз опровергнутым опытом, противоречащим здравому пониманию природы вещей, наконец, абсурдным — позволим себе возвратить Адаму Смиту это его энергичное выражение.

Само собой разумеется, что здесь речь идет не о странах, которые сами с выгодой добывают благородные металлы и где, следовательно, вывоз этих металлов носит такой же характер, как вывоз мануфактурных изделий. Точно так же мы не говорим о разнице в торговом балансе, которая необходимо должна существовать, когда нация таксирует как ввозимые, так и вывозимые предметы по тем ценам, какие существуют в ее собственных приморских городах. Ясно и неоспоримо, что в таком случае у каждой нации сумма ввоза должна превышать вывоз на всю сумму ее торговой прибыли, а это обстоятельство говорит всегда в ее пользу. Еще менее склонны мы оспаривать те исключительные случаи, когда превышения вывоза оказываются скорее убыточными, чем прибыльными, как, например, при потере ценностей вследствие кораблекрушений. Школа ловко воспользовалась призрачной верностью конторского исчисления и сравнения ценности вывоза и ввоза, чтобы отвести нам глаза от той убыточности, происходящей от действительного, постоянного и громадного несоответствия между ввозом и вывозом великой и независимой нации, которая выражается в невероятных цифрах, как, например, во Франции в 1786–1789 годах, в России в 1820–1821 годах и в Северной Америке после билля о компромиссе.

Наконец — и это главным образом необходимо заметить, — мы не желаем говорить ни о колониях, ни о странах, которые не имеют самостоятельности, ни о незначительных изолированных государствах, ни об отдельных свободных городах, но лишь о целых великих и независимых нациях, которые имеют свою независимую торговую систему, национальную земледельческо-мануфактурную систему, национальную систему денежного обращения и банкового кредита.

Очевидно, от природы самих колоний зависит то, что их вывоз может значительно и постоянно превышать ввоз, хотя это и не дает еще права заключать об увеличении или уменьшении их благосостояния. Благосостояние ко-

лонии всегда увеличивается в соответствии с общей суммой с года на год развивающегося ввоза и вывоза. Если вывоз из них колониальных товаров значителен и постоянно превышает ввоз мануфактурных изделий, то главная причина этого лежит в том, что земельные собственники колоний живут в метрополии и получают свою ренту или в виде колониальных товаров, или в деньгах, вырученных от их продажи. Если, напротив, вывоз фабрикатов в колонию превышает ввоз колониальных товаров, то это может обусловливаться тем, что ежегодный приток в колонию громадной массы капиталов вызывается эмиграцией и займами. Такой порядок вещей в высшей степени благоприятен для колоний. Он может длиться в течение целых столетий, и при таком порядке торговые кризисы или редки, или невозможны, потому что колониям не угрожают ни война, ни враждебные торговые мероприятия, ни операции национального банка метрополии, потому что у них нет собственной и независимой торговой, кредитной и промышленной системы, а между тем они пользуются постоянным покровительством и поддержкой кредитных учреждений и законов метрополии.

Подобные отношения существовали с пользой целые века между Северной Америкой и Англией, существуют и в наше время между Англией и Канадой и, вероятно, просуществуют еще столетия между Англией и Австралией.

Но эти отношения изменяются в корне с того момента, когда колония вступает на путь независимой нации со всеми притязаниями на атрибуты великой и самостоятельной национальности и стремится создать собственное могущество и собственную политику, собственную торговую и кредитную систему. Теперь бывшая колония издает законы в видах особенного покровительства своему торговому мореходству и военному флоту, она устанавливает таможенную систему в пользу внутренней промышленности, учреждает национальный банк и т. д., из чего следует, что она чувствует уже себя призванной перейти от колониальной зависимости к самостоятельности благодаря своим умственным, физическим и экономическим вспомогательным средствам и стать мануфактурной и коммерческой нацией. Метрополия же, напротив, со своей стороны препятствует развитию мореходства, торговли и земледелия своей бывшей колонии и посредством своих кредитных учреждений стремится к поддержанию исключительно своих национально-экономических интересов.

Этим именно примером североамериканских колоний до их войны за независимость Адам Смит хотел доказать указанный выше свой в высшей степени парадоксальный тезис, что страна может пользоваться постоянно возрастающим благосостоянием, увеличивая свой вывоз золота и серебра, ограничивая металлическое денежное обращение, расширяя бумажное денежное обращение и увеличивая свой долг другой нации. Адам Смит поостерегся указать на пример двух давно уже независимо стоящих друг от друга наций, соперничающих между собой в мореходстве, торговле, мануфактурной про-

мышленности и земледелии; для доказательства своего положения он указывает нам лишь на отношения колонии к ее метрополии. Если бы он дожил до наших дней и теперь писал свою книгу, то, конечно, не решился бы сослаться на пример Соединенных Штатов, так как теперь этот пример доказал бы совершенно противоположное тому, что Адам Смит хотел доказать.

При такого рода обстоятельствах — можно ли возражать против этого? — для Соединенных Штатов было бы несравненно выгоднее стать снова в колониальные отношения к Англии. На это мы ответим: да! если только Северная Америка не умеет воспользоваться своей национальной независимостью для создания национальной промышленности, самостоятельной и независимой от внешних влияний системы торговли и кредита. Разве не ясно, что если бы эти колонии не отделились от метрополии, то не был бы проведен английский хлебный билль, Англия никогда не обложила бы чрезмерной пошлиной американский табак, массы строевого леса беспрепятственно направлялись бы из Соединенных Штатов в Англию, Англия, будучи далека от мысли поощрять возделывание хлопка в других странах, постаралась бы создать и сохранить монополию этого производства за североамериканцами; вместе с тем и торговые кризисы, которые с начала нынешнего столетия угнетали Северную Америку, не имели бы места. Да! если Соединенные Штаты не хотят или не могут заниматься фабричным производством, выработать устойчивую систему кредита, достичь морского могущества, тогда жители Бостона напрасно выбросили чай в море, тогда бесполезны все их декларации в пользу независимости и будущего национального величия, в таком случае самое лучшее, что они могли сделать, — это вернуться как можно скорее в колониальную зависимость от Англии. Тогда Англия будет им покровительствовать, вместо того чтобы стеснять, она разорит конкурентов Северной Америки по культуре хлопка и зерновых хлебов, вместо того чтобы создавать со всей энергией для нее новых конкурентов. Английский национальный банк откроет в Северной Америке филиальное отделение, английское правительство будет поощрять эмиграцию и отлив капиталов в Северную Америку и, совершенно уничтожая американское фабричное производство и поощряя вывоз американского сырья и земледельческих продуктов в Англию, с отеческой заботливостью будет предупреждать возврат торговых кризисов и поддерживать постоянное равновесие между ввозом и вывозом колонии. Одним словом, американские рабовладельцы и плантаторы хлопка дождутся тогда осуществления своих лучших грез.

И действительно, подобные отношения больше удовлетворяют патриотизму, интересам и нуждам плантаторов, чем национальная самостоятельность и величие Соединенных Штатов. Только при первых порывах к свободе и независимости мечтали они о промышленной самостоятельности. Но скоро они остыли, и уже целую четверть века страшит их промышленное благосостояние центральных и западных штатов, они пытаются доказать в

конгрессе, что благосостояние Америки обусловливается промышленным господством Англии над Соединенными Штатами. Что же это значит, как не то, что Северная Америка сделалась бы богаче и счастливее, ставши снова английской колонией?

Вообще нам кажется, что защитники свободной торговли в том, что касается денежных кризисов и торгового баланса, а также фабрично-заводской промышленности, поступили бы гораздо последовательнее, если бы совершенно откровенно посоветовали всем нациям стать в подчиненные отношения к Англии и, таким образом, воспользоваться всеми выгодами английских колоний. Это подчиненное положение было бы, очевидно, несравненно благоприятнее для их экономического положения, чем двусмысленность положения тех наций, которые, не создав собственной системы мануфактурной промышленности, торговли и кредита, домогаются тем не менее независимости по отношению к Англии. Разве не очевидно, сколько выиграла бы Португалия, если бы со времени заключения Метуэнского трактата она управлялась английским вице-королем, если бы Англия пересадила свое законодательство на национальный дух в Португалию и если бы приняла эту страну под свое покровительство, как это она сделала с Ост-Индией? Разве не очевидно, как выгоден был бы подобный режим для Германии — даже для всего европейского континента?

Ост-Индия, правда, разорила в пользу Англии свою фабрично-заводскую промышленность, но разве она не выиграла бесконечно в своем земледелии и вывозе земледельческих продуктов? Разве не прекратились войны между ее магараджами? разве не чувствуют себя счастливыми ост-индские князья и короли? разве они не сохранили своих огромных частных доходов? разве они не вполне освободились от тяжелых забот управления страной?

Впрочем, достойно примечания, хотя бы в том роде, в каком имеет силу у Адама Смита подтверждение положений парадоксами, что этот знаменитый писатель, несмотря на все свои аргументы против существования торгового баланса, тем не менее признает нечто, что он называет балансом между потреблением и производством наций, но что при ближайшем рассмотрении оказывается не чем иным, как нашим действительным торговым балансом. Нация, вывоз и ввоз которой находятся в достаточном равновесии, может быть уверена, что она (что касается ее национальной торговли) не будет потреблять ценностей значительно больше, чем производит; между тем как нация, которая в течение целого ряда лет, как, например, в последнее время Северная Америка, ввозит иностранных мануфактурных изделий гораздо больше, чем вывозит ценностей собственного земледельческого производства, может быть уверена, что по отношению к международной торговле она потребляет значительно большее количество иностранных ценностей, чем производит туземных. На что же другое, как не на это, указывали кризисы во Франции (в 1788–1789 годах), в России (в 1820–1821 годах) и Северной Америке (в 1833 году)?

В заключение этой главы мы позволим себе предложить несколько вопросов тем, которые относят все учение о торговом балансе к области устаревших сказок:

Почему это постоянно неблагоприятный баланс в тех странах, к невыгоде которых он клонится (за исключением колоний), всегда и без исключения сопровождался торговыми кризисами, колебаниями цен, финансовыми затруднениями и общей несостоятельностью как кредитных учреждений, так и отдельных коммерсантов, фабрикантов и заводчиков, а равно и земледельцев?

Почему это в тех странах, которым баланс решительно благоприятствовал, постоянно наблюдались явления противоположного характера и почему торговые кризисы в странах, с которыми эти нации находились в коммерческой связи, оказывали на них лишь быстро проходящее невыгодное влияние?

Почему это с тех пор, как Россия сама удовлетворяет большую часть своих потребностей в предметах фабрично-заводского производства, торговый баланс решительно и настойчиво клонится в ее пользу? Почему с тех пор не слышно об экономических потрясениях в России и почему благосостояние этой империи увеличивается с года на год?[95]

Почему это в Северо-Американских Штатах подобными причинами были вызваны подобные же следствия?

Почему в Северо-Американских Соединенных Штатах при огромном ввозе фабричных изделий, последовавшем за проведением компромисс-билля, торговый баланс в течение целого ряда лет был так замечательно для них неблагоприятен и почему это явление сопровождалось такими громадными продолжительными потрясениями внутренней национальной экономической жизни? Почему в настоящее время, как мы видим, Соединенные Штаты до того переполнены сырьем всякого рода (каковы хлопок, табак, скот, зерновые хлеба и т. д.), что цены на него всюду упали до половины, и почему, однако, эти Соединенные Штаты не находят возможности восстановить равновесие между ввозом и вывозом, покрыть свой долг Англии и восстановить на прочных основаниях свою систему кредита?

Если не существует торгового баланса, если не придают значения тому, благоприятен он или не благоприятен для нас, если безразлично, велик или незначителен отлив драгоценных металлов за границу, то почему Англия при неурожаях (единственный случай, когда баланс ей не благоприятствует) начинает с беспокойством и содроганием сравнивать вывоз с ввозом? Почему тогда Англия считает каждый унц ввозимого или вывозимого золота или серебра и почему ее национальный банк с таким беспокойством старается воспрепятствовать вывозу благородных металлов и содействовать ввозу? Почему, спрашиваем мы, если торговый баланс является только exploded fallacy (позорная ложь), зачем в такое время нельзя указать ни одной английской газеты, которая не говорила бы об этом, как о самом важном для страны предмете?

Почему в Северной Америке те самые люди, которые до проведения компромисс-билля считали торговый баланс за exploded fallacy, со времени проведения этого билля не перестают говорить об этом exploded fallacy, как о предмете самом важном для страны?

Если сама природа вещей постоянно доставляет каждой стране потребное ей количество благородных металлов, то почему английский банк пытается склонить эту природу вещей в свою пользу ограничением кредита и повышением дисконта и почему американские банки от времени до времени видят себя вынужденными прекратить платежи звонкой монетой до тех пор, пока ввоз и вывоз не достигнут известного равновесия?

ГЛАВА XXIV. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ПРИНЦИП САМОСОХРАНЕНИЯ И ПРОГРЕССА

Если мы будем исследовать прогресс отдельных отраслей промышленности с начала их возникновения, то найдем, что они мало-помалу овладевали улучшенными способами обработки, машинами, зданиями, выгодами производства, опытом, ловкостью и всеми теми знаниями и отношениями, которые обеспечивают им наивыгоднейшую доставку сырья и наивыгоднейшие условия сбыта их продуктов.

Мы убеждены, что обыкновенно несравненно легче усовершенствовать уже начатое предприятие и его расширить, чем создать новое. Мы всюду видим, что старые предприятия, над которыми работают несколько поколений, дают больше выгод, чем новые. Мы замечаем, что тем труднее пустить в ход новое предприятие, чем менее имеется в стране подобных отраслей производства, потому что здесь предприниматель, мастер, рабочий должны учиться вести новое дело или быть выписываемы из-за границы; при этом не имеется еще достаточного понятия о тех результатах, которых может достигнуть предприятие, чтобы капиталисты могли быть уверены в его успехе. Если мы сравним положение отдельных отраслей промышленности в одной и той же стране в различные периоды, то найдем повсюду, что они, если только не было особенных причин, влиявших на них разрушительно, достигали от поколения к поколению значительного прогресса не только относительно дешевых цен, но и относительно качества и количества продуктов. С другой стороны, мы замечаем, что под влиянием внешних разрушительных причин, каковы война, разорение страны и т. д., или под давлением деспотических и фанатических государственных или финансовых мер, какова, например, отмена Нантского эдикта, целые нации отодвигались назад на целые столетия в их промышленности вообще или в частности в отдельных ее отраслях и были опережаемы другими нациями, которые раньше были далеко позади их.

Одним словом, бросается в глаза то, что в промышленности, как и во всех других человеческих делах, основой обширной деятельности является тот естественный закон, который имеет много общего с естественным законом разделения операций труда и ассоциации производительных сил — законом, сущность которого состоит в том, что несколько следующих одно за другим поколений подобным же образом комбинируют, так сказать, свои силы для достижения одной и той же цели и некоторым образом разделяют между собой усилия, которые для этого требуются. В силу этого самого принципа наследственная монархия была несравненно благоприятнее для поддержания и укрепления национальности, чем избирательная монархия с ее неустойчивостью царствующих династий.

Отчасти этот естественный закон гарантирует громадные успехи в промышленности, торговле и мореплавании тем народам, которые с давних пор живут под режимом правильно понятой конституционной формы правления. Только этим естественным законом объясняется отчасти влияние письменности и книгопечатания на успехи человечества. Только письменность создала более совершенные, чем устное предание, способы для передачи человеческих знаний и опыта от одного поколения к другому. Без сомнения, сознанию этого естественного закона нужно приписать отчасти возникновение у народов древности кастового устройства и установление в Египте закона, по которому сын должен был продолжать промысел отца; до изобретения и всеобщего распространения письма такие институты могли казаться необходимыми для поддержания и дальнейшего развития искусства и промыслов.

Цеховое устройство, или корпорации, получило начало также отчасти под влиянием такого воззрения.

Сохранением и дальнейшим усовершенствованием искусств и наук и передачей их от одного поколения другому мы обязаны в значительной степени древним кастам жрецов, монастырям и университетам.

Какого могущества, какого влияния достигли духовные и рыцарские ордена и папский престол вследствие того, что в течение целых веков преследовалась одна и та же цель, что последующее поколение постоянно продолжало развивать дело, унаследованное им от предыдущего поколения!

Еще очевиднее будет такая важность этого принципа, если обратить внимание на вещественные сооружения.

Отдельные города, монастыри и корпорации воздвигали сооружения, стоимость которых, может быть, превосходила стоимость всей их нынешней собственности. Средства для этого они могли собрать только благодаря тому, что целый ряд поколений жертвовал своими сбережениями для одной и той же великой цели.

Обратите внимание на систему каналов и шлюзов Голландии: она является результатом сбережений и усилий многих поколений. Только целому ряду поколений под силу создание общей национальной системы путей сообщения, общей системы укреплений и защиты.

Государственная кредитная система является одним из прекраснейших созданий новейшей администрации и благословением для наций, поскольку она дает возможность современному поколению распределять на многие поколения издержки тех сооружений и предприятий, в которых заинтересовано все будущее нации и которые обеспечивают ее существование, развитие, величие, могущество и приумножение производительных сил; но эта же система является проклятием, когда к ней прибегают для бесполезного национального потребления и этим не только не содействуют успехам будущих поколений, но отнимают у них средства для разных национальных предприятий, или когда тяжесть уплаты процентов по национальному долгу падает на предметы потребления рабочего класса, вместо того чтобы ложиться тяжестью на доходы имущих классов.

Государственные долги — это вексель современного поколения, выданный для уплаты будущим. Эти займы могут быть заключены исключительно в интересах современного поколения, или в интересах будущих поколений, или в общих интересах тех и других. И только в первом случае они должны быть признаны средством предосудительным. Но во всех других случаях, когда имеется в виду поддержание и развитие национальности, они принадлежат к последней категории, постольку потребные для этого средства превышают силы современного поколения.

Никакие издержки современных поколений не направляются столь решительно и несомненно к значительной выгоде будущих поколений, как издержки на усовершенствование путей сообщения, так как вообще подобные сооружения не только увеличивают в размерах необычайных и в постоянно возрастающей прогрессии производительные силы будущих поколений, но с течением времени погашают капитал, на них затраченный, и даже приносят дивиденды.

Современное поколение не только имеет такое же право возлагать на будущие поколения погашение затраченного на подобные предприятия капитала вместе с процентами, пока они дают на этот предмет доход, но оно отнеслось бы несправедливо к самому себе и действовало бы вопреки истинным законам национальной экономии, если бы приняло на себя всю тяжесть или значительную часть этого бремени.

Возвращаясь к нашим исследованиям о крупных отраслях промышленности, о которых мы здесь говорим, заметим, что даже в земледелии беспрерывность работы имеет большое значение, хотя эта работа и несравненно менее подвержена перерывам, чем в фабрично-заводской промышленности, и что в земледелии эти перерывы несравненно менее гибельны, и их невыгодные последствия гораздо скорее и легче устраняются, чем в фабрично-заводской промышленности.

Какие бы тяжелые потрясения ни испытывало земледелие, собственные потребности и собственное потребление земледельцев, общее распростране-

ние необходимых для земледелия знаний и способностей, наконец, простота приемов и сельскохозяйственных орудий не дозволят земледелию прийти в совершенный упадок.

Даже после опустошений войны оно быстро восстанавливается. Ни неприятель, ни иностранная конкуренция не в состоянии отнять у земледелия его главного орудия — почвы, и нужны усилия целого ряда поколений, чтобы обратить плодоносные поля в пустыни или отнять у жителей средства к занятию земледелием.

Наоборот, что касается фабрично-заводской промышленности, то самые легкие и краткие перерывы парализуют ее, а продолжительные убивают. Чем более данная фабрикация требует искусства и ловкости, чем значительнее сумма необходимых для нее капиталов и чем теснее затраченные капиталы связаны с отдельной отраслью промышленности, тем гибельнее перерыв. Машины и орудия превращаются в негодное железо и в дрова, здания — в развалины, а рабочие и техники эмигрируют или обращаются для заработков к земледелию.

Таким образом, в короткое время исчезает весь комплект сил и предметов, который мог образоваться только вследствие усилий и стараний нескольких поколений.

Как при возрастании и преуспеянии фабрично-заводской промышленности одна отрасль вызывает другую, поддерживает ее, двигает вперед и доводит до процветания, так при упадке мануфактурной промышленности падение одной отрасли всегда является предвозвестником падения нескольких других и в конце концов главных элементов мануфактурной силы.

Убеждение в могущественном значении беспрерывности работы и в непоправимости ущерба, происходящего от перерыва, и создало идею таможенного покровительства фабрично-заводской промышленности, а вовсе не страх и не эгоистические требования привилегий со стороны фабрикантов.

В тех случаях, когда таможенное покровительство не в состоянии помочь — например, когда фабрики страдают от недостатка сбыта за границу, когда правительство не в состоянии предупредить остановки в производстве, — мы видим часто, что фабриканты продолжают работать в чистый убыток себе. В ожидании лучшего времени они хотят избежать непоправимого вреда от прекращения работы.

При свободной конкуренции для того, чтобы заставить соперников прекратить работы, нередко фабриканты и заводчики продают свои изделия по пониженным ценам и чаще всего в убыток себе. Они хотят не только предохранить себя от перерыва работы, но и принудить к этому других в надежде вознаградить себя в будущем повышенными ценами за понесенные убытки.

Во всяком случае, стремление к монополии лежит в природе фабрично-заводской промышленности; но это обстоятельство, однако, говорит не против,

а за протекционную систему, так как в границах внутреннего рынка это стремление содействует понижению цен и успехам промышленности и национального благосостояния, между тем как, если оно с особенной силой действует на внутреннюю промышленность извне, результатом его является перерыв в работах и упадок фабрик и заводов.

То обстоятельство, что фабрично-заводское производство, особенно с тех пор, как оно получило такую необыкновенную поддержку в машинах, не знает границ, кроме тех, которые ставят ему капитал и сбыт, позволяет нации, которая заняла первое место, благодаря непрерывности работать в течение нескольких столетий, благодаря накоплению громадных капиталов, обширной торговле, господству на денежном рынке при посредстве обширных кредитных установлений (которые обладают силой понижать цены фабричных изделий и побуждать фабрикантов к их вывозу), — это обстоятельство позволяет нации, повторяем мы, объявить всем другим странам войну на жизнь и смерть.

При таких обстоятельствах совершенно невозможно, чтобы у других наций благодаря успехам земледелия вследствие «естественного порядка вещей», как выражается Адам Смит, возникло разнообразное фабрично-заводское производство или чтоб могли удержаться те отрасли производства, которые возникли под влиянием вызванных войной торговых перерывов «естественным путем».

Такие нации находятся в таком же положении, в каком находится ребенок или юноша, который, вступив в борьбу с взрослым, с трудом может выдерживать борьбу и даже оказывать сопротивление.

Фабрики нации, достигшей торгового и промышленного верховенства (Англия), имеют тысячи преимуществ перед только что зарождающимися или недоразвитыми фабриками других наций.

К этим преимуществам принадлежат, например: массы опытных и знающих рабочих, и притом за дешевую цену, лучшие техники, самые совершенные и дешевые машины, огромные выгоды при покупке и продаже, в особенности же дешевизна доставки сырых материалов и отправки фабрикатов, обширный кредит фабрикантов в банковских учреждениях за ничтожный процент; опыт, орудия, здания, складские места, сношения, все то, что может быть собрано и организовано усилиями нескольких поколений; обширный внутренний рынок и, что то же самое, столь же обширный колониальный рынок, следовательно, уверенность при различных обстоятельствах вывезти с громадной выгодой от себя массу фабрично-заводских изделий; наконец, гарантия устойчивости и достаточности средств на целые годы для обеспечения будущего на случай, если понадобится покорить иностранный рынок.

Рассматривая одно за другим эти преимущества, нельзя не признать, что при таком могуществе безрассудно было бы возлагать надежды на естественный порядок вещей при свободной конкуренции, когда приходится

воспитывать рабочих и техников, когда машинное производство и пути сообщения только в зародыше, когда для фабриканта не обеспечен внутренний рынок, не говоря уже о невозможности большого сбыта за границу, когда фабрикант в лучшем случае считает себя счастливым найти кредит в пределах насущной потребности, когда ни одного дня нельзя быть уверенным в том, что вследствие торговых кризисов и банковских операций Англии внутренний рынок не будет наводнен массой иностранных фабричных изделий по таким ценам, которые едва в состоянии оплатить стоимость сырья и которые, таким образом, могут остановить развитие фабрично-заводского дела на несколько лет.

Напрасно такие нации обрекли бы себя на вечное подчинение английскому мануфактурному верховенству и удовлетворились скромной ролью поставщиков Англии тех предметов, которые она сама не может производить или которые не может получить из другого места. И в этом принижении себя они не нашли бы спасения.

К чему послужило, например, североамериканцам то, что они пожертвовали для снабжения хлопком Англии благосостоянием прекраснейших и образованнейших штатов, штатами свободного труда и даже, быть может, их будущим национальным величием. Препятствовали ли они таким образом Англии получать этот материал из других стран света? Напрасно немцы задались бы целью выписывать для своего потребления взамен высоких сортов своей шерсти английские полуфабрикаты, едва ли бы они этим воспрепятствовали Австралии наводнить всю Европу высшими сортами шерсти.

Это подчиненное положение покажется еще более печальным, если принять во внимание, что эти нации вследствие войны лишаются сбыта земледельческих продуктов, а вместе с тем и средств для покупки заграничных фабричных изделий.

Тогда всякие соображения и экономические системы теряют смысл и на сцену выступает принцип самосохранения, самозащиты, который заставляет нации обратиться к собственной переработке земледельческих продуктов и обходиться без иностранных фабричных изделий. При таком положении дела нечего рассуждать, с какими издержками связана запретительная система, вызванная войной.

Как бы ни были велики усилия и жертвы, понесенные земледельческой нацией для создания в течение войны фабрик и заводов, возобновляющаяся с заключением мира конкуренция со стороны первой мануфактурной силы сотрет с лица земли это здание, созданное нуждой. Одним словом, эта постоянная борьба созидания и разрушения, благосостояния и бедствия — участь тех наций, которые не стремятся обеспечить себе выгоды непрерывности работы из поколения в поколение посредством осуществления национального разделения операций труда и ассоциации производительных сил.

ГЛАВА XXV. МАНУФАКТУРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СРЕДСТВА, ВОЗБУЖДАЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ

В обществе «производить» называют не только то, что производит продукты в собственном смысле или вызывает деятельность производительной силы, но и то, что возбуждает производство и потребление или создает производительные силы.

Художник своими творениями действует облагораживающим образом на человеческую душу и на производительные силы общества, но так как наслаждение искусством предполагает обладание теми материальными предметами, которыми это наслаждение оплачивается, то, следовательно, художник возбуждает материальную производительность и побуждает к бережливости.

Книги и журналы, распространяя просвещение, влияют на умственное и материальное производство, но их приобретение стоит денег, а потому и удовольствие, которое они доставляют, является стимулом материального производства.

Воспитание юного поколения облагораживает общество; но как много усилий приходится делать родителям для приобретения средств, необходимых для того, чтобы дать детям хорошее воспитание!

Какая масса моральных и физических усилий требуется в расчете быть принятым в среду лучшего общества!

Можно жить в хижине так же хорошо, как и в городе, можно на ничтожную сумму денег защитить себя от холода и дождя так же хорошо, как и самыми красивыми и элегантными одеждами. Золотые и серебряные украшения и домашняя утварь нисколько не удобнее стальных и оловянных. Но порядочность, связанная с обладанием этими предметами, вызывает умственные и физические усилия и возбуждает стремление к порядку и сбережениям, и этому возбуждающему средству общество обязано значительной частью своей производительной способности.

Даже рантье, все занятия которого ограничиваются получением, сохранением и истреблением своих доходов, оказывает разнообразное влияние на моральное и физическое производство. Во-первых, тем, что своим потреблением поддерживает искусства, науки и изящную промышленность, далее тем, что он, так сказать, исполняет функции сохранения и увеличения материального и общественного капитала, наконец, тем, что роскошью своей жизни возбуждает соревнование в прочих классах общества. Как целая школа выдачей наград возбуждает усилия учеников, хотя эти награды выпадают на долю лишь немногих, так и богатство с сопровождающей его пышностью возбуждает все общество в целом его составе. Естественно, что такое влияние исчезает там, где избыток материальных средств является плодом узурпации, вымогательства или обмана, равно как и там, где невозможно его приобрести и пользоваться его плодами на глазах общества.

Фабрично-заводская промышленность снабжает нас или орудиями производства, или средствами для удовлетворения наших потребностей, или предметами роскоши. Обыкновенно эти два последних свойства смешиваются.

Везде различные классы общества различаются как по жилищу, обстановке, одежде, так и по роскоши и качеству экипажей, числу и выправке их прислуги. На низших ступенях развития фабрично-заводской промышленности это различие слабо, другими словами, — в это время все одинаково дурно живут, одинаково дурно одеты и дух соревнования совсем не существует. Соревнование рождается и возрастает по мере развития промыслов. В странах, где процветают фабрики, всякий и живет и одевается хорошо, как бы ни различались по качеству потребляемые мануфактурные изделия. Никто, если только он чувствует еще в себе силы для работы, не захочет казаться нуждающимся. Мануфактурные изделия содействуют, следовательно, социальной производительности общества теми возбуждающими средствами, каких не может доставить земледелие со всем его домашним грубым производством, сырьем и пищевыми продуктами.

Правда, существует значительное различие между пищевыми продуктами, и это является побудительным средством для каждого иметь хороший стол. Но публично не едят, и потому совершенно справедливо говорит немецкая поговорка: man sieht mir auf den Kragen, nicht auf den Magen[96]. Кто привык с детства к грубой пище, у того редко является желание иметь лучшую. Где потребление ограничивается скудным соседним производством, там потребление пищевых продуктов имеет тесные границы. Эти границы расширяются в странах умеренного пояса только привозом продуктов жаркого пояса. Но в одной из предыдущих глав мы видели, что нельзя получить массы этих продуктов, достаточной для населения целой страны, иначе как посредством внешней торговли мануфактурными изделиями.

Очевидно, колониальные продукты, если только они не являются сырьем для обрабатывающей промышленности, служат скорее возбуждающими средствами, чем предметами питания. Никто не станет оспаривать, что ячменный кофе без сахара так же питателен, как и мокко с сахаром.

Предположим, что эти продукты обладают некоторой питательностью, то и в этом отношении они так мало имеют значения, что они могут служить самое большее суррогатами туземных предметов питания. Что касается пряностей и табака, то эти продукты являются исключительно средствами возбуждающими, т. е. их действие полезно для общества лишь настолько, насколько они увеличивают удовольствие массы населения и возбуждают в ней умственную и физическую работу.

В некоторых странах между теми, которые живут жалованьем и рентой, господствуют очень ошибочные представления о том, что они называют роскошью низших классов: удивляются тому, что рабочие пьют кофе с сахаром, и превозносят то время, когда они довольствовались одной овсянкой; сожале-

ют, что крестьянин сменил свою бедную и однообразную серпянку на сукно; боятся того, что вскоре нельзя будет отличить барыни от горничной; прославляют строгое различие одежд прежних времен. Но если сравнить труды рабочего в тех местностях, где он питается и одет, как богатый, и в тех местностях, где он довольствуется грубой пищей и одеждой, то окажется, что в первом случае увеличение удовольствий рабочего произошло без ущерба общему благосостоянию и только увеличило производительные силы общества. В первом случае ежедневная потребность рабочего вдвое и втрое больше, чем в последнем. Строгое различие одежд по классам и ограничение роскоши уничтожили соревнование большей части общества и содействовали только развитию личности и рутины.

Нужно создать, без сомнения, продукты прежде, чем потреблять, так что по общему правилу производство должно необходимо предшествовать потреблению. В народном и национальном хозяйстве, напротив, потребление часто предшествует производству. Мануфактурные нации, поддерживаемые большими капиталами и менее ограниченные в производстве, чем нации чисто земледельческие, открывают этим последним кредит под залог будущих урожаев; эти-то последние и потребляют прежде, чем производят, — они медленны в производстве, потому что спешили потреблять. То же явление происходит в гораздо больших размерах между городом и деревней: чем ближе фабрикант к земледельцу, тем более у него средств возбудить и удовлетворить потребление земледельца, тем более последний возбуждается к производству.

К числу самых важных побудительных средств относятся те, которые встречаются в гражданской и политической организации: когда невозможно трудом и богатством возвыситься из низшего класса общества в высший; когда собственник должен бояться показывать свое богатство или публично им пользоваться из опасения, что его права собственности будут нарушены или что он будет обвинен в надменности и неприличии; когда низшему классу отказывают в общественном уважении, в участии в управлении, законодательстве и суде; когда замечательные труды по земледелию, мануфактурной промышленности и торговле не дают права на общественное уважение и социальное отличие, — тогда не существует самых важных стимулов как потребления, так и производства.

Всякий закон, всякий общественный институт влияют на усиление или ослабление производства или потребления, равно как и производительных свойств.

Учреждение патентов на привилегии является побуждением для соискания награды духу изобретения. Надежда на награду возбуждает силы духа и направляет их на промышленные усовершенствования. Они ставят изобретения в обществе на почетное место и разрушают свойственное необразованным народам вредное пристрастие к старым привычкам и методам. Они доставляют тому, кто одарен только духом изобретения, также и необходимые

для этого материальные средства, в то время как желание получить долю ожидаемых выгод побуждает и капиталистов поддерживать изобретателя.

Протекционные пошлины действуют как побудительное средство на все те отрасли фабрично-заводской промышленности страны, которые за границей развиты больше, чем внутри страны, но для развития которых в стране существуют благоприятные условия. Они дают премию — предпринимателю и рабочему, заставляя их изобретать знание и искусство, равно туземному и иностранному капиталисту, давая ему на некоторое время возможность поместить свой капитал на особенно выгодных условиях.

ГЛАВА XXVI. ТАМОЖНИ КАК ГЛАВНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ НАСАЖДЕНИЯ И УПРОЧЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Обсуждение тех средств поощрения внутренней фабрично-заводской промышленности, действительность и применимость которых никем не оспаривается, не входит в нашу задачу. Сюда относятся, например, учебные заведения, и в особенности технические школы, выставки, раздачи премий, усовершенствование путей сообщения, привилегии на изобретения и т. д., вообще все те законы и институты, которые содействуют развитию промышленности, облегчают и регулируют внешнюю и внутреннюю торговлю. Мы намерены здесь говорить только о таможенных узаконениях как средстве промышленного воспитания.

Соответственно нашей системе только в виде исключения может быть речь о запрещениях вывоза и вывозных пошлинах; во всяких странах ввоз сырья должен облагаться лишь в фискальных целях и никогда ввидах покровительства земледелию страны; в мануфактурных государствах предметами обложения фискальными пошлинами являются главным образом предметы роскоши жаркого пояса, но не продукты первой необходимости, каковы, например, зерновые хлеба, скот и т. д.; страны жаркого пояса, страны, обладающие ограниченной территорией, страны недостаточно еще населенные, или такие, которые стоят еще на невысокой ступени цивилизации и социального и политического развития, облагают ввозной пошлиной мануфактурные изделия лишь в фискальных целях.

Но фискальные пошлины всякого рода должны быть настолько умеренны, чтобы не стеснять чувствительно ввоза и потребления, так как иначе они не только ослабят производительные свойства страны, но и не достигнут своей финансовой цели.

Покровительственные меры оправдаются только целями содействия и упрочения внутренней фабрично-заводской промышленности и только у тех наций,

которые обладают обширной и округленной территорией, значительным населением, значительными естественными источниками богатств, развитым земледелием, стоят на высокой ступени цивилизации и политического развития, что ставит их в ряду первых земледельческих и одновременно мануфактурных и коммерческих наций, великих морских и континентальных держав.

Покровительство выражается или в форме полного запрещения ввоза известных фабрично-заводских изделий, или в виде высоких ввозных пошлин, которые вполне или почти равняются запрещению, или, наконец, в виде умеренных ввозных пошлин. Ни один из этих видов покровительства не может быть признан абсолютно хорошим или дурным, и только данное положение нации и состояние ее промышленности определяют, какой из этих видов покровительства может быть пригоден.

Большое влияние на выбор вида покровительства имеет война, так как она создает вынужденную запретительную систему. Во время войны между воюющими сторонами прекращается обмен, и каждая страна, каково бы ни было ее экономическое положение, должна искать удовлетворение своих потребностей в себе самой. Тогда в стране, менее развитой в мануфактурном отношении, фабрично-заводская промышленность, а в более развитой — земледелие достигают необыкновенного преуспеяния, и даже до такой степени, что если бы военное положение длилось в течение целого ряда лет, то менее развитая в промышленном отношении страна сочла бы благоразумным и по заключении мира продолжить на некоторое время созданную войной запретительную систему по отношению к тем отраслям промышленности, которые еще не в состоянии выдержать свободной конкуренции с более развитой в мануфактурном отношении нацией.

В таком положении находились Франция и Германия по заключении общего мира. Если бы Франция в 1815 году допустила свободную конкуренцию Англии, так же как Германия, Россия и Соединенные Штаты, то испытала бы общую с этими странами участь — большая часть ее фабрик, возникших в течение войны, погибла бы; тогда нечего было бы и думать об успехах, которые она сделала с того времени во всех отраслях фабрично-заводской промышленности, в усовершенствовании путей сообщения, внешней торговле, в пароходстве, речном судоходстве и мореплавании, в увеличении ценности земли (которая, кстати сказать, за это время во Франции удвоилась) и, наконец, в увеличении населения и государственных доходов. До того времени французские фабрики находились еще в детстве: каналов в стране было очень мало, рудники мало еще были разработаны, а вследствие политических волнений и войны не могло явиться ни значительных капиталов, ни достаточных технических знаний, ни опытных рабочих, ни духа промышленности и предприимчивости, нация была заинтересована войной более, чем искусствами и миром; небольшое количество капиталов, которое можно было скопить в течение войны, помещалось по преимуществу в упавшее земледелие. И только

теперь Франция заметила, какие успехи сделала Англия во время войны; только теперь она могла получить из Англии машины, техников, рабочих, капиталы и позаимствоваться у нее духом предприимчивости; тогда исключительное положение внутреннего рынка возбудило все силы и вызвало эксплуатацию всех естественных источников. Результаты этого экономического уединения у всех перед глазами, и только слепой космополитизм может их отрицать, только он может уверять, что под режимом свободной конкуренции Франция сделала бы большие успехи. Опыт Германии, Соединенных Штатов и России в особенности неопровержимо доказал противное.

Если мы думаем, что запретительная система была так полезна для Франции с 1815 года, то мы при этом вовсе не желаем ни защищать ее недостатков и злоупотреблений, ни доказывать, что полезно и необходимо держаться ее постоянно. Ошибка заключалась в том, что Франция обложила ввозными пошлинами сырье и земледельческие продукты (железо, каменный уголь, шерсть, хлеб, скот); было бы также новой ошибкой, если бы Франция, после того как ее фабрично-заводская промышленность достаточно окрепла, не перешла мало-помалу к умеренной протекционной системе, если бы она не старалась возбудить соревнование своих фабрикантов, допуская ограниченную конкуренцию.

Что касается покровительственных ввозных пошлин, то здесь главным образом нужно различать, может ли нация перейти из состояния свободной конкуренции к протекционной системе или от запретительной системы к системе умеренного покровительства: в первом случае пошлины должны быть низки вначале и потом мало-помалу повышаться, во втором — они сначала должны быть очень высокими и потом незаметно уменьшаться.

Нация, пошлины которой не оказывают достаточного покровительства, но которая чувствует себя призванной к широкому развитию фабрично-заводской промышленности, должна прежде всего думать о развитии тех фабрик и заводов, которые вырабатывают изделия общего потребления. Общая стоимость таких изделий несравненно выше, чем общая стоимость гораздо более дорогих фабричных предметов роскоши. Такое производство поэтому приводит в движение огромную массу естественных сил, умственных и личных, а так как оно требует больших капиталов, то вызывает значительные сбережения и привлекает из-за границы капиталы и различного рода силы. Вследствие этого вместе с развитием оно оказывает могущественное влияние на увеличение населения, на процветание земледелия и в особенности на расширение внешней торговли по той причине, что менее культурные страны требуют прежде всего фабричные изделия общего потребления, и потому, что главным образом благодаря производству этих предметов страны умеренного пояса получают возможность завязать прямые торговые сношения со странами жаркого пояса. Страна, например, которая ввозит хлопчатобумажную пряжу и хлопчатобумажные ткани, не может вести прямых торговых сношений с Египтом, Луизианой или Бразилией, так как не может ни поставлять в эти страны пряжи, ни покупать у них

хлопок в сырье. Далее, эти предметы при значительности их общей стоимости служат тому, чтобы нация могла обеспечить себя сносным равновесием между вывозом и ввозом, чтобы сократить или доставить стране необходимое для нее количество металлических денежных орудий обращения. Затем главным образом благодаря созданию и сохранению этих важных отраслей промышленности нация завоевывает себе и сохраняет промышленную независимость, так как перерывы торговых сношений, вызванные войной, имеют мало значения, если они препятствуют только ввозу дорогих предметов роскоши, напротив, ими обусловливаются страшные бедствия, когда они связаны с недостатком и дороговизной обыкновенных мануфактурных изделий и с прекращением широкого сбыта земледельческих продуктов. Наконец, относительно этих предметов гораздо легче, чем относительно предметов роскоши, предупреждать обход пошлин посредством контрабанды или посредством намеренного объявления слишком низкой стоимости привозных товаров.

Фабрики и заводы походят на растения медленно растущие; такие таможенные меры, которые сразу прерывают установившиеся ранее торговые отношения, вредят стране, в промышленных интересах которой были приняты.

Ввозные пошлины должны повышаться по мере увеличения в стране или притока в нее из-за границы капиталов, по мере увеличения промышленной опытности, духа предприимчивости и способности страны в обработке того сырья, которое страна раньше вывозила. Особенно полезно установить заранее нормы прогрессивного повышения ввозных пошлин, чтобы тем самым дать определенную премию капиталистам, техникам и рабочим, формирующимся или в самой стране, или же привлекаемым из-за границы.

Необходимо держать эти размеры пошлин без изменения и не понижать их преждевременно, потому что уже один страх за нарушение обязательства уничтожил бы в значительной степени действие премии.

Теория не может ответить на вопрос, на сколько должны быть повышены ввозные пошлины при переходе от свободной конкуренции к протекционной системе или на сколько они должны быть понижены при переходе от запретительной системы к системе умеренного покровительства. Это повышение или понижение пошлин не может быть определено заранее; все зависит от обстоятельств и тех торговых отношений, какие существуют между страной, наименее развитой, и страной, опередившей ее в развитии. Соединенные Штаты, например, должны принять во внимание условия сбыта хлопка и шерсти, отправляемых ими на английские рынки, условия сбыта произведений земледелия и продуктов рыболовства, направляемых ими в английские колонии, точно так же ими должна быть принята во внимание высота их заработной платы. С другой стороны, они не могут не принять во внимание, что для них существует благоприятное обстоятельство в том, что они могут рассчитывать более чем всякая другая страна на приток капиталов, техников, предпринимателей и рабочих из Англии.

Вообще, необходимо признать, что известная отрасль фабричной промышленности не может развиться в стране на первых порах ее зарождения при покровительстве от 40 до 60 процентов и не может быть потом поддерживаема при покровительстве от 20 до 30 процентов за недостатком существенных условий фабрично-заводской промышленности.

Причины этой промышленной слабости могут быть более или менее легко устранены. К легко устранимым причинам относятся: недостаточность путей сообщения, отсутствие технических знаний, опытности и духа промышленной предприимчивости; к наименее легко устранимым относятся: недостаток трудолюбия, просвещения, нравственности и честности в народе, низкая степень земледелия, а следовательно, недостаток в материальных капиталах, и более всего неудовлетворительные государственные учреждения, отсутствие свободы и правовой гарантии, наконец, дурно округленная территория, препятствующая подавлению контрабанды.

Только напоследок и только самого незначительного покровительства заслуживают те отрасли промышленности, которые занимаются фабрикацией предметов роскоши, потому что требуют высоких технических знаний, потому что количество предметов роскоши сравнительно с общим производством страны представляет лишь незначительную ценность, потому что эти предметы могут быть без затруднений приобретаемы за границей в обмен на земледельческие продукты, на сырье или фабричные изделия общего потребления, потому что остановка ввоза во время войны не влечет за собой никаких чувствительных потрясений и, наконец, потому что нет ничего легче, как избегать посредством контрабанды уплаты высоких таможенных пошлин на предметы роскоши.

Те нации, которые еще не далеко ушли по пути техники и фабрикации машин, не должны бы вовсе облагать пошлиной ввоз сложных машин, а если и облагать, то самой незначительной, до тех пор, пока не будут в состоянии сравняться в этом отношении с опередившей их нацией. Машиностроительные заводы являются в некотором роде фабриками фабрик, и всякая ввозная пошлина на заграничные машины является помехой для развития мануфактурных сил страны. Но так как необходимо — вследствие их широкого влияния на всю мануфактурную силу страны в ее целом, — чтобы нация не зависела от превратностей войны в отношении своего снабжения заграничными машинами, то развитие этой отрасли промышленности в стране заслуживает особенного, прямого покровительства со стороны государственной власти в тех случаях, когда она не в состоянии выдерживать иностранной конкуренции при умеренных ввозных пошлинах.

Государство должно, по крайней мере, поощрять и поддерживать свои машиностроительные заводы в такой мере, чтобы во время войны они могли удовлетворять самым настоятельным нуждам, а затем в случае продолжительного перерыва служить образцом для новых подобных заводов.

Вопрос о возвратных пошлинах по нашей системе может быть возбужден лишь в том случае, когда ввозимые из-за границы полуфабрикаты, как, например, хлопчатобумажная пряжа, облагаются значительной покровительственной пошлиной в тех видах, чтобы страна достигла мало-помалу возможности производить их на собственных фабриках и заводах. Нельзя допускать премий как постоянного средства для покровительства и поддержки собственной фабрично-заводской промышленности при ее конкуренции со страной, опередившей ее в своем значении на третьих рынках потребления. Еще менее можно допустить их как средство захватить в руки снабжение тех наций, которые уже сделали некоторые успехи в фабрично-заводской промышленности. Иногда, впрочем, они могут быть оправданны в виде временного поощрения, например, когда заснувший в нации дух предприимчивости требует только толчка и поддержки на первых порах, чтобы возникла могущественная и крепкая промышленность, способная сбывать свои изделия в большом количестве в страны, лишенные собственных мануфактур. Но это еще вопрос: не лучше ли государству, даже в таких случаях, ассигновать предпринимателям беспроцентную ссуду и даровать им известные льготы или же вызвать образование компаний, снабдив их некоторой частью необходимого для них акционерного капитала и оставив за частными акционерами преимущество в получении на их капитал процентов. Как примеры этого приведем: торговые и мореходные предприятия на предмет сношений с отдаленными странами, с которыми отдельные лица не могли завязать этих сношений, учреждение пароходных рейсов на далекие окраины, основание новых колоний и т. д.

ГЛАВА XXVII. ТАМОЖНИ И ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Господствующая экономическая школа не делает различия относительно влияния протекционной системы между производством земледельческим и производством мануфактурным; она несправедлива, когда ссылается на вредное влияние протекционной системы на земледелие как на доказательство того, что она вызывает те же последствия и в фабрично-заводской промышленности.

Школа не делает различия относительно насаждения мануфактурной промышленности между теми нациями, которые не имеют необходимых для этого условий, и теми, которые призваны к развитию фабрично-заводской промышленности по условиям их территории, благодаря совершенному развитию земледелия, по их цивилизации и настоятельной потребности в обеспечении их будущего благосостояния, их независимости и могущества.

Школе неизвестно, что при неограниченной конкуренции с нацией, сделавшей огромные успехи в мануфактурной промышленности, нация, отставшая от нее, хотя бы она обладала уже всеми необходимыми для этого условиями, никогда не может без протекционной системы развить вполне свою мануфактурную силу и достичь полной национальной независимости.

Она не хочет принять во внимание в данном случае влияние войны; она в особенности не заметила того, что война создает вынужденную запретительную систему и что таможенная запретительная система есть не что другое, как необходимое продолжение этой меры, созданной войной.

Она указывает на благодеяния свободы внутренней торговли и желает этим воспользоваться для доказательства того, что нации только благодаря абсолютной свободе международных торговых сношений в состоянии достичь высшего благосостояния и могущества, хотя история всюду доказывает совершенно противное.

Она утверждает, что меры покровительства обеспечивают туземным фабрикантам монополию и ведут к их равнодушию, между тем как на самом деле внутренняя конкуренция во всех странах вызывает между ними соревнование.

Она желает нас убедить в том, что протекционная система оказывает покровительство фабрикантам и заводчикам за счет земледельцев, между тем как можно доказать, что земледелие от развития внутренней фабрично-заводской промышленности приобретает неизмеримые выгоды, в сравнении с которыми жертвы, выпадающие на долю земледелия вследствие протекционной системы, совершенно ничтожны.

Главное основание против покровительственных пошлин школа желает видеть в издержках на таможенную администрацию и в том вреде, который происходит от контрабанды. Отрицать этого вреда невозможно; но можно ли принимать его в расчет, когда дело касается мер, имеющих такое огромное влияние на существование, могущество и благосостояние нации? Может ли тот вред, который происходил от содержания постоянных армий и войн, служить основанием для того, чтобы нация отказалась от собственной защиты?

Когда утверждают, что ввозные пошлины, превышающие страховую премию контрабандной торговли, служат лишь к поддержанию этой незаконной торговли и не оказывают покровительства внутренним мануфактурам, то это может иметь значение лишь по отношению к дурной таможенной администрации, недостаточно округленной и незначительной территории, только по отношению к пограничному потреблению и к высоким пошлинам на предметы роскоши незначительного объема. Опыт всех стран, напротив, показывает, что при хорошо организованной таможенной администрации, при расчетливо назначенных таможенных тарифах, в больших, хорошо округленных государствах контрабандная торговля не создает значительных препятствий к

достижению цели протекционной системы. Но что касается издержек на таможенную администрацию, то значительная часть их покрывается финансовыми пошлинами, а школа не настаивает на том, чтобы эти последние пошлины не имели места у великих наций.

Наконец, школа не отвергает всякое таможенное покровительство.

Адамом Смитом в трех случаях допускается таможенное покровительство внутренней промышленности: во-первых, как мера возмездия (реторсия), в том случае, когда другая нация стесняет наш вывоз и когда есть надежда, что наши репрессалии принудят ее к отмене ограничений; во-вторых, для национальной защиты, когда страна при свободной конкуренции не может сама производить необходимых для этой цели мануфактурных изделий; в-третьих, как способ уравнения, когда иностранные продукты облагаются меньшими налогами, чем туземные.

Сэй отвергает покровительство во всех этих случаях, но он допускает его в четвертом случае, именно — когда есть основание полагать, что какая-либо ветвь промышленности через несколько лет сделается настолько прибыльной, что не потребует более покровительства.

Итак, именно Адам Смит желает ввести в торговую политику принцип реторсий, принцип, который может вызвать самые бессмысленные и гибельные меры, в особенности когда репрессалии, как того желает Смит, должны подлежать отмене, как только другая нация соглашается на отмены установленных ею ограничений. Предположим, что Германия прибегла бы к репрессалиям против Англии за ограничение ввоза в Англию из Германии хлеба и леса посредством воспрещения доступа к себе английских мануфактурных изделий и, таким образом, искусственно посредством этих репрессалий вызвала бы к жизни свою фабрично-заводскую силу: неужели Германия должна снова допустить разорение своего промышленного здания, сооружение которого стоило таких жертв, потому только, что Англии угодно было бы снова открыть свои границы для доступа немецкого хлеба и леса? Какая бессмыслица! Германия сделала бы в десять раз лучше, если бы она спокойно перенесла все ограничительные меры со стороны Англии и позаботилась бы воспрепятствовать развитию тех мануфактурных сил, которые возникли без таможенного покровительства, исключительно в силу запрещения ввоза в Англию, вместо того чтобы содействовать их оживлению.

Принцип реторсий целесообразен и применим лишь настолько, насколько он соответствует принципу промышленного воспитания нации и когда в применении он служит вспомогательным средством для этой цели.

Да! действия наций благоразумны и полезны, если эти нации на устанавливаемые Англией ограничения ввоза их земледельческих продуктов отвечают ограничением ввоза к себе английских мануфактурных изделий, но только тогда, когда нации призваны к насаждению собственной фабрично-заводской промышленности и могут утвердить ее навсегда.

Вторым исключением Адам Смит на самом деле оправдывает необходимость покровительства не только тем мануфактурам, которыми удовлетворяются военные потребности, каковы, например, оружейные и пороховые заводы, но и всю покровительственную систему в том смысле, как мы ее понимаем; ибо эта система, создавая свойственную нации фабрично-заводскую промышленность, влияет на увеличение ее населения, ее материальных богатств, механической силы, ее самостоятельности и всех умственных сил, а поэтому и на увеличение средств национальной обороны в несравненно большей степени, чем покровительство одним только оружейным и пороховым заводам.

То же самое нужно сказать и о третьем исключении. Если налоги, которыми обложены предметы нашего производства, дают основание к обложению таможенными пошлинами менее отягощенных налогами заграничных продуктов, то почему же другие убытки, которые терпит наше мануфактурное производство сравнительно с иностранным, не дают основания к защите внутренней промышленности от влияния разорительной иностранной конкуренции?

Ж. Б. Сэй хорошо понимал непоследовательность этих исключений, однако и прибавленное им исключение не лучше. Ибо у нации, которая по своим естественным условиям и развитию призвана к насаждению фабрично-заводской промышленности, почти все отрасли промышленности должны сделать ее прибыльными под влиянием настойчивого и сильного покровительства, и смешно, в самом деле, предоставлять нации для усовершенствования какой-либо важной отрасли промышленности или целой группы отраслей лишь несколько лет, подобно какому-нибудь мальчику, которого отдают в учение к сапожнику на несколько лет, чтобы он затем сам сделался сапожником.

В своих постоянных восторженных речах о неизмеримых выгодах абсолютной свободы торговли и о невыгодах покровительственных таможенных пошлин школа обыкновенно ссылается на примеры некоторых народов: Швейцария может доказать, что промышленность может развиться и без таможенного покровительства и что абсолютная свобода международной торговли является самым верным основанием национального благосостояния. В судьбе Испании хотят показать всем нациям, которые ищут помощи и спасения в протекционной системе, страшный пример гибельных последствий такой системы. Примером Англии, столь пригодной, как мы это показали в одной из предыдущих глав, для того чтобы быть предметом подражания и соревнования для всех тех наций, которые призваны к развитию собственной фабрично-заводской промышленности, примером этой Англии наши теоретики пользуются только для подтверждения своего положения, что способность к фабрично-заводскому производству есть дар природы, которым одарены исключительно известные страны, — такова, например, способность к производству бургундских вин, — и что Англия преимуществен-

но перед всеми странами земли получила назначение к развитию мануфактур, фабрик и обширной торговли. Рассмотрим указанные примеры несколько ближе.

Что касается Швейцарии, то прежде всего нужно заметить, что это не нация, по крайней мере, не нормальная или великая нация, а только конгломерат муниципалитетов.

Она лишена морских берегов, заключена между двумя великими нациями, и потому у нее совершенно отсутствует стремление к развитию собственного мореходства и непосредственных торговых сношений со странами жаркого пояса, она не может и помышлять о морском могуществе, об основании или приобретении колоний. Основание своего настоящего благосостояния, во всяком случае, очень умеренного, положено Швейцарией в то время, когда она принадлежала еще Германской империи. С того времени ее достаточно щадила война; капиталы ее могли увеличиваться из поколения в поколение, тем более что ее муниципальные правительства не требовали от нее почти никаких налогов. В то время как остальная Европа в последние века переживала бури, вызванные деспотизмом, религиозным фанатизмом, войнами и революциями, Швейцария являлась убежищем для всех, кто хотел спасти свои капиталы и таланты, и, таким образом, она приобретала значительные средства извне. Германия никогда не закрывала строго своих границ для Швейцарии, и потому большая часть мануфактурных продуктов последней имела сбыт в Германию. Ее промышленность, наконец, никогда не была национальной, обнимающей предметы общего потребления, она вырабатывала большей частью предметы роскоши, которые легко провозить контрабандным путем не только в соседние, но и в отдаленные страны. Далее, положение Швейцарии особенно благоприятно и как бы привилегированно для посредничества в торговле. Уже одна возможность легко знакомиться с языками, законами, институтами и отношениями трех соседних наций должна была обеспечить для швейцарцев особенные преимущества как для посредничества в торговле, так и во всех других отношениях. Гражданская и религиозная свобода и распространенность просвещения вызывали бодрость и дух предприимчивости, а недостаточность земледелия и естественных источников побуждали швейцарцев к эмиграции в другие страны, где они военной службой, торговлей, промыслами всякого рода составляли себе состояние для того, чтобы перевести его в свое отечество. Если при этих особенных обстоятельствах скоплялись материальные и умственные капиталы для создания собственных отраслей промышленности, для производства предметов роскоши, если такая промышленность могла существовать без покровительственных пошлин посредством сбыта за границу, то отсюда нельзя еще заключать, что великие нации, поставленные в совершенно иные условия, могут следовать такой же политике. В ничтожности налогов Швейцария имеет преимущество, которое великая нация

может приобрести только тогда, когда, как Швейцария, распадется на муниципалитеты, а вместе с тем и предоставит свою национальность полной возможности чужеземного нападения.

Что Испания поступала бессмысленно, запрещая вывоз драгоценных металлов в то время, когда она сама занималась их добычей в избытке, согласится всякий разумный человек. Ошибочно было бы, однако, приписывать упадок промышленности и национального благосостояния Испании тем затруднениям, которые она создавала для ввоза мануфактурных товаров. Если бы Испания не изгнала мавров и евреев и никогда не имела инквизиции, если бы Карл V признал религиозную свободу, если бы священники и монахи занялись народным образованием и их несметные богатства были секуляризованы или, по крайней мере, уменьшены до размера, который обусловливается необходимостью, если бы было преобразовано феодальное устройство аристократии, а монархия была бы ограничена, если бы, одним словом, развитие Испании вследствие политических реформ получило то же направление, какое оно получило в Англии, и если бы тот же самый дух пробудился в колониях, — то запретительные и покровительственные меры в Испании привели бы к тем же результатам, к каким они привели в Англии, тем более что во время Карла V Испания была впереди Англии и Франции во всех отношениях и уступала только Нидерландам, промышленный и торговый гений которых посредством таможенного покровительства мог быть привлечен в Испанию, конечно, в том случае, если бы испанское государственное устройство содействовало эмиграции из-за границы талантливых людей и капиталов, вместо того чтобы выталкивать их за границу.

Каким обстоятельствам обязана своим мануфактурным и торговым верховенством Англия, мы уже показали выше (гл. V).

Свобода мысли и свобода гражданская, государственное устройство и превосходство политических установлений — вот что главным образом дало возможность английской торговой политике разработать естественные богатства страны и развить производительные силы нации. Но кто решится оспаривать у других наций способность возвыситься до такой же степени свободы? Кто решится утверждать, что природа отказала другим нациям в естественных условиях, необходимых для развития мануфактур?

В последнем случае часто указывали на громадные богатства в Англии каменного угля и железа как на доказательство того, что призвание Англии заключается преимущественно в развитии фабрично-заводского производства. Что в этом отношении природа с особенной благосклонностью одарила Англию, вполне верно: однако на это можно заметить, что относительно этих материалов природа и к другим нациям не была мачехой, что большей частью лишь недостаток хороших путей сообщения препятствует этим нациям эксплуатировать свои богатства, что другие нации владеют нетронутой еще силой воды, которая дешевле силы пара, что в случае необходимости недостаток

в каменном угле может быть заменен другими горючими материалами, что многие страны обладают неисчерпаемыми средствами для производства железа и что сырье можно приобретать путем обмена.

В заключение несколько слов о торговых трактатах для взаимной отмены таможенных концессий. Школа отвергает такие трактаты как ненужные и вредные, мы же в них видим самое действительное средство для постепенного смягчения взаимных торговых стеснений и для постепенного перехода наций к свободе международной торговли. Те результаты, которые видал мир от подобных трактатов, правда, не могут особенно ободрить. В предыдущих главах мы показали, какие опустошения произвел Метуэнский трактат в Португалии и Эденский во Франции. В этих печальных результатах от взаимного облегчения таможенных пошлин нужно, по-видимому, искать главное основание того отвращения, которое питает к торговым трактатам школа. Очевидно, их принцип абсолютной свободы торговли встречает опровержение в самой действительности, так как, согласно этому принципу, всякий договор должен быть благодетельным для обеих наций и не может вызывать разорения одной нации и обеспечивать неизмеримые выгоды для другой. Если мы исследуем причины такого различного влияния, то найдем, что Португалия и Франция вследствие этих трактатов отказывались от тех успехов, которые они уже сделали в мануфактурной промышленности, и от тех, которые они могли сделать в будущем, в пользу Англии — для того чтобы этим путем увеличить вывоз своих земледельческих продуктов в Англию; что тем не менее обе эти нации вследствие заключенных трактатов с высшей ступени культуры опустились на низшую. Но отсюда следует только, что нация поступает бессмысленно, если она, заключая торговый договор, приносит в жертву иностранной конкуренции свою фабрично-заводскую промышленность и обязуется навсегда остаться на низшей стеупени земледелия; но отсюда вовсе нельзя заключать, что вредны и негодны и те трактаты, которые содействуют взаимному обмену земледельческих продуктов и сырья или взаимному обмену мануфактурных изделий.

Выше мы доказали, что свобода торговли земледельческими продуктами и сырьем полезна для всех наций на всех ступенях культуры, из чего следует, что всякий торговый трактат, которым смягчаются или отменяются стеснения и ограничения такой торговли, должен оказать благодетельное влияние на обе договаривающиеся нации; таким был бы, например, трактат между Францией и Англией для содействия взаимному обмену вин и водки на невыделанное железо и каменный уголь; или трактат между Францией и Англией на содействие взаимному обмену вин, масла и сушеных плодов на зерновые хлеба, шерсть и скот.

Согласно приведенным нами прежде соображениям, покровительство лишь настолько полезно для благосостояния нации, насколько оно соответствует ее промышленному развитию; что всякое преувеличение в покрови-

тельстве вредно; что нации лишь постепенно могут достичь полного развития своей фабрично-заводской промышленности. Поэтому две нации, стоящие на различных ступенях промышленного воспитания, со взаимной выгодой могут посредством трактатов допускать взаимную отмену пошлин на те или другие предметы.

Так, нация менее развитая, если она еще не в состоянии с выгодой для себя производить мануфактурных изделий высшей обработки, каковы, например, хлопчатобумажные и шелковые товары, может тем не менее удовлетворять потребности опередившей ее нации в мануфактурных изделиях общего потребления.

Еще более должны быть допустимы и полезны подобные договоры между нациями, которые находятся приблизительно на одной и той же ступени промышленного развития и между которыми, следовательно, конкуренция не может действовать слишком сильно или разрушительно, или обеспечить монополию одной из сторон, но, как во внутренней торговле, может лишь возбуждать взаимное соревнование и содействовать совершенствованию и уменьшению цены. В таком положении находится большинство континентальных держав. Франция, Австрия и германский таможенный союз, например, могут ожидать лишь благодетельных результатов от установления умеренных пошлин, точно так же и взаимная отмена пошлин между этими странами и Россией привела бы к обоюдным выгодам. Чего нужно бояться в настоящее время, так это только преобладания Англии.

С этой точки зрения оказывается, что верховенство Великобритании в мануфактурной промышленности, в торговле, в мореплавании и в колониальных владениях является в настоящее время главным препятствием к сближению наций между собой, хотя нужно признать, что Англия, стремясь к этому преобладанию, невероятно увеличила производительные силы человечества и продолжает их увеличивать.

Граф С. Ю. Витте

По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист

ПРЕДИСЛОВИЕ

Около четверти века тому назад я написал по поводу одной газетной полемики брошюру «Национальная экономия и Фридрих Лист», которая тогда же и была издана. Вскоре после того судьба привела меня к рулю финансовой и экономической политики, а также к участию в политическом управлении величайшей империи. Думаю, что моя государственная деятельность не противоречила мнениям, которые я высказал, когда стоял совсем вдали от власти.

Преклоняясь перед многими мыслями Листа, который был как бы предтечей Бисмарка, я считаю этих двух деятелей истинными националистами. Однако новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора, не считал препятствием к созданию «национального» государства: конституционную поместную автономию, веротерпимость по отношению подданных не господствующего вероисповедания, даже нехристиан, равноправность всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и проч. Между тем многие из указанных явлений жизни Германской империи считаются иногда несовместимыми с национальными основами.

Мне представляется, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным. Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обуреваемых местью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах диких для XX столетия.

Бисмарк был националист первого рода, а Абдул Гамид — второго. Я думаю, что первый тип более желательный для блага нашего отечества.

Граф Витте.

С.-Петербург. Май 1912 года

ПО ПОВОДУ НАЦИОНАЛИЗМА. НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ И ФРИДРИХ ЛИСТ

Ни одна наука не находится в настоящее время в столь шатком положении, как политическая экономия. Достаточно сказать, что даже в среде жрецов этой науки являлись и являются лица, которые совершенно отрицают ее существование. Некоторые из них, хотя и продолжают читать лекции политической экономии по известному шаблону, тем не менее в полемике, когда противники их ссылаются на политико-экономические аксиомы, содержащиеся во всех учебниках, не стесняются заявлять, что, мол, эти аксиомы — бабьи сказки. Почему же наука эта находится в таком состоянии? Подробное рассмотрение этого вопроса не составляет предмета настоящих статей. Мы желаем только указать на то, что одна из главных причин такого состояния политической экономии заключается в том, что большинство экономистов допускало смешение и, во всяком случае, недостаточно разграничивало экономические понятия по отношению отдельного лица, нации (страны) и человечества. Между тем одни и те же экономические положения или выводы, справедливые по отношению лица, могут быть совершенно неправильными по отношению нации, одни и те же положения или выводы, верные по отношению нации, могут быть вполне ошибочными по отношению человечества и т. д. Поясним это примером. Для отдельного человека всякая вещь, хотя сама по себе и бесполезная, но которая дает ему возможность взять от других лиц действительно полезные вещи, составляет часть его богатства. Например, долговая запись Ивана на имущество Петра составляет часть богатства Ивана. Но эта долговая запись не составляет части богатства страны, коей подданными состоят Иван и Петр, а также не составляет части богатства человечества. Если запись эта уничтожится, то страна, равно как и человечество, не станут ни богаче, ни беднее. Но если Иван подданный одной страны, а Петр — другой, то эта запись, не составляя части богатства человечества, может составить часть богатства страны, коей подданным состоит Иван. Итак, некоторые предметы, сами по себе бесполезные, хотя не составляют части богатства человечества, но могут составлять часть богатства отдельного лица, а иногда и отдельной страны. Между тем многие экономисты-классики, делая совершенно правильное разграничение между богатством отдельного человека и человечества, недостаточно разграничивают понятия о человечестве и нации и уже потому неправильно считают национальным богатством исключительно только вещи сами по себе полезные или приятные и имеющие меновую ценность.

Творцы классической политической экономии, если не всецело, то преимущественно, в своих логических построениях имели в виду не нацию, а человечество. Они создали науку, которую было бы правильнее назвать не по-

литической (общественной), а космополитической экономией. Их последователи упустили из виду это обстоятельство, а потому начали проповедовать космополитические экономические аксиомы как непреложные законы для национального общежития. Между тем факты и сама жизнь во многих случаях шли в разрез с этими законами. Вследствие этого явилось, с одной стороны, сомнение в праве на существование политической экономии как науки, а с другой — тупое доктринерское отрицание всех тех национальных потребностей, которые не согласуются с принципами творцов политической экономии. Отрицать научное право классической политической экономии только потому, что некоторые принципы ее не согласуются с хозяйственной жизнью различных стран, так же нелогично, как нелогично, например, отрицать научное право математического анализа потому, что многие выводы его не имеют житейского применения. Требовать же лечения всех экономических недугов страны по рецептам космополитической экономии так же бессмысленно, как, например, требовать устройства какого-либо двигателя по формулам аналитической механики, без принятия во внимание качества материалов, условий сопротивления и атмосферических влияний. Для того чтобы жизнь страны могла регулироваться принципами космополитической экономии, принципы эти должны прежде всего получить видоизменение, соответствующее наличным национальным условиям, точно так, как формулы аналитической механики для применения к жизни преобразуются в формулы практической механики, принимающей во внимание физические условия нашей планеты. Оставаясь в области взятого нами сравнения, можно сказать, что классическая политическая экономия аналогична аналитической механике; для применения ее к национальной жизни она должна преобразовываться в национальную экономию, подобно тому, как аналитическая механика преобразовывается в практическую; наконец, для того, чтобы национальная экономия могла применяться к жизни данной страны, должны быть приняты еще во внимание индивидуальные ее особенности, точно так, как для применения формул практической механики к данному случаю или категории случаев в формулы эти должны быть вставлены численные коэффициенты, соответствующие данным условиям этих случаев.

Если бы умственная жизнь настоящего столетия не была под самым сильным влиянием космополитизма, то несомненно, что параллельно развитию политической экономии развивалась бы прикладная часть этой науки — национальная экономия. Но космополитическая аберрация не только не дала возможности приобрести этой прикладной науке права гражданства во всех государствах, но, кроме того, установила разномыслие в житейском понимании принципов политической экономии.

Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятиле-

тия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли самое нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Результаты этой кройки налицо. Отдельным голосам, восставшим против такого сумасбродства, наши проповедники, облекшись в тогу попугайской учености, возражали теоремами из учебников политической экономии. Несомненно, что такой способ доказательств в глазах толпы имел и имеет значительную убедительность. Толпа верит и не может не верить в теоремы учебников политической экономии по их букве, а не разуму. Подобного рода возражения продолжают сыпаться ежедневно, а потому едва ли не полезно пролить некоторый свет на значение этих возражений. Источником такого света служит знаменитое сочинение Фридриха Листа «Национальная система политической экономии». Замечательно, что это сочинение до сих пор не переведено на русский язык[1], хотя у нас имеется в переводе много экономических книг космополитического направления весьма сомнительного достоинства. Сочинение это совсем не известно русской публике и весьма мало известно многим русским экономистам-космополитикам. Между тем оно в серьезной западной экономической литературе признано явлением из ряда вон выходящим. Лист составил эпоху не только в научной, но и в практической жизни Германии. Он положил в своем отечестве основание науки, называемой национальной экономией (в противоположность политической экономии), — науки, под этим заглавием читаемой во всех университетах. Он был пророком настоящего величия Германии, созданного князем Бисмарком по началам его доктрины. Мы этим не хотим сказать, что князь Бисмарк доктринерски руководствовался или даже вообще сообразовался с сочинением Листа; но несомненно, что то, что делал и делает князь Бисмарк для величия своего отечества, было замечательно точно указано Листом как необходимое для преуспеяния нации вообще и Германии в особенности. Судя же по печатным отзывам, «Национальная экономия» Листа состоит в числе настольных книг князя. По нашему мнению, в настоящее время основательное знакомство с «Национальной системой политической экономии» составляет необходимость для всякого влиятельного государственного и общественного деятеля. Чтение национальной экономии в наших высших учебных заведениях как прикладной части политической экономии могло бы принести громадную пользу. Вероятно, тогда мы избежали бы в будущем многих колебаний и аберраций в экономических мероприятиях. Мы же считаем полезным хотя бегло ознакомить читателей с некоторыми взглядами, так убедительно и доказательно проводимыми в сказанном сочинении. При этом, излагая мысли Листа, мы будем стараться говорить его же словами.

I

Начиная говорить о «Национальной системе политической экономии», нельзя не сказать хотя несколько слов о знаменитом авторе этого сочинения.

Фридрих Лист родился в 1789 году в Рейтлингене, вольном городе Швабии. Там он получил школьное образование и четырнадцати лет уже начал изучать сыромятничество у своего брата. Но такое занятие не было по нем: он все стремился к умственной работе и книгам. Бросив это ремесло, он некоторое время занимался в городских администрациях и наконец получил видное место в центральной администрации Виртемберга. Здесь он приобрел особое расположение министра Вагенгейма. Этот министр основал факультет в Тюбингене и предложил в нем кафедру своему сотруднику Листу. Одновременно Лист открыл журнал «Друг швабского народа». Но министр скоро потерял свое место, и Лист лишился кафедры и прекратил издание своего журнала. Рейтлинген выбрал его своим представителем, но выбор этот был кассирован, так как Листу не было тридцати лет. Тогда Лист задался идеей уничтожения в Германии внутренних таможен, коей он явился до конца своей жизни самым рьяным поборником. Он говорит по этому предмету речи, пишет статьи, входит в обширные сношения с торговым миром и «коммерческим обществом», подает записки министрам и монархам. В 1820 году Рейтлинген его снова выбирает своим представителем в виртембергский парламент. С первых же заседаний парламента он требует уничтожения внутренних таможен, установления годичных бюджетов, равномерных налогов; наконец, он ведет агитацию для организации парламентской оппозиции. Министерство на основании конституции требует удаления его из парламента. Независимо сего суд приговаривает Листа к десятимесячной каторжной работе. Тогда он бежит во Францию. Через два года, рассчитывая на монаршую милость, он возвращается в Виртемберг. Здесь его арестуют, но через несколько месяцев выпускают, с тем чтобы он немедленно выехал из пределов отечества. Он уезжает в Америку. Это было в 1825 году. В Америке Лист напечатал на английском языке ряд экономических статей, произведших значительную сенсацию. В этих статьях уже содержится зерно, развившееся в «Национальную систему». Там случайно, во время прогулки, Лист открывает значительную залежь каменного угля. Он немедленно образует компанию для ее эксплуатации. Предприятие это пошло хорошо и в будущем обещает значительные барыши. Для удобного сбыта угля по проекту Листа строится железная дорога, соединяющая эти копи с каналом. Лист делается состоятельным человеком. Но он думает только о своей родине. «Я только что перечитал, — пишет он в 1828 году одному из своих друзей, — мою корреспонденцию с „коммерческим обществом“. Какие воспоминания! Это были золотые дни надежд. Я болел тоскою по родине шесть недель, но до сих пор не мог заниматься делами Америки. Я для моего отечества то же, что мать для некрасивых

детей: она их любит тем более, чем более они обижены природой. В основании всех моих проектов — Германия, возвращение в Германию!» Почти в то же время он пишет близкому лицу к королю баварскому ряд писем, пропагандирующих необходимость постройки в Германии железных дорог, — писем, которые были тогда же опубликованы. Он пишет самому королю по тому же предмету. И тогда, когда еще в Англии железные дороги не поколебали всех сомнений в их полезности, — в этом письме он восклицает: «...какая прекрасная победа ума человеческого над материей!» и с поразительным предвидением предсказывает, какую роль будут играть железные дороги в будущем. Но его все тянет в родную страну. Наконец он получает от президента Янсона поручение вести переговоры с Францией по вопросу коммерческих отношений этой страны с Америкой и одновременно получает место американского консула в Гамбурге. Немедленно по приезде в Европу он печатает на французском языке целый ряд статей по вопросам экономическим, а равно касающимся железных дорог. Во Франции он встречается с инженером Рожье, впоследствии основателем бельгийских железных дорог, и внушает ему идею необходимости соединения железной дорогой Антверпена с Рейном. Но Гамбург протестует против его назначения. Окончив переговоры с Францией, он снова возвращается в Америку и через два года получает место американского консула в Лейпциге. Немедленно по возвращении в Германию он начинает пропагандировать постройку сети германских железных дорог, и пропаганда его имела значительное влияние на ускорение постройки этих дорог. Независимо от многих отдельных статей по экономическим вопросам, в это время им напечатанных, в 1835 году он начал издавать «Журнал железных дорог», который имел значительный успех. В 1837 году Лист получил известие, что промышленный кризис в Америке его окончательно разорил. Для наведения справок по этому делу он отправился в Париж. Здесь он был лично принят и представлен Луи-Филиппу. В это время парижская академия наук назначила конкурс на мемуар по вопросу о международной торговле. Он принял участие в этом конкурсе, и его мемуар, поданный по этому вопросу и получивший премию, снова обратил его мысли к национальной экономии. Вернувшись в Германию, он начал преимущественно заниматься «Национальной системой», которая и появилась в 1841 году. Появление этого сочинения произвело фурор. Имя Листа начало греметь во всей Германии, и, как обыкновенно бывает, одни расточали похвалы, а другие — ругательства. Наконец каторжник достигнул своей цели: вследствие аудиенции, которую ему предоставил король виртембергский, суд уничтожил свой приговор. Тогда он еще с большею силою возвращается к идее уничтожения внутренних таможен и образования германского таможенного союза. С 1843 года он начал издание «Газеты таможенного союза», которое имело сильное влияние на объединение экономической жизни Германии. Объединение это, конечно, было всего опаснее для Англии. Там следили за каждым словом, сказанным Листом в его газете. Английский министр-резидент доносил в Лондон, что Лист является

самым опасным человеком для интересов Англии. Лист должен был беспрерывно бороться со своими иностранными противниками и отечественными фритредерами. Между тем он оставался с весьма скудными средствами; потеряв состояние, он жил исключительно своим пером, которое в то время в особенности не могло давать достаточных средств. Бурная жизнь и постоянный умственный труд значительно ослабили его здоровье. Он ищет успокоения в путешествиях. Но путешествия его всегда носили деловой характер. Во всех своих путешествиях он пропагандирует словесно и посредством печати излюбленную им идею экономического объединения Германии. В это время он достиг апогея своего влияния; где бы он ни появлялся, всюду он возбуждал энтузиазм; он был центром, вокруг которого сосредоточивались все наиболее важные интересы страны, — он был, как его тогда называли, главный агент Германии (Der Allgemeine Deutsche Consulent). Во время одного из таких путешествий он умер в гостинице в Куфстене, в 1846 году.

Как только распространилась весть о его смерти, во всех концах Германии начали воздавать ему честь, которую далеко не так единодушно ему воздавали, когда он был живым. Тогда только его соотечественники поняли, какую они понесли потерю. Похвалы доходили до того, что его сравнивали с Лютером. С людьми, подобными Листу, обыкновенно оправдывается поговорка: divus dum ne sit vivus.

Сказанное о жизни Листа объясняет причины той силы жизненной правды, которою дышит его знаменитое сочинение. Лист был человек гениального ума со значительной научной эрудицией, приобретенной преимущественно посредством самообразования. Хотя во время жизни Листа некоторые его противники и находили, что его воззрения составляют плод недостаточной учености, но едва ли теперь найдется хотя один серьезный экономист, даже и вне пределов Германии, который позволит себе высказать подобное воззрение. Но Лист не принадлежал к разряду тех ученых экономистов, которые проводят всю свою жизнь в кабинете какого-либо университетского города, имея дело лишь со своими товарищами-профессорами и слушателями, а по части экономических сношений — только со своей прислугой. Он всю жизнь был в самых деятельных деловых сношениях с массой промышленников, торговых людей и коммерческими обществами. Он сам сделался промышленником, нажил большое состояние на промышленном предприятии и на нем же потерял это состояние. Лист непосредственно также занимался торговыми государственными делами. Подобная деятельность дала ему возможность уразуметь и согласить абсолютность учения классической политической экономии с относительностью жизненных явлений. Но самое главное, что дало ему возможность создать свое знаменитое сочинение, это то, что он был в полном смысле истинным сыном своего отечества. Он родился немцем и оставался до гроба немцем в душе, несмотря на все буйные политические перипетии его жизни. Политические события его выбрасывали из отечества. Но это не только не поколебало его люб-

ви к нему, но, напротив, усилило ее. При первой возможности он бросил в Америке свое обеспеченное положение для того, чтобы вернуться на родину, трудиться там для объединения Германии и потом умереть в бедности. Только люди, одаренные сильным национальным чувством, способны создавать выдающиеся произведения в области наук политических и социальных.

Лист всю свою жизнь преследовал, а отчасти и осуществил, экономическое единение Германии. Идея национального единства составляет также основание его «Национальной системы». Эта задача, которая была только намечена Листом, получила осуществление благодаря тому, что Провидение дало Германии другого великого человека в лице князя Бисмарка.

Все желания, все проекты Листа по отношению своей родины, ныне отчасти осуществленные, а отчасти осуществляемые знаменитым канцлером, резюмированы в следующих строках конца предисловия автора «Национальной системы»:

«Известно, куда ведет раздробленная национальность, которая по отношению настоящей национальности то же, что куски разбитой вазы по отношению к целому; это еще всем памятно. Еще не прошло время жизни человека с тех пор, как морские берега Германии носили имена французских департаментов, с тех пор, как священная река Германии давала свое имя фатальной конфедерации чужеземного завоевателя, с тех пор, как сыны Германии проливали свою кровь в пылающих песках юга, точно так, как и в замерзших полях севера, для славы и амбиций чужестранца».

«Мы хотим говорить о национальном единстве, которое бы предостерегло нас, нашу промышленность, нашу династию и наше дворянство от возврата к подобному времени; мы не желаем ничего более».

«Но вы, столь решительные противники возвращения галльского владычества, находите ли вы терпимым и доблестным, чтобы ваши реки и ваши порты, ваши берега и ваши моря продолжали находиться под британским влиянием?»

II

Книга знаменитого экономиста, за исключением предисловия и введения, состоит из четырех частей: история, теория, система и политика. Но во введении содержится смысл всего сочинения.

С первых же строк введения Лист таким образом определяет всю важность для страны создания правильной национальной экономической системы: «Бедные, слабые и варварские страны обязаны преимущественно мудрости своей экономической системы, что они стали богатыми и сильными, а другие страны, достигшие значительного блеска, помрачились от недостатка хорошей системы; были даже нации, лишенные свободы и политической жизни в

особенности потому, что их коммерческое управление не пришло на помощь укреплению и развитию их национальности».

Князь Бисмарк, по-видимому, держится того же взгляда. После военного Седана, когда Франция выказала столько экономической силы, он не почил на лаврах — и сейчас же пришел на помощь укреплению и развитию германской нации посредством национальной экономической системы. Сделавшись министром торговли и взяв в свои руки преобразование всей экономической германской жизни, он укрепил результаты военного Седана Седаном промышленным. Кстати сказать, у нас, к сожалению, делалось нечто противоположное. Париж, Севастополь, равно как и Сан-Стефано, как будто послужили к вящему растравлению хозяйственной жизни народа посредством применения экономических доктрин, недостаточно сообразованных с национальными потребностями.

Несмотря на указанную важность экономической политики для жизни народов, по поводу этой политики, говорит Лист, существует полное разногласие. Между тем такого разногласия в существе вещей нет. Политическая экономия, говорит Лист, основывается на философии, политике и истории. Далее он продолжает:

«В интересах будущего и человечества философия требует: наиболее тесного сближения между собою различных наций, отречения, насколько это возможно, от войн, укрепления и развития международного права, перехода, как говорится ныне, прав людей в право федерации, свободы в сношениях между собою народов как в области моральной, так и материальной, единения всех народов под верховенством права или универсальной ассоциации».

Это — мечта, и осуществление этой мечты представляется Листу весьма отдаленным; если она сбудется, то только «может быть, через несколько столетий», а потому он жестоко восстает против тех, которые считают, что эта мечта может ныне же осуществиться, без соображения с политикой, которая, наоборот, требует:

«В интересах того или другого народа в частности: гарантии его существования и независимости мер, долженствующих споспешествовать его цивилизации, его благосостоянию, его силе, улучшить его социальное положение так, чтобы сделать вполне и гармонически развитой организм во всех его частях, совершенный в самом себе и политически независимый».

Вот различие между идеями классической политической экономии (называемой Листом «школою») и идеями национальной экономии. Первые идеи — будущее, вторые — настоящее. Философия — далекое будущее; политика есть настоящее со всеми ее нуждами и потребностями.

Но не следует думать, что, противопоставляя философии (идеям классической экономии) политику (идеи национальной экономии), Лист устанавливает между ними антагонизм. Напротив того, он указывает, каким образом идеи эти примиряются:

«История, — говорит Лист, — ясно указывает потребности будущего, поучая, каким образом во все эпохи материальный и интеллектуальный прогресс были в соотношении с объемом политической ассоциации и коммерческих отношений. Но она в то же время оправдывает потребности политики и национальности, поучая, как нации погибали потому, что недостаточно охраняли интересы своей культуры и могущества, как совершенно свободная торговля с опередившими нациями была выгодна для народов, находившихся в первичных фазисах своего развития, но как те народы, которые уже совершили известный путь, могли идти далее только посредством некоторых ограничений в торговле с иностранцами и, таким образом, стать наравне с теми народами, которые их опередили». Итак, история указывает на способы взаимного согласования требований философии и политики.

Поборники свободного обмена (фритредеры) не допускают никаких ограничений в международных сношениях. Всякое такое ограничение они называют посягательством на здравый смысл, прогресс и даже мораль. Их противники — протекционисты, наоборот, хотя и не отрицают в принципе свободного обмена, но они вместе с Листом убеждены, что этот принцип не может быть применяем при настоящей стадии международного общежития; они не отрицают философии свободы, но они утверждают, что для применения ее необходимо, чтобы над всем человеческим миром царствовала мудрость. «Ограничения — средство, — говорит Лист, — а свобода — цель». Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы прежде всего русские, точно так, как Лист и князь Бисмарк — немцы, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества. Проповедники свободы торговли, безусловно, не правы не только по отношению настоящего, но также и по отношению средств достижения будущего, ибо будущая свобода международных отношений может быть достигнута только посредством ограничений в интересах той или другой нации в настоящем. Но будем говорить словами Листа: «Ассоциация индивидуальных сил для достижения общей цели представляет наиболее верное средство для осуществления благосостояния лиц. Одинокий человек, оторванный от себе подобных, слаб и бессилен. Чем больше число людей, с которыми он соединен, чем ассоциация совершеннее, тем больше и совершеннее результаты, т. е. нравственное и материальное благосостояние».

«Самая высокая степень ассоциации людей, которая ныне может быть реализована, это — государство, нация; самая высокая, о которой можно мечтать, это — человечество. Точно так, как отдельный человек гораздо счастливее в государстве, нежели в одиночестве, все нации гораздо более преуспевали бы, если бы были соединены правом, общим миром и свободным обменом. Сама природа постепенно ведет нации к этой совершеннейшей ассоциации, вынуждая их вследствие различия климатов, земли и производительности к обмену,

вследствие излишка населения и капиталов — к эмиграции и основанию колоний. Международная торговля, возбуждая деятельность и энергию созданием новых потребностей, перемещением от одной нации к другой идей, открытий и сил, составляет одно из самых могущественных средств цивилизации и благоденствия народов».

«Но покуда единение народов посредством торговли еще весьма несовершенно, так как оно прервано или, по крайней мере, ослаблено войнами и эгоистическими мерами тех или других народностей».

«Через войну нация может быть лишена своей независимости, своего имущества, своей свободы, своих учреждений и законов, своей самобытности и вообще степени культуры и благосостояния, которых она достигла; она может быть порабощена. Эгоистическими мероприятиями чужеземцев ее экономическое развитие может быть смущено и замедлено». «В настоящее время, следовательно, главная забота нации должна заключаться в сохранении, развитии и совершенствовании ее национальности. В этом нет ничего несправедливого и эгоистического; это стремление разумно и совершенно согласно с интересом человечества, ибо оно естественно ведет к всеобщей ассоциации, которая может осуществляться посредством конфедерации постольку, поскольку народы достигают одинаковой степени культуры и могущества».

«Всеобщая ассоциация, основанная на могуществе и богатстве одной какой-нибудь нации и ведущая, следовательно, к подчиненности и зависимости всех прочих, имела бы в результате их уничтожение и устранение международного соревнования; она нарушает интересы и оскорбляет чувства всех наций, которые сознают себя призванными к независимости, к обладанию значительным богатством и высоким политическим значением; произошло бы повторение того, что уже существовало, повторение стремления римлян, осуществленное на этот раз посредством мануфактуры и торговли — вместо оружия, но что точно так же ведет к варварству».

Вот истинная теория протекционизма, ведущая к всеобщей свободе посредством установления у всех народов равномерной культуры и могущества, что составляет необходимое условие торжества философии политической экономии. Последние строки приведенной выдержки, написанные более полстолетия тому назад, выясняют причину настоящего поведения князя Бисмарка по отношению Великобритании. Богатство и экономическое преобладание этой страны «нарушают интересы и оскорбляют чувства немцев, которые сознают, что они призваны к независимости, к обладанию значительным богатством и высоким политическим значением». Для нас, русских, экономическое ослабление Англии, конечно, полезно настолько же, насколько оно полезно и для прочих европейских народов, но под одним условием — чтобы на развалинах главенства Англии не основалось еще более тягостное для России главенство Германии. Кто следит за внешней торговлей, тот знает, что центр наших торговых сношений в последние годы быстрыми шагами передвигается с берегов Темзы

на берега Шпрее. Поэтому теория Листа, служащая путеводительницей германской политики, должна быть принята к руководству всеми нациями, а в том числе и Россией, если она не желает подпасть под германское экономическое владычество.

Следуя за экономической жизнью народов, можно различать следующие постепенные стадии их развития: стадия дикого состояния, пастушеского, земледельческого, земледельческого и мануфактурного и, наконец, земледельческого, мануфактурного и коммерческого.

«Очевидно, что нация, обладающая большой территорией, снабженной разнообразными ресурсами и значительно населенной, которая соединяет земледелие, мануфактуры, мореплавание, внешнюю и внутреннюю торговлю, гораздо более цивилизованна, более развита в политическом отношении и более могущественна, нежели народ только земледельческий. Но мануфактуры составляют основы внешней и внутренней торговли, мореплавания и усовершенствованного земледелия, а следовательно, цивилизации и политического могущества; народ, который достигнет монополии всей мануфактурной жизни земного шара, а следовательно, сокращения экономического развития остальных наций, обрекая их лишь на производство земледельческих продуктов и сырых произведений и на производство только местной промышленности, — этот народ неизбежно достигнет всеобщего владычества. Поэтому нация, которая придает какую-либо цену своей независимости и самосохранению, обязана употреблять все усилия, чтобы подняться с низшей на высшую ступень цивилизации ввидах скорейшего создания в пределах своей территории земледелия, мануфактуры, мореплавания и торговли». Какими же путями это достигается? Поступательный переход народа в первых трех стадиях лучше всего достигается свободными сношениями с народами мануфактурными, коммерческими. Но переход народа из земледельческого состояния в земледельческое, мануфактурное и коммерческое не может совершиться сам по себе под влиянием свободного обмена, иначе как в предположении, что все народы находятся в это время в состоянии одинакового экономического развития, что они не препятствуют друг другу в экономическом преуспеянии, не останавливают его посредством войн и таможенных ограничений. Но такого положения вещей история до настоящего времени не знала. Всегда одни нации находятся в состоянии высшего развития мануфактуры, мореплавания и торговли по сравнению с другими — состоянии, достигнутом войнами, случайными политическими событиями или более своевременно принятыми искусственными мерами. Поэтому нации отсталые благодаря этим событиям и мерам вынуждены для перехода из земледельческого состояния в мануфактурное принимать такие же искусственные меры посредством создания таможенной системы: запрещения ввоза, ввозных пошлин, ограничений, ограничения мореплавания, премий и т. п. «Итак, таможенная система, — говорит Лист, — не представляет, как это предполагали, выдумку спекулятивных го-

лов, а составляет естественное стремление народов искать гарантии их бытия, их преуспеяния и установления их влияния». Но ведь фритредеры, совершенно игнорируя историю, доказывают нам как дважды два четыре, что таможенная система в действительности нисколько не служит к экономическому росту страны, что применение ее с этой целью указывает только, до какой степени народы могут заблуждаться. В самом деле, говорят нам фритредеры, очевидно, что размер народной промышленности не может быть больше того, насколько она снабжена материалами и пищей для прокормления, т. е. ограничивается размером капитала. Поэтому нельзя создать промышленность, не создавая капитала. Когда запрещается ввоз какого-нибудь иностранного товара и товар этот начинает производиться в стране, то думают, что страна обогащается, так как создается, сверх уже существующих, еще новая отрасль промышленности. Какое заблуждение! Если размер капитала не увеличился, то очевидно, что часть капитала, обращенная на новую отрасль промышленности, отнята от какой-либо другой отрасли. Пошлины, очевидно, не могут увеличивать капитал, а следовательно, не могут развивать промышленность. Но послушаем, что по этому предмету говорит Лист: «Всякая экономия, как частных лиц, так и общества, должна быть рассматриваема с двух главных точек зрения: с точки зрения индивидуальных, социальных и физических сил, посредством которых производятся богатства, и с точки зрения материального имущества, имеющего меновую ценность». «Поэтому существует теория производительных сил и теория имущества, меновых ценностей». «Производительные силы народов зависят не только от работы, сбережений, нравственности и способности людей или от обладания естественными фондами и материальными капиталами; они зависят также от социальных, политических и гражданских учреждений, а также законов и прежде всего от гарантий существования их независимости и их национальной мощи. Напрасно люди были бы трудолюбивы, экономны, искусны, предприимчивы, разумны и нравственны; без национального единства, без разделения занятий и кооперации производительных сил страна не была бы способна ни достигнуть высшей степени благоденствия и могущества, ни сохранить продолжительное время свои интеллектуальные, социальные и материальные богатства». Таможенная система не увеличивает непосредственно количество материального имущества, а следовательно, и капитала, но развивает и укрепляет производительные силы, которые создают этот капитал. «Принцип разделения труда, — говорит Лист, — до сих пор недостаточно понят. Производительность зависит гораздо менее от разделения различных операций какой-либо промышленности между несколькими лицами, нежели от моральной и материальной ассоциации этих лиц для достижения общей цели».

«Этот принцип применяется не только к фабрике или к сельскому хозяйству, но он распространяется на всю земледельческую, промышленную и коммерческую деятельность народа». «Разделение труда и комбинация производи-

тельных сил существует только в такой нации, в которой умственная производительность находится в соотношении с производительностью материальной, в которой земледелие, мануфактурная промышленность и торговля равномерно и гармонически развиты». В стране чисто земледельческой значительное количество производительных сил бездействует, остается без производительного потребления. В стране же мануфактурной объем применения производительных сил достигает предельного значения. «Мануфактурная промышленность благоприятствует наукам, искусству и политическому прогрессу; она увеличивает общее благосостояние, население, доходы государства и государственное могущество; она дает государству средства распространить свои сношения на все части света и создавать колонии».

Итак, для экономического могущества страны необходимо: национальное единство и таможенная система для развития производительных сил, созидающих мануфактурную промышленность, которая дает могущество стране и распространяет ее влияние созданием колоний. Эта краткая программа с буквальной точностью реализована кн. Бисмарком. С 1866-го по 1872 год он создавал единство германской нации, с 1870 года начал устанавливать протекционную систему, развившую промышленность, а когда Германия достигла не только политического, но и экономического могущества, приступил к созданию колоний и вступил в экономическую борьбу с Англией. Этот последний период его деятельности в настоящее время разыгрывается перед нашими глазами.

Как это уже было сказано, Лист не считает, что протекционизм полезен для народов во всех стадиях их развития, а также для всех без исключения стран. Он является необходимым только тогда, когда «экономическое, интеллектуальное и политическое воспитание страны под влиянием свободы торговли достигло предела, при котором ввоз иностранной мануфактуры и недостаток рынков препятствуют дальнейшему развитию страны». Народ же, «территория которого недостаточно обширна и ограничена ресурсами, которая не обладает устьями своих рек (а следовательно, выходами из своих морей) или которая недостаточно округлена, такой народ не может пользоваться протекционной системой или, по крайней мере, не может пользоваться ею с полным успехом. Необходимо сперва, чтобы он себя восполнил путем завоевания или переговоров».

Эта выдержка нам представляется весьма знаменательной. Все экономисты если не выражают прямо, что всякая война губительна для экономических интересов страны, то, по крайней мере, умалчивают о «народном восполнении путем завоевания или переговоров», как, во всяком случае, не имеющем ничего общего с политической экономией. Они говорят о войнах только как об атрибутах дикой стадии экономического развития народа. И это с точки зрения космополитической экономии совершенно верно; но неверно с точки зрения экономии национальной. Экономический принцип, верный по отношению че-

ловечества, как это мы уже объясняли, может быть неправилен по отношению нации — страны. Для экономического развития самой просвещенной нации война может быть выгодна, а потому национальная экономия не может игнорировать этого обстоятельства. Выдержка эта может служить также ответом тем нашим экономистам, которые проповедуют, что наши финансы плохи вследствие военного бюджета, что экономическое несчастье России заключается в стремлении придавать естественное округление своим границам и обладать выходом из своего моря.

Наконец, посмотрим, что говорит Лист по поводу криков, что протекционизм увеличивает стоимость продуктов, ложится бременем на землевладельцев и устанавливает монополию для мануфактуристов:

«Если пошлины удорожают на некоторое время туземные мануфактурные продукты, то зато вследствие внутренней конкуренции они обеспечивают уменьшение их стоимости в будущем; ибо промышленность, достигшая своего полного развития, может устанавливать на свои произведения цены настолько ниже, во сколько обходится провоз вывозимых сырых произведений и съестных припасов и обратный ввоз произведенных из них изделий и прибыль, получаемая на этой торговле».

«Во всяком случае, потеря, производимая пошлинами, выражается ценностью; но зато страна приобретает силы, посредством которых она в состоянии навсегда производить неисчислимые массы ценностей. Эта потеря в ценности должна рассматриваться как стоимость промышленного образования страны».

«Пошлины на мануфактурные произведения не ложатся на земледелие страны. Вследствие развития мануфактурной промышленности — богатства, население, а следовательно, и спрос на земледельческие продукты, рента и стоимость поземельной собственности чрезвычайно увеличиваются, тогда как ценность мануфактурных произведений с течением времени уменьшается. Выигрыш превосходит в десять раз потерю, которую временное увеличение стоимости мануфактурных произведений причиняет земледельцам».

«Хорошая протекционная система не предоставляет монополии мануфактуристам страны; она дает только гарантию от потерь для тех, которые дают свои капиталы, посвящают свои способности и усилия новым промышленностям».

«Она не предоставляет монополии, потому что внутренняя конкуренция заменяет иноземную и потому что всякий гражданин свободен принять участие в премиях, предоставляемых для всех. Она устанавливает только монополию туземцам по отношению иностранцев, которые также пользуются подобной же монополией в своем отечестве».

Мы остановились на предисловии Листа, так как в нем содержатся все основные идеи его сочинения, которые мы изложим весьма бегло. Тем не менее мы увидим, что эти идеи в последующем становятся еще более доказательными и убедительными. Но уже сказанное достаточно обрисовывает значение и характер «Национальной системы политической экономии». Это сочинение

как будто представляет собой проект создания величия Германии, осуществленный через несколько десятков лет после его издания. Несчастье для тех, которые не сумели понять и проникнуться идеями, в этом проекте содержащимися! Вот каким предостережением оканчивает Лист свое предисловие:

«Страна, которая посредством протекционной системы не сумеет обратиться в мануфактурную, обречена на материальную и политическую слабость. Опасность увеличивается, если соседние нации следуют другому пути, если они идут во всех отношениях вперед, тогда как мы идем назад, если у этих наций мысль о лучшей будущности возбуждает бодрость и дух предприимчивости граждан, в то время когда у нас недостаток надежды все более и более уничтожает бодрость и способность».

«История представляет примеры гибели целых наций, потому что они не умели в благоприятное время решить великую задачу обеспечения своей моральной, экономической и политической независимости установлением мануфактур и учреждением сильного класса мануфактуристов и купцов».

III

Ранее изложения теории своей системы Лист ищет в истории доказательства ее тезисов: национального единства и покровительства мануфактурной промышленности. Рассматривая историческое развитие различных наций, он уясняет, что если цветущее состояние торговли известных народов погибло, то потому, что они не могли создать этого единства, составляющего основание экономического развития; если другие народы возвеличились, то потому, что, установив это единство, они сосредоточили все свои усилия на развитии промышленности.

Италия. В каком цветущем состоянии находилась эта страна в двенадцатом и тринадцатом столетиях, когда Венеция, Генуя и Флоренция владели всей мировой торговлей! «Ей недоставало только одного, чтобы сделаться тем, во что обратилась Англия в настоящее время, и вследствие этого единственного недостатка все остальное ускользнуло из ее рук: ей недоставало национального единства и могущества, которое дается этим единством». Италия разоряется сама собою; могущество Амальфи уничтожается Пизой, Пиза падает перед Генуей, а Генуя перед Венецией. Что же касается Венеции, предоставленной своим собственным силам, то она должна была, в свою очередь, сделаться жертвою той же эгоистической политики, но к этому еще прибавилось открытие нового пути в Индию, имевшее чрезвычайно важное экономическое значение: «Если спросить историю, — говорит Лист, — о причинах падения этой республики и ее торговли, то вот что она отвечает: первая причина — сумасшествие, расслабление и подлость выродившейся аристократии, апатия народа, упав-

шего в рабство. Торговля и мануфактура Венеции должны были погибнуть, если бы даже не был открыт путь через мыс Доброй Надежды. Это падение, точно так, как падение всех итальянских республик, объясняется недостатком национального единства, иностранным влиянием, природным теократизмом и появлением в Европе больших, сильных и компактных национальностей».

Лист не дожил до возрождения в Италии идеи единства. Но история этого времени вполне подтверждает теорию Листа. С установлением национального единства экономическое состояние этой нации значительно поднялось и идет вперед.

Мы уже указывали на то, что Лист признает протекционизм необходимым условием экономического процветания только в известных стадиях развития народа. История Венеции дает ему случай высказаться по этому предмету: «Много раз приводили в подтверждение принципа свободы торговли, что падение Венеции произошло от ограничений, ею созданных; в этом мнении есть малая доля правды, но больше ошибочного». «Пример Венеции доказывает только, что отдельный город или маленькая страна, в присутствии больших государств, не может употреблять с пользой ограничительной системы и что страна, достигшая посредством ограничений мануфактурного и коммерческого владычества, когда эта цель достигнута, должна возвращаться к свободе торговли».

В конце обзора, касающегося Италии, помещены несколько строк, служащих ответом тем, которые водворяют заблуждения в умах публики, ставя на одну доску свободу торговли со свободой вообще. Сколько раз говорилось, что защитники протекционизма проповедуют ретроградную политику.

«Здесь, как и во всех спорах о свободе международной торговли, мы встречаем смешение слов, которое породило большие ошибки. Рассуждают о свободе торговли, как о гражданской и религиозной свободе. Друзья и сподвижники свободы вообще считают себя обязанными защищать свободу во всех ее формах, и вследствие этого свобода торговли приобрела популярность, без различия свободы внутренней торговли от свободы торговли международной, которые в своей сущности и в результатах столь глубоко отличаются друг от друга. Ибо, если ограничения во внутренней торговле только в весьма малых случаях совместны с индивидуальной свободой граждан, то во внешней торговле высшая степень индивидуальной свободы совпадает со значительными ограничениями. Высшая степень свободы внешней торговли может иметь в результате национальное порабощение, как это случилось с Польшей. Именно в этом смысле Монтескье сказал: „В странах свободы купец встречает бесчисленные затруднения, и он никогда не стеснен менее законами, как в странах порабощенных"».

Ганзейский союз. Единство, которого не достигли итальянские республики, создало величие ганзейского союза. В тринадцатом столетии Ганза соединила Гамбург, Любек и восемьдесят пять других городов, расположенных на берегу

Северного и Балтийского морей и около Одера, Эльбы и Везера. Ганзейцы создали могущественный военный флот и решили, что товары Ганзы должны перевозиться исключительно на их кораблях. Английский навигационный акт был впоследствии составлен по образцу акта Ганзы. Тут Лист замечает: «Навигационные акты, точно так, как и вообще таможенное покровительство, так естественны народам, предчувствующим свое коммерческое и промышленное величие в будущем, что Соединенные Штаты, едва освободившись, приняли ограничения в мореплавании по предложению Мадисона».

Ганзейцы имели в своих руках почти всю торговлю с Англией, и эта торговля производилась исключительно на их судах. Это была настоящая монополия, которая существовала почти в продолжение трех столетий. Англия, не имея ни промышленности, ни флота, обменивала свои сырые произведения на мануфактуру. Но от этого соприкосновения с иностранцами национальный дух англичан пробудился.

«Король Эдуард III был того мнения, что может осуществить нечто более полезное и более выгодное для страны, нежели вывозить необработанную шерсть и ввозить сукно. Он попробовал посредством всяких льгот привлечь в свою страну из Фландрии ремесленников по преимуществу сукон, и после того как приобрел довольно значительное число таковых, он запретил одеваться в чужеземные сукна». Это положило начало коммерческому движению Англии. Ганзейский союз начал вести с нею борьбу. Ограничения, принятые против него Англией, несколько раз уничтожались, но потом снова возобновлялись. Этому маленькому купеческому народу удалось создать такую силу, что с ней приходилось считаться английским королям. Наконец, королева Елизавета нанесла окончательный удар Ганзе. Узнав, что в Любеке собрался ганзейский сейм для обсуждения мер, направленных против английской внешней торговли, она приказала захватить шестьдесят ганзейских кораблей. Двое из экипажей этих кораблей были отправлены в Любек с посланием, что королева «полна презрения к Ганзе, ее предложениям и мерам». Таким образом, Ганза начала слабеть и совсем уничтожилась в 1630 году вследствие ограничительных мер, принятых против нее Англией, Данией, Швецией и Россией. Но не только в этом заключаются причины ее разорения: «Ганзейские города основали свою торговлю на производстве и потреблении, на земледельческой и мануфактурной промышленности окрестностей, к которым они примыкали. Но они забыли развить земледелие их родины в то время, когда давали посредством своей торговли значительный толчок земледелию чужеземных стран; они находили более удобным покупать фабричные произведения в Бельгии, нежели основывать фабрики в своей стране; они поощряли культуру полей Польши, воспитание овец в Англии, производство железа в Швеции и мануфактур в Бельгии. Они практиковали в течение столетий предписания теоретиков нашего времени: покупали товары там, где находили наиболее дешевые. Но когда ганзейцы были исключены из стран, где они

покупали и продавали, ни их земледелие, ни их промышленность не развились настолько, чтобы излишек их капитала мог найти приложение; этот капитал эмигрировал в Голландию и Англию, где он поднял промышленность, богатство и могущество их неприятелей. Блистательное доказательство тому, что промышленность, предоставленная самой себе, не делает страну счастливой и могущественной».

История ганзейского союза сливается в течение продолжительного времени с историей Англии. Пример Ганзы развил в Англии коммерческую и промышленную жизнь: «После того как свобода торговли с Ганзой довела земледелие Англии до варварского состояния, ограничительная политика, предпринятая ею против Ганзы, Бельгии и Голландии, привела ее к коммерческому и мануфактурному владычеству».

Голландия и Фландрия. После указания на причины, которые создали благосостояние Голландии: дух предприимчивости, бодрость и экономия, развитые вследствие постоянной борьбы с морем, важное открытие искусства соления сельдей, Лист указывает еще на географическую причину:

«Общее правило, что коммерческая деятельность и будущность приморского края зависят от важности его водяных бассейнов. Пусть бросят взгляд на карту Италии и тогда найдут в обширности и плодородии долины По естественное объяснение заметного преимущества торговли Венеции сравнительно с торговлей Пизы и Генуи. Торговля Голландии питалась рейнским бассейном и его притоками, и потому она должна была опередить торговлю Ганзы в той же пропорции, в какой этот бассейн по богатству и плодородию превосходит бассейны Везера и Одера».

Это правило действительно было общим до открытия железных дорог. Железные дороги значительно ослабили его значение, но тем не менее еще далеко не устранили.

Знаменитый экономист говорит: «Соединение всех бельгийских и батавийских провинций под бургундским владычеством доставило этой местности благоденствие национального единства — обстоятельство, которое при изучении причин, доставивших голландцам преимущества перед соперничающими городами Северной Германии, не должно быть пренебрегаемо. При Карле V Нидерланды представляли единение сил и ресурсов, которое лучше, нежели золотые прииски всего света, лучше, нежели все благоволения и все буллы папы, могло обеспечить их властителю владение землею и морем, если бы он понял значение этих сил и сумел ими управлять и пользоваться. Если бы Карл V отстранил от себя испанскую корону, как отстраняют камень, который грозит увлечь в бездну, — насколько судьба Нидерландов и Германии была бы другая! Владетель Нидерландов, император Германии и глава реформации, Карл имел в своих руках материальные и моральные средства основать наиболее могущественное промышленное и коммерческое государство, наиболее обширное морское и континентальное владычество, которое когда-либо существовало,

морское владычество, которое соединило бы под один флаг все суда от Дюнкирхена до Риги».

Вот мечта знаменитого экономиста-патриота! Коммерческое и морское развитие сил Англии и Франции сразило Голландию. Она пала, говорит Лист, «потому, что население, обитавшее на узкой территории и состоявшее из незначительного количества рыболовов, моряков, купцов и немцев-пионеров, хотело сделаться само по себе державой, и часть континента, с которой оно составляло географическое целое, была им рассматриваема и трактуема как чужеземная страна».

Итак, падение Голландии тоже произошло от отсутствия национального единения.

Глава о Голландии кончается следующим знаменательным предсказанием:

«Голландия ныне живет своими колониями и своею международной торговлей с Германией. Но случайная война может лишить ее владений, и по мере того как германский таможенный союз будет понимать лучше свои интересы и уметь лучше управлять своими силами, он еще больше почувствует необходимость присоединить к себе Голландию».

Едва ли кто поручится, что это предсказание не будет в скором времени осуществлено. Еще недавно в иностранных газетах сообщалось о разговорах канцлера с французским посланником по поводу проектов оккупации Бельгии и Голландии. Мы были тогда в Бельгии, и нас удивило, что возможность такой оккупации была встречена многими как нечто такое, что рано или поздно, а должно осуществиться. Все равно, говорили нам, водворение на континенте, по инициативе кн. Бисмарка, строгого протекционизма должно нас привести к гибели.

Англия. Эта страна, проповедующая ныне свободу торговли, создала свое коммерческое и промышленное величие строгим протекционизмом. Выше говорилось о том, как в Англии основалось суконное производство, которое положило начало промышленному развитию страны. Впоследствии властелины ее ничем не пренебрегали, чтобы возбудить промышленную деятельность народа. Некоторые из них, как, например, Елизавета, принимают абсолютные протекционные меры: ввоз металлов, выделанных кож и множества других фабричных произведений совершенно воспрещается. Строительное искусство посредством различных поощрительных мер также водворяется в Англии в царствование Елизаветы. Англичане посредством ряда различных льгот, предоставляемых иностранцам, заимствуют от всех стран света их специальные искусства: у Венеции производство кристалла, у Персии производство ковров и т. п. Фабриканты и ремесленники, выгнанные Филиппом II из Бельгии и Людовиком XIV из Франции, водворяют или улучшают в Англии целую массу промышленностей: производство шляп, бумаги, часов, льняных и шелковых изделий, железа и проч. Все эти производства развиваются и возрастают благодаря запрещениям ввоза или высоким пошлинам: «Овладевши какой-либо про-

мышленностью, — говорит Лист, — она (Англия) окружала ее в течение столетий своим попечением, как молодое дерево, которое требует опоры и забот. Тот, кто не ведает, что в силу работы, прилежания и экономии промышленность со временем делается выгодной и что в стране, ушедшей вперед в земледелии и в цивилизации вообще, новые фабрики, соответственно охраняемые, как бы несовершенны и дороги ни были вначале их произведения, могут, при помощи опыта и внутренней конкуренции, во всех отношениях сравняться со старыми иностранными фабриками; тот, кто не знает, что будущность данного фабричного производства ограничена будущностью многих других, и который не понимает, до какой степени нация может развить свои производительные силы, когда она бдительно и беспрерывно наблюдает за тем, чтобы каждое поколение преследовало дело промышленного прогресса, начиная с того положения, до которого довело его предыдущее поколение, — тот должен начать с изучения истории английской промышленности, ранее нежели приступать к построению систем и навязыванию советов государственным людям, держащим в своих руках будущность народов».

Эта выдержка объясняет величие английской промышленности. Она уясняет доктрину, которой в течение столетий были воодушевлены английские монархи, и вместе с тем может служить прекрасным ответом нашим публицистам-фритредерам.

Навигационный акт установил верховенство английского флота, в особенности в ущерб голландского, который до того времени пользовался монополией каботажа и рыболовства. В 1703 году Метуэнский договор открыл Англии португальский рынок, которым до того времени пользовались голландцы и немцы. Этот договор весьма знаменателен в истории Англии. Он представляет собою первый шаг, поведший ее к колониальному владычеству. Английские произведения из Португалии дошли до Индии и Китая, что имело в окончательном результате прибавление к королевской короне Великобритании императорского титула Индии. Купцы, уверенные в том, что за ними последуют войска, составляли авангард всех колониальных завоеваний Англии. Занятие Индии могло привести Англию к промышленной катастрофе от свободного ввоза в ее пределы индийских бумажных и шелковых тканей. Что же она сделала? Под опасением строжайшей ответственности, она совершенно воспретила ввоз этих произведений из своих собственных владений: «...она не захотела потреблять ни одной нитки из Индии; она отбросила от себя эти столь прекрасные и столь дешевые произведения; она продавала континентальным странам по низким ценам эти прекрасные произведения Востока; она им предоставила выгоды этой дешевизны, для самой же себя Англия не захотела этой дешевизны». Это — последнее слово протекционизма, обогатившего Англию, которая после того создала и столь ревностно начала проповедовать теорию свободы обмена, обморочившую одно время всю Европу.

История экономического развития Англии представляет три периода; вначале, когда в ней почти не существовало промышленности и она должна была обменивать свои сырые произведения на иностранные изделия, она держалась полной свободы торговли; когда промышленность и флот приобрели некоторое значение, она устранила иностранные произведения и суда; наконец, когда этим путем ее флот, промышленность и торговля достигли апогея, в ее международных коммерческих отношениях снова появилась свобода. «Тогда, — говорит Лист, — заключая трактаты на основе равенства, с одной стороны, она имела по сравнению с народами отставшими несомненные преимущества и помешала этим народам предпринимать ограничения, вызываемые их потребностями; с другой стороны, она охраняла национальные силы от беспечности и держала в бодрствовании, так чтобы не быть опереженной».

Само собою разумеется, что, кроме указанных причин настоящего богатства Англии, имелись еще другие, совершенно специальные причины: географическое положение, эмиграция фламандских ткачей в XII столетии, переселение в Англию фабрикантов, торговцев и ремесленников почти со всех европейских стран и проч.

Испания и Португалия. В то время как англичане употребили столетия, чтобы создать свое национальное состояние, Испания и Португалия, как известно, достигли громадного богатства в самое непродолжительное время. Но это богатство подобно было богатству счастливца, выигравшего значительный куш в лотерею, тогда как богатство англичан походит на состояние, достигнутое «трудолюбивым и экономным отцом семейства посредством сбережений». Испания и Португалия очень рано блеснули, чтобы затем вступить на путь, повидимому, безостановочного падения.

В X столетии благодаря маврам промышленность этих стран уже достигла значительного процветания; но религиозные гонения сперва на евреев, а потом на мавров нанесли первый удар этому благополучию. Англичане докончили то, что не успел сделать фанатизм. Азиентский трактат для Испании, заключенный в 1713 году, имел на ее судьбу то же влияние, как Метуэнский на судьбу Португалии. Английская мануфактура наводнила эти страны, ибо известно, что англичане умеют выжимать из своих трактатов все то, что таковые могут дать. Лист по этому поводу вспоминает показание Андерсона, который говорит, что уже в то время англичане были весьма обучены искусству в искусстве объявлять свои произведения в таможнях «так, что они в действительности платили только половину пошлин, установленных тарифами». Кстати сказать, по мере развития промышленности у компатриотов Листа они развили у себя это искусство едва ли в меньшей степени, что теперь мы испытываем.

«Все торговые трактаты Англии, — говорит Лист в заключении исторического очерка экономического развития Португалии и Испании, — нам представляют постоянную тенденцию завоевывать для своей мануфактурной промышленности те страны, с которыми она входит в соглашение, предоставляя

их земледельческим продуктам и сырым произведениям кажущиеся выгоды. Она стремится всюду разорять иностранные фабрики дешевизною своих изделий и удобствами своего кредита». Англичане после трактата 1713 года не остановились даже перед организацией в Испании в самых широких размерах контрабанды, а впоследствии, сделавшись хозяевами морей, они оставляли в безопасности морских пиратов. Англичане их не боялись, а между тем пираты оказывали услуги английскому флоту, грабя корабли других держав.

Франция. Относительно Франции Лист напоминает, что она обязана своим промышленным и коммерческим развитием Кольберу, который имел смелость сам один предпринять работу, которую англичане привели к благополучному концу после двух революций и трудов в течение трех столетий. Эденский трактат, заключенный при Людовике XIV, был для Франции то же, что Азиентский для Испании и Метуэнский для Португалии. Англичане сейчас же полонили французскую промышленность. Французы, усмотрев последствия этого трактата, от него отказались, но, замечает Лист, «гораздо легче разорить в течение нескольких лет цветущие фабрики, нежели целому поколению поднять их».

Лист припоминает слова Наполеона I: «Страна, которая при настоящем положении света практиковала бы принцип свободы торговли, была бы обращена в порошок». Но непрерывные войны при Наполеоне не могли не отразиться самым губительным образом на национальной промышленности. Во время реставрации англичане, в лице Адама Смита, выдумали теорию свободы торговли и начали ее пропагандировать. Французы поддались на эту удочку. Все французские рынки опять перешли в руки англичан. Тогда Франция снова перешла к протекционизму, который снова дал толчок национальному производству и воссоздал французскую промышленность.

Германия. Лист создал проект для возвеличения своего отечества, но ему было суждено видеть только зародыш этого величия. Фундамент проекта — национальное единство. Развитие германской промышленности начинается с 1819 года, когда во Франкфурте-на-Майне основалась ассоциация из пяти-шести тысяч купцов и фабрикантов с целью совокупных усилий к уничтожению внутренних таможен и установлению общей коммерческой протекционной системы для всей Германии. Мы уже говорили, какое деятельное участие принимал сам Лист в осуществлении целей этой ассоциации. Затем ассоциация эта приняла протекционный прусский тариф 1818 года. Теперь Германия уже живет не только под покровительством прусского тарифа, но под покровительством всего охранительного прусского государственного строя. Задача единения исполнена, и германская промышленность приняла чрезвычайное развитие, предвиденное в начале настоящего столетия гением Листа.

Северная Америка. Вне пределов Европы Лист касается только Северной Америки. Он устанавливает тот факт, что протекционная система создала ее независимость. Известно, что этой системы американцы держатся и до настоящих дней, несмотря на зловещие предсказания прежних и настоящих фрит-

редеров. Еще основатели теории свободы обмена, Адам Смит и Сэй, доказывали, что будущность Америки заключается только в земледелии. Теперь мы видим, насколько мнения этих действительно замечательных экономистов, увлекавшихся свободой обмена, оказались неосновательными. Американские Штаты сделались одной из самых великих промышленных стран света. На них вполне оправдалась система Листа. Война за независимость установила национальное единство, а строго протекционная система восполнила результаты этого единства.

Россия. Лист говорит очень немного о России. Но тем не менее, по понятной причине, мы остановимся над тем, что он о ней говорит.

Россия обязана первыми шагами своего промышленного развития сношениям с Грецией, затем торговле с Ганзой через Новгород; когда же царь Иоанн Васильевич покорил этот город и затем был открыт путь сношений через Белое море — то торговле с англичанами и голландцами.

Тем не менее значительное развитие русской промышленности началось только со времени Петра Великого. История России начиная с первых годов XVIII века представляет блистательное доказательство могущественного влияния национального единства и политических учреждений страны на экономическое преуспеяние народа. «Царскому авторитету, благодаря которому было установлено и удержано единство между множеством варварских орд, Россия обязана созданием своей промышленности, быстрым ростом земледелия и населения, развитием внутренней торговли при помощи каналов и путей сообщения, развитием обширной внешней торговли — одним словом, всем своим коммерческим значением».

Экономическая система в России в точном смысле этого слова, по мнению Листа, начинается только с 1821 года. Конечно, льготы, предоставленные Екатериной II иностранным рабочим и фабрикантам, улучшили состояние некоторых ремесел и фабрик; но промышленная культура нации была еще настолько отсталая, что промышленность ограничивалась грубым изделием полотен, железа, стекла и вообще только изделиями тех отраслей ее, которые были особенно благоприятствуемы земледельческими и минеральными богатствами страны. Впрочем, в то время большее развитие промышленности не было еще в экономическом интересе России. Если бы иностранцы принимали в уплату их произведений съестные припасы, сырые произведения и грубые фабричные изделия, которые Россия могла давать, если бы не было внешних усложнений и войн, Россия еще долго имела бы выгоду производить свободный обмен со странами, ее опередившими, ибо ее культура могла от этого выиграть более, нежели от протекционной системы. Но войны, блокада континента и ограничительные меры других стран поколебали интересы России и заставили ее искать более надежной экономической системы, нежели вывоз сырья и ввоз фабричных изделий. Таким образом, она была вынуждена заняться сама обработкой своего сырья. После войны хотели снова вернуться к свободе торговли.

Правительство и сам царь были склонны к фритредерству. Тогда Шторх имел такой же во многом губительный авторитет в России, как Сэй в Германии. Уничтожили пошлины. Заводы и фабрики, преимущественно вследствие конкуренции Англии, начали разоряться, но это не смутило фритредеров. «После кризиса, который будет пройден, — говорили они, — Россия вкусит сладчайшие плоды благодеяния свободы торговли». В то время коммерческие конъюнктуры действительно благоприятствовали экономическому положению России. Плохой урожай в большей части Европы вызвал усиленный вывоз земледельческих продуктов — и это дало России возможность заплатить за усиленный ввоз иностранной мануфактуры. Но когда исключительный спрос на русские продукты прекратился и Англия в интересах аристократии затруднила ввоз хлеба, а в интересах Канады — ввоз дерева, то разорение русских фабрик и усиленный ввоз в Россию заграничных изделий дал себя почувствовать во всей силе. «Тогда, после того как вместе со Шторхом рассматривали торговый баланс как химеру, существование которой для образованного человека так же постыдно и неприлично признавать, как существование колдуний в XVIII столетии, с ужасом увидели, что между независимыми странами действительно существует нечто аналогичное торговому балансу». Правительство было вынуждено вернуться к протекционной системе, о чем были оповещены представители России при иностранных дворах особым циркуляром графа Нессельроде в 1821 году, в котором говорится, что «Россия видит себя вынужденной обстоятельствами прибегнуть к независимой коммерческой системе; что продукты империи не находят помещения во внешних рынках; что фабрики разорены или находятся накануне разорения; что вся звонкая монета уходит за границу, и коммерческие дома, наиболее солидные, находятся накануне катастрофы».

Благодетельные последствия для России восстановленного протекционизма, не менее как бедствия, произведенные предыдущей практикой свободы торговли, послужили к наглядному доказательству неправильности принципов и уверений фритредеров. Из всех цивилизованных стран, преимущественно же из Англии и Германии, явились капиталы и умственные силы, чтобы принять участие в выгодах, предоставленных русскому производству новым таможенным тарифом. Дворянство, «не находя внешних рынков для своих произведений, попробовало разрешить обратную задачу, а именно — приблизить к себе рынки: они основали фабрики в своих поместьях». Спрос вновь созданных шерстяных фабрик на шерсть значительно увеличил овцеводство. Заграничная торговля вместо того, чтобы уменьшиться, увеличилась, в особенности торговля с Китаем, Персией и вообще Азией. Коммерческие кризисы прекратились, «и достаточно просмотреть последние отчеты департамента торговли России, чтобы убедиться, что Россия благодаря принятой ею системе достигла благоденствия и что она гигантскими шагами подвигается как по пути богатства, так и могущества». Такие результаты тогда смущали немцев, и

вот как Лист их утешает: «Безрассудно со стороны Германии желать уменьшения этих прогрессов и расточать жалобы на ущерб, который система России принесла северным германским провинциям. Нация, как и человек, не имеет более дорогих интересов, как свои собственные. На России не лежат обязанности хлопотать о благоденствии Германии. Пусть Германия занимается Германией, а Россия — Россией. Вместо того чтобы жаловаться, вместо того чтобы питаться надеждами и ждать Мессию будущей свободы торговли, было бы лучше бросить космополитическую систему в огонь и воспользоваться примером России». Германия последовала совету Листа. Она воспользовалась нашим примером, но мы им не воспользовались. Поэтому и произошла метаморфоза, которая отзывается ныне на всем экономическом строе России. Что Англия смотрит косо на коммерческую политику России, это, говорит Лист, вполне естественно. Россия благодаря этой политике эмансипировалась от Англии, она явилась ее соперницей в Азии. Если Англия имеет преимущество дешевизны своих изделий, то зато Россия имеет выгоды соседства с Азией.

Затем Лист указывает на некоторые тормозы к дальнейшему преуспеянию России, из которых главный — крепостное право. Она должна их устранить — для дальнейшего прогресса. «Но для того, чтобы эти реформы были возможны, — говорит Лист, оканчивая очерк о России, — необходимо прежде всего, чтобы русское дворянство поняло, что его интересы непосредственно связаны с этими реформами». Русское дворянство это поняло. Совершилось в несколько лет — совершенно мирно — то, что в других странах покупалось десятками лет труда и потоками крови. Народ стал свободен. Но тем не менее надежды Листа относительно дальнейшего экономического развития России далеко не сбылись. Последствия этой благодетельной реформы были умалены новой волной фритредерства.

В 1857 году был введен таможенный тариф, продиктованный идеями свободы торговли. Затем народно-хозяйственная жизнь устраивалась под веянием той же школы. И только в последние годы грозная действительность заставила уклониться от этих веяний, держащих тем не менее еще до настоящего времени многие умы в плену. Таким образом, в результате можно сказать, что экономическая мощь России основывается исключительно на могущественнейшем национальном единстве, составляющем основу экономического благосостояния всякого народа. Благодаря этому единству Россия переносила и переносит все невзгоды судьбы и неразумия. Она еще не испытала благодеяний протекционной системы, которая может ее освободить от чужеземной политики и развить все ее бесчисленные богатства, находящиеся в летаргическом состоянии. То, что делалось частичным применением этой системы сегодня, нарушалось завтра. Россия испытает плоды этой системы только тогда, когда она, «овладевши какой-либо промышленностью, окружит ее в течение столетий своим попечением. Тот, кто не понимает, до какой степени нация может развить свои непроизводительные силы, когда

она бдительно и беспрерывно наблюдает за тем, чтобы всякое поколение преследовало дело промышленного прогресса, начиная с того положения, до которого довело его предыдущее, пусть ранее, нежели давать советы, начнет с изучения истории английской промышленности». «Гораздо легче разорить в течение нескольких лет цветущие фабрики, нежели целому поколению поднять их».

Уроки истории. В заключение исторического обзора экономического развития различных стран Лист, под заглавием «Уроки истории», делает логические выводы из этого исследования. Сущность этих выводов заключается в следующем:

«Во все времена и во всех странах способность, нравственность и деятельность граждан регламентировались для благоденствия страны, и богатство увеличивалось или уменьшалось с этими качествами; но никогда труд и экономия людей, дух изобретательности и предприимчивости не создали ничего великого там, где они не могли опереться на гражданскую свободу, учреждения и законы, администрацию и внешнюю политику, в особенности же на национальное единство и могущество».

«История учит, что ограничительные меры составляют естественные последствия различия интересов и усилий народов к достижению независимости и могущества, а следовательно, последствия национального соперничества и войны, а потому они должны устраниться только при согласовании всех национальных интересов или при общей ассоциации всех народов под режимом права».

«Опыты некоторых стран, применявших у себя свободу внешней торговли в присутствии нации, их перевешивающей в промышленности, богатстве и могуществе или держащейся ограничительной коммерческой системы, нам показывают, что этим отдают в жертву будущность страны, без всякой вообще пользы для человечества и только в выгоду страны, держащей скипетр мануфактур и торговли».

«История, наконец, нас учит, каким образом народы, обладающие от природы всеми средствами для достижения высшей степени богатства и могущества, могут и должны, без того чтобы не стать в противоречие сами с собою, менять свою коммерческую систему по мере того, как идут вперед. Сперва, действительно, посредством свободы торговли с народами, их опередившими, они выходят из варварства и улучшают свое земледелие; потом, посредством ограничений, они заставляют цвести их фабрики, рыболовство, флот и внешнюю торговлю; наконец, после достижения высшей степени богатства и могущества, посредством постепенного перехода к принципам свободы торговли и свободной конкуренции на иностранных рынках, им принадлежащих, они охраняют от беспечности свое земледелие, мануфактуру и своих купцов и держат их в бодрствовании, дабы сохранить верховенство, которого они достигли».

IV

Космополитическая и политическая экономия. Изложение «Теории» Лист начинает с определения предмета политической экономии. Основатели этой науки Кенэ, Смит и даже Сэй имели в виду все человечество, а не нацию. Они создали не политическую, а космополитическую экономию, исходящую из гипотезы, что нации всего земного шара составляют одно общество, живущее в постоянном мире, — а потому и предлагающую применять ко всем странам одну и ту же неизменную доктрину. Политическая же, или национальная, экономия должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация при настоящем положении всего света и при наличности особых условий, в которых она находится, может сохранять и улучшать свое экономическое положение.

Сколько раз говорилось, что свобода обмена должна составить высшее выражение прогресса человечества; но этот прогресс еще весьма отдален, между тем как экономисты-космополитики говорят о свободе обмена как о подлежащем немедленному приведению в исполнение. Свобода обмена возможна только при условии, если она всеобща, если все нации находятся в положении братства и равенства, — и именно протекционизм, развивающий национальные экономические силы и подвигающий умственное и общественное развитие, подготовляет такое положение вещей, при котором возможно осуществление свободы обмена, представляющее собой такое же отдаленное благо, как, например, всеобщий мир. Философы могут мечтать о всеобщей федерации; но имеет ли право экономист, при данных общественных условиях, пренебрегать национальной идеей для достижения гипотетических интересов человечества? Не обязан ли он, наоборот, при несомненном существовании национального соперничества и антагонизма, изучать и указывать средства для национального совершенствования вообще и в особенности для процветания своего отечества? Наше воображение, не стесняемое пределами времени, может предвидеть в отдаленном будущем свободу обмена, основанную на всеобщем мире; но наш здравый смысл, возвращая нас к реальным фактам, в ожидании такого золотого века, указывает нам на необходимость, чтобы наше отечество было снабжено всеми средствами для защиты против действительно существующей национальной борьбы, стирающей с лица земли те нации, которые не заботятся о своих национальных интересах.

Поэтому Лист, в теории, вполне разделяет энтузиазм сторонников свободы обмена. Делая апологию этой теории, он, между прочим, говорит: «Три соединенные державы, составляющие Великобританию, представляют разительный и решительный пример громадных результатов свободы торговли между ассоциацией народов. Пусть представят себе подобную ассоциацию между всеми нациями земного шара — и самое живое воображение не могло бы изобразить сумму благоденствия и могущества, которую она доставила бы человечеству».

Таким образом, «школа (классическая политическая экономия) основывается на правильной идее — идее, которую наука должна признавать и разрабатывать для того, чтобы выполнять свое назначение, заключающееся в просвещении практики, идеи, которую практика не может игнорировать без того, чтобы не впадать в заблуждение». Но дело в том, что школа совершенно пренебрегла национальностями, их интересами, их особыми условиями и забыла их согласить с идеей всеобщего единения и вечного мира.

«Школа принимает за реализированное такое положение вещей, которое может осуществиться только в будущем. Она предполагает существование всеобщей ассоциации и постоянного мира и отсюда выводит заключение о значительных выгодах свободы торговли. Она смешивает, таким образом, следствие с причиной».

«Постоянный мир существует между провинциями и странами, уже соединившимися, — и от этой ассоциации произошло их коммерческое единение. Они обязаны постоянному миру, в котором живут между собою, теми выгодами, которых от этого достигли. Все примеры, которые нам представляет история, показывают, что политическое единение предшествует коммерческому. При настоящем положении света свобода торговли вместо того, чтобы создать всеобщую республику, создала бы всеобщее подчинение народов верховенству страны, наиболее сильной в мануфактурах, торговле и мореплавании».

«Всеобщая республика, как ее понимали Генрих IV и аббат de Saint-Pierre, т. е. как ассоциацию, в которой все нации признавали бы легальное управление и отказались бы от расправы, осуществима настолько, насколько известное число наций достигло приблизительно одинаковой степени промышленности, цивилизации, политического воспитания и могущества. Свобода торговли не может распространяться иначе, как посредством постепенного расширения этой ассоциации; только посредством такого расширения она может доставлять народам значительные выгоды, пример которых нам показывают провинции и страны, уже соединившиеся. Протекционная система представляет единственное средство для поднятия стран, отставших в цивилизации, до уровня опередившей нации, которая, конечно, не получила от природы вечной монополии мануфактурной промышленности, а только ушла вперед других; протекционная система является с этой точки зрения наиболее могущественным двигателем к достижению окончательной ассоциации народов, а следовательно, и истинной свободы торговли. И с той же точки зрения политическая (национальная) экономия является наукой, которая, принимая во внимание существующие интересы и особые условия нации, учит, каким образом каждая из них может достигнуть той степени экономического развития, при которой ее ассоциация с другими народами равной культуры, на основании свободы торговли, становится возможной и выгодной».

В то время как Лист писал приведенные строки, промышленное верховенство Англии было еще могущественнее, нежели теперь, и при таком положе-

нии вещей вот к каким результатам привело бы, по мнению Листа, применение свободы торговли:

«Английская нация, как нация независимая и изолированная, приняла бы меры, чтобы при помощи политики распространить свое могущественное влияние; упираясь на свои банки, законы, учреждения и обычаи, англичане употребили бы все силы и капиталы на развитие туземной промышленности; свобода торговли, открывая все страны света английским мануфактурам, поощряла бы их к тому; тогда им не легко приходила бы мысль основывать мануфактуры во Франции или в Германии, тогда весь излишек своего капитала они приложили бы к внешней торговле. Если бы англичане находились в положении необходимости, в котором иногда находятся ныне, эмигрировать или вложить свои капиталы за границей, они предпочли бы соседним континентальным державам отдаленные местности, в которых встречали бы свой язык, законы и учреждения. Англия обратилась бы в один громадный мануфактурный город. Азия, Африка и Австралия были бы ею цивилизованы, и из них она выкроила бы новые государства на образец, какой подсказала бы ей ее фантазия. Со временем основался бы, под президентством метрополии, целый мир английских стран, в котором континентальные европейские нации терялись бы как ничтожные и бесплодные расы. Франция вместе с Испанией и Португалией несли бы миссию снабжать английский мир лучшими винами и самим пить наихудшие. Германия не имела бы другого назначения, как доставлять английскому миру детские игрушки, деревянные часы, филологические трактаты, а иногда людей, обреченных ездить чахнуть в Азию и Африку, чтобы ощущать английское коммерческое и промышленное могущество и слушать английский язык. Не прошло бы много столетий, как в этом английском мире говорили бы о немцах и французах с таким же уважением, как мы ныне говорим об азиатских народах». Вот та перспектива, которая, по мнению Листа, открывается для европейской нации, отступающей от своих национальных начал во имя доктрины свободы торговли.

Теория ценностей и производительных сил. Политическая экономия занимается исследованием богатства. Богатством называют сумму необходимых, полезных и приятных вещей, имеющих меновую ценность. Очевидно, что способность создавать богатства гораздо важнее самого богатства, ибо без этой способности богатство не только не может возрастать, но оно непременно должно уничтожаться, т. е. пойти на удовлетворение людских потребностей. В чем же заключается способность создавать богатство, т. е. причина богатства? Почти все экономисты, начиная с представителей классического и кончая представителями крайне социалистического направления — с Адама Смита до Карла Маркса, — говорят, что причина богатства заключается в труде. Несомненно, что богатство не может создаваться иначе, как посредством работы тела или ума; но из этого не следует, что один труд способен сделать отдельного человека или нацию богатыми. Мы видим, что в жизни богатство лю-

дей большей частью не находится в соотношении с их трудом. История указывает на примеры разорения стран, несмотря на значительный труд и экономию их граждан. Таким образом, положение экономистов, что труд составляет причину богатства, а лень — бедности, положение, которое, как замечает Лист, было высказано еще царем Соломоном, не объясняет, почему одни нации богатеют, а другие впадают в бедность. Богатство нации зависит от массы разнообразных причин, и не только материального, но и духовного характера. Оно зависит от национального могущества, от географического положения, от политических и гражданских учреждений, законов, религии, нравственности и проч. Почти все экономисты трактуют о богатстве и его причинах с материалистической точки зрения. Основатель политической экономии Адам Смит под богатством понимал совокупность вещественных продуктов, а потому и причину богатства видел только в труде материальном. Всякий умственный и художественный труд признавался им трудом непроизводительным. Нелепость такого положения, на которую Лист подробно указывает с особым сарказмом, настолько очевидна, что едва ли на ней стоит останавливаться. Уже его ближайший последователь Сэй заметил невозможность сохранения в науке такой нелепости, а потому включил в понятие о богатстве и невещественную деятельность человека, но только как эквивалент вещественным предметам, ею выражаемым. По его учению, причина богатства заключается как в материальном, так и в умственном труде, но только в той мере, в какой умственный труд способен творить ценности. Вообще, по учению Адама Смита и его ближайших последователей, политическая экономия является теорией ценности. Идея ценности служит основанием всей их доктрины. Лист, в противоположность теории ценности, выставляет теорию производительных сил. Разницу между этими двумя теориями он разъясняет следующим примером:

«Если два отца семейства — собственники — экономизируют в год по 1000 талеров и имеют каждый по пяти сыновей, причем один отец семейства кладет свои сбережения на проценты и занимает своих сыновей физической работой, тогда как другой употребляет свои сбережения на то, чтобы сделать двух из сыновей интеллигентными земледельцами, а остальных трех профессорами соответственно их способностям, то первый из них поступает по теории ценности, а второй — по теории производительных сил. В момент их смерти первый будет богаче в меновых ценностях, но по отношению производительных сил произойдет совершенно обратное. Собственность одного будет разделена на две части, и каждая из них, эксплуатируемая с большим искусством, даст чистый доход, равный общему чистому доходу, ранее получавшемуся; в то же время остальные три сына в своих талантах будут иметь широкий источник для существования. Собственность же другого будет разделена на пять частей, и каждая из них будет так же худо управляема, как и была ранее вся собственность в совокупности. В одном семействе было возбуждено и развито значительное количество моральных сил, талантов, которые будут увели-

чиваться от поколения к поколению, и всякое новое поколение будет обладать большими источниками для приобретения богатства, чем предыдущее. В другом семействе, наоборот, тупость и бедность будут увеличиваться по мере того, как собственность будет все более раздробляться. Подобным образом плантатор увеличивает посредством рабов сумму своих меновых ценностей, но разоряет производительные силы будущих поколений».

Таким образом, всякий расход на образование, на правосудие и на войско (который, по мнению некоторых экономистов либерального направления, представляется расходом непроизводительным, потому что он не только не создает непосредственно ценностей, но, напротив того, их уничтожает), с точки зрения Листа, является производительным, ибо уничтожение ценностей производится в пользу усиления производительных сил.

Христианство, уничтожение рабства, единоженство, престолонаследие, изобретение печатания, прессы, почты, монетной системы, учреждение полиции, обеспечивающей безопасность граждан, и проч., и проч., — все это составляет источник производительных сил, а следовательно, и богатства. Сэй говорит — «законы не могут создавать богатства», и на это Лист ему отвечает — «конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства или обладания меновыми ценностями».

Сопоставляя теорию ценности с теорией производительных сил по отношению нации, Лист говорит: «Внешние сношения нации не должны оцениваться, как торговля купца, исключительно по теории ценности, т. е. единственно по соображению с чистой пользой, ею доставляемой в данное время; нация в то же время должна иметь в виду совокупность отношений, от которых зависят ее существование, ее будущность, ее могущество. Нация должна делать жертвы и переносить лишения в области материального богатства для приобретения умственных и социальных сил; она должна жертвовать выгодами в настоящем для того, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем».

Рассуждая с точки зрения теории ценностей и оценивая деятельность нации, как купца, очевидно, что она должна покупать нужные ей продукты там, где их можно достать дешевле; что безумно заниматься производством таких предметов, которые дешевле купить на стороне, и что, таким образом, ввозные пошлины представляют монополию в пользу промышленников в ущерб всей нации. Но необходимо прийти к другим заключениям, рассматривая вопрос с точки зрения производительных сил.

«Верно, что ввозные пошлины вначале удорожают фабричные произведения, но также верно и то, как признает и сама школа (фритредеры), что впоследствии у народа, способного к значительному развитию промышленности, эти произведения могут производиться дешевле той цены, по какой они могут ввозиться извне. Если, следовательно, ввозные пошлины требуют жертв в ценности, то жертвы эти уравновешиваются приобретением производительных сил, которые не только обеспечивают в будущем бесконечно большее количе-

ство материального богатства, но, кроме того, промышленную независимость на случай войны. Вследствие промышленной независимости нация получает возможность возвышать свою цивилизацию, улучшать свои учреждения внутри страны и укреплять свое могущество вне ее. Нация, которая имеет промышленное призвание, прибегая к протекционной системе, поступает точно так же, как собственник, который жертвует своими материальными ценностями для того, чтобы выучить своих детей какой-нибудь производительной промышленности». Далее Лист говорит о вывозных премиях. С точки зрения теории ценности, вывозные премии во всех случаях представляют не что иное, как подарки, которые делает страна тем государствам, в которые вывозятся премированные продукты. Но такими премиями одна страна может разорять другую, и, таким образом, подарок в ценности иногда наносит громадный убыток производительным силам. Подарки эти, говорит Лист, похожи на те, «которые султан имеет обыкновение подносить своим пашам, когда он им посылает ценный шелковый шнур». «С тех пор, как троянцы были награждены греками деревянной лошадью, народу небезопасно принимать подарки от другого народа». «Если бы ныне Англия взяла на себя обязательство доставлять немцам бесплатно в течение нескольких лет все мануфактурные произведения, которые им необходимы, мы бы не посоветовали немцам принять этот подарок. Предположим, что англичане, вследствие новых изобретений, будут в состоянии фабриковать полотно на 40 процентов дешевле, нежели немцы старым способом, и что этими изобретениями они воспользуются в течение нескольких лет ранее, нежели ими воспользуются немцы; в таком случае одна из самых важных и старых промышленностей Германии без соответствующего покровительства будет разорена и немецкая нация очутится в положении человека, потерявшего часть своего тела; но кто может утешиться в потере одной руки потому только, что его рубашка стала на 40 процентов дешевле?»

Наконец, вследствие того, что основатели классической политической экономии не обратили должного внимания на теорию производительных сил, они не придали соответствующего значения мануфактурной промышленности и не делают различия между мануфактурным и земледельческим производством. «Школа не замечает, что мануфактурная промышленность, водворяемая в земледельческой стране, употребляет с пользой массу сил ума и тела, сил естественных и инструментальных, или капиталов, как их называет школа, которые ранее оставались в бездействии и которые без этой промышленности находились бы вечно во сне. Школа воображает, что введение мануфактурной промышленности отнимает силы у земледелия, перенося их на фабрики, между тем как она создает большей частью новые силы, которые не отнимаются от земледелия, а, напротив того, помогают его вящему развитию».

Национальное разделение труда и ассоциация производительных сил страны. Основатели классической политической экономии выяснили принцип разделения труда, составляющий экономическую основу настоящего об-

щежития, но они не дали этому принципу того обширного значения, которое он имеет в действительности, ограничив его только применением к промышленности. Лист дает ему более широкое значение. Принцип разделения труда, говорит Лист, заключается «не только в подразделении между несколькими лицами различных операций какой-либо промышленности, но он представляет в то же время ассоциацию деятельностей, знаний и различных сил для достижения общего производства. Производительная сила этих операций не зависит только от разделения, но также существенно от ассоциации». Эта идея высказывается и у Адама Смита; но Лист ее осветил и обобщил. Известно, что Адам Смит уяснил закон разделения труда на примере производства иголок; он говорит о применении этого закона к данной промышленности, к индивидуальным усилиям. Лист обобщает этот закон. «Всякая фабрика, — говорит он, — какова бы она ни была, не может процветать иначе, как посредством комбинации своих производительных сил с силами всех остальных фабрик». И действительно, известно, что кризис в каком-либо производстве неизбежно отражается на остальных. Обыкновенно, например, при бумагопрядильном кризисе или при кризисе в каком-либо ином производстве смотрят на это бедствие как на беду бумагопрядильщиков и склонны смотреть на заботу правительства, иногда связанную с денежными жертвами, об устранении или смягчении кризиса как на личную помощь той или другой категории промышленников, ставя иногда на вид, что эта личная помощь делается на общегосударственные средства. Подобный взгляд происходит от непонимания теснейшей связи между всеми производительными силами страны. Кризис, не устраненный вовремя в бумагопрядильном или в каком-либо ином производстве, неизбежно должен отразиться на производствах, более близко с ними связанных, и, таким образом, удар, нанесенный какой-либо крупной промышленности, передается от одних производств к другим, подобно волнам, образующимся от падения камня на поверхность воды.

Далее Лист говорит: «Увеличение производительных сил как следствие разделения промышленных операций начинается с фабрики и распространяется до национальной ассоциации. Фабрика будет тем более процветать, чем более в ней подразделены занятия, чем более рабочие связаны между собой и чем содействие каждому из них наиболее обеспечено. Производительная сила каждой фабрики будет тем большая, чем более развита во всех ее отраслях мануфактурная промышленность страны и чем крепче она соединена с другими отраслями производства. Точно так же производительная сила земледелия будет тем большая, чем более земледелие соединено местными, коммерческими и политическими отношениями с мануфактурной промышленностью, усовершенствованной во всех ее разветвлениях. По мере развития мануфактурной промышленности в земледелии усиливаются разделение операций и комбинация производительных сил, и потому земледелие возвышается до предела совершенства. Та нация будет наилучше снабжена производительными силами,

а потому и будет богаче, которая в пределах своей территории доведет промышленное производство до наибольшего совершенства и, следовательно, земледелие которой будет снабжать население фабрик большей частью съестных припасов и сырьем, в котором оно нуждается».

Лист в своем сочинении неоднократно возвращается к положению, что земледелие находится в теснейшей связи с мануфактурной промышленностью и что потому оно не может достигнуть значительного совершенства при слабом развитии этой последней. Так, между прочим, он говорит: «Нация, преданная исключительно земледелию, подобна человеку, занимающемуся материальным производством и который лишен руки. Торговля представляет только посредника между земледелием и мануфактурной промышленностью и их отраслями. Нация, которая обменивает свои земледельческие продукты на заграничные мануфактурные изделия, представляет собою человека без руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна, но она не заменяет собою недостающей руки уже потому, что ее деятельность зависит от чужой воли. Имея мануфактурную промышленность, нация может производить столько съестных припасов и сырья, сколько их будет потреблять собственная мануфактура; находясь в зависимости от иностранной мануфактуры, она может производить только такой излишек, каковой не могут произвести иностранцы и который потому они должны купить извне». Итак, по учению Листа, неразрывная связь земледелия с мануфактурной промышленностью основывается не только на условиях производства, но и на условиях потребления. Вследствие принципа разделения занятий и ассоциации производительных сил совершенствование земледельческого производства зависит от совершенствования мануфактурного. И действительно, мы видим, что почти везде с развитием мануфактурной промышленности одновременно в данной местности совершенствуется и земледелие. Но развитие мануфактур оказывает еще другого рода влияние на развитие земледелия: оно увеличивает внутренний спрос на земледельческие продукты и, таким образом, уменьшает его колебания в зависимости от заграничных событий. Как с первого взгляда ни кажутся ясными эти положения, тем не менее их многие не сознавали и ныне еще не сознают. Сколько раз проповедовалось и теперь проповедуется, что Россия страна земледельческая, что нужно стараться совершенствовать именно эту отрасль народного хозяйства и что потому абсурдно искусственно создавать национальную мануфактуру. Очевидно, эти проповедники не понимают, что совершенствование земледелия немыслимо без равносильного развития мануфактур. Нужно иметь в виду, что вышеприведенные строки были написаны Листом еще тогда, когда не было помину о наводнении Европы заатлантическими земледельческими продуктами. Теперь высказанные им положения приобретают особое для нас значение. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что вследствие развития заатлантической конкуренции наши земледельческие продукты со временем будут встречать все менее и менее выгодный сбыт

за границею. При таком положении вещей поддержание нашего земледелия может быть основано главным образом на развитии внутренней мануфактуры. Все, что делается и будет делаться государством непосредственно для расширения отечественной мануфактуры, служит опорою для отечественного земледелия. Мы не можем изложить здесь все соображения Листа, высказываемые им по поводу принципа разделения занятий и ассоциации производительных сил, а потому в заключение приведем следующую выдержку, которая резюмирует эти соображения:

«Общественная экономия нации вообще должна быть рассматриваема с точки зрения принципа разделения обязанностей и комбинации производительных сил».

«Общее благоденствие в громадном обществе, называемом нацией, представляет собой ту же иголку в фабрике иголок. Высшее разделение занятий в нации составляет разделение интеллектуальных занятий и занятий материальных. Они тесно связаны друг с другом. Чем более интеллектуальные производители споспешествуют развитию нравственности, религиозного чувства, света, общественной свободы и прогресса, внутренней безопасности граждан и их имущества, внешнего могущества и независимости нации, тем обширнее будет ее материальное производство; чем более материальные производители будут производить ценностей, тем большего успеха будут достигать производители интеллектуальные». «Наисовершеннейшее разделение занятий, наилучшая комбинация производительных сил в материальном производстве заключается в земледелии, с одной стороны, и в мануфактурной промышленности — с другой».

Частная экономия и национальная экономия. Известно, что классическая политическая экономия проповедует полное невмешательство государства в экономическую жизнь граждан. Проповедь эта основана на следующем положении, провозглашенном Адамом Смитом: «То, что составляет благоразумие в поведении каждого семейства в частности, не может ни в какой мере представлять сумасшествия в поведении большого государства. Преследуя исключительно свои собственные интересы, всякий человек неизбежно работает в интересах общества». Из этого положения Адам Смит и его последователи выводят заключение, что всякое стеснение международной торговли с целью поощрения отечественной промышленности нелепо, что нация, точно так, как и отдельный человек, должна покупать предметы там, где их возможно дешевле достать, и что, таким образом, для достижения высшего общественного благосостояния необходимо следовать принципу laissez faire, laissez passer. Смит и Сэй уподобляют народ, желающий поощрять внутреннее производство посредством ввозных пошлин, портному, тратящему труд на шитье для себя сапог, и сапожнику, который пожелал бы увеличить свое производство установлением входной платы в свое помещение. «Как! — говорит Лист. — Разве благоразумие в частной экономии составляет также благоразумие в экономии общест-

венной? Разве в природе человека заботиться о нуждах будущего в той мере, как это в природе нации и государства? Всякий, предоставленный самому себе, думал бы только о своих собственных нуждах и самое большое о своем ближайшем потомстве; люди же, собранные в общество, заботятся о нуждах и удобствах самых отдаленных поколений; с этой целью они подвергают живущее поколение лишениям и жертвам, которых ни один человек с рассудком не может ожидать от отдельных людей. Может ли отдельный человек при ведении своих частных дел иметь в виду защиту отечества, общественную безопасность и тысячу других целей, достижимых только обществом? И общество не налагает ли вследствие сего ограничения на свободу людей? Не требует ли оно жертвы, части их прибыли, их интеллектуального и морального труда и даже их жизни?»

Далее Лист представляет целый ряд неотразимых доводов, отвергающих вышеприведенное положение классической политической экономии, отождествляющее идею частной экономии с идеей экономии национальной. Мы не станем останавливаться на этих доводах, так как ошибочность положения, против которого они направлены, ныне уже признается большинством экономистов и сознается общественным мнением.

Так как всякая крайность вызывает противоположную крайность, то и принцип государственного невмешательства во имя свободы людей вызвал принцип государственного порабощения, также не согласный с учением Листа, принцип, ныне проповедуемый школою государственного социализма во имя права людей на известное материальное благосостояние. Обе эти крайности должны умеряться правильным пониманием отечественной действительности, достигаемым проникновением общественного познания национальными идеями и интересами.

Что касается таможенных пошлин, то они также представляют меру, которая не достижима индивидуальной деятельностью людей. Государство, устанавливая пошлины, не делает ничего такого, что отдельные лица умеют или могут сделать лучше, но делает то, чего частные лица не могут сделать, несмотря ни на их знания и способности, ни на их энергию. Таможенные пошлины, не представляя собой непосредственного вмешательства в экономическую частную деятельность, составляют охрану, обеспечивающую и развивающую эту деятельность. «Уверение школы, — говорит Лист, — что протекционная система влечет за собой незаконное и антиэкономическое вмешательство правительства в употребление капиталов и промышленную деятельность частных лиц, падает само собой, если иметь в виду, что причина такого вмешательства заключается в коммерческих порядках, устанавливаемых иностранцами, и что только посредством протекционной системы возможно отстранить гибельные последствия, проистекающие от чужеземной политики. Когда англичане (говоря о России, следовало бы сказать — немцы) устраняют зерновые продукты из своих рынков, то разве они не воспрещают нашим земледельцам

сеять хлеб, который при свободном ввозе они отправили бы в Англию? Когда они устанавливают на нашу шерсть, наши вина, наше строительное дерево столь высокие пошлины, что отправка этих продуктов в Англию почти прекращается от мероприятий британского правительства, то разве некоторые из отраслей наших промышленностей не сокращаются от мероприятий сего правительства? Следовательно, очевидно, что в подобных случаях иностранные законоположения дают нашим капиталам и производительным силам такое направление, которого они сами по себе не приняли бы. Из этого ясно, что, если мы не будем давать отечественной промышленности, посредством нашего законодательства, направления, согласного с собственными национальными интересами, то этим мы не помешаем чужим странам направлять нашу промышленность в их интересах и останавливать развитие наших производительных сил. Но что благоразумнее и выгоднее для наших граждан: предоставить направлять нашу промышленность иностранному законодательству или же направлять ее самим сообразно нашим выгодам?»

«Когда школа, — продолжает Лист, — проповедует, что покровительственные пошлины предоставляют туземным фабрикантам монополию в ущерб потребителям, то она занимается дурным ябедничеством; ибо всякий человек в стране свободен эксплуатировать внутренние рынки, обеспеченные национальной промышленностью, значит — не может быть речи о частной монополии; покровительственные пошлины устанавливают только привилегию для всех наших соотечественников сравнительно с иноземцами, привилегию тем более законную, что подобными же привилегиями пользуются иноземцы у себя дома, следовательно, покровительственные пошлины только ставят наших соотечественников на одинаковую с ними доску. Покровительственные пошлины не устанавливают абсолютной привилегии ни в пользу производителей, ни в ущерб потребителей; ибо если производители запрашивают вначале преувеличенные цены, то это происходит потому, что они должны уравновешивать значительный риск, потери и громадные жертвы, всегда имеющие место при организации производства. Но против несоответствующего преувеличения барышей и их продолжительности потребители находят гарантию во внутренней конкуренции, которая затем проявляется и которая обыкновенно роняет цены значительно ниже тех размеров, которые имели бы место только при заграничной конкуренции. Если земледельцы, которые составляют главных потребителей мануфактур, платят за фабричные изделия дороже, то они за это неудобство широко вознаграждаются усилением спроса на земледельческие продукты и увеличением их стоимости».

Но если даже согласиться с положением, выставленным классической политической экономией, что собственный интерес заставляет людей производить ценности лучше, чем всякие меры правительства, и что потому свободной деятельностью наилучшим образом достигается увеличение богатства страны, которое представляет собой только сумму богатства частных лиц, то все-таки

из этого нельзя вывести заключения о том, что покровительственные пошлины не только всегда излишни, но и вредны, ибо богатство страны зависит не только от количества ценностей, но и от производительных сил страны. Если же ценности, которыми обладает страна, составляют сумму ценностей ее населения, то производительные силы страны не состоят из суммы производительных сил населения. Производительные силы страны, как это было указано ранее, зависят вообще от политического и социального положения нации и, в частности, от степени развития в ней разделения труда и ассоциации этих сил.

Таким образом, по мнению Листа, ошибка классической политической экономии в ее воззрениях вообще на государственное вмешательство и в частности на покровительственные пошлины заключается также в том, что она рассматривает интересы нации с точки зрения арифметической суммы интересов лиц, ее составляющих. Очевидно, что таким образом классическая политическая экономия не устанавливает «системы национальной экономии», но «систему частной экономии народа или человечества». Поэтому-то она и не делает различия между народами, достигшими различной степени экономического совершенства, прилагая к ним всегда одни и те же мерки.

«Действительно, — говорит Лист, — в царствующей теории политическая экономия так похожа на частную экономию, что Ж. Б. Сэй, когда в виде исключения дозволяет государству покровительствовать национальной промышленности, то ставит условие, что покровительство это дозволительно только тогда, если можно предполагать, что через несколько лет эта промышленность будет иметь возможность жить собственными силами; таким образом, он ее рассматривает как ученика сапожника, которому для изучения сапожного ремесла дают только несколько лет, дабы он мог затем обходиться без помощи своих родных».

Национальность и национальная экономия. Итак, классическая политическая экономия, или, как ее называет Лист, школа, представляет следующие существенные недостатки: «Во-первых, химерический космополитизм, который не понимает национальности и потому не занимается национальными интересами; во-вторых, безжизненный материализм, который видит всюду только меновые ценности, не принимая во внимание ни нравственных, ни политических интересов настоящего и будущего, ни производительных сил нации; в-третьих, партикуляризм, разрушительный индивидуализм, который, не ведая природы социального труда и действия ассоциации производительных сил в ее наиболее возвышенных проявлениях, в сущности рассматривает лишь частную промышленность в том виде, в каком она развивалась бы при свободе отношений во всем человечестве, если бы оно не было расчленено на различные нации».

Она упускает из виду, что между отдельным человеком и человечеством существует еще особая экономическая единица — нация. Эта единица представляет собой нечто органически целое, связанное верой, отдельностью

территории, кровью, языком, литературой и народным творчеством, нравами и обычаями, государственными началами и учреждениями, инстинктом самосохранения, стремлением к независимости и прогрессу и проч. Единицы эти не выдуманы людской фантазией или капризом, а сложены исторически, самой природой и законами общежития. Они составляют необходимое условие общечеловеческого развития. «Цивилизация человечества, — говорит Лист, — недостижима иначе, как посредством цивилизации и развития наций, точно так, как отдельный человек главным образом посредством нации и в ее лоне достигает умственного развития, производительной силы, безопасности и благоденствия».

Между нациями существуют громадные различия. Между ними встречаются великаны и карлики, могущественные и разлагающиеся, достигшие совершенства в нравственном и материальном отношении и находящиеся в варварском состоянии. Но тем не менее все нации, так же как и отдельные люди, обладают инстинктом самосохранения, а потому ради сохранения независимости готовы на чрезвычайные жертвы. «Миссия политической экономии, — говорит Лист, — заключается в экономическом воспитании наций с целью приготовления их ко вступлению в будущем во всеобщую международную ассоциацию».

Что же нужно нации для того, чтобы признавать ее положение нормальным? Она должна прежде всего занимать достаточное пространство, снабженное разнообразными материальными источниками богатства и соответствующим сему пространству населением. В этом заключаются основные условия морального и материального развития нации и ее политического могущества. Нация с недостаточной территорией и населением, в особенности, если население это имеет неодинаковый язык, не может рассчитывать на значительное и прочное развитие литературы, наук и искусств. При малом протяжении она не может развить все области труда и дать надлежащий рост разделению занятий и ассоциации производительных сил. Она должна иметь свободный доступ в океаны; в противном случае нация не может обладать национальным флотом и иметь всесветное политическое значение — влиять на народы отставшей культуры и иметь средство для прочной и независимой международной торговли. Ее территория должна быть более или менее очерчена морями, реками и горами. Но экономическое значение нации еще не обусловливается этими элементами; оно зависит также от религии народа, его нравственных начал, его государственных идей и всех его индивидуальных особенностей. При экономическом развитии нации последовательно переживают следующие состояния: дикое, пастушеское, земледельческое, земледельческое и мануфактурное и, наконец, одновременно — земледельческое, мануфактурное и торговое.

История указывает, что последовательный переход наций до последней из указанных стадий их развития совершается лучше всего посредством свободной торговли с нациями более культурными, но установление в стране более

или менее совершенной мануфактурной промышленности, создание значительного национального флота и развитие обширной всесветной торговли нигде не достигалось и не может быть достигнуто иначе, как посредством государственного содействия. Это содействие и выражается установлением протекционной системы, заключающейся в таможенных пошлинах, различных премиях и т. п. Без протекционной системы еще ни одна страна не переходила из земледельческого состояния в состояние значительного развития мануфактурной промышленности, национального флота и всесветной торговли. Когда, наконец, страна достигнет высшей стадии своего экономического развития, ее национальные мануфактуры и флот настолько окрепнут, что будут находиться вне опасности от иностранной конкуренции, то в ее интересе постепенно возвращаться к полной свободе торговли. Фритредеры утверждают, что для нации решительно все равно, обменивает ли она свои мануфактуры на иностранные земледельческие продукты или свои земледельческие продукты на иностранную мануфактуру, и это им также служит одним из оснований отрицать необходимость пошлины для развития отечественной мануфактуры. В этом мнении, замечает Лист, заключается полное непонимание природы экономических международных отношений. По его мнению, «нация чисто земледельческая не может развить до высокой степени свою внутреннюю и внешнюю торговлю, свои пути сообщения и свой торговый флот; она не может совершить значительных успехов в умственном, социальном и политическом развитии; она не может приобрести соответствующего ее природному положению политического значения; она не в состоянии влиять на цивилизацию и прогресс отсталых народов и основывать колонии». Страна чисто земледельческая стоит бесконечно ниже страны земледельческой и вместе с тем мануфактурной. Первая в экономическом и политическом отношениях всегда, в большей или меньшей степени, зависит от иноземцев, которые получают от нее земледельческие продукты в обмен на свои фабричные изделия. Она не может сама определить объем своего производства; она должна ожидать спроса заграничных покупателей. Покупатели же эти, т. е. мануфактурные и вместе с тем земледельческие нации, сами производят громадные массы сырья и съестных припасов, а потому и требуют от земледельческих народов только такое количество, которое необходимо для покрытия их дефицита. Следовательно, чисто земледельческие страны зависят, относительно сбыта их производства, от большего или меньшего урожая в странах земледельческих и вместе с тем мануфактурных; они, кроме того, имеют конкурентов в прочих земледельческих странах; таким образом, и без того ненадежные рынки сбыта вследствие этой конкуренции делаются еще менее надежными.

Фритредеры считают протекционную систему выдумкой взбалмошных умов. Но история свидетельствует, что система эта представляет собой средство к национальной независимости и могуществу. «Идея независимости и могущества, — говорит Лист, — родится вместе с идеей нации. Школа не об-

ратила на это внимания, потому что она избрала предметом своих исследований не экономию различных наций, но экономию вообще, иначе говоря, всего человечества». Если представить себе, что все нации уничтожатся, т. е. сольются во всемирную конфедерацию, то только тогда протекционная система будет действительно взбалмошной выдумкой. Но покуда существует национальный антагонизм, проявляющийся в различных ограничениях и почти непрерывных войнах, проповедь свободы торговли является полнейшим непониманием действительности. «Война, — говорит Лист, — производит разрушительное действие в международных сношениях. Ею земледелец одной страны совершенно отделяется от мануфактуриста, живущего в другой. В то время как мануфактурист, в особенности если он принадлежит к нации торговой и с значительным флотом, еще находит возможность свободно снабжаться от туземных земледельцев, а равно из тех стран, которые ему остаются доступными, — земледелец терпит вдвойне от нарушения взаимных сношений. Он ощущает недостаток в рынках сбыта для своих произведений, а вместе с тем недостаток в нужных ему мануфактурах; он одновременно ощущает стеснение в производстве и потреблении». По мнению Листа, войны для земледельческих стран имеют ту хорошую сторону, что они ускоряют введение в них мануфактур. Перерыв или стеснение международных сношений, производимые войнами, вынуждают земледельческие страны основывать мануфактуры, которые, если, конечно, страна управляется лицами, понимающими ее интересы, затем уже должны по необходимости поддерживаться надлежащей протекционной системой.

Большая нация должна базировать свою экономическую жизнь на внутреннем производстве и потреблении, для чего ей необходимо пройти период действия протекционизма. «Школа, — говорит Лист, — не может отрицать, что внутренняя торговля народа в десять раз больше внешней даже в тех случаях, когда последняя достигает высшей степени своего развития; но она отсюда не сочла нужным вывести следующее простое заключение: что в десять раз полезнее эксплуатировать внутренние рынки, сохранив их за собою, нежели искать богатства вне, и что внешняя торговля может достигнуть серьезного значения только там, где национальная промышленность дошла до степени высшего развития».

Когда Лист писал свое сочинение, Германия находилась в такой же экономической зависимости от Англии, в какой мы находимся ныне от Германии, и потому в заключение рассматриваемого отдела его книги он дает следующий совет своим соотечественникам, который они привели в исполнение и который нам не мешает принять к сведению:

«То, что Англия значительно ушла вперед в мануфактурах, мореплавании и торговле, не должно отклонять народы, призванные условиями своей территории, своим могуществом и способностями к развитию мануфактур, вступить в соперничество со страной, держащей скипетр мануфактур. Мануфактуры, тор-

говля и торговое мореплавание имеют будущность, которая превзойдет настоящее настолько, насколько настоящее превосходит прошедшее. Достаточно иметь мужество верить в обширную национальную будущность и выступить в путь с этой надеждой. Но прежде всего необходимо обладать национальным разумом для того, чтобы теперь посадить и поддерживать дерево, которое даст громадные плоды только будущим поколениям. Нужно прежде всего, чтобы отечество завоевало для себя свои отечественные рынки».

Инструментальные силы, или материальный капитал, страны. Лист обращает внимание на то, что Адам Смит и его ближайшие последователи придавали понятию о капитале различное значение по объему. Обыкновенно под словом «капитал» они разумеют не только материальные, но и интеллектуальные, а равно и социальные средства воспроизводства. Но иногда под этим словом они подразумевают лишь материальные средства воспроизводства, т. е. то, что Лист называет инструментальными силами. На этой неопределенности понятия о капитале Адам Смит построил против протекционизма следующее возражение, которое в той или другой форме повторяется и доныне всеми его последователями:

«В действительности может случиться, что при помощи протекционизма страна приобретет ту или другую отрасль мануфактуры скорее, нежели бы она ее приобрела без протекционных мер, и что после некоторого времени эта отрасль будет производиться в стране так же дешево, и даже дешевле, чем за границей. Но хотя это и может случиться, тем не менее из сего отнюдь не следует, чтобы общая сумма промышленности или доходов общества могла когда-либо от сказанных мер увеличиться. Промышленность общества может увеличиваться лишь в мере увеличения его капитала, а этот капитал может увеличиваться только в пропорции сбережений общества. А так как протекционные меры имеют ближайшим последствием уменьшение общественных сбережений, то несомненно, что то, что уменьшает сбережения общества, не может увеличить его капитала скорее того, как бы он увеличился сам по себе, если бы оставили капитал и промышленность искать их естественное назначение».

Лист указывает, что приведенное рассуждение Адама Смита, на котором базируются все его последователи, совершенно неправильно, так как оно основано на целом ряде погрешностей.

Прежде всего очевидно, что в нем Адам Смит придает капиталу узкое, так сказать, меркантильное значение, подразумевая под этим словом меновые ценности. Затем неправильно указание на то, что доходы нации зависят исключительно от материальных ценностей. Эти доходы зависят преимущественно от массы интеллектуальных и физических сил народа, от его социального и политического прогресса и главным образом от более совершенного разделения труда и производительных сил страны. Увеличение материальных капиталов страны происходит преимущественно от преобразования непроизводительных сил природы в ценные предметы. В рассуждении Адама Смита со-

вершенно упускается из виду влияние на увеличение богатства цивилизации, могущества страны, ее большей или меньшей независимости. Оно не принимает во внимание, что протекционизм привлекает в страну иностранные капиталы. Оно совершенно бездоказательно утверждает, будто бы мануфактуры могут водворяться в стране сами по себе естественным путем, ибо история показывает, что всюду мануфактура создавалась посредством протекционизма. Оно вообще уподобляет нацию рантьеру. Но теория сбережений, годная для купца, привела бы нацию к нищете, к бессилию, варварству, к разложению. Там, где всякий сберегает и лишает себя всего того, чего может лишить, нет никакого стимула к производству. Там, где всякий бы думал только о сбережениях меновых ценностей, уничтожились бы интеллектуальные силы, без которых невозможно производство. Нация, составленная из таких скупердяев, отказалась бы от самозащиты, и тогда, когда все ее сбережения сделались бы достоянием иностранцев, она поняла бы, что богатство страны достигается иными путями, нежели богатство рантьера. Даже благоразумный рантьер не мог бы придерживаться теории сбережений. Он во всяком случае должен предпочесть, и именно для увеличения меновых ценностей, дать надлежащее образование своим детям — в ущерб своим сбережениям.

Орудия обращения. Опыт многократно доказал (в Америке, России), что если земледельческая страна с неокрепшей мануфактурой держится свободного обмена, то часто случается, что ввоз в нее иностранных мануфактур значительно превышает вывоз сырья, и тогда золото, находящееся у нее в обращении, уходит за границу, что влечет за собою страшные экономические потрясения, в особенности тогда, когда денежное обращение в стране основывается преимущественно на бумажных орудиях обращения. Последователи Адама Смита утверждают, что драгоценные металлы приобретаются так же, как всякие другие товары; что количество драгоценных металлов, находящееся в обращении, безразлично, ибо с уменьшением их количества равномерно удешевляются все предметы и продукты, на них приобретаемые; что при таком удешевлении является премия на вывоз товаров и, следовательно, ввоз денег в страну и что таким образом естественным путем восстанавливается равновесие.

Лист опровергает возможность восстановления сказанного равновесия в денежном обращении «естественным путем». Он признает, что эта теория совершенно справедлива по отношению внутренней экономической жизни, по отношению соединившихся между собою стран (например, Англия, Ирландия и Шотландия, Австрия и Венгрия), но она ошибочна по отношению отдельных стран. Экспорт и импорт независимых стран в настоящее время не регулируются естественным путем; они преимущественно зависят от коммерческой политики страны, от ее могущества, от ее мирового значения, от ее иностранного влияния, от ее колониальных владений, от ее кредита и, наконец, от мира или войны. «Здесь, следовательно, — говорит Лист, — существуют совер-

шенно иные отношения, нежели между обществами, соединенными между собой политическими, административными и законодательными связями и потому находящимися в постоянном мире и совершенном единении интересов». Затем из подробного исторического рассмотрения коммерческих отношений между Англией и Соединенными Американскими Штатами Лист выводит следующие заключения:

1) Страна значительно более бедная капиталами и мануфактурами сравнительно с другим государством не может предоставить широкий ввоз к себе его фабричных продуктов без того, чтобы не сделаться его постоянным дебитором, не поставить себя в зависимость от его кредитных учреждений и чтобы не впасть в постоянные коммерческие, мануфактурные и земледельческие кризисы.

2) Государство, обладающее сильными кредитными учреждениями, может для пользы своих фабрик и в ущерб фабричного производства более слабой страны понижать цены своих мануфактур на ее рынках.

3) Посредством такой операции более слабая страна может потреблять ценности в форме ввозных продуктов в размере большем ценности вывозимых продуктов и недостачу вывоза пополнять деньгами.

4) Рыночные колебания денег, от того происходящие, всегда производят самые губительные последствия на экономическую жизнь нации, и в особенности там, где бумажное денежное обращение обеспечивается ограниченным количеством драгоценных металлов.

5) Эти колебания и кризисы, от того происходящие, обыкновенно не могут быть предвидимы, и потому солидная кредитная система не может существовать без равновесия вывоза и ввоза.

И 6) Сказанное равновесие устанавливается тем труднее, чем свободнее допускается конкуренция иностранных мануфактур с туземными и чем больше стеснен вывоз сырых продуктов иностранными таможенными тарифами, и чем менее страна будет зависеть от заграницы в смысле необходимости покупки иностранных изделий и продажи сырья, тем менее равновесие это будет подвергаться колебаниям.

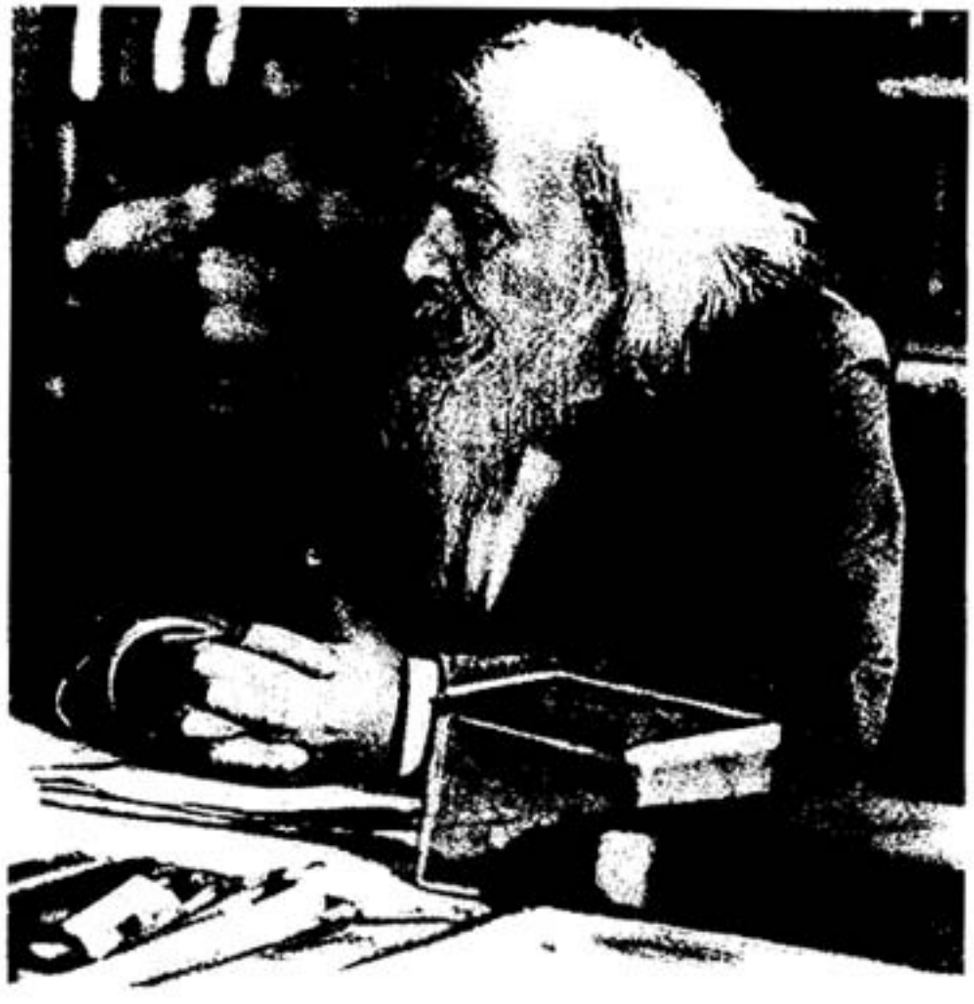
Далее Лист обращает внимание на то, что классическая политическая экономия в области международной торговли не сделала должного различия между обладанием драгоценными металлами и способностью обладать таковыми. Между тем это отличие делается даже в частном общежитии. Ни один благоразумный человек не желает хранить деньги — всякий старается отделаться от денег, но всякий заботится о том, чтобы иметь возможность обладать во всякое время нужной ему суммой. И чем человек богаче, тем он менее стремится к хранению денег; он себя обеспечивает только тем, чтобы в каждый момент иметь возможность воспользоваться деньгами, хранимыми в чужих кассах. Напротив, чем человек беднее, чем он обладает меньшей возможностью доставать деньги, находящиеся в чужих руках, тем с большей осмотрительностью

он должен заботиться о том, чтобы иметь в непосредственном обладании достаточный денежный резерв. То же имеет место и по отношению наций. Англия очень мало заботится о том, сколько от нее вывозится золота и серебра; она отлично знает, что усиленный экспорт драгоценных металлов будет иметь последствием возвышение у нее цены этих металлов и дисконта, а следовательно, понижение цен фабричных изделий, вследствие такого понижения этих цен усиливается экспорт сказанных изделий, и золото и серебро в нужном для нее количестве к ней вернутся. Англия — это богатый банкир, который, не имея ни одного золотого в кармане, может во всякое время достать нужную ему сумму. Но положение страны бедной, преимущественно земледельческой, далеко не столь благоприятное. При усиленном вывозе из нее денег усиленный вывоз малоценных товаров может и не привлечь обратно вывезенных денег. Она походит на бедного человека, который в случае нужды не может достать нужное ему количество денег, а потому должен иметь таковые в резерве.

«Хотя, — говорит Лист, — школа очень пренебрежительно относилась к торговому балансу, тем не менее, по нашему мнению, между большими независимыми нациями существует нечто вроде коммерческого баланса, и для таких наций опасно находиться долго в неблагоприятном положении по отношению баланса, так как вывоз денег, от того происходящий, производит сильные революции в системе кредита и в ценах».

Д. И. Менделеев

Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года



ВВЕДЕНИЕ

Предполагая говорить о русском таможенном тарифе как об одном из средств для возможного увеличения общего благополучия, считаю необходимым и полезным прежде всего формулировать исходные положения дальнейших рассуждений. Это не аксиомы геометрии, это даже не основные начала, принимаемые условно за аксиомы, или объекты полной, бездоказательной уверенности, подобные, например, так называемому закону инерции в механике, или закону сохранения сил в физике, или в химии — закону сохранения вещества. Исходные положения, выставляемые мною во главе соображений, касающихся таможенных окладов, двояки. Одни из них должно доказывать, потому что часто исходят из противоположных положений, с другими же я так сжился, что считаю их всеми, без дальнейших обсуждений, признанными; но и их должно сознавать и выражать, чтобы видна была вся нить посылок. От недомолвок этого рода может рождаться масса недоразумений, которых желательно избегать. Положения этого рода я излагаю только здесь, не возвращаясь к ним далее, хотя о них и идет еще разноречие в иных умах и книгах, тогда как положения другого рода, т. е. спорные, я буду с различных сторон доказывать во многих местах этой книги. Но для меня бесспорны следующие исходные положения.

1) Человечество развивается. Приближается ли оно при этом к некоторому пределу или идеалу, т. е. совершенствуется ли оно, развиваясь, или нет, — это иной вопрос, решать который можно так или иначе, имея уже некоторое суждение о пределе и цели развития, но входить в рассмотрение этого здесь нет надобности. Однако, обсуждая экономические отношения, нельзя не видеть и не положить в основу рассмотрения умножения в числе людей, захвата ими все большей и большей области на земле и во всей вселенной и нельзя отрицать появления новых и новых потребностей и условий жизни земной. Это выражается в положении — человечество развивается.

2) В своем развитии, пройдя эпоху войн за обладание территорией, человечество дошло до эпохи определенной государственной обособленности. Люди размежевались. Куда придут они впоследствии, что будет впереди и что было до эпохи государственного строя — это не идет к нашему делу. Признать же начало государственной обособленности всюду господствующим ныне неизбежно, подобно тому как неизбежно признать, что в эпоху, нам доступную, воздух содержит всюду на земной поверхности около 21 объемного процента кислорода или что вода покрывает большую часть земной поверхности. Государства суть своего рода единицы, как отдельный человек, как семьи: у них есть свои потребности, свои средства и свои приемы для их удовлетворения. Из государственных единиц в сумме слагается человечество, которое в сущности само есть особая, большая, но живая единица. Это не такие абстрактные единицы, как, например, миллиард, а такие реальные,

как улей или муравейник, как растение с миллиардами клеток или как сама земля, содержащая миллиарды единиц всякого рода. И надо признать, что интересы государств по существу истории неотделимы от интересов человечества, как частные интересы отдельных лиц стремятся слиться с государственными. Идти против этого разделения, подчинения, а иногда и поглощения — значит или не понимать происходящего, или переть против рожна. Разум истории выше, грандиознее и практичнее. Блага личного не достичь без блага общего, семейного, государственного и общечеловеческого. Обсуждать таможенные пошлины, налагаемые государствами, и иметь в виду интересы одних частных лиц, входящих в государство, да одни общечеловеческие интересы — значило бы пропустить самую суть дела, затемнить его, и если у многих лиц, говорящих о таможенных делах, видна запутка мысли, то она ведет свое начало именно от того, что упускается из вида сложение людей в государства и только при посредстве государств в человечество. Обсуждая клетки, из которых состоят все органы человека, и рассматривая его отправления, потребности и интересы, не следует упустить из вида сложение клеток в отдельные органы и нельзя без ущерба в правильности понимания пропустить отправления рук, глаз, легких и тому подобных собраний клеток, специализированных по строению и назначению.

3) Как отдельные люди и семьи, государства и народы неодинаковы по своим средствам, условиям, положению и т. п., но каждое государство, как каждый человек, вольно применять все свои усилия прежде всего на свою пользу. Усилия эти тем законнее, т. е. тем более отвечают общему развитию человечества, чем более они ограничиваются прямыми личными средствами и потребностями, не трогая прямо личных средств и потребностей других государств. Каждый свободен лично себя улучшать, ничего не отнимая от других или беря от них только то, что они сами ему дают, взамен (или сверх) того, что дает ему и им безличная природа. Человек тем разумнее, чем больше пользуется силами природы и сношениями с другими людьми, и чем больше он добывает от природы полезного для себя и для других, тем он больше служит себе и другим. Так и государства, совокупность которых составляет человечество. Общий интерес необходимо слагается из суммы интереса всех единиц. Поэтому все, что кладет преграды для самостоятельных усилий каждой самостоятельной единицы, задерживает общее развитие, особенно если при этом ничего не отнимается от других единиц, а исходом служит то, что называется дарами природы. Скачок от личных интересов отдельных людей прямо к интересам общечеловеческим, пропуская интересы государственные, настолько же составляет явный пропуск, как скачок от единиц к тысячам, помимо десятков и сотен, или как переход от атомов прямо к телам, помимо того воздействия атомов, которое проявляется при сложении их в частицы (или молекулы) и определяет химические превращения веществ. Если в атомах или отдельных лицах есть различия, то тем более их есть и быть должно в раз-

ных частицах или государствах. Слить, уничтожить различие или смешать разделившихся нельзя — будет хаос, новое вавилонское столпотворение [...].

4) Если отдельное лицо обязано для поддержания своего существования, своей свободы и своего личного достоинства сообразовать пассивно и активно свои действия с природными требованиями своих органов, с действиями других лиц и их соединения в государственные единицы, то и государство нравственно обязано для поддержания своего существования, своей свободы и своего достоинства сообразовать свои действия с потребностями своих подданных и с действиями других государств, преследуя и гармонически примиряя интересы не только общегосударственные, но и личные, индивидуальные, и общечеловеческие, потому что все они по природе одинаковы, и кажущаяся их встреча и борьба составляют только пути их гармонического слияния. Человек, не заботящийся об удовлетворении требованиям своих органов или посягающий на важные интересы других, гибнет или по законам божества природы, или по законам человечества и государств. Так и государства, не [пекущиеся] о благе подданных или посягающие на основные интересы других государств, гибнуть должны. Что для людей делается месяцами и годами, то для государства совершается десятками лет и столетиями. Путем этим человечество достигает своих высших желаний — общего благополучия.

5) В своем развитии человечество дошло до необходимости промышленности, т. е. до производства товаров, подлежащих мене сообразно массе и ценности, т. е. купле-продаже как внутри государств, так и вне их.

6) Мена эта, или торговля, составляет один из видов людского общения и одно из средств общей жизни и развития человечества и государств. Можно ли и должно ли быть иначе, должна ли мена ограничиваться границами государств или нет, — на это отвечают некоторые [...] иначе, чем некоторые англичане, но в контраверсию эту входить пока нет никакой надобности, потому что даже [...] мудрецы мену или торговлю в принципе не отрицают, и весь мир, так или иначе участвующий в общей жизни человечества, участвует в общей мене. Дикарь, ограничивающий свои потребности своим производством и своей личной добычей, потому и дикарь, оттого и гибнет, что в общечеловеческой мене всякого рода не участвует, ее жизнью не живет. Религия, потом искусство и самая наука составляют прямо или косвенно одни из плодов обмена или той общей жизни человечества, которая начинается с мены произведений. Религия, искусство и наука живут и действуют преданием, передачей и общением. Развитие современной их формы ведет начало от народов того центра Азии и того Средиземного моря, в среде которых началась и наиболее крупная торговая мена. Могло бы быть иначе, но так есть, и считаться с этим так же мало оснований, как считаться с тем, что слонов в Сиаме еще много, а в Сибири нет, хотя живали мамонты. Объяснять причину существующего исходя из некоторых высших начал можно, но не входит в предмет нашего изложения.

7) Многие отдельные виды промышленности столь тесно связаны друг с другом, что при естественном ходе дел предполагают совместность и единовременность развития, например добыча руд — с горными заводами, получающими металлы, красильное дело — с мануфактурными и с добычей красок, добыча колчеданов — с получением серной кислоты т. п. Некоторые же основные виды промышленности связаны со множеством других производств столь многообразно, что без обеспеченности первыми немыслимо в стране правильное и выгодное развитие множества других производств. Такими основными видами промышленности, кроме сельского хозяйства, перевозки по суше и воде и торговли, должно считать в наше время: добычу топлива, особенно же каменного угля, добычу металлов, особенно чугуна, железа и стали, производство машин и всяких металлических орудий труда, добычу камней, глин, соли и тому подобные виды горного промысла. Это — корни промышленного развития.

Следовало бы на этом и закончить исчисление основных положений, о которых, по моему крайнему разумению, разноречий быть не должно, или таких, разбор которых излишен. Но я не выразил бы своей начальной мысли в отношении к этим исходным положениям, если бы не прибавил сюда, что по духу всего поныне узнанного следует признать еще следующее добавочное положение, которое может быть рассматриваемо как следствие или свод предшествующих.

Религия, искусство и науки — с одной стороны, а с другой — государственность, промышленность и торговля находятся ныне в тесной взаимной связи или зависимости, потому что это суть сложившиеся формы развития человечества в том состоянии, в котором мы его застаем [...]. Оставляя полную свободу религии, науке и искусству, народы, явно наиболее участвующие в современном развитии человечества, сочетали наиболее тесно государственность с промышленностью и торговлей, хотя и пробовали, как увидим далее, избегнуть и этого сочетания. Отсюда происходит и самое название «политическая экономия», которую, вместе с Листом, следовало бы переименовать в «национальную экономию». От абстрактной, общечеловеческой, или «политической», экономии переход к «народной» и «личной» совершенно таков же, как переход от алгебры или геометрии к действительной механике — небесной ли или прилагаемой в машинах.

Здесь, если не ошибаюсь, кончается то, на что можно ссылаться как на не подлежащее разноречию. Участие в общечеловеческой жизни известных народов, стран или государств, их богатство и влиятельность в отношении к направлению общей жизни человечества, даже самую силу государств должно, судя по предыдущему, определять не только числом жителей и пространством земель, способных к хлебопашеству и скотоводству, не только степенью развития религии, наук и искусств, не только числом штыков, пушек и военных кораблей, не только платоновскою храбростью воинов и

мудростью правителей, но и развитием торгово-промышленной деятельности. Пусть оспаривают это крайние идеалисты, вместе с буддистами отрицающие значение внешнего и сосредоточенно погруженные в интересы будто бы одного индивидуального духовного мира. Пусть это не нравится и крайним реалистам одного покроя, еще и ныне мечтающим о возобновлении деревенского быта стародавних времен, а в другом перекрое — на промышленный капитализм нападающим со всем азартом, достойным лучшего предмета. Их история не слушает, потому что идет путем развития, приведшего человечество к невозможности довольствоваться одними продуктами стародавних времен и деревенского быта, а с капитализмом борьбу начавшего, не оставляя промышленности, могущей развиваться помимо роста капитализма [...]. Буддизм же предписывает своим истинным адептам жить на даровщину, милостыней, т. е. предполагает уже, что существуют люди, добывающие трудом избыток, раздаваемый точно так же, как от избытка удовлетворяются потребности искусства и даже науки. Входить в рассмотрение необходимости промышленного развития стран для определения их силы мне нет надобности еще и потому, что в сущности производство всякое, начиная с хлеба и топлива, если они добываются не только для личной потребности, но и для продажи, составляет уже вид добывающей промышленности, и лишь немногие, хотя красивые, но ребяческие утопии, т. е. не платоновские или буддийские, решались обходиться без труда для других, без организации его в том или ином виде. Не от мира сего такой толк или такие толки. Хотя возможно довольствоваться индийским самопогружением, хотя индивидуальное внутреннее благо есть цель, к которой стремиться естественно, хотя узкий эгоизм отрицает все, кроме своего «я», и хотя в борьбе за личное существование действуют только личные интересы, но тут же является и стадо, т. е. общение, с разделением ролей — как средство, до которого дошла личная самозащита, т. е. кроме «я» необходимо признать и «не я» — иначе и «я» быть не может. И в монастыре буддийцы также не избегли ни общения, ни участия в общем деле; монастыри даже стали сердцем общения, где бьется пульс народной крови. Так исторически, исходя из мелких единиц, от требований эгоистических доходят поневоле до единиц крупнейших, от личного спасения до монастыря, до церкви и государства. Промышленность вышла из тех же источников, и сколь бы ни примешивалось к ней эгоистического, в ней самое существенное — альтруистическое, общее. Здесь сочетание эгоистического с альтруистическим осуществилось в новую, особую, реальную форму. Только слепцы не видят этого сочетания в промышленности — личного с общим. Пусть бы дело шло даже об одних общих потребностях низшего рода, и тогда бы следовало мириться с ними, не обходить их, а изучать и направлять в сторону по возможности правильную. Но ведь в промышленности дело касается потребности «не одного хлеба», а всякого сорта, начиная с обладания одеждой и жилищем, кончая за-

щитой страны и развитием в ней искусств и наук, потому что ничто не обходится без пособия промышленности: пушки — без ее стали, снарядов и пороха, живопись — без ее красок, наука — без ее инструментов и т. п., воспроизводимых также особыми видами промышленности.

Следовательно, так и будем уже считать, что промышленность — необходимое звено современной жизни людей во всех их степенях и ступенях развития, превосходящих потребности сказочных готтентотов. С ее участием и значением важности должно мириться, как с составом воздуха или воды, как с необходимостью жить или умирать. Она — в природе вещей, т. е. составляет, как ныне говорят, один из видов эволюции жизни человечества. До сих пор разноречия если и существуют, то не подлежат моему разбору в этой книге [...].

Разноречие коренное, достойное поныне разбора и настоятельно требующее если не абсолютного, то хотя временного, конкретного решения, начинается с ответа на то: где же, у каких народов, в каких странах должна развиваться промышленность, или: какие виды промышленности должно считать уместными для данной страны и для данного места в стране?

Ответ на это будет либо решением живых и коренных текущих вопросов человечества, либо звенящим кимвалом мертворожденных утопий. С утопиями же, всегда представляющими, как донкихотство, некоторую внутреннюю красоту и естественную ступень развития лучших сторон человечества, считаться всюду приходится, хотя бы они носили на себе печать излишнего оптимизма или были основаны на жестоком пессимизме. Пессимистический ответ утопистов на поставленный вопрос, однако, разбирать не стоит; он к жизни не прилагался, не подходит, да ныне и не предвидится, чтобы впереди находил много приверженцев. А утверждали не раз, что промышленность в ее наиболее развитых формах могут доводить до правильного конца только народы избранные, умеющие управлять своими побуждениями в такой мере, чтобы склоняться добровольно под игом промышленного давления и уступить право жизни и потомства немногим избранным — капиталистам по духу и плоти [...]. Иное дело — ответ оптимистов. С ним началась экономическая наука, в нем много жизненного, и экономически молодому русскому уму в нем много привлекательного, как в образах классицизма.

Оптимистическая утопия отвечает: «laissez faire», не вмешивайтесь в экономическую жизнь народов, все сложится как должно, само собой, под влиянием личных аппетитов, людских способностей и склонностей и с течением времени. Это школа «экономистов» прошлого, исходящих в решении жизненных вопросов из отрывочных наблюдений и абстрактных сухих положений. Так во времена классические решали закон падения тел, не справляясь ни с прямым опытом, ни с косвенным разбором наблюдений, например над качанием маятника, даже без подробного расчета, прямо утверждая на основании отрывочных наблюдений, что чем тяжелее тело, тем оно скорее и падает. При этом прошу принять во внимание оговорку, которую мне часто

пришлось бы повторять, если бы я не сделал ее теперь же по отношению к Аристотелю и «экономистам»: учения, ими выраженные, суть естественные, первые, а потому и любимые, хотя и ошибочные шаги, а я понимаю, что, не начавши ходить, нельзя идти твердо и туда, куда необходимо, приходить. Галилею и его школе пришлось опровергать учение Аристотеля о падении тел, но не потому оно пало, что кто-то сбросил две гири разного веса и заметил, что они упали в одно и то же время. Это наблюдение было такое же отрывочное, как и Аристотеля. Смысл его так же убедителен, как и опыт с бумажкой и монетой, падающими в разные времена. Там и тут условий много, все их сразу не охватить в простом наблюдении, случайно производимом. Например, тут примешалось сопротивление воздуха. В опыте (а не в наблюдении) устраняется воздух, и тогда падают перо и монета единовременно, как две гири разного веса. А опыт строится людьми, и, следовательно, в нем устраняется то, что уже раньше — помимо опыта — показывается или предполагается усложняющим наблюдаемое. Нет, не новые отрывочные наблюдения сломили учение Аристотеля о падении тел, а сумма, целая система исследований. Они состояли, во-первых, в виде отвлеченного разбора или возможно полного анализа явления падения тел и в извлечении из него отвлеченных же «законов падения тел»; во-вторых, в проверке прямым опытом выведенных законов. Тут вышел следующий курьез: выдумал в Болонье приспешник инквизиции Риччиоли опровергнуть опытом законы Галилея и с падающей болонской башни заставлял падать глиняные шары. Вышло так, что этот отрицатель дал лучшие подтверждения для новых тогда «законов». В-третьих, эти новые законы применили тотчас к объяснению качаний маятника, движений брошенных тел и т. п. и везде нашли согласие явлений не с аристотелевскими, а с галилеевскими законами. Не будь Аристотеля с его вечной славой, не быть бы и Галилею, он и его последователи не разбирали бы столь подробно следствий, внимание не шло бы столь напряженно и недостало бы усидчивости в разработке множества частностей. Так и с учением «физиократов», увидевших основное значение сельского хозяйства и других добывающих видов промышленности и проповедовавших «laissez faire, laissez passer», т. е. советовавших правительствам ни во что промышленное не вмешиваться. Та же французская мысль, хотя выведенная из иных начал, еще резче выразилась в школе «индустриалистов», последовавших за Адамом Смитом, понявшим созидающее значение труда. Расходясь во многом, обе школы сошлись в принципе «невмешательства» в промышленные отношения как внутренние, так и внешние. Внутри Борнео есть племена, князья которых приобретают власть только во время войн. Что-то подобное этому сказалось в учении о «невмешательстве». Но должно же видеть, что Аристотель обосновал многие части науки, в которой сделал и свои особые, им введенные ошибки, заразившие многих. Так и экономисты указанных направлений. Они первые обратили внимание на важное значение того, что скользит

мимо каждого из нас непримеченным, обобщили это, превратили в стройное учение и умели убедить в необходимости не только искать в экономических вопросах истины, но и следовать раскрытой истине до ее практических следствий. Заметив многое, они взяли отрывочное и, совершенно как Аристотель, приняли найденное за истину, не развивая до полного анализа, но и не возводя в закон. Это сделали уж их последователи. Приходилось разбираться в этом учении, проверять его не какими-либо отрывочными наблюдениями вроде явлений рынка, а целой суммой опытных доказательств и целой системой исследований. В результате этой борьбы, описанной для Англии, где она велась сильнее, чем где-либо, и еще поныне не закончилась, по интересной книге проф. Янжула «Английская свободная торговля» (II, Москва. 1882), получилось понимание того:

1) что если народы обособились территорией, границами, государственными условиями и всею историею, среди чего приходится — волей или неволей — всем нам жить, то следует вести в государствах и свою «национальную», или государственную, «промышленно-торговую» политику;

2) что государственное невмешательство, т. е. «laissez faire», и «свобода торговли» (free trade) не есть общий закон, человечеству обязательный и полезный, а непременно приведет к экономической гегемонии народов, у которых промышленность успела развиться ранее признания указанного принципа, над народами, принявшими принцип невмешательства ранее, чем у них развилась своя промышленность, могущая бороться с иностранною, потому:

3) что промышленность не только доставляет полезности, не только удовлетворяет спрос, не только развивает и питает торговлю, но и дает ее участникам или производителям средства к жизни и накоплению достатка, а народам — тот вид богатства, который необходим для развития как внешней, военной силы, так внутренней силы образования и развитого народного самосознания;

4) что принцип полного государственного невмешательства во внутренние торгово-промышленные отношения не может приводить страны, обладающие своею национальною промышленностью, к такому внутреннему распределению достатка, чтобы уничтожились экономические рабы, а напротив того, столь же легко, как и протекционизм, приводит к резкой противоположности (существу дела не отвечающей) интересов рабочих и капиталистов и к накоплению несметных богатств лишь в немногих руках предпринимателей (тех же монополистов, каких думали победить и искоренить), насчет полного обнищания рабочего сословия, что происходит чрез усиление производительности в ущерб ее развитию в странах, где имеются на то все естественные условия, но нет возможности приступить к началу развития — под давлением принципа невмешательства, которым утопия хотела осчастливить все человечество;

5) что принцип невмешательства (laissez faire), приложенный к международным промышленным отношениям, выгоден для народов, уже развивших свою промышленность до известной меры, т. е. когда пущены в ход уже все или, по крайней мере, главнейшие естественные богатства страны и народ освоился с промышленной деятельностью и международными торговыми отношениями, как, например, в Англии: ее каменный уголь, ее руды, ее сравнительно дешевая (по степени опытности и сноровки) работа нуждающегося населения и ее удобства пользоваться свободными для торговли морями; но для таких народов необходимо существование других народов, доставляющих хлеб и различное сырье и в то же время впускающих, по принципу невмешательства, иностранные к себе товары свободно, потому что тогда является на стороне промышленной страны преимущество подавлять, хотя бы с временным пожертвованием, всякое возникновение могущего возрождаться соперничества;

6) что в возмещение полученных выгод страны, подобные Англии, развившие ранее свою промышленность и держащиеся принципа невмешательства, сильно страдают от промышленных кризисов и перепроизводства, происходящего или от обеднения потребительных стран, например вследствие неурожаев, войн и т. п., или оттого, что потребительные страны уменьшают спрос иностранного товара (развивают свою местную промышленность), облагая его таможенными пошлинами;

7) что подобные страны из-за выгод промышленного процветания теряют в развитии своего земледелия, а это влечет не только к риску на случай военных событий, но и к шансу усиленного выселения, потому что земледелие естественнейшим образом навсегда останется всем любезнейшим и привлекательнейшим промыслом, если он не будет низведен, как это случилось в последние тридцать-сорок лет, от удешевления продуктов земледелия, на степень наименее выгодных — по мере заработка и рисков — видов труда;

8) что страны, подобные Северо-Американским Соединенным Штатам, гармонически развивающие свое земледелие и свою же промышленность — последнюю при помощи сильного обложения иностранных товаров покровительственной ввозной пошлиной, — усиливаются и богатеют исключительно быстро, тогда как страны, обладающие условиями неменьшего естественного богатства (например, Аргентинская республика и Бразилия) и жителями такого же характера переселенцев, но развивающие почти исключительно свое земледелие и сходные с ним промыслы добычи сырья, не только не представляют условий усиления, но полны безурядиц и скудости во многих отношениях, если не прилагают забот о развитии внутренней своей промышленной производительности.

Многое еще и другое выяснилось опытом последних пятидесяти лет, когда принцип невмешательства стал применяться. Опыт монаха в Болонье над падением шаров с падающей башни был поучителен, убедил сразу. Но

он и длился всего несколько дней. И он описан добросовестно. И не было поводов и возможностей извращать его смысл, не было разочарований, его сопровождающих, ничьи живые жизненные интересы явно не страдали от утвердительного или отрицательного результата опыта. Здесь иное дело. Главное же — опыт длителен и очень сложен, а от ответа в ту или иную сторону многое может поколебаться в основании, пострадает много личных интересов. Не лучше ли тогда не задевать столь жгучих сторон, не лучше ли оставлять царствовать признанную ошибку? Но ведь дело здесь не в том одном, что от перемены взглядов в будущем кто-то может кое-что потерять, а дело в том, во-первых, что от господства существующих взглядов мы сами уже многое утратили, и если бы господство взглядов этих продолжалось бесконечно, то мы потеря[ли бы] чуть ли не все то, к чему исторически приготовились; во-вторых, в том, что надобно же извлечь если не самую истину, которая, увы, в конце концов закрыта недоступной завесой будущего, то, по крайней мере, надо постараться извлечь задатки истины, т. е. простую правду, касающуюся промышленно-торговых отношений народов. А когда дело касается русского таможенного тарифа, тогда естественно разобраться в пресловутом споре, сперва чисто английском, а затем и всенародном, так называемых протекционистов с так называемыми фритредерами (от английского названия free trade — свободная торговля). Партия людей, проповедовавших и проведших, ко благу Англии, начала «свободной торговли», в то же время во всех своих действиях и влияниях возвещала всем мир и блага, промышленностью приносимые, а против войны боролась с возможною настойчивостью. Слава Брайта не омрачена потворством стремлениям к военным приключениям и вмешательствам. Он, например, и с ним многие фритредеры не только до, но и во время и после Крымской войны открыто восставали против бессмысленной и бесцельной бойни народов. Много симпатического, цельного и действительно передового проводили фритредеры; процветание, богатство и сила Англии возросли с применением в ней их начал, а потому «свободная торговля», защищаемая ими, получила даже свое название от партии английских экономистов, положивших начало учению, с тех пор всюду распространившемуся.

И прежде чем касаться нового русского таможенного тарифа, необходимо, не страшась различных неудобств, от сего происходящих, разобрать с возможной систематичностью, простотою и краткостью, т. е. не вдаваясь в ненужные подробности, сущность разноречия фритредеров и протекционистов. Это и составляет содержание первой главы.

Во второй рассматриваются русские прошлые и современные отношения к вопросам таможенной политики. Современное нельзя уразуметь правильно, не познакомившись с исторической обстановкой дела. Но и здесь, как в первой главе, я не предполагаю писать историю предмета, а ограничиваюсь только такими его чертами, которые считаю необходимыми для понимания

положения вопроса и того смысла, который, по крайнему моему разумению, вложен в новый русский таможенный тариф.

С третьей же главы мое изложение обращается от общих, хотя и реальных, предметов, касающихся тарифа, к конкретному его содержанию, т. е. к обсуждению частностей русской промышленности, насколько она связана с окладами русского таможенного тарифа. Ввоз иностранных товаров и вывоз русских, как и самый таможенный на них тариф, имеют значение только как производные от основного, хотя бы только внешнего, содержания русской жизни, от всего ее промышленного труда и потребления. Показать эту зависимость или формулировать эту функцию — при помощи или по поводу рассмотрения статей нового тарифа — составляет ту задачу, за которую я осмеливаюсь приняться, думая развить ее настолько, чтобы ясно выразить основные мысли, давно носимые мною по отношению к экономическому строю России. При этом главное внимание обращается на те отрасли промышленности, которые с своей стороны считаю не только существенными и важными по свойству производимых предметов, но и своевременными для России, возможными для быстрого развития, пример которому дает русская нефтяная промышленность; особенно же на такие виды производительности, развитие которых находится в очевидной связи с таможенным тарифом. Разъяснение этих сторон русских промышленных отношений составляет главную цель появления предлагаемого сочинения. Познакомившись со многими видами иностранной и русской промышленности в течение прошлой деятельности, всегда остававшейся в связи с наукою и промышленною деятельностью, узнавши массу материала, бывшего в распоряжении комиссии, занимавшейся пересмотром тарифа, присутствуя при его рассмотрении, происходившем при участии требований самых разнородных, и зная, что драгоценные материалы, скрытые в тарифном делопроизводстве, могут остаться еще долго под спудом, я решился изложить как свои экономические верования, так и свое понимание тех последствий, которые можно ожидать от применения нового русского таможенного тарифа. Не технические подробности отдельных производств, а экономические условия их развития в России и связь их с новым таможенным тарифом составляют главное содержание этой книги. На вид мертва формула закона, а в ней жизнь дышит со всеми ее проявлениями, в ней спрятаны дорогие интересы. Если мне удастся показать это хотя бы только отчасти и хотя бы не в абстракте рассмотрения отвлеченных разноречий, а только в применениях к частностям русской экономической жизни, то цель моя будет достигнута. Словом, мне желательно по мере сил истолковать, разъяснить новый русский тариф, а потому я назвал свою книгу «Толковым тарифом». Правильно ли понял я тот смысл, который заключается в новом нашем тарифе, те следствия, которые он должен иметь, и те меры, которые могут его значение усилить или ослабить или даже уничтожить, об этом судить бесстрастно будут только через десяток лет, т. е. уже в пред-

стоящее столетие. Ныне еще свежо прошлое, во многом видны страстность и интересы минуты. Отвлечься от них было моей задачей, но сумел ли ее решить, не мне решать. Если же ошибаюсь, то не под влиянием минуты, а под впечатлением от всей суммы пережитого, узнанного и под влиянием двухлетнего внимательного разбора частностей нашего тарифа. Узнанное показало мне, между прочим и прежде всего, что об экономических вопросах, касающихся русской промышленности, во-первых, вообще распространено мало верных сведений, во-вторых, менее всего знают об этом многие из тех, кого эти сведения более всего касаются, и в-третьих, у молодежи, готовящейся вступить в русскую жизнь, нет возможности получить сколько-либо систематизированные сведения о состоянии русской промышленности, а ее укрепить может только выступающее поколение. Ему и хотелось разъяснить предстоящие задачи внутреннего быта России. Мне не по силам, да и не по средствам одного человека, труд, до крайности надобный теперь России, а именно описание состояния всех отраслей русской добывающей и перерабатывающей промышленности в связи с состоянием дела у других народов. Это дело настоятельно, важно, плодотворно, должно отразиться на всей русской деятельности и должно уравновесить груз классицизма и резонерства, им внушаемого, у нас еще господствующих от школы до литературы. Если предлагаемая книга выяснит потребность в указываемом большом труде, а особенно если она возбудит появление его, то я буду считать счастливым тот день, когда принялся за предлагаемое сочинение.

С.-Петербург, 21 апреля 1891 года

ГЛАВА I.
ВИДЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Яснее всего протекционная и свободная торговля влияли на жизнь Англии, а потому рассматривать будем почти исключительно английские отношения, а подразумевать можно русские и всякие иные.

Не потому приходится так поступать, что о чужой стране можно говорить свободнее, а потому, что в ней история всяких промышленно-государственных отношений выразилась полнее и нагляднее, чем где-либо в иной стране, да и все дело промышленности и торговли, очевидно для всех, ушло в Англии гораздо дальше, чем в других странах. Притом мерка одной Англии подходит к русской. Хотя в самой Великобритании земли меньше, чем в одной Пермской губернии, но во всех частях света английские владения занимают пространство, по величине даже немногим большее, чем пространство России. А принципиально все равно, какую страну ни рассматривать в ее меж-

дународных отношениях, лишь бы она не была из очень отсталых. Это потому, что развитие государств и народов в крупных чертах идет — как развитие организмов или как постройка зданий — по одному общему типу. Кажущаяся разница развития, иногда прикрывающая в действительности даже самую тень сходства, ведет свое начало от зародыша или плана, лежащего в основе построения. Здания различны по виду и по содержанию, но камни и известка те же, и стройка идет по порядку снизу вверх, хотя и приходится иногда подводить самый фундамент впоследствии, сперва укрепив на временных столбах. Так и жизнь народов слагается из тех же кирпичей индивидуальных интересов и начинается также снизу, с интересов массы, а цементом всегда служит обладание территориею и государственная организация, вызываемая взаимной враждою сильных и притеснением слабых и вызывающая различие сословий, достатков, прав, обязанностей и интересов.

Замечу, однако, с самого начала, что конкретный пример Англии избран мною вовсе не для того, чтобы писать историю ее таможенных мер, а только ради того, чтобы объяснить, как я понимаю это — способ создания промышленного развития страны при содействии ее таможенных мероприятий.

В Англии — как и всюду — сперва внутреннее производство удовлетворяло все потребности народа, а извне получалось лишь ограниченное число товаров, да и то больше двух родов: предметы роскоши и прихоти, с одной стороны, например пряности тропиков, меха для одежды и т. п., а с другой — предметы, надобные для развития издавна существовавших видов промышленности, но внутри страны либо недостаточно производимые, как смола или лес для кораблей, либо вовсе в ней не добываемые, как шелк для тканей, как золото для монеты, как виноградное вино и т. п. Производство внутреннее было обложено, как и всюду, податями для государственных надобностей. Многие производства, как, например, водочное, стеклянное и писчебумажное, в Англии были издавна обложены очень сильно, а потому естественно было собирать подать и с привозимых товаров; интересы государства того требовали. Ни о протекционизме, ни о фритредерстве тогда и речи быть не могло: все пошлины были собираемы лишь в интересах фиска, или государственной казны.

В старых порядках много симпатического, простого и естественного, как в детстве. Мудрено ли, что многим порядки этого рода кажутся идеальными. Но, увы, детство проходит, требования усложняются, самосознание и нужды возрастают, и необходимо прибегать к компромиссам, когда приходится чем-либо жертвовать для того, чтобы дать простор наибольшей возможности развития. Тогда к фискальным налогам на привозные товары присоединяются покровительственные, и начинается эпоха первичного протекционизма. Он выражается двояко: или иностранное соперничество совершенно устраняется во внутренних промышленных отношениях, т. е. на иностранное налагается прямо запрет, или же иностранное обкладывается высокой

ввозной пошлиной, хотя через нее чаще всего страдают интересы фиска, потому что является контрабанда и потребление вздорожавших товаров уменьшается; обложение же вводится для того, чтобы подданные своего государства находили в производстве облагаемых товаров средства для жизни и чтобы трудовая деятельность вообще возрастала и помогала государству в его соревновании с другими государствами. Возьмем примеры из числа крупных, в которых дело становится более ясным, и возьмем именно примеры английские. Они уже стали делом давно прошедшего, результаты их видимы, а потому о них можно говорить объективнее, чем о недавних, еще живущих или действующих примерах. Нам приходится еще переживать подобные примеры.

Англия — остров с незамерзающими портами, круглый год в воде купающийся, а потому естественно на нем развилось мореходство и связанное с ним кораблестроение. Промыслы эти были и останутся народными в Англии; казалось бы, при первом взгляде, что никакого протекционизма тут не надобно, естественные условия покровительствуют им и без того очень сильно, и если бы слушались только экономистов, проповедующих свободную торговлю, следовало бы только устраивать сильный военный флот и мореходные классы да гладить по головке отличившихся мореходов — и дело пошло бы само собою: Англия получила бы естественный размер большого мореходного значения в силу своего положения и всех своих условий. Так это и делалось, да оказалось недостаточным. Пробовали и в Англии, как всюду, даже покровительствовать иностранцам, особенно отвозящим избытки английских товаров. Так, например, Эдуард I дал иностранным кораблям, приходящим в Лондон за английскими товарами, особые привилегии, и немцы, т. е. Ганза, да голландцы и итальянцы сильно пользовались такими привилегиями: вывозили хлеб, шерсть, кожи, олово, свинец, ньюкастельский каменный уголь (с XIV столетия), морскую рыбу; привозили же гораздо меньше товаров, между которыми было и сырье, например лес, некоторые сорта хлеба и разнообразные готовые товары, например шелковые, оружие, целые готовые корабли и т. п. Своя морская торговля англичан в век даже Елизаветы не могла считаться крупной в мире; у ганзейцев, генуэзцев, португальцев и голландцев торговля была не меньше, даже много больше, шире и прибыльнее. А когда в XVII столетии возгорелись внутренние междоусобия, английская торговля и промышленность принизились до того, что голландцы взяли полный верх на море, а продукты французской промышленности ворвались в изобилии в Англию, которая вывозить стала почти одно сырье и то на кораблях больше всего чужеземных. Это очень напоминает экономическое положение, еще и ныне существующее во многих странах, даже отчасти в нашей. Поворот в лучшую сторону как в политическом строе, т. е. в прекращении внутренних раздоров, так и в отношении к внешней торговле и к внутренней промышленности начинается в Англии явно с половины XVII столетия, и в отношении к внешней торговле поворот этот выразился особенно ясно в знаменитом нави-

гационном акте 1651 года, изданном Кромвелем. Ранее чем сказать об этом акте первостепенного протекционизма, считаю уместным указать на то, что государственное и народное самосознание обладают, судя по множеству исторических примеров, особым ясновидением именно в эпохи, следующие за экономическими бедствиями и потрясениями, по очень простой причине, что «от добра добра не ищут», т. е. перемен в благополучное время избегают. Навигационный акт действовал в Англии, сперва с некоторыми кратковременными перерывами, в течение двухсот лет, до 1850 года, когда он отменен попутно с отменою многих других протекционных мер.

Прямая цель навигационного акта состояла в том, чтобы оставить исключительно за англичанами выгоды морской торговли в английских владениях, в той уверенности, что в конце концов это приведет к тому, что морское торговое дело через это укрепится в Англии. И оно укрепилось до того, что Англия стала первой морской державой, бывши при издании навигационного акта слабее в этом отношении многих других держав. Особенно грозной военной и торговой силой в то время на всех морях обладала Голландия. Навигационный акт назначался именно для того, чтобы сломить голландскую морскую торговлю, лишить ее всякой возможности получать выгоды от торговли с Англией и ее колониями. Попутно с систематическим рядом морских и колониальных войн (XVII и XVIII столетия) с голландцами англичане настойчиво вели войну промышленную, и навигационный акт был главным орудием войны этого последнего рода. Этим актом устанавливались следующие пять мер:

1) Запрещалось кому-либо, кроме англичан, производить каботажную торговлю, или перевозку товаров из одних портов в другие. Эту меру затем заимствовали от англичан многие другие государства. В России и поныне действует такое узаконение. Оно не только дает хлеб или заработок своим морякам и морским судам, но и составляет ту действительную, жизненную школу, в которой воспитываются люди, могущие вести внешнюю морскую торговлю, совершать далекие плавания. Если ждать того, чтобы само собою, свободным состязанием народов, укрепилось морское дело в стране, то можно прийти к тому, что всю прибрежную морскую торговлю отобьют чужие мореходы. Ведь первые шаги трудны, их поддержать необходимо; для борьбы, т. е. для свободной конкуренции, необходимы опыт и сила, а они сразу не рождаются и нарастают лишь последовательно. А когда родятся и наживутся, тогда можно, и даже, как увидим далее, может быть очень выгодно, фритредерствовать.

2) Иностранным кораблям дозволялось привозить в Англию только товары, произведенные в тех странах, к которым принадлежит корабль. Голландцы занимались преимущественно перевозкою товаров, производимых другими народами, и в этом деле имели громадный заработок. Навигационный акт отнял часть его от голландцев и передал англичанам и их кораблям. Очевидно, что фрахты поднялись, иностранные товары подорожали, и только немногие англичане, владевшие кораблями, получили страшные выгоды, монопо-

лизировали в своих руках привозную торговлю. Невыгоды этого очевидны, их только и видят в протекционных мерах те, которые желают смотреть односторонне. А страна выиграла, заведя множество новых кораблей. Проигравшие могли сами сделаться арматорами кораблей, и если каждый англичанин мог сделаться монополистом, то очевидно, что монополии в сущности не было, а была только дана временная выгода начинателям. В протекционных мерах эта сторона предмета очень важна и часто упускается.

3) Вывоз из английских колоний в другие страны запрещался; он был допущен только в Англию и через Англию. Этим путем Англия сделалась центром своих колоний не только административным, но и торговым. Колонии ослаблялись ради выгод метрополии. Хорошо ли было это или нет, судить можно из того, что в те двести лет, когда действовал навигационный акт, сложились и успели уже отделиться североамериканские колониальные владения Англии, составившие Северо-Американские Соединенные Штаты, и поводом к отложению служили именно торгово-промышленные вопросы, так как они, в сущности, составляют причину множества крупнейших политических событий в мире. И примечательно, что указываемая (и следующая) статья навигационного акта прямо, сама по себе, не вызывается протекционными началами, которые целиком видны в других статьях рассматриваемого акта. Эта статья скорее политическая, назначавшаяся для скрепления уз между колониями и метрополией. По смыслу протекционизма, как он ныне понимается, следовало бы ее исключить, потому что, предоставляя покровительство всяким промыслам своей страны, т. е. устраняя иностранную конкуренцию, следует затем внутри страны и вне ее предоставить всем своим подданным полную свободу действия, наблюдая только за тем, чтобы действия каждого не мешали свободе действия остальных своих подданных. Отдавая же жителям метрополии промышленное предпочтение против жителей своих же колоний, очевидно действовали по соображениям иного порядка, в духе монополизма части страны сравнительно с ее же отпрысками. История все это показывает и разъясняет ошибки.

4) Никто, кроме англичан, не имел права вести морскую торговлю с английскими колониями. Это опять акт политического монополизма, а не прямого протекционизма, для которого монополизм составляет зло. Протежируя торговлю англичан в своих колониях, Англия заставляла их не только платить больше за привозные, чужеземные товары, что не столь еще важно, но и продавать свои товары только тем немногим англичанам, которые были заняты торговлей с колониями. Если посредствующая торговая деятельность английских подданных через это и выигрывала, то производительность добывающая и перерабатывающая в колониях очевидно страдала, потому что внешний спрос на производимые в колониях товары ограничивался.

5) Корабли, ведущие по вышеизложенным пунктам английскую колониальную и внешнюю торговлю, должны были не только принадлежать англи-

чанам, но и быть построенными в Англии, и команда таких кораблей должна была состоять по крайней мере на три четверти из английских подданных.

Эта статья весьма важна и проникнута протекционизмом крайнего, резкого размера. Но она была нужна для того, чтобы создалось английское кораблестроение вместо голландского, долго господствовавшего, и для того, чтобы английские матросы и вообще моряки получили явную привилегию, из-за которой морской промысел становился выгодным и особо симпатичным английскому народу. Еще Ричард II в конце XIV столетия издал закон такого же содержания, но он был скоро отменен, потому что был единичной мерой, а такая отрывочная единичная мера пройти в жизнь не могла, потому что не было арены для ее применения; строить в Англии корабли было маловыгодным, лучше было покупать готовые в Голландии или пользоваться голландскими кораблями для встречавшихся надобностей. Теперь, при других статьях навигационного акта прошло и требование постройки кораблей в Англии именно потому, что хотя корабль и обходился дорого, но он во всю свою жизнь получал особую привилегию — вести торговлю с колониями, чего лишены были не только корабли, принадлежащие голландцам или другим мореходным народам, но даже и корабли, купленные англичанами у других народов.

Результат навигационного акта перед глазами всего мира. Англия из державы третьестепенной в торгово-политическом смысле стала первоклассною и из страны среднего достатка — богатейшей, преимущественно благодаря развитию колониальной и вообще морской торговли, а между нациями, строящими корабли, Англии принадлежит бесспорно первое место не только по достоинству или качеству постройки, но и по ее дешевизне и по количеству. Как это сделалось в двести лет, скоро ли, сколько лиц от того выиграло и сколько проиграло, сколько выгод и проигрышей пришлось от того остальному миру, не перешли ли при этом лишь некоторые центры из одного места в другое, — все это вопросы сложные и не лишенные интереса, но прямо до нашего дела не относящиеся, а потому и не будем их разбирать. Но цель поставленная достигнута: Англия хотела в указанных делах выиграть и выиграла. И если государственная обособленность или индивидуальность существует как форма развития человечества, то и законно всеми возможными способами желать и достигать преимущественного блага в своей стране, потому что каждая позаботится о себе, т. е. сделает для себя то, что понимает и может. Но следует понять, что не всякое доброе желание, хотя бы и задуманное для национальной полезности, осуществимо, ибо «добрыми желаниями ад устлан», а в мерах протекционизма вообще и в навигационном акте в частности есть свой «ад». Отчего же одни меры протекционизма могут быть удачны, плодотворны, другие же такими не будут и не бывают? Где главный признак для оценки достоинства подобных мер, для суждения о степени их состоятельности? Вот вопросы, на которые необходимо ответить с самого начала, чтобы протекционизм получил свой истинный и правильный смысл. Мне кажется, первый и

важнейший ответ легким и ясным: протекционизм может быть полезен только при условии существования в данной стране всех естественных условий для развития того вида промышленности, который покровительствуется, для возрождения в ней внутреннего соревнования. Навигационный акт потому и принес для Англии много добрых плодов, что в Англии существуют все естественные условия для развития мореходства и для того, чтобы при особых выгодах, ему дарованных, многие сразу обратились к покровительствуемому виду промышленной деятельности. От развития внутреннего соревнования зависит не только понижение цен, но и возвышение качества продуктов, умножение народного труда и возбуждение в широких размерах многих побочных производств, а потому и достижение тех заглавных целей, которые необходимо не упускать из вида при рассмотрении развития данного вида промышленности в какой-либо стране. Развивая свое кораблестроительное и мореходное дело, Англия хотя и достигла уменьшения подобных дел в Голландии, но не могла и не имела целью подавить дела этого рода во всем свете, и в то время как росла морская сила Англии, росли морские силы и других стран, а в конце концов от развития английских морских средств выиграли сношения всего мира, явилось умножение промышленных сил. Если Англии можно было достичь многого, то могли бы и другие страны достичь того же, если бы у них была сумма английских благоприятных условий. Испания и Португалия, а потом Голландия первенствовали на морях, но потеряли это первенство, растеряли и колонии, но, конечно, не потому, что не выдумали своих навигационных актов, а потому, что естественных условий для сильного роста морских оборотов у них было меньше и свойства самого народа были менее подходящи. Так каждой стране отвечают свои виды промышленности. Истинный смысл различия между учениями свободной торговли и покровительства только тогда станет ясным, когда дело касается производств, отвечающих естественным условиям данной страны и ее жителей. Нельзя согласиться на протекционизм принципиальный, но нельзя согласиться и на принципиальную справедливость начал свободной торговли. Если бы Англия держалась все время начал свободной торговли, она бы не стала первоклассной мореходной страной; Голландия, к ней столь близкая, не дала бы возможности укрепиться ни кораблестроению, ни мореходству Англии, всегда бы соперничала и, временно жертвуя, губила бы все зачатки английских начинаний. Когда раз укрепилось дело — тогда можно соперничать открыто, на свободном поле международного соревнования. Покровительство свой истинный и важный смысл получает в отношении к тем производствам данной страны, которые в ней могут развиваться насчет развития их в других странах, но еще не успели достичь развития под влиянием иностранного соперничества. Другими словами, принципиально то заслуживает обдуманных, строго и настойчиво проводимых протекционных мер, что может достичь большого значения для страны и, достигнув, приумножить общий мировой достаток, общие народ-

ные и всенародные промышленные средства. Покровительство бесполезно, даже вредно, если в указанном смысле не предстоит никаких видов в будущем. У свободной торговли есть свое поле, и его мы постараемся очертить в дальнейшем изложении этой книги, теперь же перейдем к примерам английского сознательного протекционизма, касающегося продуктов иностранной промышленности, облагавшихся таможенными окладами не ради фискальных целей, а ради содействия развитию внутренней промышленности. В Англии такие пошлины действовали в эпоху навигационного акта, и под их защитой росла и развивалась английская промышленность. Так, например, шерстяные ткани сперва вовсе были запрещены к ввозу в Англию; в 1819 году они были обложены 50% пошлины с их ценности (ad valorem). Таможенная пошлина на хлопчатобумажные ткани и всякие мануфактурные изделия также собиралась очень долго в размере 50% с их цены. С тонны ввозимой меди взималось 54 фунта стерлингов, что составляет почти по 5½ рубля золотом с пуда. Когда (в 20-х годах текущего столетия) стали распространяться идеи свободной торговли, тогда пошлину сбавили почти наполовину. Для цели нашего изложения этих примеров довольно, если к этому прибавить только, что ныне Англия производит в год более 15 млн. пудов шерстяных изделий внутри страны, ценой, по крайней мере, на 600 млн. рублей золотом, и половину этих шерстяных изделий вывозит в другие страны. Хлопка в Англии ежегодно перерабатывается около 50 млн. пудов в ткани, цену пуда которых нельзя принять в среднем менее 30 рублей золотом за пуд. Около 20% всей этой массы хлопчатобумажных тканей отпускается Англией в другие страны. А чтобы судить о размерах меднодела тельной промышленности Англии, достаточно указать на то, что ежегодный отпуск меди из Англии в иные страны оценивается, по статистике последних лет, слишком в 3 млн. фунтов стерлингов, т. е. около 20 млн. рублей золотом. Это плоды, данные ростками, лишь пробивавшимися за два столетия сему назад. Ростки поберегли с английскою настойчивостью, не слушаясь тех, которые говорили, что это им мешает, делая многие товары дорогими, и отвечая им: подождите, дайте срок, дешево будет, да и сами беритесь за выгодное и удешевляйте. И те волей-неволей брались, стало и дешеветь и передешевело. Оттуда и пошли английская сила, наука и самосознательное, здоровое отношение к промышленности и государству. Без своевременно примененного протекционизма Англия, наверное бы, пропала давным-давно, наподобие Венеции или Ганзы, нашли бы там нормандскую, или саксонскую, или какую другую кровь и аннексировали бы. А мир и его мирное развитие от этого, вероятно, много бы проиграли.

Таковы средства, примененные Англией, и таковы достигнутые результаты. Эти последние относятся, конечно, к современной эпохе, когда протекционизм в Англии не существует, когда фритредеры выставляют Англию образцом свободной торговли. Но и они не могут отрицать и не отрицают того, что промышленное развитие достигнуто Англией в эпоху про-

текционизма[1], а не в период последних пятидесяти лет, когда в Англии применены идеи свободной торговли. Для Англии, где промышленность развилась в эпоху протекционизма, ныне праздным покажется вопрос: была ли бы Англия той промышленной страной, какова она ныне, если бы не действовала сперва под руководством сознательного протекционизма, а для нас, и вообще для стран с еще не развитой промышленной деятельностью, вопрос такого рода столь естествен, что невольно представляется уму и решается категорически не только по соображению обстоятельств дела, предшествовавших английскому протекционизму, но и примеров иных стран, долго не державшихся начал протекционизма по отношению к множеству товаров, производство которых не развилось в этих странах. Так, в Северо-Американских Соединенных Штатах, пока не стали покровительствовать мануфактурам, хлопок вывозили сырьем и получали хлопковые ткани. То же замечается на наших глазах в Австралии, которая ввела свой покровительственный тариф именно для того, чтобы развить многие производства внутри своей страны. Противники протекционизма обыкновенно выставляют, что промышленное развитие Англии ведет свое начало от судьбы и гения ее народа, что он одарен промышленными силами и средствами и что в этом должно искать ключ к пониманию промышленного развития Англии. Но в Новой Голландии и Канаде живут те же англичане с их промышленным гением, отчего же они-то для развития своей внутренней производительности тотчас прибегли к покровительственно таможенной политике, лишь только получили столько самостоятельности, что могли защищаться тарифом даже от своей метрополии? Очевидно, что причину этого должно искать в том, что жители Новой Голландии и Канады, как англичане, помнят и правильно понимают экономическую историю своей материнской страны, получившей промышленную жизнь именно в покровительственный период ее истории. Северо-Американские Соединенные Штаты, и Канада, и Новая Голландия, и всякая иная страна будут иметь время перейти к свободной торговле, если она им будет выгодной, когда успеют столетней практикой развить свою внутреннюю производительность, как успела Англия в эпоху, начатую давно и кончившуюся с введением свободной торговли в середине текущего столетия.

Но отчего же Англия сменила свою протекционную систему, если она ей была так выгодна? Ведь при ней развитие и рост возможны, торговля с иностранцами английскими продуктами росла, и при протекционизме, кажется, можно было бы довольствоваться одним тем, что началось в первую четверть этого столетия, а именно свободным ввозом сырья, надобного мануфактурам и другим переделывающим промышленностям? Только тогда, по моему мнению, можно правильно понять отношение протекционизма к фритредерству, когда получится ответ на эти вопросы. Постараемся же дать их с некоторою определенностью.

Основной причиной замены, притом довольно постепенной, протекционизма свободной торговлей в Англии, несомненно, служит тот же самый расчет и такое же соображение о благе своего государства, какие служили поводом к введению протекционизма. Как благо страны может требовать начала оборонительной войны и ее ведения, но то же благо страны заставляет потом, особенно когда цель войны уже достигнута, горячо требовать и искать мира, так интересы государства могут требовать и искать протекционизма или обороны внутренней производительности против давления внешней, но когда цель достигнута, наибольшее благо страны может отвечать условиям свободной торговли. Так случилось в Англии. Цель была достигнута, английская промышленная деятельность развилась, ее торговый флот и ее торговые фактории охватили весь мир в возможной мере, и, что всего важнее, Англии было выгоднее, начиная с личного примера, заставлять держаться принципов свободной торговли. Ее ораторы прямо говорили это. Гускиссон еще в 20-х годах, требуя для Англии свободной торговли, сказал ясно[2]: «Говорю вам не под влиянием теории… начала свободной торговли вытекают из опыта… Наше богатство и промышленность призывают нас к свободным сношениям с другими странами… Действуя таким образом, я убежден, что действую для блага и пользы моего отечества». И все это правда. Для Англии было своевременно и выгодно в середине сего столетия обратиться к свободной торговле. Перечислим главные соображения, которые сознавались англичанами, требовавшими свободной торговли, и оправдывались на деле:

1) Высшее развитие промышленности отвечало уже в середине сего столетия, как отвечает и поныне, машинному производству, а главные виды машин созданы Англией, в ней производились и производятся; постороннее соперничество здесь не страшно для Англии, потому что другим странам сперва надо достичь того, что уже было и есть в Англии.

2) Первейшими двигателями промышленности служат торговля и мореходство, а в том и другом Англия уже заняла в середине столетия первое место, чему помогли ей навигационный акт, владение колониями во всех частях света и островной характер самой метрополии. Притом в военно-морском отношении Англия — сильнейшая держава. Какого же торгового соперничества ей было страшиться?

3) Каменный уголь стал уже в 50-х годах спутником и условием всякого промышленного развития, а Англия обладала богатейшими из известных тогда в Европе залежей каменного угля, она уже снабжала им многие другие страны, и следовательно, у нее в руках был еще один из ключей промышленного развития многих стран Европы.

4) Промышленность и торговля для своего современного развития требуют накопленных капиталов, а их в Англии за период протекционизма накопилось много, потому что все главные виды английской промышленности (каменноугольная, железная, кораблестроительная, мануфактурная,

содовая и т. п.) относятся к числу капиталистических, могущих достигать тем крупнейшего роста, чем больший капитал вкладывался в предприятие. Следовательно, Англия могла надеяться своими капиталами или давить зачатки промышленности в других странах, или участвовать в могущих быть барышах промышленных предприятий других стран. Что касается до Франции и Германии как крупнейших после Англии промышленных государств, то они не могли быть страшными для Англии промышленными соперниками, как и другие страны Европы, за исключением России, потому что естественные их условия менее английских благоприятствуют силе современного промышленного роста. Возможность промышленного и политического соперничества России всегда составляла предмет английских забот, ради того и была начата Крымская война, но тут у Англии оказались совсем неожиданные союзники в виде поклонников свободной торговли, внушивших в эпоху крупных расходов на постройку железных дорог, что выгоднее всего их снабдить иностранным капиталом и продуктами иностранной промышленности. Это, быть может, избавило Россию и Англию от новой Крымской войны, но послужило к тому, что русская промышленность не развилась в той мере, в которой она могла бы иметь серьезное значение во всемирном промышленном соперничестве. Оставались и остаются поныне одни североамериканцы. Они, как дети той же Англии, дальновидно не пошли на удочку свободной торговли. Но в 50-х годах их соперничество, проявившееся с особой силой после внутренней войны 60-х годов, было еще не ясно для Англии, которая в своем промышленном развитии ныне только и страшится Северо-Американских Соединенных Штатов. Там и угля много, и моря много, и климат благоприятнее французского, и народу теперь более пятидесяти миллионов, и капиталов много, и протекционизм в силе, и все это растет, — есть о чем подумать англичанину.

5) Точные науки, ставшие в новейшие времена безысходно необходимыми для установления силы и ведения современной промышленности, в Англии развились и расцвели в период покровительственной системы до того, что англичане заняли и тут едва ли не первое место, а потому Англия могла рассчитывать в дальнейшем развитии своей промышленности на помощь готовой у ней науки. Связь же промышленного и научного развития столь ясно сказывается всюду, что упускать это из вида невозможно.

6) Протекционизм Великобритании, как и других — кроме России — стран Европы, прежде всего выражался охраной продуктов земледельческого труда, т. е. привозный чужеземный хлеб был обложен таможенной пошлиной. Земледелие Англии, выросши в эпоху протекционизма, достигло совершенства, неизвестного другим землям, стало образцовым, но оно велось на землях ландлордов фермерским способом, а потому, строго говоря, внутренней свободы земледельческого труда в Англии не бывало никогда (ее нет и до сих пор), а потому хлеб в Англии стоил дорого настолько, насколько был об-

ложен пошлиной. В цене этой были заинтересованы ландлорды и фермеры, но для фабрично-заводских предпринимателей и для рабочих как для потребителей было очень важно, чтобы цена хлеба упала, что легко достигалось простым снятием пошлин с привозного хлеба. Это требование было одним из капитальнейших, побуждавших к принятию принципов свободной торговли, тем более что в Англии времен свободной торговли сильно боялись народного восстания, избежать которого было возможно только путем понижения цены хлеба, что входило в круг принципов свободной торговли. Притом Англии уже давно недоставало своего хлеба.

7) Свободный ввоз сырых продуктов, надобных фабрикам и заводам и не имеющихся в самой Англии в достаточном изобилии, был, очевидно, полезным для Англии, потому что она вывозила массу продуктов, переделанных на ее фабриках и заводах, в другие страны и возврат пошлин при вывозе был сопряжен с различными неудобствами, а для сырых продуктов (например, каменного угля, соли, глин, камней и т. п.), добывающихся в самой Англии в большом изобилии, свобода иностранного ввоза не могла быть страшной ни в каком отношении, следовательно, впуск всякого сырья беспошлинно не только не представлял никаких опасностей для народного труда, но и был выгоден для переделочной промышленности. А производство фабрично-заводских продуктов, как выяснено ранее, достигло в Англии до того, что нужно было заботиться об отыскании рынков для сбыта избытков производимого, следовательно, и тут свободная торговля не могла представлять никакой опасности.

8) Англия в эпоху протекционизма стала образцом для других народов. Ее богатству, ее могуществу, ее просвещению и даже ее внутреннему спокойствию во времена политических треволнений во всей Западной Европе завидовали все народы, ее ставили образцом, ей старались и стараются подражать все народы. Подражание же английскому протекционизму закрывало рынки английским же товарам, а потому принятие начал свободной торговли могло прямо открывать эти рынки, если страны стали бы подражать английской свободной торговле, как они подражали всяким английским примерам. Защитники свободной торговли в своих парламентских речах очень часто и очень ясно говорили об этом предмете и не двусмыслили, взывая ко взаимности, потому что знали, что от нее они сами останутся только в прямой выгоде.

9) Учение экономистов, следовавших за Адамом Смитом, в эпоху введения свободной торговли господствовало не только в самой Англии, но и во всей науке того времени, а оно прямо требовало свободы торговли как одного из приложений общего начала невмешательства государства в торгово-промышленные отношения. Оттого и видим, что единовременно слагали в Англии всякие внутренние ограничения этих отношений и всякие внешние виды охраны или протекционизма; одни и те же люди защищали, под влиянием теоретических начал, всеобщий мир, возможно полную свободу внутренней промышленности и свободную торговлю, подразумевая под этим

снятие всяких покровительственных пошлин. Это было на руку влиятельнейшим и богатейшим промышленникам, образовавшим пресловутую партию вигов, потому что она составлена была преимущественно из промышленников, защищавших все средства для удешевления товаров, которые тогда могли лучше проникать в отдаленнейшие страны. Поэтому виги сошлись с экономистами, и союз этот победил протекционизм. Присоединилась и масса благожелательных добрых людей, желавших, чтобы меньше помирало народа от недостатка работы и дороговизны хлеба, желавших мира и веривших, что свобода промышленности и торговли приведет к уменьшению того различия богатых от бедных, т. е. капиталистов и ландлордов от фабрично-рабочих и землепашцев, того различия, которое наросло к концу эпохи протекционизма в Англии до поразительных размеров. Другие ожидания оправдались, но это последнее, как всякий знает, осталось невыполненным, потому что свобода всякого рода столь же полезна сильному, как и слабому, а потому указанных отношений сама по себе изменить не в силах. Для этого нужны другие государственные силы, которые и приведены в действие лишь потом, когда оказалось, что промышленная и торговая свобода не в силах экономически уравнивать и что этого может достигать только государственная власть, становящаяся между рабочим и капиталистом там, где это надобно.

Достаточно приведенных соображений, чтобы объяснить переход Англии в середине текущего столетия от протекционизма к фритредерству. Переход совершен, результаты налицо. Взвешивая их, можно уже ясно видеть, что только две стороны учения о свободной торговле были действительно полезны и важны для судьбы Англии. Во-первых, свободный, т. е. беспошлинный, ввоз хлеба дал Англии возможность сохранить в стране порядок и понизить цену английских товаров, что расширило их распространение в других странах. Во-вторых, учение о выгодности свободной торговли и о ее рациональности распространилось из Англии во многие страны, и они ослабили заботы о развитии своей национальной промышленности, открыли двери чужеземным товарам. И мы, русские, поплатились при этом, как объясняется в следующей главе. При смене протекционизма фритредерством намеченные Англией цели были достигнуты. Это-то и соблазняет современных фритредеров, которые не видят того, что все выгоды англичан от свободной торговли пропали бы, если бы другие народы, принимающие английские товары, подражая самой Англии, сразу поняли, что начала свободной торговли им могут быть пригодны только после столетнего систематического и резкого протекционизма, и если бы ввиду этого призакрыли бы свои рынки для товаров фритредеров. Они говорили и говорят, что это очень было бы невыгодно для стран, могущих получать более дешевые чужеземные товары. Но чужие корабли, чужие фрахты, чужой хлеб, чужие шерстяные ткани, чужая медь и т. п. ведь были в свое время очень выгодными для самой Англии, однако она их не впускала или от их наплыва ограждала свою страну — не свободой, а

пошлиной. Так и другим странам выгоднее теперь заплатить дорого от наложенных пошлин за английские и вообще чужеземные товары, чтобы иметь возможность, во-первых, получить наиболее дешевые местные, свои товары хоть со временем, а во-вторых, чтобы дать возможность своим жителям получить заработок не только на добыче первичных продуктов, искони веков добываемых в стране, но и от заработка на заводско-фабричных производствах, потому что заработки этого рода выше, надежнее и сопряжены с накоплением в стране науки и достатка. Это поняли под конец многие страны, а потому видим, что протекционизм, которого похороны уже праздновали всюду, даже до самой Англии, вновь получил практическое применение и стал пользоваться должным ему почетом. Чтобы правильно толковать сказанное, должно вспомнить, что в Англии и почти всюду протекционизм таможенный искоренялся единовременно со всеми видами вмешательства государства в промышленные отношения, например в отношения рабочих к хозяевам. В Англии нет пока надобности возобновлять таможенный протекционизм, потому что во всех ее основных промышленностях (например, мореходстве, добыче каменного угля, в производстве машин и в мануфактурном деле) она еще не имеет в Европе соперников. Но уже очевидно, что если в этих делах Америка или Россия представят шансы соперничества, Англия опять прибегнет к таможенному покровительству. Что же касается до «невмешательства» во внутренние промышленные отношения, то оно давно уже оставлено в самой Англии. Вмешательство государства во внутренние промышленные отношения выразилось в Англии уже ясно в виде регламентации числа рабочих часов, работы малолетних и т. п. Гуманность создала фритредерство, но она же, и притом очень скоро, заставила его отменять, вытеснять шаг за шагом. Было время, когда протекционизм считался отсталостью, фритредерство же единственным верным и всеобще применимым учением, а ныне можно сказать, что протекционизм берет всюду верх, хотя Англия еще не дошла до возобновления таможенного протекционизма. Но будет правильнее, если мы немного изменим сущность сказанного, различив прежний, первичный протекционизм от его новейшей, вторичной формы, и если, сверх того, отличим от них обоих ту форму протекционизма, которая уживается с лучшими сторонами учения о свободной торговле и представляет желаемую, высшую форму протекционизма.

Однако прежде чем говорить об этом, полезно ответить на вопрос: почему же учение о свободной торговле уловило, поглотило умы столь многих людей не в одной Англии или Франции, имеющих развитую промышленность, а даже в России и тому подобных странах, очевидно долженствующих страдать от применения начал фритредерства? Ни своекорыстием, ни отсутствием любви к отечеству или ближним, ни идолопоклонством гению Англии, ни узкой односторонней подражательностью, ни увлечением политико-экономическими идеями, как у Бастиа, ничем этим, хотя и пробовали, не

объясняется упомянутое явление. Причина, с одной стороны, глубже, а с другой, мельче и доступнее. Причина та, что с протекционизмом жить дороже, платить приходится за чужеземные товары больше. При протекционизме зарабатывать деньги легче и трудом, и капиталом, особенно их совокупностью, но говорят противу протекционизма не те, которые ищут работы, и даже не те, которые имеют капиталы или хотят их приложить к делам, говорят, и говорят громко, противу протекционизма люди, живущие на определенные средства и не желающие участвовать в промышленности. У них доходов не прибудет от роста промышленности, а от протекционизма им страшно понести лишние расходы, особенно если все их вкусы и аппетиты направлены к чужеземному. Помилуйте, говорят они, вы налагаете пошлины на шляпки и зеркала, а они мне надобны, и я не вижу никакого резона в ваших протекционных началах; для меня протекционизм тождествен с воровством, и это доказывают при помощи A, B и C. Не в одних темных углах гостиных толкуют так. Литературы полны такою недодумкою.

Возьмите, например, очень занятную книжку Я. А. Новикова «Протекционизм» (1890); она так и начинается с доказательства того, что пошлина на зеркала в России есть «смягченная форма рабства», наносящая «покупателю ущерб, тождественный с воровством» (стр. 2). Это доказывается следующим способом. В России три зеркальных фабрики: A, B и C. «Все эти господа производят на 500 тыс. руб. зеркальных стекол в год. Они не могут удовлетворить потребности края, и каждый год Россия выписывает из-за границы на 1046 тыс. руб. зеркал. Предположим, что эти фабриканты зарабатывают 30% с продажной цены своих продуктов, они, следовательно, получают ежегодно 166 тыс. руб. чистого барыша. Для того чтобы предоставить этот заработок трем лицам, нас заставляют платить ежегодно 170 тыс. [руб.] пошлин на иностранные зеркальные стекла. Не равносильно ли это дани в пользу гг. A, B, C? Скажут, что эти господа не присваивают себе тех 170 тысяч, которые заплачены казне в виде пошлины. Совершенно верно. Но для покупателя это безразлично: он все-таки, благодаря только существованию производств гг. A, B, C, платит за зеркальное стекло втрое дороже француза и англичанина. Деньги, уплаченные таможне, не попадают в карманы наших трех фабрикантов, но, увы, они выходят из кармана потребителя, для которого одного это последнее обстоятельство чувствительно, и потому он, естественно, может упрекнуть гг. A, B, C в том, что они его обирают самым несправедливым образом… Нельзя также утверждать, что эта высокая пошлина нужна для государства, ибо если бы пошлина была не так значительна, казна получила бы больше дохода» (стр. 3 и 4).

Таковы рассуждения и заключения не одного г-на Новикова, а массы людей, особенно живущих определенным окладом. Не люблю я вступать в спор, а тут приходится, потому что дело касается живого места не лично моего, я тоже живу определенным окладом, а всех нас, следовательно, и г-на Новико-

ва, и господ, живущих окладами. И начнем с аргументов ad hominem, с которых начал и которыми почти и кончил почтенный Я. А. Новиков.

Ах, должен я сказать прежде всего г-ну Новикову, продайте вы акции, если ими живете, бросьте вы оклады, если их получаете, и начните в год получать не то что А + В + С, т. е. 160 тыс., а побольше того, возьмите да и производите зеркала, привозимые из-за границы: ведь их ввозят на 1 млн. руб., а господа А, В и С делают всего на ½ млн., а сбавите цены, так собьете и гг. А, В и С, отобьете от них их дань, ну хоть не 160 тыс. руб., а, положим, 100 тыс. руб. Ведь дело-то кажется выгодно, если оно так и совершается, как вы его представляете. И если вы так поступите, поглядите, что выйдет, кроме вашего личного барыша:

1) Вы оценили всю потребность России на зеркала в год в 1 ½ млн. руб., из которых ⅔ идет из-за границы, так окажется, что ваше предприятие, прекратив этот ввоз, позволит остаться в России ежегодно миллиону рублей, если же на зеркалах сбережется миллион, то, когда на многом поступят так же, выйдет прежде всего подъем курса, и вместо каждого рубля, расходуемого вами на покупку иностранных товаров, вы израсходуете, быть может, только 70 коп., что, право, лучше единовременной переплаты на потребном вам зеркале.

2) Было в мире, скажем ради примера, зеркальных фабрик столько, что их общее годовое производство составляет 10 млн. руб., а когда вы заведете в России новое производство на 1 млн. руб., да американцы, также вследствие покровительственного тарифа своей страны, заведут хоть на 2 млн. руб., да еще и еще, так ведь выйдет предложение большим, чем ныне, и вы согласны, что от этого зеркала-то станут дешевле, и нам как потребителям хуже не будет. Понижение цен пойдет до определенной нормы, зависящей от меры заработной платы, от ренты на землю, от стоимости капиталов и т. д. Одни выдержат, другие лопнут. Выдержат те, которые сумеют произвести дешевле, у кого будет больше естественных условий для выигрыша в конкуренции и кто защищен так или иначе от конкуренции. Да и вам придется конкурировать с А, В и С, и вы и они сбавите цены до возможности. А мы, потребители, выиграем вдвойне: от поправки курса и от понижения цен на зеркала вашего производства. А оно — это ваше производство — вследствие того, что в России много мест, где очень дешевы песок, глауберова соль, известь, глина и топливо, может быть даже много дешевле заграничного, тем более что у нас рабочие руки и техники дешевле, чем за границей. Начавши под тарифным покровом, в погоне за выгодами, получаемыми гг. А, В и С, вы можете сделать кое-что пограндиознее английских или там бельгийских зеркальных заводов. И когда сделаете это да когда и на множестве других предприятий достигнут такого же результата, тогда, если буду жив и здоров, даю вам слово, что буду везде кричать: «снимите всюду и всякие пошлины, они нам теперь, пожалуй, и не надобны», а до тех пор пока не попробовали да не достигли, хоть два века буду жить, все буду говорить: наложите пошлины, держитесь протекционизма, как держалась Англия, будет лучше всем и теперь, и после, ибо, не испробо-

вав этого известного исторического приема для развития промышленности, нет никакой надежды достичь развития русского благосостояния.

3) Когда вы, Я. А. Новиков, заведете зеркальную фабрику хотя бы на производство в 1 млн. руб. ежегодно, вы, конечно, возьмете не так много барыша, как А, В и С, т. е. не 30%, а скажем, хоть 20%, следовательно, 800 тысяч-то рублей вы отдадите за песок, за известку, за работу, за перевозку, за землю и т. д. и притом распределите это, конечно, справедливо, как следует. Посмотрите-ка, сколько жизней вы этим поддержите, скольких людей накормите, в скольких семьях разольете любовь к труду, достаток и благополучие. Оно, конечно, что для вас не безразлично, разольется ли все это благо от заработка в 800 тыс. руб. бельгийским рабочим или русским. Вам и мне жаль и хочется добра и для бельгийцев, но нам обоим прежде всего надо подумать о русском трудовом классе, потому что хотя мы, потребители, получаем или оклады, или доходы с процентных бумаг, но не только мы живем в России, но все наше благосостояние зависит прежде всего от благосостояния русского трудящегося класса, а не бельгийского. Ближе или короче сказать можно даже так: вашу книжку против протекционизма и мою, за него написанную, прочтут и купят больше, будем хоть желать этого, русские трудящиеся классы, а не бельгийские. А подумайте-ка, что они скажут, когда разберут, чего вы просите? Надо помнить и вам, как и мне, хоть мы и потребители, что нельзя всем быть потребителями, что есть и производители, о чем в отношении к России и всему миру забывать не следует. Конечно, и одни производители — без потребителей — прожить не могут, но, прилагая начало разделения труда, всякий производитель есть в то же время и потребитель. А подумайте-ка о стране, состоящей из одних потребителей, что это за уродство было бы и долго ли бы такая страна потребляла? Следовательно, мой совет: вспоминайте чаще о производителях. Так лучше будет. Простым потребителям и в Америке не живется, говорят — дорого и прислуги хорошей не найдут, годной для чисто потребительских привычек, которые, слава богу, понемножку изводятся, а со временем и быльем порастет этот завет классических времен — всего готового, без работы полученного.

Эти аргументы ad hominem необходимо, однако, дополнить разбором остального из сказанного в выписке из книги г-на Новикова, что и стараюсь сделать по возможности кратко, приводя факты, мне подлинно известные, и полагая, что читатели вместе с Я. А. Новиковым сами увидят связь приводимого далее с тою выпискою, которая сделана ранее.

В России действуют немногие зеркальные заводы, устроенные только сравнительно недавно, под кровом протекционизма. Без начала же развития ждать нельзя; только Венера родится из пены во всей красе, но в действительности такого фокуса не происходит и, наверное, происходить не может. Существующие фабрики зеркальных стекол занимаются доныне двумя производствами. Во-первых, начиная от сырья, они производят мелкие зеркаль-

ные стекла, наиболее ходкие в русской потребности, т. е. имеющие спрос и обложенные ниже всех ввозной таможенной пошлиной. Несмотря на низшую таможенную пошлину (см. предисловие, тариф) и на великий спрос в России, таких, т. е. простых малых зеркал, из-за границы к нам, в сущности, вовсе не ввозят. Так, например, в сложности за пять лет (1884–1888) ежегодный ввоз готовых малых зеркал, имеющих размер менее 100 кв. вершков, не превосходил 5 ½ тыс. пудов на сумму в 84 тыс. руб., да и то ввозимые по этой статье зеркала относятся к разряду толстых зеркал, представляющих в гораздо большей мере предмет роскоши, чем зеркала простые и мелкие, составляющие одну из народных потребностей. Подобные зеркала, производясь на трех русских заводах, понизились в цене от внутреннего соперничества до того, что пошлина не выбирается, т. е. ценность таких зеркал у нас разве немногим выше, чем за границей.

Ввозятся к нам зеркала большемерные. До их производства не дошли еще наши заводы и не потому не дошли, что нет знаний, для сего надобных, или условий для производства, а потому, что спрос не дорос до возможности выгодного производства, и капитал надобен большой, а капиталы — пока нет у нас развитой промышленности — дороги, как всякому известно. Много меньше надобно капитала на то, чтобы покупать отлитые зеркальные стекла и их только шлифовать, полировать и подводить под них ртутную или серебряную отражающую поверхность. Современные нам русские зеркальные заводы этим вторым и занимаются. Это дает, по состоянию действовавшего тарифа, хороший заработок и составляет в некотором смысле обход покровительственного тарифа, потому что если бы этого не делалось, то при существующих пошлинах на зеркала, вероятно, установилась бы у нас и самая отливка больших зеркальных стекол. Очевидно, что тариф, при его пересмотре, следовало исправить в этом отношении.

И в Англии установилось зеркальное производство не сразу, подождать надо и нам, но отказаться от производства зеркал в России не следует не только потому, что дело уже началось, но и потому, что все естественные условия, для его развития надобные, имеются в России налицо. Если же снять с зеркал всякую таможенную пошлину, то не может быть и начала, а без него и развития, потому что иностранные производители зеркал не дадут ходу русским фабрикам с самого начала. До чего дошло тут дело, видно из примера, который я цитирую, имея в руках от одной петербургской фирмы подлинные счета, которые могу показать г-ну Новикову, если ему угодно. На иностранных зеркальных заводах так дорожат сохранить за собою русских потребителей, что отпускают в Россию товары с громадной скидкой против валовых или прейскурантных цен, лишь бы не упустить потребителя. В счете одного французского завода при отпуске в Россию зеркальных стекол на сумму 1145 ½ франка сделана скидка (rabais) в 55%, или равная 630 франкам. В другом бельгийском счете (1888) при отпуске в Россию зеркальных стекол

на 7758 франков 35 сантимов уступка (remise) сделана также в 55%, а именно в 4102 франка. Очевидно, что продают иностранцы не в убыток себе, и будь рынок наш совершенно свободен, не будь развивающейся конкуренции, уплатили бы наши торговцы и скинутые 55%. И заметим при этом, что таможенный оклад на зеркала составляет менее 55% их цены. Например, по тарифу, действовавшему во время 1889 года, собрано с зеркал 150 тыс. руб. золотом, или около 200 тыс. руб. кред., а ввоз равнялся 754 тыс. руб. кред. Следовательно, пошлина составила около 27%, или половину делаемой уступки. Теперь в казну поступило 200 тыс. руб., да России дана сверх того уступка еще такого же размера, ради того чтобы сохранить французский и бельгийский заработок на зеркалах, а тогда бы, если бы не было охраны, надо полагать, что все бы 400 тыс. руб. поступили в карман иностранных заводчиков. И если бы гг. A, B и C выдумали завести зеркальное дело в России, их бы, наверное, сбили, да и расчет явился бы прямой продавать хоть за бесценок, лишь бы стереть возрождающегося соперника. А то так и проще — можно было бы его купить. Ведь у начинателя барыши малые, ему можно было бы взамен их предложить куш, наконец, просто купить его завод или весь товар, словом, средств много для укрепленного производства задавить начинающееся. В защиту следует поставить силу иную — таможенную пошлину. Пока там дело развивается, а сбор дает доход, а доходы нужны для государственной организации, и если бы не было таможенных пошлин, наложенных на нашу охоту за чужеземным, нам бы ведь пришлось в каком-нибудь виде да внести ту же сумму, государству необходимую.

Думаю, что главные посылки, необходимые для того, чтобы правильно понять аргументы Я. А. Новикова и ему подобных поклонников свободной торговли, даны в предшествующем объяснении; но сверх этих, так сказать, отрицательных или логических объяснений нелишнее привести для русских русский же положительный пример, у всех на виду находящийся, того результата, какой дает таможенное покровительство. Как пример возьмем керосин. Дело идет, следовательно, о товаре большого экономического значения. Это уже не зеркала, а прямое пособие труду во всяком виде, для людей всех достатков и притом товар, расходуемый, сгорающий при употреблении, словом, важности значительной, хотя еще и не первостепенной, какую имеют, например, каменный уголь и железо. Как песок, известь, глауберова соль, глины и топливо, нефть давно известна в России и добывалась давно, но, как и зеркала, только в столь ограниченном количестве, что потреблялась только на местах, соседних с местами добычи, например около Баку, близ Грозной в Северном Кавказе, отчасти на Кубани, больше всего местными жителями для мелких потребностей, особенно для освещения и для смазки колес. Еще раньше, чем стали добывать и переделывать нефть на керосин в Америке, русские пробовали, и не без успеха, получать осветительное масло из кавказской нефти, и, как только пошел в 60-х годах кero-

син американский, основалась в Баку и добыча русского керосина. Цена ему была и там и тут высокая. Американский был дорог, потому что был высоко обложен акцизной пошлиной в Америке и с добычей и перевозкой еще не освоились, не удешевили их до возможных размеров и конкуренция еще не сбила цен. А русский был дорог потому, что нефтяные промыслы сдавались от казны на откуп, и откупщики, не имея интереса развивать дело до больших размеров, брали, что могли, с той массы нефти, которую черпали из рытых колодцев, а именно продавали по 40 коп. пуд сырой нефти, на пуд же керосина ее нужно было расходовать три пуда. Обработка и перевозка были так неблагоустроенны, что у покойного В. А. Кокорева были убытки и тогда, когда он продавал в Нижнем пуд керосина по 3 руб. Тогда-то он обратился ко мне с тем, чтобы я съездил в Баку и, если нельзя удешевить добычу и перевозку, закрыл бы невыгодное дело. Оттого-то я и знаю это русское дело с его колыбели. Оно развивалось постепенно, и ему всегда покровительствовал таможенный тариф. Я же никогда не раскаивался в том, что прибавил свой голос к тому, чтобы, во-первых, сняли откупа на нефть и продали колодцы раздробно в частные руки и, во-вторых, поддержали возникновение дела таможенным окладом на американский керосин, хотя знал, что через это продукт, весьма важный для потребления, поднимется в цене. При пересмотре тарифа в 1868 году на керосин наложили пошлину по 55 коп. с пуда, а цена тогда была уже спущена в Америке до 2 ½ руб. за пуд, в России пуд обходился около 3 ½ руб., и пошлина ложилась примерно в виде 20% лишнего расхода в портах, служивших местами ввоза. Не описывая всей сложной истории развития нефтяного дела на Кавказе, скажу только, что, не будь таможенной пошлины на американский керосин, не было бы русского, т. е. до сих пор освещалась бы Россия американским. Утверждаю это потому с полной уверенностью, что лично знал всех начинателей: В. А. Кокорева, М. И. Мирзоева, А. Н. Новосильцева, Л. Э. Нобеля и других, и их расчеты у меня живы в памяти. В них всегда входила таможенная охрана — пока дело шло о начале, а потом, когда дело дошло до соперничества не с Америкой, а внутри России, тогда только забыли про тарифы, потому что цены должно было спускать и спускать, чтобы продать добытое. Так вышло следующее: в 1873 году ввезено к нам 2 ¾ млн. пудов керосина американского, а в 1883 году только ½ млн. пудов, а в 1886 году уже вывезено нефти и нефтяных продуктов из России 10 ¾ млн. пудов, в прошлом же 1890 году вывезено одного керосина 39 млн. пудов. Цена при этом упала — конечно, оставляя заработок всем деятелям — до того, что пуд очищенного керосина на бакинских заводах можно было иметь по 15 коп. И хотя казна потеряла таможенный доход на американском керосине, доходивший до 1 ½ млн. руб., но ныне получается с русского керосина акцизных сборов более 10 млн. руб. в год. Не будь таможенного обложения керосина — не было бы русского нефтяного дела, и американская стачка или синдикат [промышленников] поднял

бы, наверное, современные цены на свой керосин, а мы бы платили, и помимо таможенного оклада или всякого казенного налога, за освещение керосином много более, чем платим ныне благодаря протекционному налогу. И весь бы мир платил дороже, и улучшать не было бы охоты.

Словом, те, кто видит в таможенном налоге только вздорожание товаров и расход потребителей, мало видят или мало знают. Есть условия для обратного явления, т. е. для понижения цен — вследствие таможенного обложения, сколь ни парадоксальным на первый раз кажется подобное утверждение. Если таможенное обложение отвечает товару, для производства которого в стране есть все условия, данные природой (т. е. рабочая сила, изобилие сырья и т. п.), то таможенное обложение, защищая начало производства и вызывая внутреннюю конкуренцию, ведет к увеличению производства товара, для общего потребления надобного, и чрез увеличение предложения приводит не к повышению цен, а к их понижению. Отсюда уже вытекают прямо некоторые следствия в отношении к таможенным пошлинам; но помедлим переходить к ним, а закончим наше изложение основных понятий, касающихся протекционизма и свободной торговли.

Начальная форма протекционизма стремится к тому, чтобы в стране развились все отрасли промышленности, удовлетворяющие потребностям жителей, а потому облагает почти все ввозимое из чужих стран высокими пошлинами или в крайних случаях даже просто запрещает вход чужеземному соперничеству. Примеров удачного протекционизма этого рода очень много; лучшим же примером может служить английское кораблестроение. Но есть и неудачные примеры, происходящие чаще всего оттого, что производство облагаемого предмета не отвечает в данной стране ее современным ресурсам и другим пошлинам. Если бы обложить, например, в стране пряжу, в ней не производимую, высокой пошлиной, а ткани, для которых применяется пряжа, впускать с меньшей пошлиной, то очевидно, что производство пряжи, несмотря на покровительство, не имело бы возможности развиваться. Если страна не имеет ни своего леса, ни своего железа, а они были бы обложены и их надобно было бы ввозить из других стран, то кораблестроение не развилось бы от одной протекционной пошлины, стали бы просто пользоваться чужими кораблями. От подобных несоответствий очень часто первичный протекционизм не служит к достижению цели. Необходимы последовательность и обдуманность в мерах протекционизма, чтобы они приносили желаемые плоды. Первичный же протекционизм без дальнейших рассуждений прямо и просто облагает чужеземное ради того, что его можно производить в стране.

Такой протекционизм не только не чужд монополизма, но очень к нему близок и очень часто ведет к его развитию в той или иной форме, чаще же всего потому, что потребность в данном товаре невелика, он облагается большой пошлиной и дает одному или нескольким внутренним производителям столь большие барыши, что они получают возможность убивать вся-

кую вновь рождающуюся внутреннюю конкуренцию, а потому могут внутри страны держать высокие цены на производимый товар, лишь бы он распространялся в стране и не привозился из чужих краев. Если протекционизм ведет к подобной внутренней монополии, то выходы от него для страны малы и случаи такого протекционизма наиболее вредят популярности протекционных мер. Правильный, разумный протекционизм должен быть далек от подобных обложений, дающих одну дороговизну.

Но протекционизм, как все положительное и исторически применявшееся, может изменяться, улучшаться и совершенствоваться, а потому кроме первичной формы, легко и часто ведущей к монополизму, представляет и другие формы. Заметим здесь, что свободная торговля, представляя отрицательную форму действия, сама по себе не подлежит изменению. Она одинакова в своей свободе у дикарей, близких к первобытному, безгосударственному состоянию, и в самых совершенных формах человеческих отношений. Не скажу, чтобы это был ее недостаток, но это ее внутреннее свойство, наводящее на мысль о том, что между первичной свободой торговли и окончательной, которую и защищают, должен встать протекционизм.

Протекционизм вторичный чаще всего можно назвать охранительным, потому что, не заботясь вовсе о вывозе новых видов промышленности, он назначается обыкновенно для ограждения уже существующих производств от соперничества в цене или от подавляющей массы иностранных товаров того же рода. Так, множество стран Европы облагает ныне хлеб ввозной пошлиной для того, чтобы иностранный, как более дешевый, не мог убивать столь коренного промысла всех стран, каково земледелие. В Англии ее цветущее когда-то разведение хлебов можно считать убитым фритредерством; хлебные поля Англии превращены в луга и выгоны или служат для массового разведения хмеля и тому подобных растений и только в особо благоприятных условиях засеваются хлебами. Фритредеры хотели все страны уверить, как уверили Англию, что выгоднее получать хлеб чужих стран, сбывая им продукты заводов и фабрик, но такому началу мало кто поверил или поверили, да увидели, что от того проигрывают, особенно когда оказалось, что Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия, т. е. главные отправители хлеба, стали развивать с помощью протекционизма свою внутреннюю промышленность, а потому сбыт фабрично-заводских продуктов в обмен на хлеб стал ограничиваться отдаленными странами. В своем применении охранительные пошлины чаще всего относятся только к готовым товарам, а не к природному сырью, служащему для их добычи, и притом охранительные таможенные пошлины назначаются в таком лишь размере, чтобы соперничество чужеземных товаров было стеснено, но не совершенно уничтожено. Ничего не запрещают, но многое облагают. Ныне большинство стран Европы соединяет в таможенных своих тарифах интересы фискальные с охранительными, и этой комбинации нельзя отказать в целесообразности. Но, ставя за-

щиту хлебопашества во главу тарифа и только охраняя существующие уже развившиеся в стране производства, охранительная промышленная политика большинства европейских стран, очевидно, может быть пригодной только для них, уже успевших развить ранее свою фабричную и заводскую промышленности, и никаким образом не может составить средства всеобщего, так как для стран, вывозящих хлеб и не имеющих развитой фабрично-заводской промышленности, очевидна непригодность указанного способа. Если такие страны имеют избыток хлеба и его вывозят, значит, им охранять его производство таможенными пошлинами нет надобности, а если в них нет развитых видов заводской и фабричной промышленности, то и для них не надобно охраны от соперничества. Следовательно, протекционизм рассматриваемого сорта, будучи пригоден для некоторых стран, для других был бы мерою бесплодной и неправильной. Если такие страны, промышленностью не обзаведшиеся, будут держаться политики свободной торговли, то они, очевидно, будут поставлены в условия совершенно иные, чем страны, подобные Англии, в которых промышленность развилась при протекционизме, и ничто не будет побуждать такие страны установить у себя какие-либо виды промышленности, еще не существующие в стране, потому что свои потребности такие страны могут удовлетворить из производства чужеземного. А потому подобные страны ни при охранительных таможенных пошлинах, ни при свободной торговле, т. е. при одних фискальных пошлинах, не будут развивать своей промышленности, или они не будут спрашивать продуктов развитой промышленности, не будут в ряду других народов, дошедших до потребности в многосложных продуктах промышленности, или встанут в явную экономическую зависимость от промышленных стран, если, развив свои потребности, будут спрашивать от них множество товаров, производимых развитой промышленностью. То и другое должно рано или поздно принизить народ и, следовательно, поведет к войнам и всяким другим безурядицам, задерживающим развитие человечества. Притом принятым нами исходным положениям противен такой порядок вещей, при котором часть государств и народов будет вносить в общую жизнь все, что может взять от природы и произвести из ее даров на заводах и фабриках, а другая часть будет вносить только то, что прежде вносила, не имея фабрик и заводов как орудий и результатов человеческого развития. Если же представить себе, что ныне же все страны мира сразу согласились бы держаться свободной торговли, то произошло бы в конце концов полное рабство земледельческих народов, т. е. порабощение их промышленными, несмотря на то что первых меньше, чем вторых. Это сопровождалось бы, вероятно, тем, что промышленные народы прекратили бы свое земледелие и усилили бы другие виды своей промышленности. Предложение хлеба было бы большим, потому что все многочисленные земледельческие страны должны были бы всеми способами искать продажи хлеба, так как на него они должны были бы покупать все дру-

гое, что производят промышленные страны и что по мере развития все народы спрашивают все в большем и большем количестве. Вспомним только наши расходы на хлеб и сопоставим их с другими нашими тратами. Развить же у себя свою промышленность земледельческие страны не имели бы никакой возможности при полной свободе торговли, потому что иностранные промышленные их конкуренты сознательно губили бы всякие зачатки таких предприятий. Произошло бы понижение меновой ценности хлеба, и только истощение земель и увеличение населения положило бы преграду, ко дню которой земледельческие страны были бы в таком упадке, что пришлый народ, хотя бы дикий, легко бы их покорил. Так гибли римляне. Потеря самостоятельности индейскими и среднеазиатскими народами, в сущности, зависит от того же отсутствия в них иных развитых промышленностей, кроме земледелия. Подражая Тюнену, я бы мог развить эти воображаемые отношения, но не делаю этого, потому что полагаю, что читатель дополнит картину сам, и только замечу, что падение современных цен на хлеб есть один из фазисов довольно широкого приложения начал свободной торговли. Оно очень выгодно для стран промышленных, но не только влечет за собой ослабление стран земледельческих, подобных России, но и приводит к тому, что хлебное земледелие становится всюду маловыгодным как для предпринимателей, так и для рабочих. Всюду, особенно же с почина Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов, начинают понимать это, начинают держаться протекционизма, и если он будет применяться настойчиво, хлебные цены поднимутся, земледельческий труд станет лучше вознаграждаться и в мире наступит новый порядок более равномерного развития всех стран без ущерба какой бы то ни было. В ином месте я докажу, что при современных ценах на хлеб, железо, ткани и даже каменный уголь средняя поденная рабочая плата хлебопашца, заключенная в рыночной цене хлеба, много, а именно более чем в два раза, ниже такой же средней поденной платы углекопу или за переделку хлопка в ткани, руд в железо. Это так глубоко влияет на современное состояние всех международных отношений, что заслуживает полного всеобщего внимания, а для нас, русских, это живой вопрос, важнее которого другого и быть не может.

Идеал, или желаемый результат международных торгово-промышленных отношений, к которому приводят предшествующие соображения, тот же, как у последователей фритредерства. Пусть каждый народ или государство развивают только те виды производств, которые наиболее подходят к их естественным условиям. Пусть в этих продуктах производство каждой страны превзойдет ее внутренние потребности, а избыток поступит в общее пользование, составит предмет международного обмена. Наложится ли на этот избыток при ввозе в данную страну пошлина или нет, это все равно. Наш хлеб, входя в Англию, пошлины не платит, входя во Францию или Германию, платит — нам, в сущности, от этого ни тяжелее, ни легче, и должно думать, что

в общем обороте цена хлеба останется в России та же, отменят или нет во Франции и Германии, в Португалии и Италии пошлину на хлеб. Если дело данной промышленности в стране испытано и результат выразился ясно, то протекционизм может носить характер только охранительный. Но сущность протекционизма вовсе не в этом, а в возможности начала и развития несуществующих или от иностранного соперничества страдающих видов промышленности, ибо без начала промышленности быть не может. Ремесленная (цеховая), горная и фабрично-заводская промышленности родились в мире позднее сельской — земледельческой, следовательно, по общему началу истории и у всех народов сперва развивается земледелие, а другие виды промышленности — после него. Вы думаете, что воевали и землю забирали только для «права охоты» и земледелия? Нет, нет, и для всего прочего, т. е., например, для постройки жилья, для получения песка, глины и т. п., надобных как для стен и печей, так и для стекла и для зеркал, для добычи каменного угля и железа, золота и соли… словом, для всего промышленного, всегда идущего из земли, с нею связанного. Человек создан из земли — поймите это. Земли в промышленности столько же, сколько и в хлебе, даже, если угодно, в хлебе меньше земли, он из воздуха и воды, только корни в земле. Но и корни заводско-фабричных дел тоже в земле. Оттого они неразлучны с горным делом, начиная с каменного угля и железа. Если земледелие — естественный промысел, то и добыча соли, железа, угля, глины, стекла и т. д. настолько же естественна. Американским индейцам и земледелие кажется лишним, ведь можно и без него было обходиться.

Однако возвратимся к прерванному. Так как земледелие, составляя первичный промысел, испытано всеми народами, то пошлины на хлеб не могут быть иными, как охранительными. Но должно найти промыслы, отвечающие народу и стране, а без покровительства этого быть не может. Пусть найдены такие народные промыслы и наступит в промышленных отношениях народов некоторое равновесие и уяснение, как оно наступило, например, между Англией и Францией в отношении того, что Англия ввозит во Францию часть каменного угля, изобилующего в Англии и недостаточного во Франции, а эта последняя отправляет в Англию виноградное вино, шелк, оливковое масло и тому подобные продукты, изобильные во Франции, надобные в Англии и в ней не имеющиеся. О, тогда, если бы только таковы были международные промышленные отношения, — тогда нужно будет разбираться только между условиями свободной торговли, охранительной системой и системой таможенных пошлин чисто фискального характера. Но ведь дело-то не таково в истинных современных международных торгово-промышленных отношениях. Оно сложнее. Каменноугольные залежи Франции изведаны, разрабатываются усиленно, и недостаточность их, невозможность ограничиться своим углем стала очевидной. Не потому английский уголь входит во Францию, что свой еще не добывается в широких размерах, допус-

кающих дешевизну, а потому, что своего недостает и свой обходится — по условиям, в природе дела лежащим, — дороже английского. Но представьте страну, в которой каменный уголь известен, разведан, начат добычею и начал спрашиваться, но своя добыча пока, для начала, мала, ибо вначале всякая добыча мала, большою никак не родится, а только становится мало-помалу при навыке, при расширении спроса и т. п. Если впустить в такую страну английский уголь свободно, будет по-фритредерски, будет в интересах немногих родившихся потребителей, но будет неразумно для государства и прямо вредно для общечеловеческого развития, для правильности международных промышленных отношений, потому что добыча каменного угля в неназванной стране увеличит предложение, уменьшит цену и даст стране возможность развить множество производств, сильно нуждающихся в угле. Пока ввозится английский уголь, добыча своего не может развиваться в должной мере и уголь не может становиться дешевым уже потому, что с увеличением добываемой массы ценность понижается до возможного минимума. Следовательно, общие интересы человечества и ближайшие интересы неназванного государства заставляют его наложить на английский уголь пошлину, пока свое дело не вырастет до возможно крупных размеров. Этим вызовется к жизни новая промышленность, а потому такие таможенные пошлины правильно назвать возбуждающими. Так Англия вызвала свое кораблестроение, свое громадное шерстяное и хлопковое дело. Так Россия вызвала свою свеклосахарную промышленность и свои нефтяные дела. Так она пошлиною на уголь вызывает добычу своего каменного угля на Донце и в Польском крае. При этом очевидно, что возбуждающий протекционизм является средством для достижения фритредерского же идеала, потому что — на примере каменного угля это можно сделать ясным — английский каменный уголь, когда не будет сбываться в неназванные страны, обладающие недостаточно разработанными своими залежами, должен понизиться либо в цене, либо в добыче, и через это приблизится предельное время идеальных, свободных торговых отношений, когда они будут наиболее правильными, лишенными монополий внутренних и внешних.

Следовательно, кроме первичного протекционизма, желающего все и вся развить в своей стране и не допускающего к себе иноземных товаров, могущих производиться в своей стране, и кроме охранительного протекционизма существует и мыслим как рациональнейший такой возбуждающий разумный протекционизм, который с полным расчетом всех естественных условий страны налагает соразмерно высокие таможенные пошлины на товары, имеющие все шансы развития производства их внутри страны. Такой протекционизм составляет временную меру, хотя бы на десятки лет или на столетия, как было с навигационным актом Англии, и до него должен додуматься всякий фритредер, если он поймет, что главным обстоятельством, определяющим истинную свободу международных торгово-промышленных отноше-

ний, должны служить естественные богатства всех государств и что развитие их разработки исключительно в некоторых, т. е. тех, которые поныне успели достичь этого развития, не может быть благоприятно общему человеческому развитию и непременно поведет к международному монополизму, войнам и всяким затруднениям, потому что не позволит развиться под давлением существующего монополизма таким новым отраслям производства в новых — по промышленному развитию — странах, которые соответствуют их естественным условиям.

Не усложняя вышеприведенного развития многими частными доказательствами и примерами, часть которых разбирается в четвертой и следующих главах, я считаю возможным формулировать выводы, которыми определяется относительное практическое значение учений о свободной торговле и протекционизме.

1) Нет и быть не может всеобщей неизменяющейся мерки для международной торгово-промышленной политики государств, потому что они находятся в различных природных и исторических условиях и в различной степени промышленного развития. Даже для данного государства и в данную эпоху разумнее всего избирать для покровительства охранительного или возбуждающего лишь немногие, определенные товары, сообразуясь как с естественными условиями, определяющими промышленное их получение, так и с финансовыми, торговыми и всякими иными отношениями страны, ее жителей и эпохи действия. А потому одинаково несостоятельны учения, проповедующие принципиальный протекционизм или принципиальную «торговую свободу».

2) Для известной степени промышленного состояния государства может быть во всех отношениях выгоднейшим принять систему свободной торговли, для другой — первичный, общий протекционизм, для третьей — охранительный протекционизм для тех или иных или для всех товаров. А так как всякий таможенный тариф назначается на будущее или предстоящее время, в котором многие обстоятельства государства и его международных отношений могут измениться, то руководство тарифным делом должно быть поставлено в ближайшую связь со всей остальной политикой страны, и его разумность, устойчивость и целесообразность может служить мерилом дальнозоркости правительства. А так как протекционные таможенные меры могут принести надлежащие плоды лишь с течением времени, то смена тарифной системы даже по отношению к отдельным товарам, особенно имеющим большое экономическое значение, должна быть производима постепенно и обдуманно, а протекционизм проводим с настойчивостью и тем большею, чем более важных народных видов труда он касается, т. е. возбуждает или охраняет.

3) В пределе по времени — выражаясь языком точных наук, или, если угодно, в идеале, которого весь мир и отдельные страны достигают по мере развития видов промышленности, сообразных с естественными условиями стран, — человечество стремится к вечному миру и к свободной торговле. Система сво-

бодной торговли тем рациональнее для данной страны, чем законченнее в ней развитие разработки всех и всяких видов промышленности. Система эта менее всего отвечает странам естественно богатым, но не имеющим многих видов развитой промышленности, а потому ни сложившихся крупных капиталов, ни процветающей научной деятельности, ибо развитие и накопление сил последних всегда и всюду составляет плод развития промышленного. Так, например, истинное, или современное и реальное, просвещение достигается попутно при помощи промышленности. В общих чертах сказанное можно выразить так: протекционизм, отвечающий естественным условиям страны, вызывает ее промышленность, ее обогащение, ее просвещение и вообще ее приближение к условиям применимости начал свободной торговли.

4) Но в том положении, в котором ныне находится большинство государств по отношению, например, к Англии и немногим другим странам, успевшим через протекционизм развить свою промышленность во всех возможных отношениях, в интересах общего промышленного развития человечества должно требовать для этих государств если не общего первичного протекционизма, то непременно рационального, возбуждающего (промышленную деятельность, соответствующую естественным условиям страны) протекционизма.

5) А так как промышленное развитие стран связано со всем их бытом, с развитием их просвещения, государственности и всего участия в общей жизни человечества и так как от промышленных отношений зависит благосостояние, трудовая деятельность, достаток, богатство и сила народов и государств, в которые они сложились, то своевременное пользование таможенными пошлинами как средством для развития промышленной деятельности законно и обязательно ради самых драгоценных государственных и общечеловеческих интересов, ибо ведет к уничтожению монопольных неравенств, национальной исключительности и искусственных экономических преобладаний одних народов над другими. Не идеальничая, очевидно, что дело жизни народов, хотя бы они дошли до окончательного разделения территорий и до условий всеобщего мира, все-таки всегда будет содержать условия для неравенства, соревнования и соперничества того или иного рода. Даже научное соперничество народов очевидно в истории наук. О промышленном же не может быть сомнения. И пусть выяснится, что выигрыш государственных единиц может хоть насколько-нибудь изменяться от наложения таможенных пошлин, — они будут применяться если не для вызова видов промышленности, то для их охраны [...]. Хотя в пределе будет видна свободная торговля, протекционизм, надо думать, всегда будет в том или ином виде на деле применяться — пока будут отдельные государства друг от друга независимы, т. е. свободны.

6) Протекционизм в его высших законных формах, вызывающих определенные виды промышленности, требует столь осмысленного (со стороны знания естественных условий нахождения сырья в стране, добычи его и торговли, состояния дела в других странах, стоимости производства, цен, меры по-

требности, родов применения товара и прочее) обложения товаров таможенными пошлинами, что размеры окладов, отвечающих каждому товару, должны подвергаться обсуждению со всех возможных сторон, дабы намеченная цель развития желаемых видов промышленности достигалась с возможною быстротою и с возможно наименьшим нарушением других интересов страны. Скажем более: возбуждающие протекционные пошлины только тогда и достигают своей цели, когда наименее всего ведут к внутреннему монополизму, а особенно тогда, когда производству облагаемых товаров отвечают все условия страны до такой степени, что пошлина вызовет внутреннюю конкуренцию, понижающую цены, возвышающую качество товаров и усиливающую добычу их даже до возможности вывозить избытки перепроизводства в иные страны. Тогда от наложения пошлины выигрывают сперва жители края, где идет производство, потом того государства, которое наложило пошлину, а потом и весь всемирный рынок. Отличным для сего примером может служить пошлина, наложенная на керосин в России. В 60-х годах его ввозили в Россию из Америки, а с 80-х годов стали вывозить из России, до того он подешевел у нас, а через этот вывоз упали и мировые цены этого дешевейшего осветительного материала. Без наложения возбуждающей пошлины, наверное, и до сих пор мы бы освещались американским керосином, и цена его, наверное, была бы всюду много выше современной. И мы бы были в убытках, и мир бы не выгадал, а нефть пропитывала бы подземный песок бакинских земель да, понемножку просачиваясь, постепенно терялась бы даром для человечества.

7) Возбуждающие протекционные таможенные пошлины, опираясь на личные интересы подданных, увеличивают возможность получения в стране новых заработков и усиленного или особого вознаграждения за личный труд, подобно тому как за хорошее ученье если даже не дают прав и привилегий, то предоставляют преимущества всякого иного рода. Как обучение части подданных страны, так и учреждение в ней промышленности требует особых расходов в данное время ради интересов будущих, но с тем коренным различием, что таможенную пошлину несет прямо только тот, кто хочет и кто рассчитывает на торговые выгоды от ввозимого товара, а косвенно только тот, кто сам производительным промышленным трудом не занимается, а государственная казна или собранные народные средства при этом не расходуются, тогда как при доставлении образования государство расходует прямо средства, собираемые со всего народа. Как свободная торговля может отвечать только тем государствам, которые или не заботятся о развитии силы и средств своей страны, или тем, которые уже прежними заботами достигли до широкого перепроизводства своей промышленности, так и беззаботность государства об образовании своих подданных может определяться или пагубной беспечностью, ведущей к гибели государства, или высшей формой просвещения, достигнутого страной, когда пользу от образования сознали народные массы. Так противоположности сходятся. Здесь видна одна из слабых сторон тех рассуждений, касающихся торгов-

ли и промышленности, в которых советуют сперва стране поучиться, а потом приниматься за промышленность. Сущность дела и вся история как просвещения, так и промышленности показывают, что они легче всего и согласно развиваются вместе и одинаково под кровом государства и при его сознательных заботах. Говорю это с полным убеждением и усилю прямым утверждением: только там наука будет любезна народу и станет через него развиваться, где промышленное развитие пустило глубокие корни. Именно поэтому как служитель науки ради нее самой я пламенно желаю промышленного развития стран. В Англии виден образец, которому другим народам подражать не грех, а должно, — в единовременном развитии наук и промышленности. Видоизменяя подробности сообразно условиям страны, следует, т. е. полезно, возможно и естественно, суметь сразу охватить оба вида развития. Единственных прочных союзников истинного, живого, а не мертвого, т. е. классического и только резонерствующего, просвещения, т. е. готового на труд борьбы с природой и ее косностью, должно искать в среде промышленников, потому что они, ведя такую борьбу и пользуясь наукой как концентрированным консервом опыта и всяких сведений, непременно внушат и детям, и всем окружающим любовное отношение к изучению природы живой и мертвой, людской и всей божеской. Они одни будут за просвещение не для вида, не для красных слов, не для простого усиления самообожания, а для живого дела, для достижения настоящей правды и возможной пользы. Если без науки не может быть современной промышленности, то без нее не может быть и современной науки, а без их совокупности все будет одним классическим бредом тупых исканий, ограничится резонерством, добрыми пожеланиями и отсутствием трудолюбия, а кончится неизбежно скептицизмом или его специальными формами человеческого отчаяния и неудовлетворенности внешней и внутренней. Оттуда и ведут начало бездействие, пустое фразерство, вера в утопии, стремление перестроить мир одними добрыми похотями и даже полный разлад с жизнью времени, погубивший классические империи. Они не понимали промышленности и полагали насытить народ только хлебом, зрелищами и переменой мест в концерте жизни, а потому погибли, оставив после себя прекрасную литературу и классический пример того, к чему ведет даже полный расцвет просвещения, если оно остается чуждым живых, практических, т. е. промышленно-трудовых, интересов народа. Живое сложно, мертвое же прямолинейно и служит почвой живому. Государство, наука и литература могут быть прямолинейны и чураться промышленности или относиться к ней свысока, но тогда они только повторят классический пример, т. е. ведут хоть медленно, но верно к классическому результату классических империй — Рима, Греции или в лучшем случае Китая.

8) Фискальные таможенные пошлины, составляющие один из удобных и всюду практикуемых способов удовлетворения общих государственных надобностей, или особый вид неокладных (косвенных) сборов, подобных акцизам, отличаются существенно от протекционных таможенных окладов тем,

что влекут за собою доходы государственной казны и влияют на расходы тех жителей, которые не могут обходиться без чужеземного добра, но фискальные пошлины не сопряжены прямой связью ни с доходами жителей, ни с их трудовым заработком, ни с развитием и разработкой естественных богатств страны, а потому размеры фискальных пошлин определяются совершенно иными соображениями, чем размеры протекционных пошлин. Однако во многих случаях таможенные пошлины, нося сперва характер чисто фискальный, становятся со временем протекционными, ибо таково свойство таможенных окладов. Так, пошлины на хлопок и виноградные вина в России сперва были чисто фискальными, но ныне становятся уже протекционными, потому что под влиянием пошлин стало развиваться русское производство хлопка и потребление русских виноградных вин возросло. Отсюда видно, что резкого различия фискальных пошлин от протекционных для таких обширных и еще не развивших своей промышленности стран, как Россия, делать не следует, т. е. фискальные пошлины следует обсуждать, сообразуясь с естественными условиями, в стране существующими. Здесь кстати упомянуть один примечательный курьез: Бастиа (Sophismeseconomiques, 1845–1854) и тому подобные софисты, преданные делу свободной торговли, ясно видят необходимость и государственно-народные выгоды фискальных пошлин, их готовы даже защищать. Можно вообще сказать, как это ни странно звучит на первый раз, что есть в мыслях и на деле фритредерские таможенные пошлины. В мыслях фритредеров пошлины фискальные представляют удобство и государственную пользу, народ облегчают. На деле же начал фритредерства держится ныне Англия. Страна эта, имея (1888) 90 млн. фунтов стерлингов всех казенных годовых доходов, в том числе получает 20 млн. фунтов стерлингов таможенных пошлин, а это составляет 22% всего прихода. В России в 1888 году всех доходов поступило 804 млн. и в том числе 141 млн. руб. таможенных, что составляет только 18% всех доходов казначейства. Когда наши фритредеры говорят о том, что таможенные пошлины тягостны потребителям, удорожают товары, а потому должны быть отменены, и в доказательство пользы свободной торговли приводят Англию с ее богатством, силой и промышленным развитием, то они, увы, не только замалчивают прошлый протекционизм Англии, но проходят молчанием и современные таможенные доходы Англии. Однако все же Англия фритредерствует, потому что ей это выгодно, и ее пошлины собираются не с того, что она сама производит (ибо все, что производит, высылает в другие страны), а с того, что, составляя более или менее предмет роскоши и прихоти (вино, чай, табак и т. п.), представляет удобный объект косвенного обложения или вид акцизных доходов, собираемых с подданных, потребляющих ввозимые товары. Без них, рассудим просто, обойтись можно, в воле каждого, следовательно, и квакер, не желающий платить прямые налоги, может, если захочет, не платить их. Не приложимо ли это к России, в отношении к громадному большинству ее жителей, почти не нуждающихся ни в каких чужеземных товарах? Следовательно,

признавая принципиально фискальные пошлины, фритредеры поступают и нелогически или впадают во внутреннее противоречие. Ведь ни в законе, ни в его применении нельзя отличить фискальных пошлин от покровительственных, хотя их легко отличить от отсутствия пошлин, т. е. от принципиального фритредерства. Следовательно, в практике дело сводится на определение размеров пошлин на отдельные товары. Если пошлина равна нулю, то она отвечает свободной торговле, а если не равна нулю для данных товаров, то закон определяет ее размер. И в этом отношении все и всегда таможенные тарифы были и будут равны между собою, ибо часть товаров выпускается беспошлинно. Следовательно, со стороны истории и со стороны логичности, протекционизм, пошлины налагающий, — общее фритредерства. Ведь на уплачиваемых пошлинах не значится — фритредерски-фискальны они или протекционны, хотя в абстракте различие глубоко. Лично я считаю полезным фритредерство, отнесенное к известным товарам, потребным народу и не могущим заменяться своими, местными товарами; оно не только требуется выгодами, но и разумно. Притом оно совместимо с протекционизмом, касающимся других товаров, и с фискальными пошлинами, относящимися к третьим товарам. Таможенная пошлина, наложенная на товар, могущий производиться в стране, но непроизводимый, не может быть названа протекционной, а тем более вызывающей, если она низка и недостаточна для своей цели, или если она парализована иными мерами, например низким внутренним перевозочным тарифом для иностранного продукта и высоким для своего. Словом, размер таможенной пошлины или ее величина по отношению к данному товару составляют главную сущность всего таможенного дела в отношении его к развитию промышленности страны, даже до того, что снятие покровительственной пошлины на хлеб, сделанное много лет тому назад в Англии и теперь составляющее вопрос для многих государств Европы, может быть сделано вовсе не под влиянием фритредерства, а ради покровительства своим фабрикам и заводам, товары которых подорожают от дорогого хлеба. Очевидно, значит, что протекционизм, правильно понимаемый, не может быть чужд свободного входа многих товаров. Даже напротив того: правильно понимаемый протекционизм должен вести к высоким таможенным пошлинам лишь на такие товары, которые в данную эпоху жизни страны спрашиваются в ней, имеют в ней условия для развития и процветания и представляют возможность внутреннего соперничества и такого роста, при котором избытки могут сбываться иным странам. Таким образом, правильным, «толковым» тарифом должно считать только такой, в котором каждый вид и род товаров обсужден в отдельности, а не в каком-либо теоретическом абстракте — фритредеров или протекционистов. Этою точкою воззрения объясняется то обстоятельство, что главное содержание предлагаемой книги сводится на частное рассмотрение условий производства отдельных товаров. По этой же причине, рассматривая статьи русского таможенного тарифа с точки зрения развития русской промышленности, я не

стану пропускать товаров, облагаемых чисто фискальными пошлинами, тем более что торговля ими и их перевозка находятся в прямой и тесной связи со всем промышленным развитием России, ее силою и богатством, ради коих и назначаются ее пошлины.

С.-Петербург, 29 апреля 1889 г.

ГЛАВА II. ТАМОЖЕННЫЕ ТАРИФЫ РОССИИ

На моем веку много мне приходилось заседать и присутствовать при рассмотрении множества жгучих вопросов русской жизни. Но, говорю с полной уверенностью, ни разу я не видел такого собрания, как тарифная комиссия 1890 года, в котором люди с такой охотой, с полным сознанием того, что они делают, накладывали на себя, ради общего блага, столько тяготы — не на то, что они производят и продают, а на то, что они только покупают. Большинству участников не перепадет ничего, кроме лишних расходов от предлагаемых и защищаемых тарифных ставок, а многие торговцы и промышленники защищали такие ставки, которые прямо заставляли их платить сотни тысяч рублей. И притом все обходилось без той горячки и без следа того охвата предвзятой мыслью, которыми, кажется многим, только и можно объяснить забвение личных интересов. Вчерашний и даже завтрашний фритредер, и тот при разборе не абстракта, а частного вопроса, какие только и разбирались в тарифной комиссии, становился на сторону протекционизма. А тут — требовавший высокой пошлины узнавал, что и без нее ввоз мал и его увеличения не предвидится, и охотно сразу отступал, потому что видел во всем собрании полное желание послужить на пользу своей страны, не вдаваясь ни в одну крайность. Я знаю участников комиссии, которые сперва просто едва себя сдерживали, видя, что дела поворачиваются не в ту сторону, которую они считали единственно правильной, но и они, успокоившись, вдумавшись и узнав кое-что такое, чего прежде в расчет не принимали, убеждались, что в конце концов дело направляется в сторону, единственно возможную или возможно наилучшую. Сам я, войдя в дело после внимательного изучения, должен был во многих случаях переменить свое мнение, узнав много такого, что не имел сперва в виду. Но так как всякий таможенный тариф, по самой сущности этого дела, должен быть временным и будет требовать еще и еще улучшений и приспособлений, то и в тарифе, выработанном в комиссии, достигали не какого-нибудь абстракта, а только правильного направления таможенной нашей политики. И можно быть уверенным, что если впредь будут следовать тому же пути, который намечен в мерах, предложенных тарифной комиссией 1890 года, то скоро промышленный рост России, поколебленный тарифом 1868 года, возобновится и приведет к тому, что Россию признают

настолько же способной к заводско-фабричной деятельности, насколько она всеми считается способной и приноровленной к сельскохозяйственной. Но, оставляя до следующей главы соображения, относящиеся к этому предмету, я закончу теперь остальную историю последнего пересмотра тарифа.

В первых числах декабря 1890 года кончились заседания тарифной комиссии, а в последних уже пошло первое представление выработанных статей тарифа, относящихся к химической промышленности, в Государственный совет. Всего в 14 вновь составленных записках включен весь тариф. Каждая записка содержит обзор рассматриваемой промышленности, проект новых статей, статистические данные до самого последнего времени и мотивы предлагаемых изменений. Дело так представлено, что рассмотрение здесь пошло сравнительно скоро. В семи заседаниях департамента государственной экономии в апреле и начале мая разобран статья за статьей весь тариф, и в конце мая он уже прошел чрез общее собрание Государственного совета, т. е. был подготовлен к высочайшему утверждению, которое и последовало 11 июня 1891 года с тем, чтобы новый тариф начал действие с 1 июля 1891 года.

Таковы внутренний смысл и внешняя история нового тарифа. Остается только ждать его плодов. Но понять смысл статей, их отношение к жизни России и ее судьбе не так просто, как может показаться сначала. Эта книга назначается именно для того, чтобы разобраться в этом предмете тем, которые захотят и будут иметь волю и силу принять участие в предстоящем промышленном движении отечества. Тут корень не только внешнего благосостояния, как личного, так и общего, но и внутреннего благополучия, потому что истинное участие в промышленности составляет вид труда, полезного как для себя, так и для других. В этом деле сходятся альтруизм с эгоизмом, их кажущееся противоречие исчезает; и я даже думаю, что люди, ныне решающиеся посвящать свою деятельность развитию русской горной, заводской и фабричной деятельности, скорее могут быть названы альтруистами, потому что эгоистам легче обсуждать и осуждать, чем действовать, легче резать спокойные купончики, вместо того чтобы рисковать капиталом и работой, а в крайнем случае уже лучше занимать старые покойные места и положения вместо новых промышленных забот и необходимости быть среди рабочего народа. Настоящим эгоистам — без беспокойных производительных занятий — уж лучше следовать классическим образцам, для которых шаблон уж давно выбит и всюду готов.

Для того чтобы ныне действующий тариф, равно как последующее изложение и руководящие мысли этой книги, еще более уяснились, мне необходимо остановиться на формуле, господствующей у нас еще и поныне и особенно ясно выраженной Тенгоборским, по которой будто бы нам необходимо держать низкие тарифы на иностранные товары и ввозить их к себе уже для того, чтобы иметь возможность сбывать свой хлеб. Предполагается так, что иностранцы будут у нас покупать наш хлеб тем охотнее и тем больше дадут за него, чем

больше сбудут нам своих нехлебных товаров: угля, железа, машин, тканей, всяких галантерейных товаров и т. п. Факты общие и частные и соображения самых разнообразных свойств заставляют меня считать, что такая формула совершенно неверна ни с практической, ни с теоретической стороны дела. Но тут есть встреча мнений, а потому должно говорить подробнее. Для ясности поставлю положения, которые и постараюсь развить. 1) Сколько-либо развившаяся торговля между странами с различными видами преобладающих производств никогда и нигде не стремится к выравниванию вывоза со ввозом, хотя самый первичный вид торговых отношений с малоизвестными странами стремится к этому уравниванию. 2) Ввоз и вывоз данной страны или ее чисто торговый баланс, т. е. не считающий денежных и долговых обязательств, может быть выгодным и прочным как при равенстве, так и при преобладании вывоза или ввоза. 3) Сбывать свой хлеб в промен на товары, подобные каменному углю и железу, России долго нельзя, невыгодно и очень опасно. 4) Не сбывая хлеба, Россия, при развитии в ней всяких видов промышленности, будет не только иметь прочный курс al pari, но и развивать свое благосостояние равномернее, прочнее и для себя выгоднее.

В этих четырех положениях заключается часть сущности моих соображений, касающихся торгово-промышленных отношений России, а потому и ее тарифа. Вследствие этого, не вдаваясь во многие подробности, я все же разовью эти исходные положения с некоторой обстоятельностью, стараясь, однако, избегнуть абстрактов, т. е. по возможности оставаясь на почве действительности.

Годовые торговые обороты в миллионах рублей						
	1827–1831 гг.			1849–1853 гг.		
	Из России	В Россию	Баланс	Из России	В Россию	Баланс
Великобритания	28	19	+9	46	26	+20
Голландия и Бельгия	3	1	+2	7	4	+3
Франция	3	3	0	7	8	–1
Германия (с Ганзою)	6	8	–2	7	15	–8
Австрия	3	3	0	5	3	+3
Балканский полуостров	6	3	+3	6	5	+1
Италия	2	1	+1	4	3	+1
Испания и Португалия	1	4	–3	1	3	–2
Швеция, Норвегия и Дания	4	1	+3	3	2	+1
С.-А. С. Штаты	3	4	–1	2	9	–7
Все остальные	1	0	+1	5	1	+4
	60	**47**	**+13**	**93**	**78**	**+15**

1) Начну с России и с книги Тенгоборского. В конце «Etudes sur les forces productives de la Russie» (1885, т. IV, p. 468 et 474) своего обширного и капитального исследования автор делает свод средних годовых торговых оборотов России с главнейшими другими западными государствами для периодов 1827–1831 и 1849–1853 годов. Воспроизводя этот свод, мы подводим и баланс, но ограничиваемся лишь миллионами рублей, потому что большей подробности в этих числах не надобно.

Отсюда уже видно (табл. на стр. 352), что возрастание торговых оборотов двух стран может происходить или чрез единовременный рост ввоза и вывоза с сохранением баланса (например, Франция, Италия, Голландия и Бельгия и т. п.), или с его возрастанием (Англия), или с его уменьшением (Германия), т. е. определяется вовсе не торговым балансом стран, а относительным спросом в них различных товаров. Поучительно сопоставить теперь несколько данных из следующих десятилетий. Для ясности беру те же страны и в том же порядке. Данные почерпнуты из таможенных отчетов, беря случайные годы или их совокупность.

Годовые торговые обороты (по всем границам) в миллионах рублей									
	1862 г.			1872–1876 гг.			1888 г.		
	Из России	В Россию	Баланс	Из России	В Россию	Баланс	Из России	В Россию	Баланс
Великобритания	82	36	+46	134	121	+13	280	101	+179
Голландия и Бельгия	11	7	+4	27	13	+14	86	11	+75
Франция	11	11	0	33	23	+10	59	14	+45
Германия (с Ганзою)	31	41	–10	111	187	–76	183	123	+60
Австро-Венгрия	6	7	–1	24	23	+1	27	15	+12
Балканский полуостров	7	8	–1	13	27	–14	39	8	+31
Италия	3	6	–3	7	11	–4	27	7	+20
Испания и Португалия	1	3	–2	—	—	—	6	2	+4
Швеция, Норвегия и Дания	6	2	+4	14	4	+10	29	7	+22
С.-А. С. Штаты	1	1	0	1	12	–11	—	20	–20
	159	**122**	**+37**	**364**	**421**	**–57**	**736**	**308**	**+428**

Отсюда очевидно прежде всего, что в первый промежуток (от 1862-го до 1872 года) отпускная торговля России удвоилась, но тогда же увеличился ввоз, и притом с громадной убылью в выгодности баланса. Тогда торжествовали те, которые утверждали, что сбавятся пошлины и торговля увеличится вся, наш отпуск умножится, и России будет очень и очень выгодно[3]. На баланс же советовали не смотреть, потому что все богатейшие страны, с Англии начиная, ввозят более, чем вывозят (об этом скажу далее). Но опыт

следующих лет, когда стали прибавлять таможенные оклады, показал, что вывоз может удвоиться вовсе без соответственного возрастания ввоза, потому что в 1888 году ввезено много менее, чем в 1872–1876 годах, и баланс стал положительным. Это относится, в сущности, ко второму нашему положению, а по первому приведенная таблица показывает, что все государства Европы без исключения и вся их совокупность могут брать более, чем получать, в отношении к некоторой стране, например России. Англия же, Голландия, Бельгия, Швеция, Норвегия, Дания и (почти всегда) Италия все время брали, берут и будут брать больше, чем мы спрашиваем от них, потому что наши продукты иного рода, чем этих стран, и нам без ихних обойтись легче, чем им без наших. И все это понятно даже теоретически.

Но прежде чем объяснить явление, еще утвердим его хотя одним данным для другой страны. Такой способ достижения настоящей правды предписывается современными научными методами. Хоть факт и ясен из данного наблюдения, а все же для уверенности лучше его еще больше закрепить, чтобы стоял тверже, чтобы «резоны» его не шатали и не выламывали с надлежащего места, куда его ставит изучение. Резонер ведь скажет мало ли что, и воспитанная на классическом пошибе мысль соблазнится резоном, если не предвидеть хотя бы того, что уже слышится издали. У нас часто говорят и пишут, например, что наши таможенные отчеты далеки от действительности, что запись товаров по странам произвольна и условна, что одна контрабанда, таможенными отчетами не регистрируемая, извращает все, что Россия — страна особенная и т. п. Все это легковерными принимается, повторяется и, как аристотелевское понятие о том, что тяжелое тело падает скорее легкого, даже пишется в назидание и защищается без простой справки с действительностью и без самостоятельности проверяемого суждения. А потому русский пример подтвержу английским. Умножить мог бы и кучей других, но остерегусь нагружать фактами, потому что главный путь достижения должного состоит не в одном собрании фактов, а в комбинации их с выводами и соображениями, для которых и есть польза в собирании данных.

У меня под рукой свод данных Соединенного Королевства в книге, часто мною цитируемой: «The Statesman's Year-book for 1890» (by S. Keltie). Беру один 1888 год, потому что другие на него очень похожи (табл. на стр. 355).

Отрицательный баланс Великобритании, однако, не столь велик (154 млн. ф. ст.), потому что в число ввоза входят все ввезенные товары, а в число вывоза — только те, которые или добыты в королевстве, или в нем обработаны — на заводах и фабриках. В 1888 году на 64 млн. ф. ст. вывезено товаров иностранных, не переделанных в стране, а потому торговый баланс в сущности будет равен 298 – 388 = –90 млн. ф. ст. Статистические данные, которыми я располагаю, не дают распределения этого вывоза на 64 млн. ф. ст. по странам. Но хотя 90 млн. ф. ст. менее 154, однако составляют величину, близкую к сумме всего нашего вывоза и ввоза.

	Миллионы фунтов стерлингов		
	Из Англии	В Англию	Баланс
Россия	5	26	–21
Германия	16	27	–11
Франция	15	39	–24
Голландия и Бельгия	15	42	–27
Испания и Португалия	6	14	–8
Италия	6	3	+3
Австрия	1	2	–1
С.-А. С. Штаты	29	80	–51
Швеция, Норвегия, Дания	6	18	–12
Турция, Греция, Румыния	7	10	–3
	106	**261**	**–155**
Торговые обороты Велико-британии с ее колониями и владениями	84	87	–3
Оборот со всеми другими государствами всех частей света	44	40	+4
Вся торговля 1888 г.	**234**	**388**	**–154**

Как для России в 1888 году все почти отдельные балансы и общий баланс положительны, так здесь все они отрицательны. Следовательно, растет ли торговый оборот или нет, отпускает ли страна преимущественно фабрикаты или сырье, все равно равенства отдельных балансов по странам нет и к нему торговля не стремится. Но это и понятно. Покупают не там, где продают, а где дешевле, а продают не туда, откуда везут, а там, где есть спрос и цены выше. Анализируя это, легко дойти до того правильного вывода, что торговый баланс отдельных стран не стремится к уравниванию — по мере изучения страны и по мере увеличения сношений, — а наоборот. Корабль, отправляющийся в малоизвестные отдаленные края, забирает с собою товары, ими спрашиваемые и, конечно по возможности, дешевые; выменивает их на продукты страны и ценит эти продукты сообразно с ценой сбытых им товаров, но, конечно, насчитывая свои барыши. Оттого видим, что торговля Англии со всеми странами, кроме особо перечисленных, представляет почти равенство цен ввоза (40. млн ф. ст.) и вывоза (44 млн. ф. ст.), а в частных примерах это еще виднее: например, с Явы Англия привозит почти на 3 млн. ф. ст., а отправляет туда на 1 ½ мл.н ф. ст.; в Перу отправляет на 1 млн. ф. ст., а получает оттуда на 2 млн. ф. ст. Очень часто будет и обратное явление, но и тогда выгоды предпринимателя и страны могут оставаться теми же, только фрахтовые расходы падут больше на привозные товары, чем в том случае, когда вывоз компенсируется ввозом. Купцу все равно, где и на чем ни заработать: на ввозе или на вывозе, а потому он отправит в

страну и пустой корабль (с балластом), если может купить так дешево груз кораблю, что, придя домой, этот груз продастся с оплатою фрахта в оба конца. И обратно он готов уйти пустым, если сбудет привезенный товар так выгодно, что фрахт в оба конца оплатится. И чем торговля развитее между странами, чем страны ближе друг к другу, чем больше дело касается перевозки товаров дешевых и особо надобных странам, например хлеба, угля, соли, керосина и т. п., тем указанный случай встречается чаще. Он будет все чаще и чаще повторяться в дальнейшем будущем, по мере развития специальных производств. Так, например, для перевозки угля, для нефти, хлеба и т. п. выгоднее всего особо приноравливать корабли, назначать их для перевозки лишь в один конец. Это результат специализации, разделения труда, и ведет это не к убыткам, а к особым выгодам, потому что все приноравливается к должному предмету торговли — от матроса до трюма. И чем шире торговля, тем случаи неравенства веса и цены груза должны встречаться чаще. Самую крупную торговлю ныне мы имеем с Германией. Вес всех приходящих из нее в Россию товаров (по германским отчетам) в 1888 году — около ½ млн. т (483 747 т нетто; каждая тонна около 61 пуда), а из России вывозится в Германию более 3 млн. т (3 022 312 т), а цены вывоза и ввоза также далеко не одинаковы, как выше видели. То же самое, например, в отношении Англии к Северо-Американским Соединенным Штатам: из них ввозится на 80 млн. ф. ст., а отправляется только на 29.

2) Если же отдельные торговые балансы стран не стремятся к уравниванию, а напротив того, по мере развития торговли и промышленности, стремятся к неравенству, то очевидно, что то же должно относиться и к общей сумме торговых балансов как по весу (числу кораблей или вагонов), так и по стоимости. Этот логический или арифметический вывод подтверждается и числами, ранее сего приведенными, в виде суммы балансов отдельных стран. Так, для России за последнее время и цена, и вес вывоза много превосходят ввозные, а для Англии хотя масса вывоза больше массы ввоза (часть кораблей приходит пустыми, много лишних уходит с углем), но ценность ввоза больше цены вывоза. В таком же неравенстве торговых балансов (по весу, объему и цене) находятся и все прочие страны. Да иначе, судя по предшествующему, и быть не может. Если есть страны с постоянным отрицательным балансом, то должны быть страны и с постоянным положительным балансом. Постоянный отрицательный (т. е. такой, при котором ввоз более вывоза) баланс Англии, зависящий от того, что она накопила капиталы и ввозит к себе проценты на них, уплачиваемые за ввозные излишки, этот отрицательный[4] английский баланс существует и может компенсироваться возрастанием положительного русского баланса. Этот последний выгоден для нас, потому что у нас еще много платежей за границу за старые долги. И отрицательный баланс Англии ей выгоден — пока не превзойдет известной меры ее капитальных богатств. Нам приходится платить

деньгами, а вместо этого мы можем платить продуктами или своей земли, или своего горного дела (например, углем, рудами, железом, нефтью или керосином и т. п.), и это ясно выгодно для нас. Англии же приходится получать деньгами, а она получает товарами, что и ей небезвыгодно. Но нам перейти в английское положение — значит разоряться, и англичанам в наше — тоже разорение, потому что денег тогда там накопилось бы так много, что все бы страшно подорожало.

Здесь является один вопрос, без разрешения которого дело осталось бы темным и в своей темноте давало бы возможность ложным толкованиям. А именно спрашивается: может ли такое положение вещей быть длительным? Не станет ли беднеть страна, платящая за ввозимое дороже, чем за отправляемое, и не будет ли богатеть и пересиливать страна с выгодным для нее балансом? Не ведут ли вышеупомянутые неравенства к опасностям? Ответы даются разные, всего рассматривать мне не приходится по духу моей книги, но приведу свои ответы и их объяснения. Прежде всего должно ясно видеть следующее: вывозимый товар в своей цене не содержит перевозки, а привозимый содержит ее и еще торговую надбавку (страховую премию, учетный процент и проч.), а потому если бы вообразили даже идеальный случай действительного равенства торгового баланса, то и тогда бы из отчетов таможен о нем нельзя было бы получить прямого понятия. Страна, занимающаяся перевозкой, тем более выигрывает при данном балансе, чем дешевле перевозимые товары, что я подробнее разберу в одной из следующих глав, когда буду говорить о морских судах. Если цену вывозимого увеличить на всю ценность перевозки или как иначе (например, отнеся цены к некоторой промежуточной точке) уравнять ввозимое и вывозимое, все же баланс не будет нулевым не только потому, что цены изменяются по времени (например, во время фрахта от Одессы до Лондона цена хлеба может очень сильно измениться), но, главное, потому, что, кроме товаров, в торговом балансе означаемых, есть множество ценностей, переходящих из стран в страны, помимо таможенной регистрации и оценки. На первом месте здесь стоят деньги всякого рода. Известно уже, что запись ввоза и вывоза золота и серебра не может быть полной, а потому ее многие таможни вовсе уже перестали делать. Пересылаемые деньги должны быть считаемы как товар. Но — если ввоз и вывоз поправить и в этом отношении — все же равенства не будет по той причине, во-первых, что баланс относится к определенному сроку времени (в момент заключения баланса могут быть не произведены уплаты), а во-вторых, потому, что есть множество передач, совершенно не возмещаемых реальными ценностями. Так, государство или частное лицо может ныне занять, а через двадцать лет выплатить занятое; так, сын, друг или просто почитатель певицы может переслать ценность в виде денег или товара — без всякого вознаграждения, чем-либо могущего выражаться в балансе.

Над всем этим еще высится вопрос о цене и оценке. Вещество не пропадает, но оно из твердой формы легко и часто «портится», например переходит в трудно учитываемый, все страны омывающий атмосферный воздух, следовательно, на взгляд (или балансовый учет) и оно теряется, а потому и ценность имеет все шансы пропадать, ничем не вознаграждаясь. Корабль тонет, товар горит, хлеб способен гнить, всякая ценность назначается человеком и им вольно или невольно может создаваться или пропадать, исчезая для балансного учета. Счет «прибылей и убытков» еще не существует в торговых балансах. Отсюда уже следует, что страна с положительным или отрицательным торговым балансом одинаково может богатеть или беднеть, как бы продолжителен ни был для нее тот и другой вид баланса, даже исправленного на всю сумму денежного обращения между странами. Чтобы это стало очевидным, вообразим, подобно Тюнену (Das isolierte Staat, 1826), некоторую линию на земной поверхности от края в край материка и сочтем то, что проходит через эту линию в обе стороны, назвав их правой и левой. Пусть правая только высылает товары, от левой их не получая. Это не будет значить, что которая-нибудь из них богатеет, а другая беднеет. На правой могут быть дети, посылающие отцам, и отцы все посылаемое могут скушать, изводить в ничто, обесценивать, следовательно, богатеть не станут. Правым тоже от этого отношения, взятого само по себе, богатеть нельзя. Ценность если способна пропадать, то, значит, способна и создаваться. Налево от черты она пропадает, направо она создается. Налево живут на счет правых. И у правых, если они способны создавать ценности, есть все условия для того, чтобы независимо благоденствовать. Но может быть и иное, если правые отправляют то, что не возобновимо по воле или истощимо, как плодородие почвы или леса, надобные для того, чтобы страна не превратилась в пустыню. И если левые получаемое не изводят, а применяют для получения еще более широких условий жизни, тогда все выгоды прочного благоденствия будут на стороне левых. А потому все дело развития народной жизни вовсе не в том или ином балансе, не в том, что люди получают извне, а в том, как они трудятся над тем, что есть у них самих, хотя бы это было получено справа или взято из природы того места, где находятся люди. Богатеет страна или беднеет — зависит исключительно от ее отношения к тому, что она получает от труда над получаемым из своей ли природы или от иных стран. Но если человечество разделилось на государства с очертившимися границами, то данное государство будет сравнительно с другими богатеть тем скорее и очевиднее, чем оно больше разовьет в себе условий для трудолюбия. Можно было бы согласиться уничтожить деньги и многие другие людьми созданные отношения, если бы кто-нибудь изобрел средство увеличивать труд, т. е. произведение полезностей, без всяких условий для выражения относительного значения и самого количества потребляемого[5]. Странам и

государствам вовсе не важно, прибывает ли в них золото или нет, а очень важно, прибывает ли трудолюбие и добыча полезностей из природы. Пусть направо от черты много золота, но все — от хлеба и жилья до книги, труда и лекарства — дорого, а налево золота очень мало, но все дешево, производимое прямо от природы трудом, народу ставшим привычкою; пусть направо и налево балансы будут какие угодно, все же в условиях жизни и благоденствия ее разность будет зависеть совершенно от других условий, чем баланс. Словом, всякий вид (+ или –) неравенства торгового баланса не имеет никакого существенного значения для государства. Англия переплачивает за привозимые товары противу отпускаемых, но переплата эта идет своим же кораблям, доставляющим товары, и Англия получает на свои капиталы со всех стран много выгод, не входящих в торговые балансы. Россия, получая больше за вывозимое, чем платит за ввозимый товар, от этого не выигрывает, если отправляемое есть ей надобный хлеб, если денежный ее избыток уходит на уплату процентов или если увеличившиеся деньги не распределяются за увеличенный производительный труд, а идут на увеличенное проедание или возвращаются с заезжими танцовщицами или певицами. Словом, не в торговом балансе дело, а в развитии труда. Баланс имеет свое важное значение для курса денег, для направления финансовой правительственной деятельности и для банкирских дел, которые по существу своему не относятся к предмету, нами обсуждаемому, а потому я остерегусь вдаваться в дальнейшее его рассмотрение, считая сказанное достаточным для разбираемого предмета.

3) Россия продает не избытки своего хлеба, а хлеб, ей надобный и могущий в ней найти свое применение и свое потребление. 220 млн. пудов ржи и пшеницы, вывозимых Россией, составляют в день менее $^1/_4$ фунта на каждого русского, а всякий знает, что прибавка хлебной пищи в гораздо большем количестве была бы нелишней для громадной массы русского народа. Но не в этом одном дело. Для добычи хлебного экспорта распахивается все, что можно, хозяйство не улучшается, а только расширяется, а тут кроется важная опасность будущего времени, потому что народ прибывает, и ему надобно все более и более хлеба. Когда все распашется — или надо будет выселяться, или необходимо остановить размножение, или прекратить вывоз хлеба. Притом и чернозем не имеет бесконечной силы для производства хлеба, и он от 40–50 хороших жатв истощается. Словом, без ущерба стране впереди нельзя повторять того хлебного экспорта, который теперь делается. Надежда улучшить хозяйства, увеличить их интенсивность и урожайность неосуществима без заводов и фабрик, доставляющих не только удобрения и всякие снаряды, надобные в улучшенном хозяйстве, но доставляющих и спрос тем корнеплодам, без которых улучшение земледельческого хозяйства опять-таки немыслимо. А так как вывоз хлеба идет взамен ввоза угля, железа, машин, тканей и тому подобных изделий, могущих

доставляться самою Россией, и так как переход от занятий, привычных русским людям, к делам иного рода не может быть скорым и непременно должен быть предвиден, то спрашивается: когда же будет время начинать то, что непременно необходимо начать? Откладывая в долгий ящик необходимое, всякий рискует, а тут дело касается всей страны. Вообразим, что с хлебным вывозом и с низкими пошлинами на привозные товары мы теперь будем обходиться, но хлебный вывоз непременно когда-нибудь должен сократиться, что же тогда-то будет? И не настало ли это время уже теперь и даже раньше сего? Словом: хлебный вывоз непрочен сам по себе, и опасно на основании его отказываться от возможности усложнения производительности страны развитием в ней переработки других ее ресурсов, ныне получаемых из чужих краев. Опасность увеличивается еще и множеством случайностей. Не говоря о войнах, достаточно сказать о неурожаях и о соперничестве теплых стран, производящих более дешевый хлеб. Сверх всего этого, России, как стране континентальной, далекой от морей, нельзя ни дешево вывозить свой хлеб, ни дешево получать иностранные товары, а всего более отвечает такой порядок промышленности, когда рядом с заводами и фабриками будет и хлебопашество, кормящее производителей того, что надобно для страны, кроме хлеба. Не говоря ни о чем другом, прогоны останутся в экономии. А они очень велики. Допустим, что средний пробег хлебу, вывозимому к портам, и товарам, в них ввозимым, равен всего 1000 верст и что за это по воде и по железным дорогам платится с пуда всего 10 коп. Тогда на 600 млн. пудов вывоза и на 200 млн. пудов ввоза (среднее за пять лет, 1884–1888 годы) на одном прогоне пропадает непроизводительно около 80 млн. руб. ежегодно, если обосновать дело так, чтобы хлеб вывозился за границу, а оттуда поступали другие товары. В одном этом уже есть свой важный расчет сравнительно с тем порядком, когда свой хлеб пойдет на свои же фабрики и заводы. Вообще же односторонность всякого рода, даже и хлебная, опасна для страны. Ее развитие, как рост организма, требует уже усложнения потребностей и усложнения производительности, потому что опасно при усложнении потребностей не давать им, по крайней мере, главного удовлетворения внутри самой страны. И здесь я считаю необходимым кончить развитие и защиту своего третьего положения, потому что и оно может отвлечь в сторону.

4) Но не значит ли все предшествующее, что рекомендуется по-китайски «довлеть» России собою? Не значит ли это — отказаться от участия во всемирной торговле? Ничуть. Предшествующее значит только, что следует переменить фронт действия, приумножая сельские промыслы горными, заводскими и фабричными. В этих последних, зачатых сперва для удовлетворения своих внутренних, уже существующих потребностей, найдется множество таких, которые не только ответят этому спросу, но и быстро перерастут его. Тогда, во-первых, продукты эти подешевеют в России, а во-

Мне не дожить до этого, но слова эти рано или поздно оправдаться должны.

Итак (возвращаюсь к исходу этой побочной вставки, стр. 250), господствующее у нас мнение, Тенгоборским ясно выраженное, о пользе низких тарифов для того, чтобы иметь сбыт русскому хлебу, не только неосновательно, т. е. построено на посылке, справедливой лишь для торговли, едва начинающейся в отдаленной стране, за какую нельзя считать нашу страну, но и прямо вредно для России, потому что не позволяет ей заменить свой маловыгодный (как будет подробнее показано в гл. 3) хлебный отпуск более выгодным отпуском других товаров, которые равномерно, без скачков и «страды», могут идти из России за границу. Распространение вышеупомянутого ложного и пагубного мнения столь велико, что я считал своим долгом остановиться на нем, излагая историю русского тарифа. Но не в этих общих соображениях и крупных цифрах я надеюсь найти главные опорные пункты для внушения иных исходных мыслей, а в рассмотрении отдельных частностей, к чему и приступаю, начиная с хлебных товаров, поставленных во главу русского тарифа. Разбирая хлебную, угольную, железную и другие потребности русского и других народов, я буду часто показывать, что́ на место хлеба может и будет отпускать от себя Россия, вступив в семью европейских народов, извлекающих полезности из всего доступного при помощи усиленного труда. Не деньги, всем векам известные, а созидающий и природу покоряющий усиленный и всеобщий труд составляет истинный девиз современного просвещенного мира. Из рабского дела он стал вольным, из злой необходимости стал чистым, любимым и всепобеждающим делом просвещенных людей. [...] Меркантилисты кланялись из людских дел золотому тельцу, а ныне если пред чем людским преклоняется весь современный мир, свободно и сознательно покоряющийся божьим или естественным законам, то разве одному созидающему и всепокоряющему труду. Время златого тельца прошло, оно и не воротится, потому что вся сила, бесспорно, не в нем, а в труде; золото же должно спуститься на роль средства, и притом такого, которое всюду с успехом прячется в кладовые, заменяясь кредитом или доверием, а оно стремится лишь туда, где труд господствует, где он стал делом чистым и желанным, а не достоянием рабов или злою обязанностью бедняков. Полное торжество труда над золотом еще не наступило, но уже близко и видимо из того, что сила и богатство устремляются туда, где трудолюбие стало добродетелью, где ему отдаются лучшие люди и где перестали доверять одному бряцанию мечей, золота и слов.

Протекционизм и фритредерство, земледельцы и заводчики сходятся в том, что пришло время дать честь и место труду, понимаемому не как простое дело «рабочих», а как всеобъемлющее дело производства полезностей, начиная от семейных и хозяйских до государственных и общечеловеческих. При этом труд все более и яснее специализируется, потому что таким путем

он становится наиболее производительным. Тут Адам Смит разобрал дело в корнях. А при специализации труда посредники неизбежны. Думающие обойти их ошибаются или бьют в пустоту, как те, которые ворчат на деньги. Задача сводится на определение того, кому же быть посредниками или при какой организации посредничества достигается наилучшее «распределение». Растущее, очевидно, должно усложняться. Но сложное решаемо и разрешится. Люди, научившиеся дифференцировать или видеть дело в его бесконечно малых составных долях, начинают постигать и сложение их в конкретные, конечные величины, т. е. научаются интегрировать, сперва над случаями простыми и легкими, а потом, понемногу, и для случаев сложных, на первый взгляд кажущихся просто неразрешимыми. Анализ есть неизбежный предшественник синтеза. Эпоха одного чистого анализа постепенно переходит в эпоху, усложненную синтезом; из облаков, бесконечно малыми величинами образованных, происходит и слагается реальный, плодотворный и конечный дождь, необходимый жаждущей почве, испарения которой и дали облака. Как при интегрировании прибавляется постоянное, так при синтезе жизни, вытекающей из ее анализа, приложится история как неизменное постоянное, и через это все предстоящее незаметно сольется в гармоническую эволюцию с прошлым и современным. Не предвзятый оптимизм, а сознательное отношение к жизни заставляет верить и говорить столь оптимистически.

Май 1891 г

Примечания

Фридрих Лист
Национальная система политической экономии

[1]*Фр. Лист говорит здесь о времени управления русскими финансами графа Канкрина. Прим. К. В. Тр–ва.*

[2]*Не было ли бы благоразумнее принудить рабовладельческие штаты издать сначала законы, по которым землевладельцы обязаны были бы уступить рабам в собственность известную часть земли в той самой местности, которую они обрабатывают, предоставить им известную степень и личной свободы, одним словом, ввести снисходительное крепостное состояние с надеждою на будущее освобождение и таким образом подготовить и воспитать негров к полной свободе? Были ли негры у рабовладельцев в Африке менее невольниками, нежели в плантациях американцев? Возможен ли бы был переход от естественной свободы к цивилизованной без того, чтобы дикий народ прошел школу строгого повиновения? Разве возможно было парламентскими актами внезапно создать из негров Вест-Индии свободных рабочих? Разве не тем же самым путем весь род человеческий приучался к труду и свободе? Англичанам, конечно, не настолько незнакома история человеческой культуры, чтобы они давно уже не разрешили для себя удовлетворительно все эти вопросы. Очевидно, то, что ими сделано уже и что делается в настоящее время относительно освобождения от рабства негров, обусловливается, как это покажем в другом месте, совершенно другими, а не филантропическими мотивами.*

[3]*Известно, что открытые тогда переговоры между Англией и Францией о заключении торгового трактата остались без последствий. Прим. К. В. Тр–ва.*

[4]*Читатель, который бы пожелал вывести из этой системы Листа известное заключение, найдет для этого лучший материал, когда познакомится со следующими отделами этой книги, где принципы, которые создали эту систему, получили наибольшее развитие. Прим. К. В. Тр–ва.*

[5]*De e'Ecluse, Florense et ses vicissitudes и т. д., p. 23, 26, 32, 103, 213.*

[6]*Pechio, Histoire de e'Economie politique en Italie.*

[7]*Амальфи во время своего расцвета насчитывал 50 тыс. жителей. Флавио Гиойа, изобретатель компаса, был гражданином этого города. При разграблении Амальфи пизанцами (1135-й или 1137 год) была найдена та древняя книга, которая оказалась затем столь гибельной для свободы и энергии Германии, — Пандекты.*

[8]*Сокрушил торговлю и промышленность Италии Карл V, точно так же, как он это сделал в Нидерландах и в Испании. К его времени относится возникновение жалованного дворянства и идеи, что для дворянства предосудительны занятия торговлей и промыслами, — идеи, оказавшей гибельное*

влияние на национальную промышленность. Прежде господствовало противоположное убеждение; Медичисы продолжали вести торговлю даже после того, как сделались суверенами.

[9]Quand les nobles, au lieu de verser leur sand pour la patrie, au lieu d'illustrer l'Otat par des victoires et de l'agrandir par des conquêtes, n' eurent plus qu'à jouir des honneurs et à se partager des impôts, ou dut se demender pourquoi il avait huit ou neuf cents habitants de Venise, qui se disaient propriétaires de toute la republique. Daru, Histoire de Venise. Vol. IV, p. XVIII.

[10]Montesquieu, Esprit des lois, p. 192.

[11]Народный шарлатан Марко Бризодино, выдававший себя за человека, обладавшего искусством делать золото, был принят аристократией за спасителя. Daru, Histoire de Venise. Vol. III, p. XIX.

[12]Венеция, как позднее Голландия и Англия, пользовалась всяким случаем для привлечения к себе разных отраслей искусств и капиталов. Так же из Лукки, где уже в XIII столетии стояли на высокой степени бархатное и парчовое производства, значительное число этих фабрикантов вследствие притеснений со стороны тирана Кастручио Кострикани перешло в Венецию. Sandu, Histoire de Venise. Vol. I, p. 247–256.

[13]Sismondi, Histoire des républiques italiennes. P. I, p. 285.

[14]Espris des lois. Liv. XX, ch. XII.

[15]Anderson, Origin of commerce. Part. 1, p. 46.

[16]Weath of Nations, book IV, ch. 2.

[17]Hume, Geschichte von England. IV. Theil. Cap. XXI, p. 330.

[18]Доходы английских королей в эту эпоху были значительнее с отпускных товаров, нежели с привозных. Свобода отпуска и ограничение ввоза, в особенности обработанных произведений, предполагает уже известное развитие промышленности и просвещенную государственную администрацию. Правительства и народы Севера стояли в то время на той же примерно ступени культуры и государственных знаний, на какой в наши дни находится Высокая Порта. Известно, что султан недавно заключил торговые договоры, на основании которых он обязался облагать при вывозе сырые материалы и фабрикаты не выше 14%, при ввозе же — не выше 5%. Там, следовательно, является в полном расцвете таможенная система, которая главным образом имеет в виду государственные доходы. Государственные люди и писатели, следующие такой системе или защищающие ее, должны поэтому отправиться в Турцию, где они будут стоять на высоте эпохи.

[19]Эстерлингами, или восточными купцами, назывались тогда ганзейцы в противоположность западным, или бельгийцам и голландцам; отсюда также слово «стерлинг», или «фунт стерлингов», — сокращение слова «Эстерлинг», так как все обращавшиеся в то время в Англии деньги были ганзейскими.

[20]Hume, Geschichte von England. Cap. XXXV.

[21]*Sartorius, Geschichte des Hansa.*

[22]*11. Edward III, ch. V.*

[23]*Rymer's Foed, p. 496 de Witte, Interest of Holland, p. 45.*

[24]*Hume, History of England, ch. XXV.*

[25]*Hume, ch. XXVI.*

[26]*Hume, ch. XXXV.*

[27]*Hume, ch. XXVII. Heylen, p. 180. Hayward, p. 224.*

[28]*Lives et the Admirals. Vol. I, p. 410.*

[29]*«Позволительно учиться и у врагов». Anderson. Vol. II, p. 385.*

[30]*Smith, Weatth of Nations. H. III. ch. II.*

[31]*Искусственные пути сообщения и железные дороги нового времени значительно изменяют это правило.*

[32]*В последнее время уверяют, что выгоды голландцев, помимо урегулирования рыбных промыслов, зависят от того, что они для бочонков, в которых закупориваются и перевозятся сельди, употребляют еловое дерево.*

[33]*Hume, vol. II, p. 143.*

[34]*Запрещение вывоза шерсти и ограничение торговли шерстью на прибережье для того, чтобы помешать ее вывозу, были мерами стеснительными и несправедливыми, тем не менее они оказали сильное влияние на поднятие английской промышленности и падение французской.*

[35]*Hume 1603 г. — Macpherson, Historie du commerce, 1651 г.*

[36]*Anderson, Jahrgang. 1564.*

[37]*Anderson, Jahrgang. 1685.*

[38]*Ustaritz. Théorie du commerce, гл. 28. Ясно, что Георг I вовсе не желал покупать и привозить только золото, что выставляют основным принципом так называемой меркантильной системы и что, во всяком случае, является бессмыслицей; но он желал вывозить мануфактурные изделия и ввозить сырые материалы.*

[39]*Hume, m. V, p. 39.*

[40]*Anderson, beim Jahrgang 1721.*

[41]*Priestley, lectures on history and general policy. P. II. p. 289.*

[42]*Англия в 1849 году приняла именно эту политику, хотя применяла ее с известной постепенностью. Прим. К. В. Тр–ва.*

[43]*Адам Смит говорит безопасность или обеспеченность государства, а не могущество. Прим. К. В. Тр–ва.*

[44]*Мы заимствуем эти и следующие цифры, касающиеся Англии, из сочинения известного английского статистика Мак-Кинга, помещенные в Tait's Edinburgh Magazine, июль 1839 г. Возможно, что они преувеличены. Возможен, однако, и тот случай, и это более чем вероятно, что в течение настоящего столетия они окажутся верными.*

[45]*Эта сумма возросла до огромных размеров с развитием железных дорог. Еще в 1848 году стоимость всех железных дорог, построенных с разрешения парламента, простиралась до 6 млрд. франков. Прим. К. В. Тр–ва.*

[46]*Взгляд Листа на форму государственного управления для того или другого государства высказан им в предисловии к этому сочинению: «Иная, — говорит он, — чем конституционно-монархическая, форма правления принесла бы Германии не менее бедствий, чем монархическая Соединенным Штатам или конституционная России. Та форма правления должна быть признана наилучшей, которая более всего соответствует гению и состоянию нации и в особенности той степени культуры, на которой она стоит». Прим. К. В. Тр–ва.*

[47]*Государственный долг Англии не был бы таким злом, каким он кажется нам в настоящее время, если бы английская аристократия согласилась, чтобы он своей тяжестью упал на тех, кому послужили в пользу военные издержки, т. е. на богатых. Согласно Мак-Кингу, капитал трех королевств достигает 4 млрд. фунтов стерлингов (100 млрд. франков), а Мартин полагает размер капиталов, сосредоточенных в колониях, равным приблизительно 2 млрд. 600 млн. фунтов стерлингов (60 млрд. франков). Отсюда следует, что девятая часть капиталов, принадлежащих частным лицам, в состоянии была бы покрыть весь государственный долг. Ничего не было бы справедливее подобного погашения долга или, по крайней мере, того, чтобы проценты по государственным займам покрывались подоходным налогом. Но английская аристократия находит, однако, более удобным покрывать их налогом на предметы потребления, вследствие чего существование рабочих классов доведено до невозможного положения. Прим. автора.*

Известно, что Роберт Пил в 1842 году заставил принять закон о налоге с доходов — первое условие его известных реформ. Прим. К. В. Тр–ва.

[48]*Изречение Ричарда Арквригта, что доход, получаемый с одних только хлопчатобумажных мануфактур Англии, покроет весь ее государственный долг, сделалось народной поговоркой. Прим. К. В. Тр–ва.*

[49]*Anderson. Vol. 1, p. 126. — Vol. 2, p. 350.*

[50]*M. G. Simon. Recucil d'observations sur l'Angleterre. Mémoires et considirations sur le commerce et les finances d'Espagne. Ustaritz. Théovie et pratiqne du commerce.*

[51]*Chaptal, De l'industrie francaise. Vol. II, p. 245.*

[52]*Главный предмет вывоза португальцев из Средней и Южной Америки заключался в благородных металлах. С 1748-го по 1753 год ежегодно их вывозилось на 18 млн. пиастров. См. Humboldt Essai politique sur le royanme de la nouvelle Espagne. Vol. 2, p. 650. Торговля как с этими странами, так и с Западной Индией стала особенно значительной благодаря разведению сахарных, кофейных и хлопковых плантаций.*

[53]*British Merchant. Vol. III, p. 69.*

[54]*Ibid, p. 71.*

[55]*British Merchant. Vol. III, p. 76.*

[56]*Anderson. Vol. III, p. 67.*

[57]*British Merchant. Vol. III, p. 267.*

[58]*British Merchant. Vol. III, p. 15, 20, 33, 38, 110, 253, 254.*

[59]*Anderson, beim Jahrgang 1703.*

[60]*Machpherson, Annals of Commerce, 1771 и 1774. — Особенно выгодное влияние на развитие испанских фабрик имело ограничение ввоза иностранных фабрикатов. Прежде Испания $^{19}/_{20}$ своей потребности в фабричных изделиях удовлетворяла привозом их из Англии. Brougham, Inquiry into the colonial policy of the European powers. Ч. I, p. 241.*

[61]*Ustaritz. Théorie du commerce. Ulloa. Rétablissement des manufactures d'Espagne.*

[62]*Eloge de Jean Baptiste Colbert par Necker 1773. oeuvres complètes. Vol. 15.*

[63]*См. сочинение Кенэ: Physiocratie ou du gouvernement le plus aventageux au genre humain, 1768. Note 5 sur le maxime VIII, где все возражения против Кольбера и суд над ним произведены Кенэ на двух страницах, между тем как Некер посвящает сто страниц разъяснению его системы и его мер. Не знаем, чему больше удивляться, невежеству ли Кенэ в предметах, касающихся промышленности, истории и финансов, или смелости, с которой он, не приводя никаких доказательств, бросает обвинение в лицо такого человека, как Кольбер. Притом же этот невежественный мечтатель ни разу не был постоянно чистосердечен, чтобы хоть упомянуть об изгнании гугенотов; он не поцеремонился даже, в противность всякой справедливости, утверждать, что Кольбер посредством полицейских стеснений препятствовал торговле хлебом между провинциями.*

[64]*Трактат этот существовал до войны с Англией. Прим. К. В. Тр–ва.*

[65]*Известно, однако, что по приказанию Наполеона, когда он властвовал в Италии, на его счет издано было собрание сочинений итальянских экономистов в количестве пятидесяти томов; следовательно, про Наполеона никак нельзя сказать, что он не был знаком с политической экономией. Прим. К. В. Тр–ва.*

[66]*Высокообразованный американский оратор г. Бальдвин, впоследствии состоявший во главе судебных учреждений в Соединенных Штатах, удивительно остроумно определил характер системы свободной торговли Каннинга и Гускиссона, сказав, что «она то же, что большая часть английских мануфактурных изделий, которые вырабатываются гораздо менее для внутреннего потребления, нежели для вывоза за границу».*

Не знаем, нужно ли радоваться или плакать, когда припомнишь, с каким энтузиазмом либералы Франции и Германии, в особенности же приверженцы космополитических доктрин и между ними Ж. Б. Сэй, приветствовали возвещенную реформу Каннинга и Гускиссона. Это было торжество, как будто исполнилось тысячелетие государства. Послушаем, что говорит биограф Каннинга о мнениях этого министра по вопросу о свободе торговли:

«Каннинг был вполне убежден в истине отвлеченного принципа, что торговля преуспевает тем более, чем менее она подвергается стеснениям; но

так как подобного мнения не держались ни наши предки, ни нации, нас окружающие, и так как вследствие этого ограничения применялись ко всяким коммерческим операциям, то отсюда следовало такое положение вещей, необдуманное применение к которому отвлеченной доктрины, как бы ни казалась она истинной в теории, может иметь гибельные последствия». (Vie politique de M. Canning, par M. Stapleton).

В 1828 году эта английская практика снова проявилась с такой очевидностью, что либеральный г. Гум в парламенте без стеснения говорил о задушении фабрик на континенте.

[67]*Dupin. Forces productives de la France.*

[68]*Эта система должна была оказывать различное действие во Франции и Германии, так как Германия была большей частью устранена с французских рынков, между тем как немецкие рынки были открыты для французской промышленности.*

[69]*«Можно рискнуть потерять на вывозе английских товаров для того, чтобы в колыбели задушить континентальные фабрики». Report of the committee of commerce and manufactures to the House of Representatives of the Congress of the United States Febr. 13. 1816.*

[70]*Cours d'économie politique ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. p. Henri Storch. Этот курс политической экономии, изданный в 1815 году, был прочитан Шторхом великим князьям Николаю и Михаилу Николаевичам. Прим. К. В. Тр–ва.*

[71]*Данные, заключающиеся в этой главе, могут быть дополнены следующими историческими сведениями.*

В своих записках императрица Екатерина II, при вступлении своем на престол в 1762 году, говорит, между прочим, следующее о промышленности и торговле России: «Почти все отрасли торговли были отданы частным лицам в монополию. Таможни всей империи даны были в откуп за два миллиона».*

*Согласно финансовому плану Сперанского**, приведенному в исполнение 17 августа 1810 года, таможенные дела перешли в ведение министерства финансов из упраздненного министерства коммерции, равно дела по внешней торговле, по транзитной торговле, вообще балансы привозной и вывозной торговли, тарифные изменения и, наконец, все дела прежней коммерц-коллегии; в то же время дела по торговле, промышленности и земледелию, главное управление мануфактур и все относящиеся к внутренней торговле отошли в ведение министерства внутренних дел.*

В наказе министерству финансов сказано: «Во всех министерствах, особливо же в тех, коих предметом есть государственное хозяйство и общая

**Сборн. Имп. Рус. Ист. Общества. Т. XXVIII. «Финансовые документы царствования Екатерины II», А. Куломзина.*

***Корф. «Жизнь графа Сперанского».*

промышленность, должно наблюдать, чтобы мерами излишнего надзора и многосложностью правил не стеснить частной предприимчивости. Истинные способы сего управления должны состоять более в отвращении препятствий, нежели в точном и понудительном предписании путей, коими должна шествовать промышленность. Здесь, скорее, найти и указать их может частная польза, нежели закон» (ст. 225)[*].

19 декабря 1810 года издан был манифест о новом таможенном тарифе. Тариф этот был принят вследствие исключительных обстоятельств и не столько по видам торговым, сколько по видам политическим, вследствие принятого правительством обязательства примкнуть к так называемой континентальной системе, введенной Наполеоном I на материке Европы и исключавшей привоз всяких товаров и произведений английского и колониального производств. Но тем не менее благодаря Сперанскому тариф дал сильный толчок русской фабричной промышленности и возбудил надежды на возможность конкуренции русских производств с заграничными. Англия, прежде требовавшая более других стран сырых материалов, должна была прекратить этот спрос, а такой внезапный поворот в торговле не мог не отразиться на всех промышленных операциях и государственном кредите.

До введения нового тарифа вексельный курс пришел в совершенный упадок, и публика приписывала это падение исключительно общему ходу политических событий и новым финансовым операциям. Но Сперанский хорошо понимал, что причина зла кроется в невыгодной торговле и балансе, и, чтобы улучшить таковой, он прибегнул к двум важным средствам: 1) к возможно большему сокращению привоза иностранных товаров и 2) к возможно большему облегчению вывоза русских произведений. На этих основаниях была построена новая система тарифа, облегчавшая доступ в Россию более необходимых произведений, облагавшая более высокой пошлиной менее необходимые и даже запрещавшая совсем ненужные (предметы роскоши). С другой стороны, в такой же — но только в обратном отношении — постепенности были распределены вывозы, и ввиду недостатка русских судов признано было необходимым по возможности облегчить доступ нейтральным кораблям. Все эти предположения были утверждены государственным советом на один год (1811), а потом распространены еще на год (1812). По свидетельству современников, введение тарифа 1810 года было единственной мерой, которая не вызвала ни от кого нареканий. «Открыв снова северные порты для колониальных товаров, дав исток нашим произведениям, наконец, поразив запрещением лишь одни предметы высшей роскоши, от которых многие у нас, при общей уже тогда ненависти ко всему французскому, и сами охотно отказывались, положение 1810 года явилось в то время мерой попу-

---

[*] *Полн. собр. законов, № 23688.*

лярной», — замечает граф Корф[*]*. В глазах русских это было первым заявлением независимости со стороны правительства относительно Наполеона, послужившим потом одним из предлогов к войне. Наполеон увидел в этом акт нарушения союза, расположение к Англии и подрыв французской торговли. Между тем более двухсот английских судов под тенерифским флагом вошли в русские порты и на первых же порах оказали влияние на умножение капиталов посредством вывоза из России значительного количества сырых произведений*[**]*.*

Вексельный курс стал постепенно улучшаться, как видно из стоимости ассигнационного рубля, который в 1811 году стоил 22 коп., а в 1812 году — 38 коп.

Государственный канцлер граф Румянцев, благосклонный к Наполеону, советовал было конфисковать десятка два этих судов, чтобы прекратить допущенное нарушение прежних условий с Наполеоном. Но его настояния вызвали различные возражения, в особенности со стороны председателя департамента государственной экономии графа Н. С. Мордвинова.

Мнения графа Мордвинова[***] *в отношении к современным событиям, в особенности о тогдашних экономических невзгодах, заслуживают особенного внимания.*

«Хотя по стечению обстоятельств, — писал Н. С. Мордвинов в особом письме к Государю, — Россия и заставлена принять участие в континентальной системе, но согласие ее на это участие не могло быть иное, как только условное и имеющее в виду единственно вред Англии для усмирения владычества ее на морях. Обстоятельства наши не могли тогда быть иные, как только временные, и предел их не должен простираться далее достижения ослабления Англии. Но когда опыт доказал, что совсем противное тому сбылось и что весь вред, вместо Англиц, обратился на саму Россию, то естественно следует, что с обращением цели и сущность обязательств сама по себе уничтожается… Справедливость требует признать, что учредитель континентальной системы должен иметь весьма проницательное предусмотрение, ибо он, конечно, предвидел все, что в будущие годы совершиться должно. Он, без сомнения, наперед знал, что водворением этой системы англичанам доставлено будет преобладание всеми морями и нераздельное над тремя частями света владычество; но такая жертва ему нужна была, чтобы достичь ему самому владычества над всей Европой… В установлении системы этой он поставляет беспрестанно Англию, но только для одного наружного призрака; в тайных же мыслях его, Англия не что иное значит, как Россия»…

Мнение графа Мордвинова имело полный успех, найдя поддержку в других сторонниках нейтралитета, с которыми согласился Император. Тариф

---

[*] *Корф. «Жизнь графа Сперанского». Т. I, 232.*

[**] *И. С. Блиох. «Финансы России XIX столетия».*

[***] *В. С. Иконников. «Граф Н. С. Мордвинов», 109.*

1810 года по внешней торговле составил новую эру в движении русской промышленности, и с этого, собственно, времени должно полагать начало у нас мануфактур и фабрик[*].

Поощрение к устройству частных фабрик с целью уменьшения ввоза иностранных товаров нашло в лице Н. С. Мордвинова неутомимого ходатая. План Мордвинова состоял в том, чтобы правительство составило капитал для пособия частным лицам, желающим содействовать распространению разных рукоделий в России, и особый капитал для устройства фабрик, чтобы устранить зависимость русских предпринимателей от иностранных промышленников.

21 января 1811 года издан был манифест «О внешней нейтральной торговле на 1812 год»[**]. По этому манифесту, «по соображениям внутренней промышленности, на некоторые части к привозу прежде дозволенные» пошлина была возвышена.

20 ноября 1819 года издан был «Общий тариф для всех портовых и сухопутных таможен Российской империи и Царства Польского по европейской торговле»[***], а 14 декабря последовало издание «Таможенного устава по европейской торговле»[****]. Вступление в действие нового тарифа должно было начаться с 1 января 1820 года, причем пошлины уменьшены были для заграничных изделий всякого рода. Нечего и говорить, что этот новый, благоприятный для иностранных продуктов тариф отозвался на первых же порах весьма плачевным образом на отечественных фабриках; многие отрасли фабричного производства, не будучи в состоянии выдержать конкуренции с иностранными изделиями, вынуждены были или сократиться, или совсем прекратиться. Совершенно справедливо Е. Ф. Канкрин выразился по поводу этого тарифа, что он «убил» отечественное фабричное дело[*****]. К счастью, созданное тарифом покровительство для иностранных продуктов длилось недолго. Убийственное влияние тарифа не могло не проявиться на первых же порах, и с 1822 года в нем произведены были различные перемены, клонившиеся к поправлению учиненного зла. Но тем не менее тарифом нанесены были громадные потери фабричному производству, от которых оно поправилось не скоро[******].

---

[*] *Корф. «Жизнь графа Сперанского». I, 233.*

[**] *Полн. собр. законов, № 24960.*

[***] *Полн. собр. законов, № 27988.*

[****] *Полн. собр. законов, № 28030.*

[*****] *В 1820 году привоз иностранных товаров увеличился почти в два раза в сравнении с 1816 годом (со 129 до 254 млн. руб.).*

[******] *В какой мере постановления нового тарифа по европейской торговле 12 марта 1822 года, стеснившие прежний свободный ввоз иностранных товаров, оказали выгодное влияние на уменьшение количества привоза, видно из данных о привозе иностранных товаров с 1821-го по 1825 год, а именно с 218 до 185 млн. руб. (Блиох. «Фин. России XIX стол.»).*

Назначенный в 1823 году министром финансов Е. Ф. Канкрин, автор известных сочинений по государственному хозяйству, свидетельствовал, что таможенный тариф 1819 года убил многие фабричные производства, едва лишь с 1822 года начавшие снова оживать. Одним из основных начал его финансовой системы было, между прочим: «усилить всеми способами внутреннюю и внешнюю торговлю, фабрики и все вообще ветви народной производительности, поскольку сие последнее зависит от министерства финансов, ибо министерство финансов упустило бы самое высшее свое занятие, если бы, ограничиваясь пользованием обыкновенными плодами народной деятельности, на часть государства причитающимися, не думало об умножении самых источников общего богатства».

Затем 20 августа 1826 года последовало новое издание общего тарифа, *в котором сохранены были основания запретительного тарифа 1822 года. Одна из важнейших особенностей нового тарифа заключалась в повышении всех таможенных пошлин на 12,5% и в установлении довольно высокой пошлины на привозной сахар.*

*12 декабря 1833 года*** *издан новый общий таможенный тариф по европейской торговле. Тариф этот не только сохранил в себе без изменения основания запретительного тарифа 1822 года, но в нем еще осязательнее выразились основные начала по развитию внутренней торговли и промышленности, которыми руководствовался граф Канкрин. «Начала эти, — говорит Канкрин, — были следующие: постоянство системы таможенной защиты, усиление капитала познаний и технического искусства, облегчение приезда полезных иностранцев, меры, могущие сделать общее впечатление на класс промышленников, как то: наружные отличия наиболее выказавшихся, учреждение ближайшей связи по фабричному делу вообще, приближение нашего купечества к европейскому направлению и другие распоряжения».*

В официальном обзоре финансов за 1837 год граф Канкрин резюмирует свой взгляд на значение теории в государственном хозяйстве: «Нельзя даже и предполагать, чтобы благоразумное управление могло иметь в виду следовать всегда какой-либо непременной системе, ибо истинное искусство управления по делам финансов, которые, по нынешним понятиям, объемлют все материальные интересы народов, не состоит в том, чтобы упорно держаться какого-либо доктринерного направления, а в том, чтобы правила теории, подкрепленные опытами, прилагать ко всем делам по мере обстоятельств, времени и сообразно народности каждой земли». Прим. К. В. Тр–ва.

[72]Если эти реформы, приведенные в исполнение, не вполне достигли своей цели, в особенности относительно интересов дворянства, так это по-

---

*Втор. полн. собр. законов, № 536.

**Втор. полн. собр. законов, № 6624.

тому, что независимо от закрытия кредита под поземельную собственность и стеснений сельского винокурения, одновременно с освобождением крестьян от крепостной зависимости допущена была пропаганда односторонних и ложных экономических доктрин космополитической политической экономии в школах, в литературе и на улице посредством газет, не исключая и лекций, читаемых нашими профессорами и академиками в университетах. Пропаганда фритредерства и введение таможенного тарифа, продиктованного идеями свободы торговли, привели к окончательному расстройству русские финансы, а промышленность, торговля и сельское хозяйство России вынесли последовательно несколько самых тяжких искусственных кризисов. Нынешний министр финансов И. А. Вышнеградский, подобно графу Канкрину, круто повернул экономическую политику России в сторону действительной протекционной системы, которая находит себе научное освещение в национальной системе политической экономии Фр. Листа. Прим. К. В. Тр–ва.

[73]*Statistical Table ot Massachussett for the year ending 1 April 1837, by J. P. Bigelon, secretary ot the Commonwealth. Boston 1838. Кроме штата Массачузета, ни один другой из американских штатов не владеет подобными статистическими обзорами. Приведенными здесь данными обязаны мы губернатору Эверетту, известному столько же как ученому и литератору, как и государственному человеку.*

[74]*Американские газеты на июль 1839 года сообщали, что в фабричном местечке Левель насчитывается до ста работниц, которые имеют в сберегательных кассах по тысяче долларов сбережений.*

[75]*Очевидно, Лист предчувствовал, что Англия находилась накануне финансовых и экономических реформ. Прим. К. В. Тр–ва.*

[76]*Известный американский экономист Г. К. Кэре в своих «Политико-экономических письмах к президенту американских Соединенных Штатов» (перевод с английского, изд. 1869 года) выводит следующий закон на основании данных об их торговой политике за пятидесятилетний период: «Под владычеством системы, имеющей целью сблизить потребителя с производителем, страна преуспевает в силе, богатстве и могуществе, тогда как под господством противоположной системы, известной под названием свободы торговли, потребитель разделяется с производителем, все приходит в упадок, и страна делается ежедневно беднее, слабее и зависимее».*

Настоящий труд Фр. Листа напечатан был в 1844 году, а упомянутые письма Кэре написаны были через тринадцать-четырнадцать лет после того, т. е. в 1857-м и 1858 году. Вот что пишет он в них, между прочим, относительно влияния экономической политики на положение Северо-Американских Соединенных Штатов: «Свобода торговли нашла страну в 1816 году на высшей степени благоденствия и оставила ее разоренною. В 1824 году произошла частная перемена, за которой последовала в 1828 году более обширная

перемена: изменив свою торговую политику, правительство перешло от свободной торговли к покровительственной системе. И тут последствия не долго заставили себя ждать и обнаружились возобновлением мануфактур, спросом на произведения земли, привозом звонкой монеты, увеличением государственных доходов столь значительным, что пришлось избавить чай, кофе и многие другие товары от всякой пошлины, окончательным погашением государственного долга и чувством силы и могущества, разлившимся по всей стране и далеко превышающим то, которое последовало за восстановлением мира в 1815 году. Но в 1834 году таможенная система центрального правительства опять переменилась, уже в 1833 году решено было о постепенном переходе от охранительного к чисто фискальному тарифу, последняя степень которого была достигнута в 1842 году. Снова начали учреждаться многочисленные банки, опять страна обременилась большими иностранными долгами, и в этот раз явились те же последствия: несостоятельность банков, разорение торговцев, стесненное положение фермеров и плантаторов, вывоз звонкой монеты, отказ штатов платить свои долги, наконец, банкротство государственного казначейства, которое принуждено было выпустить неразменные бумажные деньги как единственное средство, которым можно было поддержать действие правительственной машины. В 1842 году новая перемена в системе центрального правительства: фискальный тариф 1841-го и 1842 года опять был заменен высоким покровительственным. И вот опять новые банки почти совсем перестали учреждаться, иностранные долги были уплачены, прежние банки возобновили платежи, торговля опять пришла в цветущее положение, звонкая монета привозилась в изобилии, штаты получили снова возможность собирать налоги и смыть с себя пятно несостоятельности, государственные доходы быстро увеличивались, между тем как мирная политика страны дозволяла уменьшать суммы, требуемые от казначейства. Спокойное и тихое благосостояние было характеристической чертой этого периода. Не было никакого стремления к спекуляциям, а следовательно, к увеличению числа кредитных учреждений, занимающихся денежными операциями. Ни в один период истории этой страны не было такого доверия к будущности, как в году, предшествовавшем принятию фискального закона, вышедшего в августе 1846 года, — закона, в котором система центрального правительства была снова изменена и положения тарифа определены единственно по отношению к таможенному доходу. С тех пор прошли одиннадцать лет, которые ознаменовались непостоянством и непрочностью всех коммерческих дел, какие мы находим только в период секвестра, прекращения морских сообщений и войны. Снова были учреждены бесчисленные банки, цены то понижались, то повышались в такой мере, в какой прежде почти и не видывали. Опять повторяются те же факты: фабриканты и купцы разоряются, число людей, остающихся без работы, достигает до неслыханной цифры, цены наших главнейших товаров быстро падают, ко-

рабли наши остаются без дела, банки снова принуждены прекратить платежи, государственные доходы падают, а правительство, несмотря на получение нескольких сот миллионов калифорнийского золота, принуждено опять прибегнуть к бумажным деньгам». Прим. К. В. Тр–ва.

[77]*Т. е. классической политической экономией. Прим. К. В. Тр–ва.*

[78]*Христианская религия требует вечного мира. Но пока не исполнилось пророчество: «и будет едино стадо и един пастырь», принцип квакеров, верный абсолютно, трудно провести в жизнь. Нет лучшего доказательства божественности христианского учения, как то, что это учение и его пророчества находятся в полном согласии с успехами материального и морального преуспеяния человеческого общества.*

[79]*Все эти расходы, по мнению господствующей экономической школы, считаются непроизводительными, потому что они не создают непосредственно ценностей, а наоборот, их уничтожают. Прим. К. В. Тр–ва.*

[80]*Сэй в своей «Economie politique pratique» (Vol. III. p. 242) говорит: «les lois ne peuvent pas créer des richesses» («законы не могут создавать богатств»). Конечно, этого они не могут, но они создают производительную силу, которая важнее богатства, т. е. обладание меновыми ценностями.*

[81]*Из массы тех мест, где Сэй выражает этот вывод, приводим лишь новейшее из его 6-й книги «Economie politique pratique», стр. 307: «Le talent d'un avocat, d'un médecin, qui a ètè acquis an prix de quelques sacrifics et qui produit un revenu, est une valeur capitale, non transmissible, à la vérité, mais qui réside néanmoins dans un corps visible, celui de la personne qui le possède».*

[82]*Т. е. школы классической политической экономии в период ее образования. Прим. К. В. Тр–ва.*

[83]*Машинные заводы служат разительным доказательством этого соображения. Машинное производство ни в каком случае не может достигнуть высокой степени совершенства там, где одна фабрика вынуждена бывает для поддержания своего существования изготовлять всевозможные машины и орудия. Для наивозможного усовершенствования и удешевления производства необходим в стране настолько значительный спрос, чтобы каждый машинный завод мог посвятить себя или исключительно одной какой-либо отрасли, или только немногим из них, например, чтобы он вырабатывал машины только для хлопчатобумажного производства или для льняной пряжи, или паровые машины и т. д., ибо только в таком случае машиностроитель в состоянии обзавестись инструментами высокого качества, применять каждое новое улучшение, подготовить себе за умеренное жалованье опытнейших рабочих и наилучших техников. В недостатке этого-то именно разделения труда и заключается причина того, что немецкие машинные заводы до сих пор еще в своем развитии не достигли совершенства, которым отличаются английские заводы. А почему это разделение труда до сих пор еще не применяется в Германии, зависит главным образом от того, что различные роды*

прядильных мануфактур, заявляющие наибольший спрос на машины, не достигли еще цветущего состояния. Посредством же ввоза иностранной пряжи никогда не поддержать этой важнейшей отрасли фабричного производства, так сказать, фабрик, создающих фабрики.

Не менее важно разделение труда и для всякого другого вида фабрик. Так, например, прядильни, ткацкие, красильные фабрики могут тогда только довести свою работу до полного совершенства и достигнуть дешевизны, когда спрос даст им возможность заняться исключительно выработкой одного сорта пряжи, тканей или набивного полотна.

[84]*Lectures on political Economy by Thomas Cooper, p. 1, 15, 19, 117.*

[85]*Известно, что благодаря настояниям Кобдена мануфактурные интересы Англии получили удовлетворение в 1846 году относительно расширения ввоза земледельческих продуктов; известно также, что торийское министерство 1852 года не только не противилось этим мерам, но, напротив, торжественно признало их целесообразность. Прим. К. В. Тр–ва.*

[86]*Эти привилегии были отменены в Бразилии после того, как вышло в свет настоящее сочинение Листа. Прим. К. В. Тр–ва.*

[87]*Известно, что Северо-Американские Соединенные Штаты после присоединения Техаса завладели частью Мексики, а именно Калифорнией, где эксплуатация золотых приисков подвинула устройство сообщения между двумя океанами через перешеек, а вследствие того и цивилизацию в западную сторону американского материка. Прим. К. В. Тр–ва.*

[88]*Слово «экономия» (Oekonomie) происходит от двух греческих слов oicos — «дом» и nomos — «закон», или nemo — «я управляю». Эпитет «политическая», который имеют обыкновение прилагать к науке, происходит также от слова греческого polis, «город или государство», ибо в древних республиках Греции и Рима государство, организм нации, обнимал собою лишь город, жители или граждане которого одни только пользовались политическими правами и правом прямого и непосредственного вмешательства в дела общественные. Таким образом, фраза «политическая экономия» в ее прямом и этимологическом смысле значит «закон или управление народным или государственным домостроительством или домохозяйством». Но так как это является предметами государственного права, а не экономической науки, поэтому название, которое дают этой науке, нисколько не соответствует ей, тогда как наименование ее просто «экономией», имеющей задачей исследовать законы хозяйственной жизни общества, было бы, казалось, всего разумнее, так как экономические явления осуществляются не только в сферах национальных и государственных, но и в частных сельских, городских и земских, равно и в мировых отношениях, и совершенно своеобразно, как это доказывает Фр. Лист. Прим. К. В. Тр–ва.*

[89]*По свидетельству Шардена, гебры — чистые потомки древних персов — безобразны, некрасивы и мешковаты, как все народы монгольского происхождения, в то время как высшие классы персидского общества, которые уже нес-*

колько столетий вступают в браки с грузинками и черкешенками, отличаются силой и красотой. Доктор Пригар замечает, что чистые кельты Северной Шотландии далеко уступают по изяществу тела и силы жителям Южной Шотландии, потомкам кельтов и саксов. Паллас замечает то же, говоря о потомках, происшедших от смешения русских с татарами, сравнивая их с чистым потомством обеих народностей. Азара уверяет, что дети, происходящие от браков испанцев с коренными жителями Парагвая, гораздо красивее и сильнее своей родни по восходящей линии обоих народов. Польза от скрещивания родов сказывается не только при смешении двух различных народов, но и в смешении племен одной и той же нации. Так, негры-креолы стоят гораздо выше и по уму и по красоте тела, чем чистокровные негры, приезжающие в Америку из Африки.

Если этот закон есть закон природы, то им объясняется отчасти необыкновенная быстрота развития городов в Средние века, сказавшаяся почти вслед за их основанием, а также энергия и сила американцев.

[90]*Богатство народов. Кн. IV, гл. II.*

[91]*Шиллинг = 1 франку 25 сант. = 31 ¼ коп.*

[92]*Русское землевладение показало на опыте, что ценность земельной собственности действительно увеличивается или уменьшается, смотря по тому, увеличивается или уменьшается народное благосостояние. Прим. К. В. Тр–ва.*

[93]*Ср. «Esprit des lois», кн. XX, гл. XII. Мы даем точный перевод с французского этих слов Монтескье; между тем как Фр. Лист это место, очевидно, заимствовал из перевода их на немецком языке, и далеко не точного. Прим. К. В. Тр–ва.*

[94]*Эти меры были приняты со времени появления в свет сочинения Фр. Листа о национальной системе политической экономии. Прим. К. В. Тр–ва.*

[95]*В данном случае Фр. Лист говорит о времени управления русскими финансами графа Канкрина — о том времени, которое даже и наши фритредеры, последователи учений Адама Смита, называют «золотым веком русских финансов». Прим. К. В. Тр–ва.*

[96]*«Смотрят на мой воротник, а не на желудок».*

Граф С. Ю. Витте

По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист

[1]После первого издания настоящей брошюры оно было переведено под редакцией К. В. Трубникова и издано в 1891 году.

Д. И. Менделеев

Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года

[1]Но это отрицают лица, решающиеся у нас очень часто от имени науки говорить только о глубоком вреде, везде и всегда, будто бы причинявшемся протекционизмом. Не то чтобы я не хотел называть лиц, но не называю их просто по той причине, что мне стыдно за них, а особенно за ложную ссылку на науки, которые они эксплуатируют ради только красного словца. Но чтобы не остаться голословным, я цитирую для примера одну статью, подписанную полной русской фамилией в журнале, который мне, однако, совестно называть полным именем, равно как и подпись автора. Скажу загадкой. В названии журнала 14 букв, в фамилии автора 10 букв, год 1876, статья трактует о свободной торговле и протекционизме.

[2]Янжул. «Английская свободная торговля», II (1882), стр. 5.

[3]Увеличение вывоза в начале 70-х годов определяется прежде всего устройством железных дорог.

[4]Чтобы дать понятие об общем ходе английских торговых оборотов, привожу из вышеуказанного источника крупные цифры, присовокупляя к ним баланс. Все цифры даны в миллионах фунтов стерлингов:

Года	Весь вывоз	Весь ввоз	Баланс	Сумма оборотов
1880	286	411	–135	697
1881	297	397	–100	694
1882	307	413	–106	720
1883	305	427	–122	732
1884	296	390	–94	686
1885	271	371	–100	642
1886	269	350	–81	619
1887	281	362	–81	643
1888	298	388	–90	686
1889	313	427	–114	740

Если бы предположить, что средним числом от 10 до 20% стоимости товаров приходится за их перевозку и что перевозка вся идет на английских кораблях (что недалеко от правды, как увидим впоследствии — говоря о кораблях), то оказалось бы, что баланс Англии близок к нулю. Так важна ценность перевозки.

[5]Пищущим против денег, оставаясь последовательными, следовало бы писать и против всякой мены, всякого счета и расчета, против единиц меры, веса, теплоты, силы и т. п. Зачем считать? Ведь можно прожить и без счета. Цена, деньги — суть своего рода единицы для выражения меновых отношений. На мой взгляд, восстающие против денег только перефразируют: «веревка — вервие пустое». Да и существо их вожделений, очевидно, относится не к самой идее денег, а только к их распределению. Вопрос этот, правда, очень сложен, труднорешим, но понемногу, мирно и разумно он идет к решению, и множество путей — помимо простого уничтожения денег — ведет к желаемой цели, уже намеченной человечеством. Отношения между капиталом, землей, посредниками и трудом уже составляют предмет общих дум. Их объективного изложения и обобщения, к сожалению, еще нигде не видно. Ретроградам хотелось бы похоронить все это, радикалам — разрубить классически, как гордиев узел, но ни та ни другая крайность истории и действительности не отвечают, а потому здесь ряд недоразумений нарастал бы, а не разъяснялся, если бы понемногу не шли вперед. Победа, во всем мире видимая, разумного протекционизма над принципиальным фритредерством принадлежит, по моему мнению, к фазисам, показывающим, что человечество начинает распутывать, а не рубить сложные запутки, или гордиевы узлы, своего недавнего прошлого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Валерий Фадеев. Теория хозяйственного суверенитета 3
Константин Трубников. Биография Фридриха Листа 7
Георгий Гловели. Лист, Витте и «национальная экономия» в России 11

Фридрих Лист. Национальная система политической экономии
Введение 23
КНИГА ПЕРВАЯ. **История**
Глава I. Итальянцы 40
Глава II. Ганзейцы 45
Глава III. Нидерландцы 54
Глава IV. Англичане 60
Глава V. Испанцы и португальцы 74
Глава VI. Французы 81
Глава VII. Немцы 85
Глава VIII. Русские 95
Глава IX. Североамериканцы 98
Глава X. Уроки истории 107
КНИГА ВТОРАЯ. **Теория**
Глава XI. Политическая и космополитическая экономия 114
Глава XII. Теория производительных сил и теория ценностей 123
Глава XIII. Национальное разделение труда и ассоциация производительных сил страны 134
Глава XIV. Частная экономия и политическая экономия 144
Глава XV. Национальность и экономия наций 151
Глава XVI. Народная и государственная экономия, политическая и национальная экономия 166
Глава XVII. Фабрично-заводская промышленность и личные, социальные и политические национальные производительные силы 167
Глава XVIII. Фабрично-заводская промышленность и естественные производительные силы нации 176
Глава XIX. Фабрично-заводская промышленность и инструментальные силы и материальные капиталы страны 186
Глава XX. Фабрично-заводская промышленность и земледельческие интересы 193
Глава XXI. Фабрично-заводская промышленность и торговля 210
Глава XXII. Фабрично заводская промышленность, торговое мореходство, морские силы и колонизация 217
Глава XXIII. Фабрично-заводская промышленность и орудия денежного обращения 219
Глава XXIV. Фабрично-заводская промышленность и принцип самосохранения и прогресса 235

Глава XXV. Мануфактурная промышленность и средства, возбуждающие производство и потребление 241
Глава XXVI. Таможни как главные средства для насаждения и упрочения внутренней фабрично-заводской промышленности 244
Глава XXVII. Таможни и господствующая экономическая школа 249

Граф С. Ю. Витте. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист
Предисловие 259
По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист 260
I 263
II 266
III 274
IV 286

Д. И. Менделеев. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года
Введение 307
Глава I. Виды международной торгово-промышленной политики 318
Глава II. Таможенные тарифы России 350

Примечания
Фридрих Лист 364
Граф С. Ю. Витте 379
Д. И. Менделеев 379

Фридрих Лист
Национальная система политической экономии
Граф С. Ю. Витте
«По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист
Д. И. Менделеев
Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года

Составление и предисловие *В. А. Фадеева*

Редактор *А. Механик*
Корректоры *О. Винцковская, О. Кандидатова*
Художник *Г. Бозов*
Выпускающие редакторы *А. Аракелян, Т. Рапопорт*
Верстка *А. Ильичева, Н. Стародубова*

Подписано в печать 21.04.2005. Формат 60X90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 1000 экз.

Издательство «Европа»,
119180 г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67,
при содействии ЗАО «Журнал Эксперт»

Отпечатано с оригинал-макета
типографии «Баккара-принт»